ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ФИЛОЛОГИЯ

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF PHILOLOGY

Научный журнал

2018 № 55

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-29496 от 27 сентября 2007 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия

Индексируется в БД Scopus и Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index

Учредитель - Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет»

Редакционная коллегия журнала «Вестник Томского государственного университета. Филология»

Т.А. Демешкина (Томск, Россия) – главный редактор

И.А. Айзикова (Томск, Россия) зам. главного редактора

Ю.М. Ершов (Томск, Россия) – зам. главного редактора

Д.А. Катунин (Томск, Россия) – отв. секретарь

П.П. Каминский (Томск, Россия) – зам. отв. секретаря

К.В. Анисимов (Красноярск, Россия) **Е.В. Иванцова** (Томск, Россия)

В.С. Киселев (Томск, Россия)

Т.Л. Рыбальченко (Томск, Россия)

В.А. Суханов (Томск, Россия)

Editorial Board of the Tomsk State University Journal of Philology

T.A. Demeshkina (Tomsk, Russia) -

Editor-in-Chief

I.A. Aizikova (Tomsk, Russia) -

Deputy Editor-in-Chief

Yu.M. Yershov (Tomsk, Russia) -

Deputy Editor-in-Chief

D.A. Katunin (Tomsk, Russia) -

Executive Editor

P.P. Kaminskiy (Tomsk, Russia) -

Deputy Executive Editor

K.V. Anisimov (Krasnoyarsk, Russia)

Ye.V. Ivantsova (Tomsk, Russia)

V.S. Kiselev (Tomsk, Russia)

T.L. Rybalchenko (Tomsk, Russia)

V.A. Sukhanov (Tomsk, Russia)

Редакционный совет журнала «Вестник Томского государственного университета. Филология»

Дж.Ф. Бейлин (Стоуни-Брук, США)

Е.Л. Березович (Екатеринбург, Россия)

Е.Л. Вартанова (Москва, Россия)

Н.Д. Голев (Кемерово, Россия)

Е.А. Добренко (Шеффилд, Великобритания)

М.Н. Липовецкий (Боулдер, США)

3.И. Резанова (Томск, Россия)

И.В. Силантьев (Новосибирск, Россия)

А.Н. Соболев (Санкт-Петербург, Россия)

С.Л. Фрэнкс (Блумингтон, США)

Т.В. Шмелева (Великий Новгород, Россия)

Editorial Council of the Tomsk State University Journal of Philology

J.F. Bailyn (Stony Brook, US)

E.L. Berezovich (Yekaterinburg, Russia)

Ye.L. Vartanova (Moscow, Russia)

N.D. Golev (Kemerovo, Russia)

E.A. Dobrenko (Sheffield, UK)

M.N. Lipovetsky (Boulder, US)

Z.I. Rezanova (Tomsk, Russia)

I.V. Silantev (Novosibirsk, Russia)

A.N. Sobolev (Saint Petersburg, Russia)

S.L. Franks (Bloomington, US)

T.V. Shmeleva (Veliky Novgorod, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИКА

Богоявленская Ю.В. Парцелляция как когнитивно-семиотический феномен	. 5
Волошина С.В., Толстова М.А. Репрезентация концепта «Богатство» в диалектном	
дискурсе: константы и трансформации	17
Гриценко Л.М., Демидова Т.А. Коммуникативная стратегия дискредитации	
в интернет-коммуникации (на примере троллинга)	29
Леонтьева Т.В. Диалектные выражения с глаголом <i>остаться</i> как обозначения упадка в русской деревне: семантика и компонентный состав	. 43
Макеева Е.Н. Диахронические особенности формирования смыслового поля	
лингвокультурного концепта American Individualism (на материале	
историко-публицистической литературы XIX–XXI вв.)	55
Нагорная А.В. Грани и границы метафорической креативности: метафоры безумия	
в произведениях С. Кинга	72
Осокина С.А. «Свое» и «чужое» в детской речи	
Пожидаева Е.В., Карамалак О.А. Хэштеги в социальных сетях: интенции	
и аффордансы (на примере группы сообщений на английском языке по теме «Food»	
(Пища / еда))	106
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ	
Анисимов К.В. Историко-поэтические аспекты балладного диалога (на примере	
«Баллады о догматике» Б. Слуцкого)	119
Григоровская А.В. Рецепция ренессансной концепции человека в художественном	
творчестве Айн Рэнд	142
Дмитриева М.И. Между традицией и новациями: образ Флоренции в городской	
литературе Треченто	164
Жданов С.С. Образ немецкого музыканта в новеллах В.Ф. Одоевского	. 177
Кибальник С.А. К разгадке одной писательской диффамации:	
Почему Н.Н. Страхов оклеветал Ф.М. Достоевского?	191
Кихней Л.Г., Темиршина О.Р. «Все мы бражники здесь» Ресторанный текст	
в поэзии Серебряного века	212
Стрельникова А.Б., Сысоева А.В. «Ее Высочество» Г. Банга и «Королева Ортруда»	
Ф. Сологуба: перевод как художественный материал	228
РЕЦЕНЗИИ, КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ	
Кузоро К.А. Православная культура в славянском мире: опыт междисциплинарного	
исследования. Рецензия на книги: «Православие в славянском мире: история,	
культура, язык»; «Православная культура вчера и сегодня»	238
Матханова И.П. Предикативные категории в функциональном аспекте: потенциал	
и реализация. Рецензия на книгу: «Проблемы функциональной грамматики.	
Предикативные категории в высказывании и целостном тексте»	246
Оглезнева Е.А. Рецензия на книгу: «Ностальгия по советскому»	260
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	270

CONTENTS

LINGUISTICS

Bogoyavlenskaya Yu.V. Parcelling as a cognitive and semiotic phenomenon	5
Voloshina S.V., Tolstova M.A. Representation of the concept "Wealth" in the dialect	
discourse: constants and transformations	17
Gritsenko L.M., Demidova T.A. The discrediting speech strategy in Internet	
communication (on the example of the use of trolling)	29
Leontyeva T.V. Dialectal expressions with the verb <i>ostat'sya</i> 'to stay' as markers	
of decline in the Russian village: semantics and the component structure	43
Makeeva E.N. The diachronic features of the formation of the semantic field	
of the linguocultural concept "American Individualism" (using historical and journalistic	
literature of the 19th–21st centuries)	55
Nagornaya A.V. Facets and limits of metaphorical creativity: madness metaphors	
in Stephen King's prose	72
Osokina S.A. Children's speech development in the aspect "self-and-otherness"	88
Pozhidaeva E.V., Karamalak O.A. Hashtags in social networks: intentions	
and affordances (exemplified in the English language by message groups	
on the topic "Food")	106
A AMERICA CONTINUES	
LITERATURE STUDIES	
Anisimov K.V. Historico-poetic aspects of a ballad dialogue (A case study	
of Boris Slutsky's "Ballad on a Dogmatist")	119
Grigorovskaya A.V. The reception of the Renaissance conception of man	
in Ayn Rand's literary works	142
Dmitrieva M.I. Between tradition and innovation: the image of Florence	
in the urban literature of the Trecento	164
Zhdanov S.S. The image of a German musician in stories by Vladimir Odoyevsky	177
Kibalnik S.A. Solving the riddle of a writer's defamation:	
Why did Nikolay Strakhov slander Fyodor Dostoevsky?	191
Kikhney L.G., Temirshina O.R. "Vse my brazhniki zdes'". The restaurant text .in the	
Silver Age poetry	212
Strelnikova A.B., Sysoeva A.V. Herman Bang's "Her Highness" and Fyodor Sologub's	
Queen Ortruda: target text as a source for creative writing	228
DEVIEWS CONTINUES BIRLIAGO ABUNA	
REVIEWS, CRITIQUES, BIBLIOGRAPHY	
Orthodox culture in the Slavic world: An experience of an interdisciplinary research.	
Book Review: Potekhina, E. & Kravetskiy, A. (eds) (2014) Pravoslavie v slavyanskom mire:	
istoriya, kul'tura, yazyk [Orthodoxy in the Slavic World: History, Culture, Language]	
Olsztyn: Centrum Badań Europy Wschodniej Uniwersytetu Warmińsko-mazurskiego	238
w olsztynie; Potekhina, E. & Kravetskiy, A. (eds) (2015) Pravoslavnaya kul'tura vchera	
i segodnya [Orthodox Culture Yesterday and Today] Olsztyn: Centrum Badań Europy	
Wschodniej Uniwersytetu Warmińsko-mazurskiego w olsztynie	
Predicative categories in the functional aspect: potential and verbalization. Book Review:	
Bondarko, A.V. & Kazakovskaya, V.V. (eds) (2017) Problemy funktsional 'noy grammatiki.	
Predikativnye kategorii v vyskazyvanii i tselostnom tekste [Problems of functional grammar.	246
Predicative categories in utterances and integral texts]. Moscow: Izdatel'skiy Dom YaSK	246
Book Review: Rezanova, Z.I. (ed.) (2011) Nostal'giya po sovetskomu [Nostalgia	1.00
for the Soviet]. Tomsk: Tomsk State University	160
INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	270

ЛИНГВИСТИКА

УДК 81'367

DOI: 10.17223/19986645/55/1

Ю.В. Богоявленская

ПАРЦЕЛЛЯЦИЯ КАК КОГНИТИВНО-СЕМИОТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

Парцелляция рассматривается с позиций когнитивно-семиотического подхода. Парцелляция трактуется как специальная визуально-графическая операция, расчленяющая единую структуру предложения на конституенты. В метаязык исследования вводятся понятия «парцеллема» и «парцеллографема». Определяется, что назначение парцелляции заключается в управлении распределением внимания адресата посредством смещения аттенциального фокуса на парцеллят. Выводится инвариантная модель парцеллемы.

Ключевые слова: парцелляция, когнитивная лингвистика, лингвосемиотика, фокусирование, фокус внимания.

Современной лингвистикой накоплен значительный объем знаний о парцелляции, но ее рассмотрение и интерпретация осуществляются пре-имущественно через призму традиционной лингвистики. Систематизация научного опыта позволяет выделить основные подходы к ее исследованию: синтаксический (Ю.В. Ванников [1], А.А. Добрычева [2], В. Combettes [3], А. Gautier [4]), риторико-стилистический (А.П. Сковородников [5], Г.А. Копнина [6], М. Noailly [7]), прагматический (Л.С. Суровенкова [8], А.З. Хаймурзина [9]). Фрагментарно описаны особенности и дискурсивные функции парцелляции (Н.Н. Гурьева [10], А. Киуитсиуап [11]), ее восприятие (Р.О. Зелепукин [12]), когнитивные особенности (А. Sanford [13]) и диахроническая динамика (Е.В. Литвиненко [14]). Несмотря на устойчивый интерес, который удерживается в отечественной и зарубежной лингвистике более 70 лет, многие вопросы, связанные с сущностью парцелляции, ее природой, механизмами построения и функционирования, еще не получили должного освещения.

Представляется, что решение данных вопросов возможно при рассмотрении парцелляции в когнитивно-семиотическом ракурсе, относящемся к актуальным направлениям когнитивно-дискурсивной парадигмы. Заявленный подход позволяет изучить этот феномен с опорой на данные экспериментальной и когнитивной психологии. Эксперименты, проведенные в лаборатории А. Сенфорда (Университет Глазго), позволили ученым определить парцелляцию как одно из средств «захвата внимания», обеспечивающее управление вниманием читателя и его лучшее запоминание [13. С. 109].

Настоящее исследование выполнено на материале русско-французского объектно-ориентированного корпуса¹ газетных статей, построенного и индексированного при помощи компьютерной программы Linguistica (Свидетельство о государственной регистрации № 2014660349 в Роспатенте от 06.10.2014).

Привлекая данные двух языков, мы не ставим перед собой задачу их сопоставления, т.е. выявления сходств, различий и специфических черт парцелляции, свойственных этим языкам. Приводимые примеры призваны проиллюстрировать особенности парцелляции, присущие, как показало наше исследование, как русскому, так и французскому языкам.

В научных работах по проблеме парцелляции для обозначения расчлененных на части предложений используются конкурирующие термины «парцеллированные высказывания (предложения)», «парцеллированные структуры», «парцелляции» или «парцеллированные конструкции», каждый из которых акцентирует внимание на структурном или структурносемантическом аспекте явления. Исследуя парцелляцию с позиций когнитивно-семиотического подхода, мы не можем не признать, что данные термины не имеют достаточной объяснительной силы и не отражают тех специфических смыслов, которые проявляются при рассмотрении парцелляции с когнитивно-семиотической позиции. В связи с этим в рамках настоящей статьи в качестве рабочего используется термин «парцеллема».

Под **парцеллемой** понимаем сентенциональный знак, денотатом которого выступает сущность неязыковой онтологии — фрагмент реальной или вымышленной действительности (ситуации, положения дел). Предлагаемый термин имеет два значения. Во-первых, это эмическая единица, отнесенная к уровню абстрактных сущностей, реально не существующих, но выводимых на основе выявления общих черт их вариантов. Другими словами, парцеллема в первом значении есть идеализированный объект, соответствующий классу однородных реальных объектов — конструкций с парцелляцией. Во втором значении парцеллема есть проявление этой абстрактной единицы, ее материальное воплощение в дискурсе.

В этом воплощении парцеллема содержит в своем составе особый элемент, который и делает ее парцеллемой, — парцеллографему, под которой мы понимаем финальную синграфему, используемую для операции парцелляции. Инвентарь парцеллографем включает четыре знака: точку, восклицательный и вопросительный знаки, многоточие. Введение термина парцеллографема оправдано, на наш взгляд, как с точки зрения упорядочения лингвистической терминологии, используемой в работе, так и в связи с необходимостью функционального разграничения финальных синграфем, выступающих в своей первичной функции, и парцеллографем как операторов парцелляции.

¹ Под объектно-ориентированным корпусом понимаем корпус текстов, предназначенный для изучения конкретного лингвистического феномена. Более подробно о характеристиках корпуса см. в работе [15].

Как было установлено, парцеллографема является знаком, значение которого в языке можно сформулировать как наиболее важное, новое в текущем выражении. Это — стабильная часть семантики данного знака. Попадая в «когнитивный котел» — дискурс, где и происходит смыслообразование, лингвосемиозис, парцеллографема приобретает конкретные дискурсивные смыслы (переменная часть семантики знака), связанные с актуализацией ее языкового значения и дискурсивной интерпретацией. Дискурсивные смыслы — бесконечное множество интерпретаций, которые невозможно каталогизировать, в каждом конкретном случае выявление и содержание этих смыслов будет зависеть от интерпретатора, его фоновых знаний, опыта, компетенции и т.д.

Таким образом, мы трактуем парцеплему как сложный гибридный знак, план выражения которого сплетен из элементов вербальной (словесной) и невербальной семиотической систем (парцеплографемы), взаимодействующих и взаимодополняющих друг друга в вербальной коммуникации. Это переплетение двух семиотических систем, смешение свойств их знаков позволяет адресанту передавать сообщение в компактной форме, а адресату — распознавать ишрокий диапазон контекстуально обусловленных смыслов.

Материально-графическое воплощение парцеллема получает благодаря парцелляции — специальной визуально-графической операции, расчленяющей единую структуру предложения на конституенты. Результатом парцелляции является трехчастная структура, включающая основу парцеллемы, парцеллографему, создающую визуальный разрыв между основой и третьим конституентом — парцеллятом, начинающимся с заглавной буквы. Финальная синграфема в роли парцеллографемы и заглавная буква являются устойчивыми маркерами предложения и в данной конфигурации становятся экзогенным фактором (внешним стимулом), управляющим распределением внимания адресата посредством смещения фокуса на парцеллят.

Анализ собранного материала позволил выявить инвариантную модель изучаемого построения. Под *моделью парцеллемы* мы понимаем отвлеченный схематический образ, то, в чем заключается ее тождество с другими парцеллемами, оставшееся после вычета из нее всех ее переменных или индивидуальных элементов.

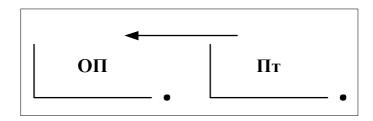
Разновидности модели имеют свои отличительные особенности, но всегда вписываются в общую инвариантную модель: основа + парцеллят (парцелляты в двухпарцеллятных и полипарцеллятных конструкциях).

Приведем примеры «материального воплощения» этой модели:

- Et puis il y a eu une espèce de défilé de gens, d'officiels qui venaient me féliciter. *En plein match!* (Humanité, 17.09.2002).
- A l'hôpital, hier soir, Bastien, Olivier, Martin et Sylvain ont goûté à leur premier repas chaud depuis lundi. *Un potage aux légumes dans une chambre sans courant d'air glacial.* (Le Figaro, 07.01.2003).

¹ О дискурсе как о «когнитивном котле» см. в статье [16. С. 77].

- Les cimetières sont pleins d'anonymes géniaux, clochards, dessinateurs ou travestis. *Sauf que Marcel Bascoulard était tout cela à la fois*. (Le Monde, 04.12.2014).
- Вместе с Вульфом в бой за свободу ринулись его коллеги из СПС Александр Баранников и Владимир Семенов. *Втроем*. (Московский комсомолец, 09.05.2002).
- Примеры можно перечислять сотнями. Даже тысячами. (АиФ, 01.04.2014).

Как показало исследование, *постоянным свойством основы парцеллемы* является наличие по крайней мере одного грамматического предиката, как правило, распространенного. В отличие от основы *парцеллят* может представлять собой актант (за исключением актанта — одиночного грамматического подлежащего), сирконстант, атрибут или так же, как и основа, содержит предикативную основу.

В ходе вторичного семиозиса некоторые значения, закладываемые автором, в соответствии с его интенцией в результате компрессии «сворачиваются» и кодируются в парцеллографеме, расшифровка которой происходит с большей или меньшей успешностью при восприятии текста адресатом. Декодирование парцеллографемы восстанавливает прогнозируемые, объективно порождаемые на основе трансформации словесные конституенты.

Рассмотрим следующий пример, взятый из статьи, в которой автор рассуждает о празднике 1 Мая – о том, как его праздновали раньше и сейчас. Красной нитью в статье проходит критическое отношение автора к традиции проведения Первомая за городом, на приусадебных участках, в заботах о будущем урожае:

• Я хочу, чтобы нам наконец-то дали «обрасти жирком». *Чтобы по-купать все эти дела по вменяемым ценам.* Чтобы Первомай стал реальным праздником, а не днём битвы за урожай (АиФ, 30.04.2014).

¹ Возможны случаи парцелляции однородных подлежащих.

Графическая операция расчленения на основу парцеллемы и парцелляты посредством парцеллографемы кодирует смыслы, расшифровка которых становится возможной постольку, поскольку такое кодирование произведено автором намеренно, с учетом смыслокомпрессионного потенциала парцелляции. Смысловая доминанта этого фрагмента – индивидуальноавторское представление праздника, возрастающее негодование и гнев по поводу сложившейся в «голодные годы» традиции, которая, несмотря ни на что, существует и поныне. Парцеллографемы – знак, нацеленный на активацию этого смысла при интерпретации. Повтор союза «чтобы» и параллелизм придаточных предложений выполняют интегрирующую функцию и повышают экспрессивность всей конструкции. Автор создает яркий контраст между «реальным праздником» - нерабочим днем, о котором мечтает автор, днем отдыха, когда стол можно накрыть, купив необходимые продукты по «вменяемым ценам», и Первомем, каким он его видит в действительности, - днем вынужденной «битвы за урожай». Элиминашия вербальных знаков, смысл которых можно, например, сформулировать следующим образом: «Обратите внимание! Я возмущен сложившейся ситуацией» (план содержания), сопровождается инкорпорированием невербального знака - парцеллографемы - средства, позволяющего заострить внимание на выделенной в парцелляте информации. Инферированный выше смысл представляет собой смысл, приращенный к кодифицированному «наиболее важное, новое в текущем выражении». Мы согласимся с мнением М.В. Никитина о том, что имплицитные приращения смысла могут значительно превосходить эксплицитные в суммарном объёме информации, извлекаемой из языковых выражений: «...имплицитные смыслы не только дополняют и осложняют эксплицитные значения, но могут вступать в конфликт с ними, модифицируя суммарное содержание высказываний» [17. С. 10]. Выведенная инференция может быть дополнена другими, основанными на жизненном опыте интерпретатора.

Применение парцеллятного кода, таким образом, ведет к расширению объема передаваемой информации при условии адекватного его распознавания и интерпретации. Наблюдаемое нарушение корреляции планов выражения и содержания в яркой форме демонстрирует гибкость данной единицы, ее экспрессивный и лингвокреативный потенциал, способность порождать новые смыслы, используя «подручный материал». Парцеллятная конфигурация текста является более динамичной и, судя по всему, обладает большим перлокутивным воздействием на адресанта.

Прием реинтеграции парцеллятов в основную часть и элиминация парцеллографем приводят к обеднению содержания конструкции, снижению

¹ Прием реинтеграции — экспериментальный прием восстановления допарцеллятной структуры, заключающийся в реинтеграции отчлененного конституента в предыдущий контекст. Данный тест заключается в снятии финальной синграфемы и восстановлении исходной структуры — «обычного» предложения без дополнительных трансформаций. Мы допускаем перемещение отделенного конституента на «свое» (условно) место в случае с дистантно расположенными парцеллятами.

экспрессивности, частичной потере индивидуально-личностного смысла, закладываемого автором:

* Я хочу, чтобы нам наконец-то дали «обрасти жирком», чтобы покупать все эти дела по вменяемым ценам, чтобы Первомай стал реальным праздником, а не днём битвы за урожай.

Депарцеллированная структура, во-первых, не передает в полной мере эмоций автора (возмущение, негодование) и не заостряет на этом аспекте внимания; во-вторых, становится менее динамичной, более плавной (изменение ритмо-мелодического рисунка).

Итак, включение парцеллографемы в семиотическую структуру сентанционального знака приводит к усложнению плана содержания. При этом в плане выражения наблюдается компрессия: экономия вербальных знаков образует «смысловые скважины», которые заполняются смыслом, активизируемым невербальным знаком.

Эффект, производимый парцеллемой, строится на конфликте между визуально-графическим (пунктуационным) и семантико-синтаксическим аспектами, на нарушении контекстного ожидания. Финальная синграфема, обычно означающая завершение одной самостоятельной структурносемантической единицы и переход к следующей, в составе парцеллемы меняет свое назначение: разрывая линейную последовательность графических вербальных знаков, она выделяет наиболее значимый, с точки зрения автора, информационный отрезок. Такая функциональная трансформация указывает на амбивалентную, деструктивно-конструктивную природу парцелляции.

Парцеллятный разрыв не остается незамеченным, он деавтоматизирует и стимулирует внимание к отчленяемому сегменту и способствует его лучшему запоминанию. Следовательно, парцелляция несет когнитивную нагрузку, является эффективным средством перераспределения внимания в высказывании, свидетельствует об осознанном выборе и размещении в аттенциальном фокусе какого-либо аспекта информации о референтной ситуации. Выбирая парцеллятную аранжировку высказывания, субъект полагает, что в данном случае и в данный момент она является оптимальным средством, способным представить описываемую ситуацию в соответствии с авторским восприятием (интенцией): в фокус внимания вынесен именно тот объект / отношение / аспект ситуации, который ему представляется наиболее значимым. В свою очередь, это свидетельствует о том, как субъект «сканирует» описываемую сцену, как он воспринимает наблюдаемые объекты и события и как их конструирует.

В следующих примерах фокус внимания «наведен» на (1) темпоральный и (2) каузальный аспекты ситуации:

¹ Под фокусированием, вслед за О.К. Ирисхановой, понимаем целостный многофункциональный когнитивный процесс, имеющий широкий диапазон разноформатных языковых воплощений, как лексико-семантических, так и синтаксических, активно взаимодействующих в дискурсе [18. С. 14].

- 1) Lui assure qu'il a appris le contenu de l'enquête au moment de la production du rapport d'expertise. *Deux mois plus tard...* (Le Figaro, 11.04.2013).
- 2) Сейчас этот контакт начинает опять теряться. По вине обеих сторон. (Российская газета, 18.05.2001).

Парцеллятная подача говорит о выраженной субъективной интерпретации действительности. Наблюдающий выделяет временной промежуток, прошедший между тем моментом, когда министр внутренних дел Мануэль Вальс изучил содержание экспертизы (якобы в момент производства), и моментом реального ознакомления (Через два месяца), что имплицитно указывает на расхождение между тем, что утверждает министр, и действительным положением вещей. Многоточие после парцеллята также указывает на неоднозначный временной разрыв и способствует построению различных инференций.

Во втором примере фокусируется причина потери контакта между компаниями. Судя по предпочтению парцеллятного оформления высказывания, продуцент речи, конструируя ситуацию, не только эксплицитно возлагает вину за происходящее на обе стороны, но и настаивает на их обоюдной ответственности. Именно это обстоятельство, с его точки зрения, представляется наиболее значимым в данном сообщении. Оставаясь «за кулисами», вне фокуса, продуцент выводит в фокус внимания свое собственное восприятие ситуации, ставит акцент на том, как он сам ее видит и переживает, интерпретирует. Парцелляция, не меняя объекта, позволяет «скорректировать» фокус внимания на субъективности суждения.

Итак, выделенные парцеллографемой фрагменты обнаруживают субъекта конструирования:

- то, как он *воспринимает, интерпретирует ситуацию* (объект конструирования) и что именно представляется ему значимым в этой ситуации;
- в какой степени он *чувствует себя вовлеченным в нее, дает оценку со стороны* как наблюдатель;
 - какой он хочет представить эту ситуацию получателю речи.

Результатом аттенциального фокусирования становится распределение на фигуру и фон. В предпарцеллятной структуре, которую можно восстановить при помощи теста реинтеграции, выделенные сегменты служат фоном, вторичным фокусом или в фокусе находится иной аспект значения:

- 1* Lui assure qu'il a appris le contenu de l'enquête deux mois plus tard, au moment de la production du rapport d'expertise.
- 2* Сейчас этот контакт начинает опять теряться по вине обеих сторон.
- В 1* парцеллят, вернувшийся «на свое место», представляет собой фон, контекст ситуации, в котором характеризуется обстоятельство (это его обычная функция); воспринимается с меньшими когнитивными затратами и рассматривается продуцентом речи как менее значимый. Слова министра под сомнение не ставятся. В 2* «по вине обеих сторон» находится в прио-

ритетной конечной, а значит, фокусной позиции. Суждение представляется более объективным, нежели в парцеллятной презентации.

Рассмотрим еще примеры:

- Voilà, vous savez tout. Mais le plus beau c'est que je skie depuis ce week-end. *Un peu. Doucement. Précautionneusement. Amoureusement.* (Le Figaro, 15.01.2014).
- Первомай вернулся к своей норме. *Петровской. Чеховской. Советской.* (АиФ, 30.04.2014).

Здесь мы наблюдаем распределение на несколько фокусов, каждый из которых в одинаковой мере значим для продуцента речи, а потому выделен в отдельный парцеллят.

Следовательно, в парцеллятной аранжировке происходит:

- 1) перераспределение фокуса внимания, и этот механизм сопровождается обращением фигуры и фона¹;
 - 2) корректировка фокуса внимания;
 - 3) расщепление на множественные фокусы внимания.

Выделенные в особую, парцеллятную, позицию, сегменты приобретают признак салиентности (выделенности) благодаря своей визуальной очерченности, замкнутости в определенных графических границах; конфликт между пунктуацией, синтаксисом и семантикой на границе основы и парцеллята (искусственное прерывание связи) обращает их в фигуры или корректирует / расщепляет аттенциальный фокус, указывая на то, как сознание продуцента речи членит конструируемую ситуацию на фокусные и нефокусные сегменты. В этом контексте парцелляция может рассматриваться в качестве средства «регулирования» степени салиентности: от минимальной (фон и вторичный фокус в основе парцеллемы) до максимальной (первичный фокус в парцелляте). Это предположение подтверждается также свойствами фигуры, реализующимися в парцелляте: он имеет более простую форму, часто меньший размер, что верифицировано при помощи корпусного метода², зависим от окружения (подчинен или координирует с основой, но функционировать самостоятельно не всегда способен), находится в линейной цепи «впереди» по отношению к основе, более значим и привлекает внимание. Его декодирование требует больших когнитивных усилий, чем основа.

Итак, при когнитивно-семиотическом ракурсе анализа парцелляция предстает как сложный гибридный знак, план выражения которого сплетен из элементов вербальной (словесной) и невербальной семиотической систем (парцеллографемы), взаимодействующих и взаимодополняющих друг

¹ О взаимном превращении фигуры и фона см., например, в работах Дж. Тейлора [19], Р. Лэнекера [20], Л. Талми [21].

 $^{^2}$ Корпусная статистика дает следующие данные: количество парцеллятов малой протяженности составляет 62,14% во французском корпусе и 59,86% — в русском; равной с основой протяженности ($\pm 10\%$) — 8,97 и 15,88% соответственно; значительной протяженности — 25,16 и 18,04%; разной протяженности (для построений, включающих два и более парцеллятов) — 3,72 и 6,23%.

друга в вербальной коммуникации. Материально-графическое воплощение парцеллема получает благодаря парцелляции — специальной графической операции, расчленяющей единую структуру предложения на конституенты. Результатом парцелляции является трехчастная структура, включающая основу парцеллемы, парцеллографему, создающую визуальный разрыв между основой и парцеллятом. Именно инкорпорирование парцеллографем в семиотический комплекс высказывания приводит к усложнению семантической структуры и формированию сложного парцеллятного знака, в котором вербальная знаковая система выступает в качестве отдельного уровня, коррелирующего с уровнем невербальной семиотической системы. В парцеллятной аранжировке происходят следующие процессы: перераспределение фокуса внимания, его корректировка или расщепление на множественные фокусы.

Парцеллятный разрыв не остается незамеченным, он деавтоматизирует и стимулирует внимание к отчленяемому сегменту и способствует его лучшему запоминанию. Таким образом, парцелляция является эффективным средством перераспределения внимания в высказывании, свидетельствует об осознанном выборе и размещении в аттенциальном фокусе какого-либо значимого аспекта референтной ситуации.

Литература

- 1. Ванников Ю.В. Явление парцелляции в современном русском языке : дис. ... канд. филол. наук. М., 1965. 529 с.
- 2. Добрычева А.А. Парцелляция в прозе С. Довлатова : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2012. 21 с.
- 3. *Combettes B*. Les ajouts après le point : aspect syntaxiques et textuels // Parcours de la phrase / M. Charolles & al. eds. Ophrys, 20076. P. 119–131.
- 4. *Gautier A*. Syntaxe et ponctuation en conflit. Le point est-il une limite de la rection? // Travaux de linguistique. 2010. № 60. P. 91–107.
- 5. Сковородников А.П. Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка: опыт системного исследования. Томск: Том. ун-т, 1981. 255 с.
- 6. *Копнина Г.А.* Риторические приемы современного русского литературного языка: дис. . . . д-ра филол. наук. Красноярск, 2003. 413 с.
- 7. Noailly M. L'ajout après un point n'est-il qu'un simple artifice graphique ? // Figures d'ajout : phrase, texte, écriture / J. Authier-Revuz, M.-C. Lala (dir.). Paris, 2002. P. 131–145.
- 8. Суровенкова Л.С. Присоединение и парцелляция в современном французском языке: дис. ... канд. филол. наук. М., 1982. 185 с.
- 9. *Хаймурзина А.З.* Прагматические аспекты парцеллированных конструкций в художественном тексте: на материале короткого рассказа: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. 27 с.
- 10. Гурьева Н.Н. Парцелляция как стратегия авторского дискурса в печатных СМИ // Вестник Тверского гос. ун-та. Серия: Филология. 2014. № 3. С. 216–223.
- 11. Kuyumcuyan A. Les compléments après le point, un problème de ponctuation? // Les linguistiques du détachement / D. Apothéloz & al., (éds.). Berne, 2009. P. 30–50.
- 12. Зелепукин Р.О. Экспериментальное психологическое исследование восприятия парцелляции // Вестник МГОПУ им. М.А. Шолохова. Филологические науки. 2007. № 1. С. 34–39.

- 13. Sanford A.J.S., Sanford A.J., Molle J., Emmott C. Shallow processing and attention capture in written and spoken discourse // Discourse Processes. 2006. № 2 (42). P. 109–130.
- 14. Литвиненко Е.В. Семантическое и синтаксическое осложнение структуры предложения в результате обособления и парцелляции его компонентов: опыт диахронического исследования: дис. ... д-ра филол. наук. Киев, 1984. 401 с.
- 15. Богоявленская Ю.В. Объектно-ориентированный корпус в сопоставительных исследованиях // Политическая лингвистика: проблематика, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направления: материалы междунар. науч. конф. Екатеринбург, 2016. С. 37–38.
- 16. *Алефиренко Н.Ф.* Когнитивная лингвистика: предпосылки, предмет, категории // Вестник ВятГГУ. 2008. № 2 (1). С. 75–78.
- 17. Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения. М.: Высш. шк., 1988. 168 с.
- 18. Ирисханова О.К. Игры фокуса в языке: семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М.: Языки славянской культуры, 2014. 320 с.
- 19. *Taylor J.R.* Linguistic categorization: Prototypes in Linguistic Theory. Oxford, 1995. 331 p.
- 20. Langacker R.W. A Dynamic Usage-Based Model // Usage-Based Models of Language / ed. by S. Kemmer, M. Barlow. Stanford: CSLI Publications Center for the Study of Language and Information, 2000. P. 1–64.
- 21. *Talmy L.* Towards a Cognitive Semantics. Vol. 1: Concept Structuring System. Cambridge: MIT Press, 2001. 495 p. URL: http://linguistics.buffalo.edu/people/faculty/talmy

PARCELLING AS A COGNITIVE AND SEMIOTIC PHENOMENON

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2018. 55. 5–16. DOI: 10.17223/19986645/55/1

Yuliya V. Bogoyavlenskaya, Ural State Pedagogical University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: jvbog@yandex.ru

Keywords: parcelling, cognitive linguistics, linguosemiotics, focusing, focus of attention.

In the present research, the phenomenon of parcelling is studied from the point of view of a cognitive-semiotic approach. The paper gives examples in two languages, Russian and French, not to compare them, but to illustrate the peculiarities of parcelling commonly found in both languages, as the research has shown. Parcelling is treated as a special visual graphic operation dividing a single sentence structure on constituents including a base and a parcelled fragment. To determine the operator of parcelling, the final singrapheme performing the segmentation, the term "parcellographeme" is used. The notion "parcelleme" is also introduced. It means a complex hybrid sign; its plan of expression is weaved with verbal and nonverbal semiotic systems interacting and complementing each other in verbal communication. This plexus of the two semiotic systems and the mixing of their sign qualities allow the sender to transmit the message in a compact form, and the recipient to recognize a wide range of contextually determined meanings.

On border of the base and the parcelled fragment, there is a conflict between punctuation, syntax and semantics demonstrating the ambivalent, destructive-constructive nature of parcelling. Parcellary detachment destroys the automatism of attention and focuses it on the detached segment and contributes to better memorization.

Application of this kind of code expands the scope of transmitted information, providing an adequate recognition and interpretation. This violation of the correlation of the plans of expression and of content demonstrates the flexibility of this structure, its expressive, linguistic and creative potential, the ability to generate new meanings.

It is determined that the use of parcelling is to control the distribution of attention of the recipient by the displacement of attention focus on the parcelled fragment. At the same time,

the following processes are observed in a parcelleme: the redistribution of the focus of attention, its adjustment or disintegration to multiple focuses of attention. Choosing parcelled arrangement of the utterance, the subject believes that in this case and at this moment it is the best means able to present the reported situation in conformity with the author's perception. The focus is replaced on the object, attitude or aspect of the situation which is the most significant for the subject. Parcelled configuration of the text is more dynamic and has more perlocutionary effects on the addresser.

The invariant model is determined with the meaning of an abstract schematic image constituting its equivalence to other parcellemes left after the deduction of all its variables or individual elements.

References

- 1. Vannikov, Yu.V. (1965) Yavleniye partsellyatsii v sovremennom russkom yazyke [The phenomenon of parcelling in modern Russian]. Philology Cand. Dis. Moscow.
- 2. Dobrycheva, A.A. (2012) *Partsellyatsiya v proze pp. Dovlatova* [Parcelling in prose by pp. Dovlatov]. Abstract of Philology Cand. Dis. Vladivostok.
- 3. Combettes, B. (2007) Les ajouts après le point: aspect syntaxiques et textuels [Additions after the point: syntactic and textual aspects]. In: Charolles, M. et al. (eds) *Parcours de la phrase* [Course of the sentence]. Gap: Ophrys.
- 4. Gautier, A. (2010) Syntaxe et ponctuation en conflit. Le point est-il une limite de la rection? [Syntax and punctuation in conflict. Is the point a limit of the rection?]. *Travaux de linguistique*. 60. pp. 91–107.
- 5. Skovorodnikov, A.P. (1981) Ekspressivnyye sintaksicheskiye konstruktsii sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: opyt sistemnogo issledovaniya [Expressive syntactic constructions of the modern Russian literary language: an experience of system research]. Tomsk: Tomsk State University.
- 6. Kopnina, G.A. (2003) *Ritoricheskiye priyemy sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Rhetorical techniques of modern Russian literary language]. Philology Dr. Dis. Krasnoyarsk.
- 7. Noailly, M. (2002) L'ajout après un point n'est-il qu'un simple artifice graphique? [Is adding after the point just a graphic device?]. In: Authier-Revuz, J. & Lala, M.-C. (eds) *Figures d'ajout: phrase, texte, écriture* [Adjunction figures: sentence, text, writing]. Paris: Presses de la Sorbonne Nouvelle.
- 8. Surovenkova, L.S. (1982) *Prisoyedineniye i partsellyatsiya v sovremennom frantsu- zskom yazyke* [Adjunction and parcelling in modern French]. Philology Cand. Dis. Moscow.
- 9. Khaymurzina, A.Z. (2008) Pragmaticheskiye aspekty partsellirovannykh konstruktsiy v khudozhestvennom tekste: na materiale korotkogo rasskaza [Pragmatic aspects of the parcelled constructions in a literary text: on the material of a short story]. Abstract of Philology Cand. Dis. Moscow.
- 10. Gur'yeva, N.N. (2014) Partsellyatsiya kak strategiya avtorskogo diskursa v pechatnykh SMI [arcelling as a strategy of author's discourse in print media]. *Vestnik Tverskogo gos. un-ta. Seriya: Filologiya Bulletin of the Tver State University. Series: Philology.* 3. pp. 216–223.
- 11. Kuyumcuyan, A. (2009) Les compléments après le point, un problème de ponctuation? [Complements after the point, a punctuation problem?]. In: Apothéloz, D. et al. (eds) Les linguistiques du détachement [The linguistics of the detachment]. Bern: Peter Lang.
- 12. Zelepukin, R.O. (2007) Eksperimental'noye psikhologicheskoye issledovaniye vospriyatiya partsellyatsii [Experimental psychological study of parcellation perception]. *Vestnik MGOPU im. M.A. Sholokhova. Filologicheskiye nauki.* 1. pp. 34–39.
- 13. Sanford, A.J.S., Sanford, A.J., Molle, J. & Emmott, C. (2006) Shallow processing and attention capture in written and spoken discourse. *Discourse Processes*. 2 (42). pp. 109–130. DOI: 10.1207/s15326950dp4202 2

- 14. Litvinenko, E.V. (1984) Semanticheskoye i sintaksicheskoye oslozhneniye struktury predlozheniya v rezul'tate obosobleniya i partsellyatsii yego komponentov: opyt diakhronicheskogo issledovaniya [Semantic and syntactic complication of the sentence structure as a result of the isolation and parcellation of its components: an experience of a diachronic research]. Philology Dr. Dis. Kyiv.
- 15. Bogoyavlenskaya, Yu.V. (2016) [Object-oriented corpus in comparative studies]. *Politicheskaya lingvistika: problematika, metodologiya, aspekty issledovaniya i perspektivy razvitiya nauchnogo napravleniya* [Political linguistics: problems, methodology, aspects of research and prospects for the development of the scientific direction]. Proceedings of the International Conference. Yekaterinburg. pp. 37–38. (In Russian).
- 16. Alefirenko, N.F. (2008) Kognitivnaya lingvistika: predposylki, predmet, kategorii [Cognitive linguistics: prerequisites, subject, categories]. *Vestnik VyatGGU*. 2 (1). pp. 75–78.
- 17. Nikitin, M.V. (1988) *Osnovy lingvisticheskoy teorii znacheniya* [Fundamentals of the linguistic theory of meaning]. Moscow: Vyssh. shk.
- 18. Iriskhanova, O.K. (2014) *Igry fokusa v yazyke: semantika, sintaksis i pragmatika defokusirovaniya* [The focus games in the language: semantics, syntax and pragmatics of defocusing]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
- 19. Taylor, J.R. (1995) *Linguistic categorization: Prototypes in Linguistic Theory*. Oxford: Clarendon Press.
- 20. Langacker, R.W. (2000) A Dynamic Usage-Based Model. In: Kemmer, P. & Barlow, M. (eds) *Usage-Based Models of Language*. Stanford: CSLI Publications Center for the Study of Language and Information.
- 21. Talmy, L. (2001) *Towards a Cognitive Semantics*. Vol. 1. Cambridge: MIT Press. [Online] Available from: http://linguistics.buffalo.edu/people/faculty/talmy/talmyweb/TCS.html. (Accessed: 15.08.2016).

УДК 81'282.2, 81'42

DOI: 10.17223/19986645/55/2

С.В. Волошина, М.А. Толстова

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «БОГАТСТВО» В ДИАЛЕКТНОМ ДИСКУРСЕ: КОНСТАНТЫ И ТРАНСФОРМАЦИИ¹

Рассматривается вербализация понятийного слоя концепта «Богатство» в диалектном дискурсе. Выявляются константы и трансформации представлений о богатстве. Определено, что в крестьянской культуре оно связано с тем, что обеспечивает жизнедеятельность семьи. Это не только обилие материальных ценностей и денег, но и достаток в результате усердного труда. Трансформации представлений о богатстве вызваны сменой эпох, социальными, политическими, экономическими, территориальным факторами.

Ключевые слова: концепт, народная культура, богатство, диалектный дискурс, говоры Среднего Приобья.

Концепт «Богатство» — один из лингвоспецифичных концептов, в котором отражаются особенности той или иной культуры. Он относится к числу хорошо исследованных: его репрезентацию изучали на материале текстов СМИ [1], художественной литературы [2, 3], фольклорных текстов [4, 5], фразеологических единиц [6, 7]. В этих работах выявляются особенности представлений о богатстве в русской, английской, французской, арабской, лакской, якутской и других лингвокультурах.

Цель данной статьи – описание концепта «Богатство», функционирующего в говорах Среднего Приобья, а также выявление констант и трансформаций народной культуры, отраженных в его внутренней структуре.

Материалом выступают диалектные тексты, записанные с 1946 по 2016 г. на территории распространения старожильческих говоров Среднего Приобья. Информанты — диалектоносители, рожденные в конце XIX — середине XX в., что позволяет охватить представления о богатстве на протяжении всего XX в. и выделить динамику данного концепта. Анализ трансформаций культурно значимых смыслов, по мнению Т.А. Демешкиной и И.В. Тубаловой, «может быть проведен на основании сопоставления результатов анализа дискурса, продуцируемого на разных этапах развития конкретной культуры» [8. С. 38].

Концепт – это единица сознания, которая репрезентируется средствами языка, а изучение отдельных концептов позволяет выявлять особенности народной культуры. Как отмечал Ю.С. Степанов, «концепт – это как бы

 $^{^{1}}$ Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда (проект № 16-18-02043 «Культура русского народа в диалектном языке и тексте: константы и трансформация»).

сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [9. С. 43].

Описание исследуемого концепта, на наш взгляд, даёт представления о богатстве в диалектной культуре, относящейся к общерусской, но имеющей как отличные от нее особенности, так и общие с ней. Подобные различия и сходства во внутренней структуре концептов, функционирующих в говорах Среднего Приобья, уже выявлялись при изучении концептов «Корова» и «Картошка» [10]. Л.Г. Гынгазова отмечает лакунарность данных концептов в городской культуре. Концепт «Богатство» же существует как в городском, так и в сельском дискурсе, однако и там и там он имеет свои особенности. «Важным представляется тот факт, что, с точки зрения ценности, случаи абсолютной лакунарности в одном из типов сопоставляемых культур редки. Чаще ключевые концепты различаются характером концептуализации, то есть переориентацией ядерных признаков» [10. С. 121].

Согласно одной из сложившихся традиций в концептологии исследование концептов производится с помощью выделения в их структуре понятийного, образного и аксиологического слоев [11. С. 107]. В данной работе мы исследуем только понятийный слой в силу большой разработанности всех составляющих данного концепта. Понятийный слой – это варианты его обозначения, описания, признаковая структура, дефиниция, сопоставительные характеристики по отношению к тому или иному концепту [11. С. 107].

Вербализация названного концепта в данной работе рассматривается прежде всего на лексическом уровне. В исследуемом материале с помощью сплошной выборки выявлялись языковые единицы, репрезентирующие данный концепт, рассматривалось их функционирование, лексическое значение, системные связи (синонимические, антонимические отношения) и сочетаемость в выбранных контекстах.

Согласно данным «Вершининского словаря» «богатство — это обилие материальных ценностей, денег» [12. Т. 1. С. 96], а «богатый» — это 1. Зажиточный, имеющий богатство. // чем. и без доп. Обладающий кем-, чем-л. в большом количестве. 2. Превосходный, отличный. // Обильный. // Пышный, роскошный [Там же]. Многозначность данной единицы подтверждают и контексты. Анализ сочетаемости лексемы «богатый» показал, что богатыми могут быть не только: люди, семья, мужики, но и дом, колхоз, совхоз, деревня, а также то, что обеспечивает жизнедеятельность крестьянской семьи и влияет на качество жизни человека: урожай, шишкобой, леса, реки, места, земли, тайга и др.: Хороший урожай получаем. По привычке ухаживам, а раз ухаживам — получам хорошо. Земли исключительно богатые; Богатые мужики, те никуда не бегали. В тридцатом году кулаков раскулачивали. Давали в и'хнее распоряжение одну лошадь; Богатый дом на горе стоит; Тут кода' приезжает кто поохотничать, приходят ко мне повыспрашивать, где лу'чче охотничать. А тайга-то богатая. Хоть где

можно. Подобные контексты, в которых проявляется значение «богатый» как разнообразный, плодородный, представляют, на наш взгляд, периферию изучаемого концепта.

В качестве единиц, участвующих в репрезентации исследуемого концепта в говорах Среднего Приобья, выступают слова: богатство, богачество, богатина, богатеть, богатый, богатенький, богатенный, богато, богатей, богач, богачка: Я стара, мне богатство не надо...; Вот говорю— что у меня щас есь, если бы я тода' шла замуж, у меня бы это было, я бы даже на всё, на весь округ была бы богачка; Я жил небогато. Де богачество взять было? Семья больша. Синонимичными названным единицам являются лексемы: зажиточный, крепкий, могутный, сильный, хороший, хорошо зажиточно, крепко [13. С. 54]: Много гектаров. Крепко жила. Два дома дваэтажных; Всё равно маленько-то сеяли. Ну, каки крепки, зажиточны, те много сеяли хлеба, луга имели свои, бороны, машины какие-то; Молотилья ешшо таки были, или суколачи, кто могутнее жил; У кого лампа есь— это хороши люди, а то коптилочки жели, из кусков, прямо бутылочки.

Многие из представленных примеров демонстрируют взаимосвязь богатства и бедности. Бедность — это отсутствие материальных ценностей, достатка, соответственно, антонимичные лексемы бедность, беднота, нищета, нужда, бедный, бедненький, бедняцкий, нищий, небогатый, неимущий, худой, бедняк в определенных контекстуальных условиях являются репрезентантами концепта «Богатство», поскольку наличие одного члена оппозиции подразумевает отсутствие другого: Грамоты не было, а бедный был, из бедных бедный, вот они везде его тыкали; Щас мы всё-таки ешо живём. А родители наши вообще бедно, очень жили бедно, очень. Подобные наблюдения были сделаны и на материале текстов других типов дискурса [2].

В номинациях богатых и бедных людей отражается временная динамика концепта на протяжении XX в. Так, в текстах встречаются единицы, свойственные определенному времени, например названия сословий: купец: В Здержинке там его, эта мельница была всё. Это вот это нашего купца, Родикова. У их пароход свой был. [Богатые, наверное?] Даа, богатый купец, у него там в Томске; категорий крестьян, их экономического статуса: кулак (зажиточный), середняк, бедняк: Если бедняк — две коровы, две лошади. Середняк — десять коров, пять лошадей. Зажиточный — десять-двенадцать лошадей, пятнадцать коров; А богатый почему тут? Скотину имел; Был у нас один кулак, дак у него во дворе десять коров стояли, а в артели всего четыре. Впоследствии с исчезновением этих сословий и социальных классов исчезли и сами номинации.

В вербализации исследуемого концепта участвуют слова, называющие денежные единицы, их количество, а также связанные с ними номинации: деньги, копейка, рубль, зарплата, пенсия, капитал: Некоторые два-три года строили. Кто победнее, у того силы мало. У кого деньги были, капитал, те за деньги строили; ...вот Володенька наш работал двадцать лет

фермером, мне и **пенсию** начислили хорошую, я тока пошла на пенсию, и вот тогда только деньги увидала, а до пенсии и денег не было, пошла на пенсию, и тогда появились деньги.

В репрезентации исследуемого концепта участвуют и номинации, обозначающие количество денег, которым обладают человек или организация, колхоз: Колхоз у нас богатый миллионер. У каждого дом новый и даже целые улицы новые строятся. Школу краси'ву рабочие с Закарпатья стро'ют. И общежитие двухэтажное строят для рабочих. Хороша теперь жись, умирать не хочется; Где каменно здание купец жил. Третий был в Томске в царьско время был миллионер. Было самоправие. Какое имение у их было, пошло в общегосударственное.

Анализ материала показывает, что кроме денег критериями богатства, его мерилами выступают:

- еда: Придём к тётушке, они жили очень богато, она там и сырничка, и копеечки нам даст, и конфеты; Ни бедна, ни богата. Голодна не ложилась спать, гола не ходила; Было печенне, крупчатка пять, шесь фунтов. Ка'жна деревня пекёт по-свому'. Бога'ты повкуснее, а мы так, картошку в мундирах со сметаной. Пироги с ягодой, с рыбой;
- одежда: Кто богатый, лисий воротник носили, бедный кунгуровый, кунгура была; По'льты, до'хи богаты носили. Лиф внизе, как жилет. Рубашки носили с перелинками. Наколки чёрны, атласны, коричневы; Бедненько люди жили. Если юбку и платье купят, шшытались богач прямо большой;
- наличие / количество скота, хозяйства: Крестьяне жили и зажиточно, и бедные хозяева были, и средни. На двух пахали лошадях. У бедных по две лошади были; а которы получше от пятнадцати до двадцати посевов сеяли;
 - **посуда**: Если есть чашки, ложки это значит богато живут;
- **мебель**: Небели [мебели] никакой не было. Хто богат, так у того была небель; ...дальше в комнату мы проходим, стоит просто деревянная кровать не кровать, тоже какой-то топчан, и никаких тряпок нет, ни подушек, ничего. Они жили как рабы;
- драгоценности (золото): Золото у ей было, она богата была, привораживала; Они приехали, они богатые приехали, понимаешь? Золота у их было много;
- жилье, интерьер: Но сейчас: живут хорошо, богато, машину имеют, дачу имеют, квартиру имеют, коттедж имеют и всё равно недовольны; На дверях раньше иторы были только у богатых. Из матерьяла сошьют, кружавчики пришьют и весют;
- **автомобиль** (в более поздних текстах): A живут хорошо. У них своя машина, купили... A вот зять у нас машину не может купить. Нонче только они купили;
- проведение обрядов, связанная с ними атрибутика: У бедняка и свадьба не антересна. А раньше бедняки были, середняки, богатые; Поезжаны были. Косы выкупают. Если богаты, побольше столов ставят;

Ой как щас вспоминаю, сейчас смотрите какие красивые платья, а мы несчастные, ну что сделаешь, каждому времени свои нравы, обычаи, ну какие там обычаи, не было никаких обычаев, потому что была бедность; А я говорю: «Гроб-то будете оббивать?» — «Осподи, при бедности да ешо нежности!» Ну придурошна!.

Маркировать богатых, по данным материала, могут и речевые особенности: *Разве что у богатых кто и звал папой*, а мы так всё тятей. Тятя с мамой всё рыбачили, иногда сено косили.

Из приведенных выше контекстов видно, что богатство в крестьянской культуре связано с трудом и зависит от него, иначе говоря, достаток — это результат большого, честного труда: А та семья, где уважают труд, — превосходно живут...; Здесь шибко-то богатых не было. Были кото'ры, дак и они много работали. Например, в записях 1990-х гг. зафиксировано, что у современного поколения такое представление трансформировалось и это осуждается информантом, рожденным в 1924 г.: Щас хо'чут так: чтоб не работать, а получать хорошо. Щас за маленьку зарплату не идут работать, чё это, мало. А раньше год работашь, трудодни считашь и записывашь, чё в отчётный год получишь.

Концепт «Богатство» кроме концепта «Деньги» и «Труд / Работа» связан также с концептами «Жизнь», «Семья», «Дом», «Ссылка» и др.

Взаимопроникновение концептов «Богатство» и «Жизнь» объясняется тем, что одним из главных критериев «хорошей» / «плохой» жизни является наличие или отсутствие материальных ценностей и денег [14]. В исследуемых текстах проявляется амбивалентное отношение к жизни в связи с оценкой уровня благосостояния в настоящее время и жизни в прошлом. Это, на наш взгляд, отражает противоречивость природы человека, потому что один и тот же период его жизни в разное время, в разном возрасте может оцениваться по-разному, переоцениваться на каких-то последующих жизненных этапах. В одних текстах встречается восприятие жизни в прошлом как хорошей (богатой) / плохой, поскольку у человека были / отсутствовали те или иные материальные ценности: Плохо жили, я примерно лет так до восьми без штанов ходил...; В детстве бедно жили, в крестьянстве, трудилась я всё время, ели лебеду и всё на свете...; В колхозе в то время трудно было жить на трудоднях...; Плохо жили, своей коровы не было. Жили как попало; Жили в войну плохо. Есть было нечего...; Жили хорошо. Село богатое: и масло, и сало – всё хватало. А теперь как придётся, где-то хорошо поещь, а где-то нет; На первых порах нам дали три коровы. Я за ними ходила, потелились они, стало много молока, жить стало хорошо; Ну, девки, и раньше было хорошо, а тапе'рь живи не хочу, всего хвата'т. Аналогичным образом оценивается информантами жизнь в настоящее время. Это только сейчас хорошо живёт, а раньшето у кулаков приходилось всё. Рабо'ташь много, денег мало; А щас гораздо лучче жить. Чичас рады-довольны. Хлеб досыта едим. Отстали от холщовякины, от льна; А щас, када деньги ввели, по первости стонали, что чем будем жить, да как будем жить? А щас и никто не сто-

нет: всем всего хватат, и живут, всем обзавелись. Вишь, и молчат и не говорят: «кого будем зарабатывать?». Нихто таперь не стонат. Ездют в Томск, покупают всё. Из магазина хоть кажный день сетку **тащи, всего хватат и сахару, хошь мешок бери**, куда бы чё девалось; Я так шшыта'ю, что наши родители, наверно, вот этих несчастных ночнушек не носили, как щас. Но щас всё равно ведь, живём, правда, и пенсию дают нам. Щас мы всё-таки ещо живём. А родители наши вообще бедно, очень жили бедно, очень; Я сама удалила зубы все, вверху болели, а щас от вставлять надо. Деньги копить надо. На пенсию не вставишь так просто; Вот как вы сейчас живёте, лучше некуда. И хлеб белый, и молоко. Голодный не останешься. Деньги есть. Так вот, так вот. Здесь же можно отметить и пересечение названных концептов с концептом «Работа», что отражается на восприятии уровня, качества жизни: несмотря на то, что в крестьянском мире труд – это источник богатства и благосостояния, далеко не всегда труд крестьян вознаграждался и вознаграждается достойно: ...они жили как рабы, у них не было паспортов, уже это был пятьдесят восьмой год, сорок один год советской власти, значит так, у них не было паспортов, почему? они не могли никуда поехать <...> а кто будет работать просто за спасибо, им и спасибо никто не говорил, вот почему такая бедность была; Но мне надо было ещё год прожить в Колпашево, но я собралась и уехала, и потом совхоз, пенсия двадиать восемь рублей. Вот так теперь как хочешь, так и доживай.

Исследуемый концепт тесно связан и с концептом «Семья». С одной стороны, во многих контекстах речь о богатых ведется именно как о богатых семьях. С другой стороны, богатство может зависеть от состава семьи. Многие богатые семьи имели большое количество детей, которые расценивались как будущие работники, обеспечивающие жизнедеятельность семьи. Семья у нас была большая, сейчас таких уже мало найдешь, а раньше работники нужны были; Все жили своим хозяйством. Сами кушали – продадут и питались этими деньгами. Семья из ребят только девять, но не было такого, чтоб пойти куда-то работать. Фактором, влияющим на богатство, также является наличие / отсутствие мужчины в семье: Неграмотная женщина осталась с детьми, в возрасте от десяти до восьми месяцев, пятеро детей, рабочий маслозавода, я вот так вот вспоминаю, думаю: «Боже мой, как мы выжили, голод?!», но единственное, что нас спасало, это вот была корова. Когда мама и где, когда, кого она нанимала, тогда же не было таких условий, как сейчас; Я в сиротстве была, так мне всё трудно было. Детей много, а муж умер, опе'ть худо; У тяти была бедность, хорошего ничего не видала. Бедно жили. Нечего обуть. У соседки с детьми повожусь, а она мне на вечер ботинки даст. Так и прошла мо'лодось. И теперь не ши'бко хорошо живу. Мужа нет. Дома одна дочка с тридцать девятого году. Она одна работает, а я на пенсии да ешо внучку нужно кормить.

Как уже отмечалось, маркерами богатства выступает дом, его внутреннее пространство, приусадебное хозяйство: *Деревянные кровати* были,

конечно, самодельные. Кто их там? Умывальники не у всех были. У нас вот, например, умывальник таскали по свадьбам. Умывались над лоханкой, это для коров. Взаимосвязь исследуемого концепта с концептом «Дом» прослеживается также в номинациях дома: ...когда я вышла замуж, на второй день, мы в этот же день вечером оказались в доме моего мужа, но там не дом, там хибара, избушка в деревне. А когда я в дом к своему мужу зашла, в дом это я просто так называю дом, это не дом, а лачуга какая-то < ... >. Такая бедность.

В Сибири как регионе с особой историей концепт «Богатство» связан с концептом «Ссылка»: А колхоз большой был там такой. Богатый, он спецпереселе'нский. Колхозы спецпереселе'нские все были хоро'ши колхозы; ...здесь же много было спецпереселенцев, а потом сюда в войну привезли эстонцев, латышей, немцев с Поволжья. Все же здесь работали на заводе, бараки были настроенные. Жили они в этих бараках, и как они тяжело жили. Хорошо жили латыши. Они приехали, они богатые приехали, понимаешь? Золота у их было много, м, это, вот они ходили меняли там на картошку, где на хле[б] ... на муку где, это самое, они хорошо жили. А вот что немцев с Поволжья привезли. Это вообще тяжело жили. Как видно из контекстов, ссыльные были, как богатыми, так и бедными, что зависело от территории, откуда направляли людей. Это было актуально для Сибири 1940-х гг.

Мерила богатства, сочетаемость лексемы «богатый» показывают, что для крестьянской культуры богатство представлено прежде всего предметами утилитарного назначения, всем тем, что необходимо для жизнедеятельности семьи. В то время как в исследованиях подчеркивается, что «в русском языковом сознании прослеживается особенное отношение к материальным ценностям: духовному богатству отдается видимое предпочтение перед богатством материальным. В языковой репрезентации материальное богатство часто имеет негативную коннотацию, о чем свидетельствуют русские пословицы и поговорки: Богатство души не имеет (Даль, с. 21); Пусти душу в ад, будешь богат (Уваров, с. 70)» [2. С. 153]. Кроме этого, С.Г. Сафонова, исследуя репрезентацию концепта «Богатство» в творчестве Ф.М. Достоевского, отмечает, что «отчетливо прослеживаются идеи о большей значимости духовного богатства по сравнению с материальным, о негативном влиянии денег на человеческую душу» [Там же]. Подобное влияние богатства на качества человека, его духовный мир отмечается и в исследуемых нами диалектных текстах: Бедны-то больше веселятся, чем богатые; То ли люди лу'чче были, то ли денег было мало; Но сейчас: живут хорошо, богато, машину имеют, дачу имеют, квартиру имеют, коттедж имеет – и всё равно недовольны. Мы ничё не имели, но мы были добрые, мы делилися. Однако таких контекстов встречается не так много. Более того, не всегда богатство, по данным контекстов, негативно влияет на людей: А есь и хорошие, хоть и кулаки были, а есь шибко плохи были.

Конечно, со временем меняются и маркеры богатства, для каждой эпохи они свои. Новые социально-экономические условия порождают и новые

представления о богатстве, связанные с изменением жизни в новой ситуации. Богатство и представления о нем и о богатых людях зависят от времени, эпохи, политических, экономических причин, территориального, социального факторов.

Так, например, на одной территории, в одном колхозе люди жили лучше, богаче, нежели в другом: Там [в селе Вершинино] побогаче люди как-то жили. [Вот там да. Они говорят, что богато жили.] Да, да, да. Вот там побогаче, поэтому меня туда и отправили, там они торговали, вот огурцы возили, капусту, они всё продавали там, а тут как-то не было этого; Деревня. Ну она так хороший колхоз-то, так-то он ой, богатый был. Там и гуси, и утки были, и свиньи держали, там... Пилорама своя была.

В эпоху расслоения крестьян на зажиточных, середняков и бедняков богатые женились преимущественно на богатых, а бедные — на бедных: За хвалёну ведут и сватать. Богатый за богатого. Бедный за бедного. Если у меня хресто'вый дом, так из хресто'вого дома и придёт жених сватать. Со временем после исчезновения имущественного неравенства эта традиция стала стираться: А сейчас — она идёт и за татарина, и за жида', и за латыша. Он богатый, ты бедна. Сходятся и живут, и хорошо живут. Или разойдутся.

В записях 1980—2000-х гг. изменяется отношение к кулачеству и бедня-кам: ...кулаки да всё, это сейчас всё так раскрылось, что... какая ихняя вина-то там была? Что... работали до упаду сил (2016 г.); Дом этот продали, ну, а в тридцатом году сослали в Петрозаводск за то, что день и ночь работали. Признали кулаками, конечно, отца, отца и дядей, два дяди остались там — младший и средний (1980 г.); Хозяйство, всё у отца, пасека была, хозяйство, судя по деревне-то, небольшое, три или четыре коровы у отца было и две лошади, и овец, овец сколько-то там, пара свиней, так это по-современному. Да у любого тогда у нас было в деревне... только у самых отъявленных лодырей, которые и составляли эту так называемую эксплуатируемую бедноту, которые работать не хотели, совершенно не хотели работать [ничего не было]... (2008 г.).

После образования колхозов для многих женщин единственным способом выйти из них и улучшить свое благосостояние было замужество, заключение фиктивных браков: Так же и в колхозе. Рядом вот колхоз был. Девушки многие выходили взамуж, ну так, нелегально. Договорятся с парнем, ты вытащи меня с пропасти, это же пропасть была, работали за палочку, ни хрена не видели люди, вот, вот такая жизнь была поганая. Ну и чё, и многие вот это распишутся, а потом хоп, разбежалися, кто куда. [Это чтоб уехать?] Чтоб уехать отсуда. Вырваться, а иначе никак.

В настоящее время, несмотря на отсутствие классов, социального расслоения, существуют представления о богатстве, старшее поколение отмечает большую меркантильность современного поколения по сравнению с временами их молодости:

В.П. Щас все шикуют.

В.П. Щас в моде всё стало.

- Н.П. Да. Теперь надо мужиков богатых. Выбирают.
- В.П. Оооо, выбирают.

<...> Пенсию добавлят.

- А.Ф. Ой да теперь не поймёшь, че творится. И богатые расхо'дются. И чё-то не поймёшь чё делаетса.
 - Н.П. Ну мы всё равно все весело живём.
- В.П. Стремиться надо к этому, всё равно жись. Не обращай внимания. Одной из популярных тем при общении диалектоносителей с диалектологами является обсуждение уровня жизни, материальных ценностей и достатка в период правления того или иного политика. Работа политиков оценивается людьми прежде всего с точки зрения уровня их благосостояния в это время: Сталина-то я знаю. При Сталине хорошо было, хорошо. Всё было, и продукты <стали>; Что за жисть пошла! Горбач хотел перестроить ишо лучше, а пошло совсем не в ту сторону. Всё было в магазинах, враз ничё не стало. Всё, лучшему да... Сщас чё, нашим детям труд-

но, внукам будет легче; Работа есть работа, а личное дело... Вот некоторы: «Вот, я его ненавижу, да вот он такой». А я довольна Путиным.

В записях, сделанных с середины 1990-х гг., богатство измеряется в большей степени деньгами и заработной платой в отличие от текстов, записанных ранее: Да, советское время, а сейчас... [Постсоветское.] Ну просто Россия. Просто Россия стала, да. Ну и постсоветское время, действительно, так. Ну, конечно, я не хочу сказать, что тогда очень богато было, но представьте себе, вот получала я зарплату в Абрамкино, сто сорок две... сто сорок два рубля. Сто сорок два рубля. На эти деньги я могла съездить в Москву туда и обратно, там неделю пожить. Вот и хватало мне одной зарплаты. А сейчас? Копим мы, чтобы съездить. Неизменными же ценностями, константами остаются еда, одежда, наличие которых, по мнению диалектоносителей, является показателем хорошей жизни: Мы-то, молоко есть, картошка есть, и, слава богу. Ну, молодёжь! Такую привилегию создали, теперь вот, ага, два месяца проносила платье теперь оно уже старо'. Вот сейчас вы купите платье, по сколько лет носите? И всю жисть так живу. Или по доходу расход? Я прихотев никаких не имела, ничего дорогого не надо, нам бы чё подешевле. А эти люди щас, ага, вот она не работает, денег не получат, а одеться шикарно надо. Не знаю, как будет, мы-то уж прожили. На молоко ешшо заработам.

Кроме того, как уже отмечалось, богатство в ранних текстах — это результат непосильного труда, а в современных текстах это не всегда так.

Таким образом, концепт «богатство» не является концептом сугубо крестьянского мира, он функционирует и в городской культуре, однако имеет особенности в диалектном дискурсе. В диалектной культуре богатство связано, прежде всего, с утилитарными ценностями и всем тем, что обеспечивает жизнедеятельность человека. Трансформации представлений о богатстве вызывают экономические, политические, социальные, территориальный факторы.

В целом следует отметить, что исследование концептов имеет большое значение для лексикографической практики, поскольку оно расширяет

представление о том или ином явлении и позволяет корректировать словарные статьи. Так, богатство — это не только обилие материальных ценностей и денег, это и достаток в результате усердного труда, наличие предметов, имеющих утилитарное назначение.

Литература

- 1. *Зубарев С.В.* Этносоциокультурные особенности контекстов-репрезентантов концепта «Богатство» в русско- и англоязычном дискурсе СМИ // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. 2007. № 9. С. 42–51.
- 2. *Сафонова С.Г.* Репрезентация концепта «Богатство» в романе Ф.М. Достоевского «Униженные и оскорбленные» // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 2: Языкознание. 2016. Т. 15, № 2. С. 152–158.
- 3. Якимова Л.П. Концепт 'Бедность Богатство' и мотив конской головы в рассказе Всеволода Иванова «Плодородие» // Сюжетология и сюжетография. 2015. № 2. С. 16–24.
- 4. *Егорова В.Ф.* Концепт «Богатство» в пословичной картине мира русского, якутского и французского народов // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания. 2012. № 12. С. 127–129.
- 5. *Нестерова Т.Г.* Стилистические средства выражения концепта «Богатство» в английской и русской сказках // Вестник Оренбургского гос. ун-та. 2015. № 11 (186). С. 147–152.
- 6. *Лызлов А.И*. Относительная ценность богатства в отражении аксиологически маркированных моделей (на материале фразеологизмов английского языка) // Филоlogos. 2017. № 33 (2). С. 43–49.
- 7. Кунбуттаева А.Ш. Способы вербализации концепта «богатство» во фразеологических и паремиологических единицах лакского языка // Вестник Костромского гос. унта им. Н.А. Некрасова. 2013. Т. 19, № 6. С. 114–116.
- 8. Демешкина Т.А., Тубалова И.В. Диалектный дискурс как сфера реализации национальной культуры: константы и трансформации // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 50. С. 36–54.
- 9. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. 3-е изд. М.: Академический проект, 2004. С. 42–67.
- 10. Гынгазова Л.Г. Ценностная картина мира диалектоносителя: к проблеме лакунарности // Лакунарность в языке, картине мира, словаре и тексте. Новосибирск, 2009. С. 115-122.
- 11. *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена, 2002. 477 с.
- 12. *Вершининский* словарь. Т. 1: А–В / гл. ред. О.И. Блинова. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1998, 308 с.
- 13. Словарь синонимов сибирского говора / авт.-сост. О.И. Блинова, М.Э. Гавар, М.А. Толстова. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2016. 456 с.
- 14. Волошина С.В. Речевой жанр автобиографического рассказа в диалектной коммуникации: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2008. 26 с.
- 15. Волошина С.В., Толстова М.А. Концепт «Работа» в женских автобиографических рассказах сибирских старожилов: константы и трансформация // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 425. С. 12–18.

REPRESENTATION OF THE CONCEPT "WEALTH" IN THE DIALECT DISCOURSE; CONSTANTS AND TRANSFORMATIONS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2018. 55. 17–28. DOI: 10.17223/19986645/55/2

Svetlana V. Voloshina, Maria A. Tolstova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vsv1304@yandex.ru / Tolstova_11@mail.ru

Keywords: concept, folk culture, richness, dialect discourse, Middle Ob dialects.

The paper describes the verbalisation of the concept "wealth" in the dialect discourse, and reveals constants and transformations of folk culture which are reflected in its internal structure. The material is texts recorded in 1946–2016 on the territory of the Middle Ob dialects functioning.

A concept is a unit of thinking which is represented by means of language and reflects features of culture. A concept is considered as a layered formation which includes conceptual, figurative and axiological components. In this paper, the authors consider only the conceptual layer of the concept "wealth": units representing this concept are revealed, their lexical meaning, functioning, system connections (synonymic, antonymic relations) and compatibility relations in the selected contexts, as well as relations with other concepts are considered.

The concept "wealth" is not a concept of a peasant world; it also functions in urban culture, but has its features in dialect discourse.

Among the units verbalising this concept are words that call wealth, rich people, money, and in certain contextual conditions antonymous units that nominate "poverty" and poor people, because poverty is the lack of material values, wealth, and the presence of one member of the opposition implies the absence of the other one: "I'm old, wealth is not necessary..."; "We had a kulak, there were ten cows in his yard, and only four in the artel"; "now, we live none the less. And our parents lived poorly, very poorly"; "State farms are better. Money is on the hands and bread is too. There was a lot of workday units, and what the hell?".

It is determined that wealth is primarily associated with utilitarian objects and with objects that furnish the functioning of the family in the peasant culture. So, measures of wealth are food, clothing, livestock, households, dishes, furniture, jewelry (gold), house, interior, car, rites and their paraphernalia.

The concept "wealth" has connections and intersections with such concepts as "money", "work", "life", "family", "house", "exile", etc.

Transformations of ideas about wealth are caused by the change of epochs, social, political, economic and territorial factors.

The study of concepts is important for lexicographic practice, as it expands the understanding of a particular phenomenon and allows to correct dictionary entries. Wealth in folk culture is not only an abundance of material values and money (as it is shown in many dictionaries), it is a result of hard work, and is objects with utilitarian purpose.

References

- 1. Zubarev, S.V. (2007) Etnosotsiokul'turnyye osobennosti kontekstov-reprezentantov kontsepta "Bogatstvo" v russko- i angloyazychnom diskurse SMI [Ethnosocial and cultural peculiarities of contexts representing the concept "Wealth" in the Russian and English media discourse]. *Lingvoritoricheskaya paradigma: teoreticheskiye i prikladnyye aspekty.* 9. pp. 42–51.
- 2. Safonova, S.G. (2016) Representation of "Wealth" concept in the novel "Humiliated and Insulted" by F.M. Dostoevsky. *Vestnik Volgogradskogo gos. un-ta. Ser. 2: Yazykoznani-ye Science Journal of Volgograd State University. Linguistics.* 15 (2). pp. 152–158. (In Russian). DOI: 10.15688/jvolsu2.2016.2.18
- 3. Yakimova, L.P. (2015) The concept of 'poverty wealth' and the motif of a horse head in the Vsevolod Ivanov's story "Fertility". *Syuzhetologiya i syuzhetografiya*. 2. pp. 16–24. (In Russian)
- 4. Egorova, V.F. (2012) Kontsept "Bogatstvo" v poslovichnoy kartine mira russkogo, yakutskogo i frantsuzskogo narodov [The concept "wealth" in the proverb picture of the world of the Russian, Yakut and French peoples]. *Intellektual'nyy potentsial XXI veka: stupeni poznaniya.* 12. pp. 127–129.

- 5. Nesterova, T.G. (2015) Stilisticheskiye sredstva vyrazheniya kontsepta "Bogatstvo" v angliyskoy i russkoy skazkakh [Stylistic means of expressing the concept "Wealth" in English and Russian fairy tales]. *Vestnik Orenburgskogo gos. un-ta.* 11 (186). pp. 147–152.
- 6. Lyzlov, A.I. (2017) Otnositel'naya tsennost' bogatstva v otrazhenii aksiologicheski markirovannykh modeley (na materiale frazeologizmov angliyskogo yazyka) [The relative value of wealth in the reflection of axiologically marked models (on the material of the phraseological units of the English language)]. *Filologos*. 33 (2), pp. 43–49.
- 7. Kunbuttayeva, A.Sh. (2013) Sposoby verbalizatsii kontsepta "bogatstvo" vo frazeologicheskikh i paremiologicheskikh yedinitsakh lakskogo yazyka [Ways of verbalization of the concept "wealth" in the phraseological and paremiological units of the Lak language]. *Vestnik Kostromskogo gos. un-ta im. N.A. Nekrasova.* 19 (6). pp. 114–116.
- 8. Demeshkina, T.A. & Tubalova, I.V. (2017) Dialect discourse as a sphere of national culture representation: constants and transformations. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya Tomsk State University Journal of Philology.* 50. pp. 36–54. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/50/3
- 9. Stepanov, Yu.S. (2004) *Konstanty: Slovar' russkoy kul'tury* [Constants: Dictionary of Russian culture]. 3rd ed. Moscow: Akademicheskiy proyekt. pp. 42–67.
- 10. Gyngazova, L.G. (2009) Tsennostnaya kartina mira dialektonositelya: k probleme lakunarnosti [The value picture of the world of the dialect speaker: on the problem of lacunarity]. In: Steksova, T.I. (ed.) *Lakunarnost' v yazyke, kartine mira, slovare i tekste* [Lacunarity in language, picture of the world, dictionary and text]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University. pp. 115–122.
- 11. Karasik, V.I. (2002) *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd: Peremena.
- 12. Blinova, Ö.I. (ed.) (1998) *Vershininskiy slovar'* [Vershininsky Dictionary]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University.
- 13. Blinova, O.I., Tolstova, M.A. & Gavar, M.E. (eds) (2016) *Slovar' sinonimov sibir-skogo govora* [The dictionary of synonyms of the Siberian dialect]. Tomsk: Tomsk State University.
- 14. Voloshina, S.V. (2008) *Rechevoy zhanr avtobiograficheskogo rasskaza v dialektnoy kommunikatsii* [The speech genre of an autobiographical story in dialect communication]. Abstract of Philology Cand. Dis. Tomsk.
- 15. Voloshina, S.V. & Tolstova, M.A. (2017) The concept "Work" in women's autobiographical stories of Siberian old residents: constants and transformation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta Tomsk State University Journal*. 425. pp. 12–18. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/425/2

УДК 81.1

DOI: 10.17223/19986645/55/3

Л.М. Гриценко, Т.А. Демидова

КОММУНИКАТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ ДИСКРЕДИТАЦИИ В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ТРОЛЛИНГА)

Проведен анализ коммуникативной стратегии дискредитации, актуализируемой в троллинге, который рассматривается как одна из форм речевой агрессии, характерной для медийного пространства. Выявляются основные тактики, реализующие данную стратегию в троллинге (тактики намека, насмешки, оскорбления), и обосновывается их соотнесенность с типом троллинга. Отдельное внимание уделяется исследованию и описанию каждого из типов троллинга: обозначаются их особенности, обусловленные спецификой виртуального дискурса; анализируется система языковых средств.

Ключевые слова: виртуальный дискурс, речевая агрессия, троллинг, коммуникативные стратегии, коммуникативные тактики, коммуникативная стратегия дискредитации.

В статье представлено исследование реализации коммуникативной стратегии дискредитации в троллинге как одной из форм агрессивного общения. Изучение дискредитирующей стратегии в различных типах дискурса вписывается в современные лингвистические направления, активно развивающиеся в последнее время и осуществляемые в совокупности и во взаимодействии с психологическими, социальными, культурными факторами. Подобный метод обусловливает междисциплинарный подход к изучению дискредитирующей стратегии и позволяет рассматривать ее в рамках антропоцентрической парадигмы научного знания. В таком ключе коммуникация предстает как сложное, многогранное явление, детерминируемое совокупностью социолингвистических, дискурсивных особенностей, специфика актуализации которого во многом предопределяет использование стратегий и тактик, необходимых для реализации установок, намерений коммуникантов.

Понятие коммуникативной стратегии трактуется учеными по-разному, в зависимости от аспекта изучения, задач, стоящих перед исследователем. В данной работе, вслед за И.Н. Борисовой, рассматриваем коммуникативную стратегию как «способ организации речевого поведения в соответствии с замыслом, интенцией коммуниканта. В широком смысле коммуникативная стратегия понимается как сверхзадача речи, диктуемая практическими целями говорящего» [1. С. 89]. Коммуникативная стратегия реализуется совокупностью коммуникативных тактик, которые представляют собой определенные речевые действия, направленные на реализацию коммуникативной стратегии [2. С. 110]. Специфика реализации коммуникативных стратегий и тактик обусловлена дискурсивными особенностями

(социально-культурными условиями коммуникативной общности, психологическими, когнитивными установками коммуникантов и т.п.) коммуникативного пространства, в котором они актуализируются.

Лингвистами активно исследуются коммуникативные стратегии, актуализируемые в различных типах дискурсов: научном, политическом, рекламном, медицинском, виртуальном и многих других. Целью настоящей работы является исследование коммуникативной стратегии в интернеткоммуникации, актуальность изучения которой определятся растущей востребованностью различных ресурсов Интернета, постоянным увеличением его возможностей и роли в обществе. Повсеместная «виртуализация», повлекшая за собой глобальные изменения, произошедшие в современном социуме, обусловливает необходимость детального изучения пространства Интернета, оно «подлежит структурации, концептуализации и созданию определенных граничных сфер — системно-языковой, узуальной, речевой, жанровой, дискурсивной и более глобально — когнитивной, прагматической, лингвокультурологической и пр.» [3].

Изучение интернет-коммуникации в дискурсивном аспекте позволяет осмыслить особенности речевого поведения коммуникантов в сформировавшейся не так давно коммуникативной среде, в том числе выявить специфику поведения агрессивного характера, которое, по последним наблюдениям, является достаточно частым явлением в сети Интернет. Так, по высказыванию А.В. Николаевой, интернет-язык характеризуется не только усилением диалогичности (форум, чат, конференция), развитием разговорной письменной речи, ростом экспрессем и эмоционально окрашенной лексики, но и огрублением речи, постоянным формированием «облика врага» [4]. Агрессивное речевое поведение характерно не только для виртуальной реальности, но и современной действительности в целом, что продиктовано снижением уровня культуры, национальной нетерпимостью, легкодоступностью различных СМИ, пропагандой насилия и т.д. Эти и многие другие социологические, психологические факторы являются подспорьем для повсеместного распространения агрессии. Однако в силу специфики интернет-общения, происходящего в особых условиях, характеризующихся тем, что коммуниканты общаются не «воочию», во многих случаях – анонимно, проявление агрессии в виртуальном пространстве особенно распространено. Одной из доминирующих форм агрессивного, конфликтного речевого поведения в медийном пространстве является дискредитация.

Понятие стратегии дискредитации – явление недостаточно разработанное. В настоящее время отсутствует единый подход к ее пониманию и трактовке. Однако большинство исследователей соглашаются с тем, что главной целью рассматриваемой стратегии является понижение статуса оппонента (В.З. Демьянков, О.С. Иссерс, О.Л. Михалева, Р.Б. Руженцева и др.). Дискредитация представляет собой умаление достоинства, подрыв авторитета, доверия путем обнародования каких-либо негативных фактов [2. С. 161]. Традиционно данная стратегия рассматривается в рамках политического дискурса (см. работы О.С. Иссерс, О.Л. Михалевой, П.Б. Пар-

шина, Е.И. Шейгал и др.), что оправданно благодаря его дискурсивным целевым установкам, требующим речевого поведения, направленного на постоянную борьбу и удержание власти. Однако феномен дискредитации характерен не только для политической риторики, но и для иных сфер речевой культуры реального и виртуального пространств.

Дискредитирующая стратегия, реализуемая в интернет-коммуникации. приобретает свои специфические черты, подстраиваясь под дискурсивные особенности виртуального пространства, к числу которых, по мнению большинства исследователей, относятся: анонимность, дистантность, отсутствие статусной иерархии, что во многом обусловливает ненаказуемость, вседозволенность, возможность игнорирования, размывания нормы поведения и морали. Письменный характер виртуальной коммуникации «позволяет каждому ее участнику неоднократно проследить ход развития конфликта и хотя бы в редуцированном варианте отрефлексировать свою будущую реплику» [5. С. 34], что отражается на экспликации агрессии, приобретающей в таком случае характер преднамеренности, обдуманности. Так же как и в реальном общении, дискредитация в виртуальной среде может иметь разное воплощение: наиболее часто встречающимися формами виртуальной агрессии, по мнению ряда исследователей, являются троллинг, флейминг, холливор (подробно об этом см. работы Т.А. Воронцовой, Е.В. Галичкиной, Д.И. Семенова и др.).

Итак, стратегия дискредитации, реализующаяся в рамках виртуального коммуникативного пространства, демонстрирует прямую зависимость от дискурсивных специфик интернет-общения и воплощается в различных формах.

Предметом анализа данной работы является троллинг — недавно появившийся в Интернете феномен, изучение которого в гуманитарных науках только начинается. Под троллингом понимается «процесс размещения на виртуальных коммуникативных ресурсах провокационных сообщений с целью нагнетания конфликтов посредством нарушения правил этического кодекса интернет-взаимодействия» [6. С. 49]. Соответственно, тролль — это коммуникант, размещающий подобного рода сообщения, его «жертва» — тот / те, кому они адресованы.

Отличительной чертой троллинга является то, что он изначально нацелен на конфронтацию, тролль не пытается высказать свою точку зрения, докопаться до истины, его не интересуют информация, размещенная в сети, мнение других людей, ему важна лишь реакция этих людей на его провокационную деятельность. Тролль сознательно игнорирует принципы вежливости и «кооперации», стремится вызвать агрессию, бесполезные споры, вывести собеседника «из себя», внести разлад в общение, «увести» от обсуждаемой темы, сделать диалог неконструктивным. Провокация является основным механизмом речевого воздействия троллинга, цель которого — самореализация, привлечение к себе внимания. Для тролля важно «почувствовать свою значительность и популярность, произвести неизгладимое впечатление, и для этого он пускает в ход любые средства» [7]. Привлекая внимание к своей персоне, тролль при помощи высказываний

негативного характера развлекается, выплескивает свои эмоции, «подпитывается» чужой энергией. Полагаем, что тролль – это особый психотип личности, «порожденный» виртуальной киберкультурой, который получает психологическое удовольствие и удовлетворение, манипулируя человеческим сознанием и доставляя другим участникам общения коммуникативный дискомфорт. Выкладывая в сеть провокационные сообщения. тролль осознает свою «безнаказанность», что обусловлено особенностями коммуникации (анонимность, дистантность). Как думается, именно это и есть специфичная черта троллинга, отличающая его от подобных форм речевой агрессии, актуализируемых в реальном общении. Оппонент троллинга находится в неведении, считает реплики тролля искренними и зачастую выстраивает диалог по принципу вежливости, игнорирование которой является одной из первостепенных задач тролля. Американский психолог Д. Донат, которая впервые упоминает о сетевом троллинге как научном объекте, понимает под ним «игру в подделку личности, но без согласия большинства игроков, не сознающих участия в этой игре» [8, P. 11]. Таким образом, троллинг представляет собой актуализируемый в виртуальной среде тип коммуникативного поведения, реализация которого определяется целью одного из участников общения (тролля), при этом цель и речевое поведение других участников коммуникативной ситуации выступают механизмом воплощения намерений тролля.

Тролли используют разнообразные, но исключительно деструктивные приемы и принципы, объединяющим фактором для которых является дискредитирующий личность потенциал. Стратегия дискредитации в таком ключе выступает доминирующей, она «всегда направлена на минимизацию (принижение) и даже деструкцию языковой личности собеседника, на его подавление, подчинение и манипулирование им в интересах автора агрессивных дискурсивных практик (высказываний)» [9. С. 234]. Отличительные особенности стратегии дискредитации в троллинге зависят от многих факторов, в том числе и от того, на какой интернет-площадке данная стратегия находит свое воплощение.

В настоящем исследовании мы обратились к анализу сообщений, сосредоточенных в тематических новостных группах форумов [10–12]. Исследователи виртуальной коммуникации относят форумы к исконным сетевым жанрам, где общение осуществляется в асинхронной полилоговой форме и определяется интересами и целями коммуникантов (см. работы Н.Г. Асмус, Л.С. Патрушевой, А.А. Селютина и др.). Форумы представляют собой виртуальное коммуникативное пространство, участники которого имеют возможность конструировать собственную личность в зависимости от своих намерений. Массовость, возможность общения групп по интересам, размещение различных типов материалов располагают к дискуссиям, имеющим в ряде случаев агрессивное речевое воплощение, носящее дискредитирующий характер.

Стратегия дискредитации, актуализируемая в троллинге, может иметь разную реализацию, что, как представляется, соотносится с типом троллинга. Так, сами пользователи Интернета выделяют «толстый» и «тонкий»

троллинг, «толстых» и «тонких» троллей соответственно (см. работы М.М. Акулич, Д.И. Семенова, Л.Н. Синельниковой и др.). Безусловно, данные обозначения («толстый» и «тонкий» троллинг) не входят в аппарат научной терминологии, а применяются пользователями сети при идентификации типа исследуемого понятия. Согласимся с точкой зрения М.М. Акулич, что «толстый» и «тонкий» троллинг различаются по форме воздействия на объект и степени проявления культурности тролля» [13. С. 52]. Объединяющим фактором «толстого» и «тонкого» троллинга является то, что их речевой потенциал нацелен на нанесение психологического дискомфорта собеседнику. Рассмотрим данные явления подробнее.

Актуализация «толстого» троллинга осуществляется в форме открытого нарушения морально-этических, поведенческих норм, направленного на разжигание конфликта. По словам Л.Н. Синельниковой, «толстый» тролль «использует прямые оскорбления, не упускает возможности перейти на личность, открыто угрожает; спорит грубо и безапелляционно, шумный и хамовитый...» [14. С. 19]. «Толстого» тролля достаточно легко распознать по вызывающему поведению, откровенному хамству. Достаточно часто «толстый» тролль проявляет прямую агрессию к собеседнику, по словам К.Ф. Седова, являющуюся «результатом коммуникативного акта, иллокуция которого содержит открытую, очевидную враждебность» [15]. Зачастую экспликация такого типа троллинга сопровождается инвективной лексикой, представляющей собой «словесно выраженное проявление агрессивного отношения к оппоненту» [16. С. 13].

При «тонком» троллинге коммуникант, как правило, проявляет вежливость и корректность, его поведение не выходит за рамки культурного. Однако вежливость эта мнимая, основанная на манипулятивных эффектах, воздействующих на сознание собеседников. Л.Н. Синельникова называет такой тип троллинга «изысканным», «он (тролль) грамотен и аккуратен, действует незаметно, стремится произвести впечатление интеллигентного человека, балансирует "на грани" (может унизить, оскорбить, но готов на какое-то время отступить, дать слово оппоненту, но только для того, чтобы использовать сказанное им для дальнейших провокаций), владеет "уловками" в споре, любит давать советы "от профессионала"» [14. С. 19]. Такой тролль ловкий манипулятор, стремящийся незаметно направить коммуникацию в нужное ему русло. Высшим мастерством данного типа троллинга является умение «как бы почти и не участвуя в общении, вызывать тонны различных эмоций у участников того или иного форума, группы, сообщества. Для этого троллю нужен большой опыт и знание психологии» [17]. «Тонкий» троллинг зачастую актуализируется в форме скрытой агрессии, содержащейся «в речевом акте, негативная иллокуция которого не вытекает из суммарного значения входящих в высказывание компонентов» [15].

Исследуемый материал показал, что существует взаимосвязь между типами троллинга и дискредитирующими тактиками, актуализируемыми в интернет-коммуникации. Так, «толстый» троллинг в большинстве случаев

реализуется тактиками оскорбления и насмешки; «тонкий» троллинг – тактиками насмешки и намека.

Доминирующей тактикой, коррелирующей с «толстым» типом троллинга, является тактика оскорбления. Под оскорблением понимается «речевое действие, содержащее в неприличной форме отрицательную оценку личности, унижающую честь и достоинство этой личности» [9. С. 236]. Как правило, оцениванию подвергаются интеллектуальные, моральные или даже физические особенности коммуниканта (например: ты больной маразматик; статья ниачом, аффтар нуб урод и опозорился))); ты вякнул как обычно неподумавши (орфография и пунктуация авторов сообщений здесь и далее по тексту сохранены). Зачастую оскорбление происходит по модели «ты – кто / какой», «ты делаешь что / как», где вторая часть высказывания всегда эксплицируется лексемами, несущими негативную семантику. При этом выбор языковых средств не ограничивается использованием бранной лексики. В ряде случаев реплики троллей основываются на нормативной лексике, но имеющей отрицательную оценочную окращенность. Цель использования такой лексики – попытка вывести собеседника на эмоции (ты просто не понимаешь, и не способен понять; иногда лучше помолчать и др.). Выбор речеповеденческих приемов, моделирующих конфликтную коммуникативную ситуацию, обусловлен намерениями тролля, которые имеют четко заданную направленность – причинение морального, психологического дискомфорта личности, ее дискредитация и, как следствие, актуализация агрессии у оппонента. Однако опытные интернет-пользователи, учитывая тот факт, что троллинг достаточно распространен в сети, иногда легко распознают «толстый» тип троллинга и зачастую игнорируют оскорбительные агрессивные высказывания провокаторов, а также предостерегают других пользователей от вступления с ними в перепалку. Рассмотрим пример:

Апаtol: Последнее время в России всплеск интереса к дачам. Либералы тут же начали орать, что россияне от нищеты ударились в выращивание еды на 6 сотках // vDocentv: данам на всех вас расеян плевать вместе взятых // adcalll: Щас на дачах от трети до половины участка отводят под "зону отдыха".. Беседки там всякие с качельками, фонтанчики, мангалы.. // vDocentv: вам без разницы что вы идиотами выглядите // Апаtol: После того, как Китай, Турция, Польша и другие страны завалили Россию свежими овощами и фруктами, дачи стали источниками не загаженных химикатами овощей... [10] (здесь и далее по тексту жирным шрифтом выделены высказывания троллей).

Как видно из приведенного полилога, тролль использует выражения оскорбительного характера, языковыми индикаторами которых являются лексемы *плевать*, *идиоты*. Дискредитирующие оппонентов высказывания не получают ответной реакции, поскольку, как представляется, троллинг очевиден для коммуникантов в данной ситуации, и дальнейшие развитие коммуникации осуществляется по принципу его игнорирования.

Полагаем, игнорирование провокационных высказываний тролля и минимизация взаимодействия с ним – один из самых действенных способов

нейтрализации виртуальной агрессии, поскольку отсутствие эмоциональной реакции со стороны оппонентов является коммуникативным поражением троллей и вынуждает их прекратить общение. Подобные ситуации, как правило, характерны при «толстом» троллинге, в случаях, когда он легко определяем. Однако иногда, несмотря на очевидность троллинга, коммуниканты осознанно вступают в дискуссию с провокатором, так как его высказывания способны вызвать сильные эмоции и зачастую «бьют по больному». Приведем пример:

Аlexos: Если бы не Гитлер СССР оккупировал бы всю Европу, а не половину. // As99tt:)))) А что, в июне 1945 Гитлер мог помешать СССР оккупировать Европу? // Alexos: Сталин с Гитлером был в сговоре но не сраслось что то // Андрей К: Во клиника... маразм крепчает..

// Alexos: Да, да а вы все уроды // Андрей К: Ну о чём с таким феерическим долбодятлом можно дискутировать // Alexos: А я няяяниа а вы тупые гоблины [10].

В данном полилоге с целью привлечения внимания и провокации агрессии тролль использует высказывания, способные вызвать эмоциональный «протест» оппонентов, что происходит за счет актуализации важной для общества темы (война, историческое событие). Кроме того, реплики «агрессора» ориентированы на дискредитацию ценностных установок общества. Высказывание тролля не остается без внимания и становится источником речевой агрессии. Выбранная тема и ее «подача» лишь играют роль своеобразного пускового механизма троллинга, при этом само мнение собеседников неинтересно троллю, что объясняет использование им высказывания, имеющего достаточно слабую аргументативную силу (Сталин с Гитлером был в сговоре, но не сраслось что-то) и то, что затронутая тема быстро отходит на второй план, а троллинг в дальнейшем реализуется в тактике оскорбления (вы все уроды; вы тупые гоблины). Причем первым к тактическому приему оскорбления прибегает не тролль, а его «жертва», что всегда является коммуникативной удачей тролля. Экспликация дискредитации осуществляется путем употребления инвективной лексики (маразм, уроды, феерический долбодятел, тупые гоблины). Негативная семантика высказываний, неприятие информации, «вброшенной» в сеть накануне празднования Дня Победы, уничижение патриотических ориентиров социокультурной группы, к которой относится большинство коммуникантов форума, обусловливают ответное использование лексических единиц с отрицательной номинацией, разжигание агрессии. В рассматриваемом полилоге не происходит сдерживания эмоций со стороны оппонентов тролля, дискуссия входит в неконструктивное русло, а тролль, «перетянув» общение на свой уровень, одерживает победу.

Как представляется, реализация троллинга — это «стихийно» протекающий процесс, на развитие которого влияет множество факторов: информационное пространство, в котором троллинг осуществляется, обсуждаемая тема, выбор средств речевого воздействия, а также целый ряд личностных

критериев коммуникантов – психологический тип потенциальной «жертвы», ее эмоциональный фон, настроение, самочувствие, интеллект, возраст и т.д. Таким образом, даже самый «опытный тролль» всегда находится в состоянии неизвестности, постоянно рискует быть раскрытым / проигнорированным и может лишь полагать, к какой реакции со стороны тех или иных коммуникантов приведут его словесные выпады. Так, в следующем примере, аналогичном предыдущему, актуализации агрессии со стороны «жертвы» не происходит:

Ladypeta: Этот человек придумал бессмертный полк. Сергей Лапенков, журналист из Томска. // Савелич: Молодец, Сергей! Мы помним, мы гордимся своими героями и подвигами в ВОВ. Это не должно забываться. Акция должна быть ежегодной традицией. // Foksik: **Ну все сейчас путин героя присвоит.** Идиоты!! // alakasia: Честь ему и хвала. // Оксана1975: Браво. У него и психотип добрый. Лицо значит [12].

Как видим, дискредитирующее личность высказывание, актуализируемое в приведенном полилоге, игнорируется участниками общения. Причем агрессия в данном случае направлена не только на обсуждаемое лицо (С. Лапенкова), но и на действующую власть России, и на аудиторию форума в целом, что указывает на изначальную деструктивную интенцию коммуниканта. В данном примере используется коммуникативная тактика насмешки. Насмешка определяется как «обидная шутка по поводу кого-либо, чего-либо» [18]. Так же как и оскорбление, насмешка направлена на возвышение своей личности за счет умаления достоинств оппонента, однако в отличие от оскорбления она основывается на шутке, иронии, которую можно квалифицировать как намеренное явление, направленное на унижение, высмеивание собеседника. По замечанию В.А. Ефремова, «...насмешка предполагает особую речевую изощренность и очень часто строится на подтексте или ироническом несовпадении сказанного с реальным» [19. С. 90-91]. Формально не имеющее негативной окрашенности высказывание ну все, сейчас Путин героя присвоит в приведенном контексте приобретает отрицательный смысл. Маркером выражения негативных эмоций в данном случае выступает единица ну все, употребляемая в ироническом ключе и имеющая негативную коннотацию. Однако, как уже отмечалось, вербальная агрессия в рассматриваемой ситуации не получает развития, это, как думается, обусловлено несколькими факторами: во-первых, грубое нарушение морально-этической нормы общения, использование негативно окрашенной лексики, отсутствие аргументации своей позиции сразу же выдает тролля, что позволяет коммуникантам проигнорировать его сообщение; во-вторых, обсуждаемая тема, имеющая достаточно важное значение для участников общения, воодушевленность и сплоченность коммуникантов, не желающих вступать в словесную перепалку, настраивают на позитивный лад.

Приведенные примеры демонстрируют такие характеристики троллинга, как спонтанность и непредсказуемость: если в первом полилоге тролль одерживает коммуникативную победу, так как ему удается вызвать эмоциональный всплеск, агрессию со стороны других участников коммуникации, то во втором случае, при схожести ситуаций, тролль терпит коммуни-

кативное поражение. Как видим, в случае обнаружения троллинга манкирование высказываний дискредитирующего характера, отсутствие агрессии со стороны участников виртуальной коммуникации являются наиболее действенным средством «борьбы» с ним. Следует помнить, что проявление эмоций служит стимулом для продолжения и развития коммуникации со стороны тролля.

Однако не всегда провокация в сети легко определяема. В частности, это касается «тонкого» троллинга, речевым инструментом которого в целом ряде случаев является тактика насмешки, в основе которой лежит шутка. Шутка — многоплановый, полисемантический феномен, реализуемый целым спектром различных явлений (от легкой иронии до злого сарказма). Так, «тонкий» троллинг может детерминироваться тактикой насмешки, выраженной в тонкой, скрытой манере, в отличие от «толстого» троллинга, где насмешка имеет достаточно выраженный характер. При этом цель насмешки остается прежней — дискриминация личности, направленная на провокацию агрессии. Приведем пример:

Shugaev: > С 1 июля на Украине вводится дополнительный налог на недвижимость... // Мгдн: На год если разбить и не дорого..... // Кудым: К вам в москву поедем. // Мгдн: Я из сочи. Мы не все в Москве тут живем. // Dev: Везет же!!! Адлер мой любимый город!!! Жил у Абхазов на отдыхе. Вместо воды пил их домашнее вино. Вкусное как компот. Но с пары стаканов немного бьет по шарам. Ощющение счастья!) // Мгдн: На отдыхе не живя здесь, тоже увлекался...Стоило переехать (3 и года здесь)....это дело бросил....не хочется становиться алкоголезависимым // Dev: ну вот после этого и говорят что все русские алкаши // Мгдн: вся европа вино в обед хлещет, ни у кого вопроса не возникает// Dev: я вообще то веду здоровый образ жизни, не курю, спортом занимаюсь // Llish: Вы НЕ ведете здоровый образ жизни, потому что вы пьете вино. Так что не занимайтесь самообманом: люди, которые заботятся о своем здоровье, не накачиваются вином... [10].

Полагаем, что в данном случае уместно говорить о реализации «тонкого» троллинга. На это указывает ряд маркеров: к разным участникам общения, к их сообщениям тролль применяет одну и ту же провокативную тактику (скрытая насмешка); коммуникант не пытается дискутировать на одну, интересующую его тему, постоянно «перепрыгивает» с одного предмета обсуждения на другой; практически никогда не соглашается с собеседниками. Как думается, коммуниканту не важно, о чем и с кем будет вестись диалог, важно вывести людей на определенные эмоции. Несмотря на то, что внешних признаков агрессии тролль в рассматриваемом примере не проявляет, все его высказывания обладают провокационной, дискредитирующей силой и содержат косвенную агрессию. Сообщения тролля в данном случае строятся по принципу противоречивости, но происходит это в «деликатной», тонкой форме. Так, например, смысл выражения на год если разбить и не дорого не соответствует действительности в данной речевой

ситуации, и, как думается, тролль осознает это. Полагаем, что он намеренно употребляет данное высказывание с формально выраженной положительной коннотацией, чтобы обратить на себя внимание, актуализировав противоречивое для приведенной ситуации мнение. В дальнейшем коммуникант-провокатор придерживается выбранной линии речевого поведения, используя тактику насмешки (например, мы не все в Москве тут живем). которая, в сравнении с предыдущими полилогами, рассматриваемыми нами в контексте «толстого» троллинга, не сопряжена со злобой, не содержит инвективной лексики и прямо не выражает отрицательной оценки, но способна активизировать конфронтационный диалог. Помимо тактики насмешки тролль использует тактику намека. Намек представляет собой «слово или выражение, в котором мысль высказана неясно, не полностью и может быть понята лишь по догадке» [18], что, например, демонстрируется высказыванием не хочется становиться алкоголезависимым. Данное выражение содержит в себе оценочный компонент, направленный на дискредитацию собеседника и противопоставление его своей персоне, что также приводит к дальнейшему развитию полилога в конфликтном ключе с применением оскорбительных выражений. Рассматриваемое сообщение тролля (не хочется становиться алкоголезависимым) не согласовывается со смыслом высказывания, приведенного им же самим (вся европа вино в обед хлешет, ни у кого вопроса не возникает), что еще раз доказывает, что доминирующей позицией тролля является актуализация агрессии, манипулирование поведением участников, а не высказывание своего мнения.

Таким образом, дискредитирующая стратегия в «тонком» троллинге, как правило, реализуется косвенными формами, актуализируемыми тактиками непрямой насмешки, намека, которые закономерно несут в себе отрицательную коннотацию и дискредитируют личность. При этом тролль не ставит перед собой задачу сделать имплицитно выраженные смыслы насмешки, намека явными, он пытается лишь добиться определенных реакций от собеседников. Если при «толстом» троллинге реакция оппонентов тролля, как правило, проявляется через агрессию, то «тонкий» троллинг зачастую реализуется в том, что у «жертвы» появляется чувство неполноценности, неуверенности в себе. Например:

Licos123: почему российская молодежь так плохо знает иностранные языки? Вроде и ездить стали больше, а двух слов связать не могут. Лень? // Перл: Ой! А что они хорошо знают? Даже свое?... Историю? Или литературу? Скоро такие же тупые как американцы будут. // Антонов: А что даст нам знание иностранного языка? // Перл: Хотя бы для самаразвития // Кирик: вы для самАразвития русский подучите // Перл: вообще я обычно грамотно пишу, просто тороплюсь // Антонов: грамотные люди даже впопыхах не делают ошибок // Перл: вы разве не делаете ошибок? // Антонов: грубых обычно не делаю // Перл: это банальная опечатка // Антонов: можете не оправдываться // Перл: я просто объясняю // Антонов: вы мне так и не объяснили...ЗАЧЕМ иностранный [11].

Дискредитирующая стратегия, реализованная в тактиках намека, насмешки, выступает в данном случае средством манипулирования сознанием оппонента тролля, провоцирования его к определенным речевым действиям. Выбор той или иной тактики троллем обусловлен его стремлением управлять коммуникативной ситуацией и контролировать ее. Конфликтная ситуация моделируется при помощи высказываний, направленных на привлечение внимания и актуализацию спора (А что даст нам знание иностранного языка?): сообщений. демонстрирующих свое превосходство и дискредитирующих собеседника (грубых обычно не делаю, грамотные люди даже впопыхах не делают ошибок). Речевое воплощение позиции «жертвы» троллинга проявляется в попытке оправдываться, что обусловливается эмоциональным подавлением, «невыгодным» положением оппонента тролля. Все это указывает на «успешность» коммуникации «провокатора», на его коммуникативное преимущество. Маркером дискредитации в данном случае является и явная настойчивость тролля, не желающего отступать, серийность его высказываний: он несколько раз повторяет свой вопрос (Зачем иностранный?) и, полагаем, независимо от ответа готов парировать высказывание своего оппонента, что можно расценивать как некое эмоциональное давление. Троллинг не был выявлен в приведенном полилоге, что привело к коммуникативной неудаче участников общения: интересующая их тема ушла на второй план, диалог приобрел черты бесполезного, неконструктивного общения, связанного с негативным воздействием.

Распространенность троллинга в Сети, постоянное его развитие и совершенствование обусловливают необходимость формирования навыков его выявления участниками интернет-общения. Необходимость распознавания троллинга определяется потребностью обезопасить виртуальное общение от волны интернет-агрессии, негативных эмоций, бесполезных диалогов. Если выявление «толстого» троллинга (как более «примитивной» формы речевой агрессии) не представляет большой сложности, то распознание «тонкого» троллинга может быть крайне затруднительно. Индикатор идентификации троллинга — стремление тролля показать оппонента с невыгодной стороны, а также «мнимый» интерес к обсуждаемой теме, искажение смысла информации, нарушение логики высказываний и т.д., что можно проиллюстрировать на следующем примере:

Катеринка: Прививки по статистике приводят к печальным последствиям в 25 процентах случаев. Skyflower: Импортные вакцины гораздо легче переносятся и лучше перетерпеть температуру, чем умереть от кори в 21веке. Катеринка: Где научные доказательства? Skyflower: Каждый решает сам. Катеринка: Жаль, что в нашей стране родители намеренно подвергают риску своих детей. Medik: Все врачи с «именем» выступают за прививки. Катеринка: Ссылки приведите. Skyflower: А вы приведите ссылки против. Катеринка: Не верь всему, что написано в интернете. Skyflower: Сами ж просили. Катеринка: Я-то ссылаюсь только на авторитетные источники. Я сама способна анализировать то, что прочитала в интернете. Medik: Слишком толсто троллите, мадам. Skyflower: Идите с миром. В приведенном полилоге попытка тролля дестабилизировать общение была выявлена коммуникантами, что позволило предотвратить диалог, направленный на формирование негативных эмоций.

Подводя итог, отметим, что троллинг как исключительно агрессивная форма медиапространства достаточно распространен в сети, что позволяет говорить о зарождении в Интернете особой троллинг-культуры, изучение которой с позиции разных наук и определение ее места в национальной культуре в целом является чрезвычайно важной задачей исследователей. В этой связи имеется необходимость выявления и описания дискредитирующей стратегии как одной из ключевых стратегий, функционирующих в троллинге. Исследование данной стратегии и реализующих ее тактик позволяет обозначить специфику троллинга: определить его цели, типы, виды речевого воплощения и т.п., а также выявить способы предотвращения виртуальной агрессии с целью нивелирования конфликтных ситуаций.

Литература

- 1. *Борисова И.Н.* Категория цели и аспекты текстового анализа // Жанры речи 3. Саратов, 1999. С. 85-101.
 - 2. Иссерс О.С. Стратегии и тактики русской речи. М.: УРСС, 2008. 263 с.
- 3. *Компанцева Л.Ф.* От классического языкознания к интернет-лингвистике. 2010. URL: http://philology.knu.ua/php/4/7/Studia_Linguistica_4/024_030.pdf (дата обращения: 13.04.2017).
- 4. *Николаева А.В.* Троллинг как речевая стратегия в интернет-пространстве. URL: http://nikolaeva.livejournal.com/554313.html (дата обращения: 26.02.2017).
- 5. *Тубалова И.В.*, *Эмер Ю.А.* Конфликтный текст в устной и виртуальной повседневной коммуникации // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 377. С. 3–35.
- 6. Внебрачных Р.А. Троллинг как форма социальной агрессии в виртуальных сообществах // Вестник Удмурдского университета. Философия. Социология. Психология. Педагогика. 2012. № 1. С. 48–51.
- 7. *Что* такое троллинг? URL: http://yablor.ru/blogs/chto-takoe-trolling/1511982 (дата обращения: 22.12.2016).
- 8. Judith S. Donath. Identity and Deception in the Virtual Community // Peter Kollock and Marc A. Smith eds. Communities in Cyberspace. Routledge, 1999. P. 11–12.
- 9. *Романов А.А., Романова Л.А.* Речежанровая специфика эмоциогенного фактора вербальной агрессии // Лингвистика речи. Медиастилистика. 2-е изд., стер. М., 2013. C. 233–245.
 - 10. URL: www.politforums.net (дата обращения 11.02.2017).
 - 11. URL: www/woman.ru/forum/ (дата обращения 28.01.2017).
 - 12. URL: www.liveinternet.ru (дата обращения: 22.02.2017).
- 13. *Акулич М.М.* Интернет-троллинг: понятие, содержание и формы // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2012. № 8. С. 47–54.
- 14. Синельникова Л.Н. Сетевой троллинг: попытка системного описания // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2015. № 40. С. 17–27.
- 15. Седов К.Ф. Агрессия как вид речевого воздействия // Прямая и непрямая коммуникация. Саратов, 2003. URL: http://gigabaza.ru/doc/100170-pall.html (дата обращения: 15.12.2016).
- 16. Жельвис В.И. Поле брани: Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. М.: Ладомир, 2001. 349 с.

- 17. *Ктю* такой тролль в интернете и как себя с ним вести (Антитроллинговый комитет). URL: http://anti-troll.ru/kto-takoj-troll/ (дата обращения: 20.01.2017).
- 18. *Большой* толковый словарь русского языка С.А. Кузнецова, 1998. URL: http://enc-dic.com/kuzhecov/Nasmeshka-13969.html (дата обращения: 15.01.2017).
- 19. *Ефремов В.А.* Виды речевой агрессии // Русская словесность в научном, культурном и образовательном пространстве : материалы докл. и сообщ. XXI Междунар. науч.-метод. конф. СПб., 2016. С. 88–91.

THE DISCREDITING SPEECH STRATEGY IN INTERNET COMMUNICATION (ON THE EXAMPLE OF THE USE OF TROLLING)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2018. 55. 29–42. DOI: 10.17223/19986645/55/3

Lubov M. Gritsenko, Tatiana A. Demidova, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: grluba@rambler.ru / demidtanya@yandex.ru

Keywords: virtual discourse, speech aggression, trolling, communication strategies, communication tactics, discrediting speech strategy.

The paper presents a study of the communicative strategy of discrediting implemented in trolling, which is a relatively new type of verbal aggression in the media space, and the study of which is one of the most relevant areas in linguistics.

Verbal aggression is characteristic of a multitude of spheres of human activity, but is most vivid in the realm of Internet communications. This can be explained by the unique character of Internet communication, whose features, including anonymity, distance and the absence of a status-based hierarchy, inevitably led to the rise of a form of communication often coloured by aggression.

The aim of the study is to identify and describe the features of the discrediting strategy functioning and its communicative tactics. The research is based on the analysis of messages of provocative nature expressed in trolling. The context of the newsgroups of online forums is used in the work. The study is conducted by means of such methods as scientific description, linguistic analysis (contextual, semantic, structural, etc.). An interpretative method is used to study the content peculiarities of the contexts.

Following the analysis of social networks messages, the key strategies of discrediting in trolling were determined: insult, mockery and allusion. In the course of the study, the authors concluded that the tactics used as an instrument of influence on the communicant correlate with the type of trolling (traditionally researchers distinguish "thick" and "thin" trolling). The analysed material showed that the strategy of discrediting in "thick" trolling is manifested in the tactics of insult and mockery, openly attacking the target's character. "Thin" trolling, in the majority of cases, is expressed through mockery and allusion; it is used to discredit the identity and status of the other communicant in a veiled, indirect manner. Thus, trolling has a different manifestation, it can be expressed through direct or indirect verbal forms.

Particular attention is paid to the description of the specifics of linguistic means and the interpretation of polylogues in which trolling is expressed. The typological features of "thick" and "thin" trolling are taken into account as well. The paper emphasises that the identification of "thick" trolling, as a more "primitive" form of verbal aggression, is not difficult, and recognition of "thin" trolling is often difficult. This necessitates the search for ways to identify and prevent virtual aggression.

The analysis of the forum messages has led to the conclusion that one of the most effective ways of levelling verbal aggression is ignoring provocative messages.

References

1. Borisova, I.N. (1999) Kategoriya tseli i aspekty tekstovogo analiza [Category of aim and aspects of text analysis]. In: *Zhanry rechi* [Speech genres]. Is. 3. Saratov: Kolledzh. pp. 85–101.

- 2. Issers, O.S. (2008) *Strategii i taktiki russkoy rechi* [Strategies and tactics of Russian speech]. Moscow: URSS.
- 3. Kompantseva, L.F. (2010) *Ot klassicheskogo yazykoznaniya k internet-lingvistike* [From classical linguistics to Internet linguistics]. [Online] Available from: http://philology.knu.ua/php/4/7/Studia Linguistica 4/024 030.pdf. (Accessed: 13.04.2017).
- 4. Nikolayeva, A.V. (2016) *Trolling kak rechevaya strategiya v internet-prostranstve* [Trolling as a speech strategy in the Internet space]. [Online] Available from: http://nikolaeva.livejournal.com/554313.html. (Accessed: 26.02.2017).
- 5. Tubalova I.V. & Emer, Yu.A. (2013) Conflict text in oral and virtual everyday communication. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta Tomsk State University Journal*. 377. pp. 3–35. (In Russian).
- 6. Vnebrachnykh, R.A. (2012) Trolling as a form of social aggression in the virtual community. *Vestnik Udmurdskogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Psikhologiya. Pedagogi-ka Bulletin of Udmurt University. Series Philosophy. Psychology. Pedagogy.* 1. pp. 48–51. (In Russian).
- 7. Briz. (2011) *Chto takoye trolling*? [What is trolling?]. [Online] Available from: http://yablor.ru/blogs/chto-takoe-trolling/1511982. (Accessed: 22.12.2016).
- 8. Judith, S. (1999) Donath. Identity and Deception in the Virtual Community. In: Peter Kollock, P. & Smith, M.A. (eds) *Communities in Cyberspace*. Routledge.
- 9. Romanov, A.A. & Romanova, L.A. (2013) Rechezhanrovaya spetsifika emotsiogennogo faktora verbal'noy agressii [Speech and genre specificity of the emotional genesis factor of verbal aggression]. In: *Lingvistika rechi. Mediastilistika* [Speech linguistics. Mediastylistics]. 2nd ed., ster. Moscow: Flinta.
- 10. Politforums.net. (n.d.) [Online] Available from: www.politforums.net. (Accessed 11.02.2017).
- 11. Woman.ru. (n.d.) [Online] Available from: www/woman.ru/forum/. (Accessed 28.01.2017).
- 12. Liveinternet.ru. (n.d.) [Online] Available from: www.liveinternet.ru. (Accessed: 22.02.2017).
- 13. Akulich, M.M. (2012) Internet trolling: concept, content and forms. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskiye i pravovyye issledovaniya Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research.* 8. pp. 47–54. (In Russian).
- 14. Sinel'nikova, L.N. (2015) Network trolling: attempting a system description *Mir lingvistiki i kommunikatsii World of Linguistics and Communication*. 40. pp. 17–27. (In Russian).
- 15. Sedov, K.F. (2003) *Agressiya kak vid rechevogo vozdeystviya* [Aggression as a form of speech influence]. [Online] Available from: http://gigabaza.ru/doc/100170-pall.html. (Accessed: 15.12.2016).
- 16. Zhel'vis, V.I. (2001) *Pole brani: Skvernosloviye kak sotsial'naya problema v yazykakh i kul'turakh mira* [The battlefield: Foul language as a social problem in the languages and cultures of the world]. Moscow: Ladomir.
- 17. Anti-troll.ru (n.d.) *Kto takoy troll' v internete i kak sebya s nim vesti (Antitrollingovyy komitet)* [What is a troll on the Internet and how to behave with it (Antitrolling Committee)]. [Online] Available from: http://anti-troll.ru/kto-takoj-troll/. (Accessed: 20.01.2017).
- 18. Kuznetsov, S.A. (1998) *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Big Dictionary of the Russian language]. [Online] Available from: http://enc-dic.com/kuzhecov/Nasmeshka-13969.html. (Accessed: 15.01.2017).
- 19. Efremov, V.A. (2016) [Types of speech aggression]. *Russkaya slovesnost' v nauchnom, kul'turnom i obrazovatel'nom prostranstve* [Russian speech in the scientific, cultural and educational space]. Proceedings of the XXI International Conference. St. Petersburg: SPbGUPTD. pp. 88–91. (In Russian).

УДК 81:39+811.161.1'37 DOI: 10.17223/19986645/55/4

Т.В. Леонтьева

ДИАЛЕКТНЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ С ГЛАГОЛОМ ОСТАТЬСЯ КАК ОБОЗНАЧЕНИЯ УПАДКА В РУССКОЙ ДЕРЕВНЕ: СЕМАНТИКА И КОМПОНЕНТНЫЙ СОСТАВ¹

Осуществлен семантико-мотивационный анализ русских диалектных речевых оборотов, представляющих собой устойчивые конструкции с глаголом остаться. Русские диалектные выражения, в составе которых присутствуют группы существительных (например, «существительное + союз да + существительное») и глагол остаться, часто служат обозначениями упадка в русской деревне. Они передают смысл 'обезлюдеть', описывают состояние дел, складывающееся из-за отъезда людей, а именно развал, упадок, своеобразное ослабление «социального ресурса». Новизна работы определяется обращением к лексическому материалу, ранее не опубликованному и хранящемуся в картотеках и архивах.

Ключевые слова: *этнолингвистика*, *фразеология*, *семантико-мотива- ционный анализ*.

Исследователи русских народных говоров анализируют диалектный дискурс с разных позиций: в отношении реализуемых жанров (автобиографический рассказ, мемораты, сентенции), или основных тем (голод в годы войны, крестьянский труд, общинные гуляния, помочи и др.), или ключевых понятий (дом, обычай, предки и т.д.), или характеристик менталитета, которые детерминируют особенности речи – ее содержание и форму. Например, Е.В. Иванцова, обобщая эти суждения и находя им подтверждение в процессе анализа записей речи одной диалектной языковой личности (Веры Прокофьевны Вершининой, носителя сибирского старожильческого говора), говорит о том, что «к доминантным чертам мировидения носителя народно-речевой культуры можно отнести антропоцентричность, приоритет личного опыта, опирающегося на сенсорные впечатления, по отношению к логическим умозаключениям, конкретность, образное восприятие действительности (с особой значимостью перцептивных образных впечатлений, ощущением тесных связей человека и окружающего его мира – вплоть до их представления как нерасчлененных в сознании диалектоносителя) и, наконец, оценочность» [1. С. 39].

С точки зрения концентрации этих черт в одной языковой черте или речевой особенности нам показались любопытными (как феномен) выражения с глаголом *остаться*, описывающие вымирание деревни: костром.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 16-18-02075 «Русский социум в зеркале лексической семантики»).

Теперь в деревне никого не осталось, арх. Деревня-то наша не корыстна (= невелика), всё старьё одно осталось [2. Т. б. С. 67], перм. Никого уж в деревне-то нет, остались только шиша да агаша, да ишо третья палаша [3. Т. 2. С. 554]. Анализ словарей и картотек позволил выявить несколько десятков подобных диалектных фиксаций, в том числе записанных участниками экспедиции Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина на Русском Севере, но надо полагать, что эти материалы могут быть дополнены.

Коммуникативной задачей подобных высказываний являются сетования, выражение сожалений по поводу исчезновения деревень как признака глобальных перемен («всё меняется <в деревне и мире>»), выражение обеспокоенности из-за этих перемен, воспринимаемых как разрушение жизненных основ. Иначе говоря, речевые обороты этой группы используются тогда, когда предметом речи является сравнение прошлого и настоящего. Репрезентированный в этих номинациях ментальный конструкт наступивших перемен лежит в области темпоральной картины мира.

Диалектологи отмечают, что разные временные планы имеют в сознании диалектоносителя разную степень значимости (это тоже одна из существенных особенностей диалектного дискурса – в дополнение к названным выше). Так, Е.В. Иванова приводит любопытную статистику: в русском паремиологическом фонде количество пословиц о прошлом в четыре раза превышает число соответствующих пословиц в английском языке [4. С. 26]. М.В. Пелипенко замечает, что «сопоставление прошлого и настоящего является отличительной особенностью всех рассказов диалектоносителей об укладе сельской жизни» [5. С. 21]. С.М. Белякова, рассматривая вербальные воплощения представлений о прошлом и будущем в старожильческих говорах юга Тюменской области, заключает следующее: «Основным временным планом в диалектных текстах остается план прошлого, при этом главной оппозицией является "прошлое – настоящее"» [6. С. 87], в то время как «будущее гораздо менее актуально для диалектоносителя» [Там же. С. 85].

В целом с этим утверждением можно спорить, поскольку «темпоральные предпочтения» диалектоносителей объясняются во многом возрастом опрашиваемых информантов и ситуацией экспедиционной записи, когда фактически информант побуждается собеседником к созданию устного произведения заданного жанра — воспоминаний, устного автобиографического рассказа. Даже в отвлечении от специфики диалектного дискурса можно вспомнить, что «будущее время в естественных языках всегда занимает более периферийное место» [7. С. 77]), а в подсистеме народных говоров это проявляется еще заметнее: «План будущего вообще (т.е. и грамматическое и лексическое его выражение) в диалектных текстах отмечается сравнительно редко. Так, из выборки в 1000 предложений, имеющих темпоральные определители, предложения, отражающие план прошлого, составляют 42,5 %, план настоящего — 31%, план будущего — всего 5%» [6. С. 80]. Ели принять во внимание перечисленные аргументы, то это

существенно ослабит версию об особом, ориентированном на прошлое менталитете носителя традиционной культуры.

И все же невозможно отрицать, что семантическая оппозиция «прошлое – настоящее» заметно проявляет себя в отдельных тематических сегментах диалектного дискурса. Важнейший из них объединяет тексты, высказывания, посвященные обычаю, социальному порядку. Так, Ю.Н. Грицкевич и В.Г. Новиков рассматривают наречную оппозицию раньше (тогда) – теперь как один из типичных лексических показателей концепта «Мода» [8] (А раньшы маркофку не была моды сеить, не была абычая; Тяперь моды нет рукам касить; Мода был ф каляду блины пячи; До трёх дней кристили, а ни крестициа нильзя, ни в моди [Там же. С. 78]), а словом мода в диалекте обозначается именно обычай.

Сходный вывод делает С.М. Белякова, также комментируя функционирование вербальных маркеров времени (раньше, прежде, прошлый, допрежной, ранешной и др.) в диалектных текстах, записанных в Тюменской области (Преже не така жизнь была; Раньше семь деверей и семь снох вместе жили; Ране мужики были больши, а теперь бабы над мужиками больши): «В речи данные лексемы чаще всего употребляются с особым коммуникативным заданием: как правило, они относятся к другому жизненному укладу, который сопоставляется (эксплицитно или имплицитно) с существующим в настоящее время» [6. С. 80]. Неудивительно, что временные маркеры вводят в речи фрагменты рефлексии по поводу перемен в социуме, обусловленных движением времени. В «Новом объяснительном словаре синонимов русского языка» справедливо отмечается: «В раньше очень важна идея сравнения», и в контекстах, включающих это наречие, «сравнивается скорее не время, а сами ситуации» [9. С. 941].

Итак, в речи носителей русских народных говоров с высокой степенью регулярности маркируются социальные изменения, при этом констатируется факт смены эпох. Обороты с глаголом *остаться* — одно из средств маркировки социальных перемен.

О глобальных переменах в жизни деревни как существенном для традиционного сознания факте действительности могут свидетельствовать самые разные черты быта, например отсутствие работы, исчезновение школ, больниц, органов административного управления, утрата деревней статуса самостоятельного населенного пункта и проч. И такие сюжеты встречаются в диалектных записях бесед с информантами, однако они не носят регулярного характера и не имеют специальных, устойчиво воспроизводимых языковых средств выражения.

На уровне речи устойчиво фиксируются только конструкции с глаголом *остаться*. На первый взгляд в их основе лежит количественный денотат «никого не осталось в деревне / мало кто остался», поскольку логически мы легко восстанавливаем в них указание на то, что люди переезжают в города безвозвратно, на постоянное местожительство, покидают деревню. Однако мотивировка, положенная в основу большинства таких высказываний, на самом деле еще более узкая —

«остались только люди определенного сорта», т.е. «люди, которые принадлежат социальной периферии».

Демонстрируя использование оборотов со словом *остаться* как особенность диалектного нарратива, мы намеренно первым привели контекст, в котором глагол *остаться* сочетается со словом *никого* (костром. *све́жий* 'приезжий' (*Теперь в деревне никого не осталось: кто умерли, кто свежие, вот как ты например. Свежий равно что приезжий) [10]) и фиксируется элементарный смысл 'отсутствие людей'. На этом фоне виднее становится специфика прочих конструкций, когда элемент «никого» замещается, как ни странно, смыслами присутствия, при этом совсем не смыслом «(осталось) малое количество жителей». Акцент смещается на пропозицию «остались негодные люди».*

На месте количественного признака закрепилась идея «социального атрибутива». Очевидно, что выбор номинатора в ее пользу обусловлен прагматическим мировидением носителя традиционной культуры, который имеет склонность к оценке человека (и себя в том числе) по критерию «годный – негодный» к работе.

По контекстам реконструируются направления детализации «негодности».

Проанализируем две записи диалектной речи: (1) арх. Деревня-то наша не корыстна (= невелика), всё старьё одно осталось [2. Т. 6. С. 67]; (2) волог. ста́рый да ма́лый да люд неуда́лый 'о малом количестве людей' (Много осталось там в деревнях, старый да малый да люд неудалый) [11].

Они показывают, что к «негодным» отнесены две возрастные группы — «престарелые люди» и «дети» («возрастные окраины»). Кроме того, как подсказывает спектр значений слова *неудалый* в русских говорах, речь идет о неумелых, нерасторопных, непроворных, ленивых, плохих работниках: *Руки неудалые, как грабли, как клещи поганые; Неудалую жену он взял; Як пошел мой неудал шилом сено косить* [12. Т. 21. С. 187]. Помимо этого, обратим внимание, что антоним *удалый* 'быстрый, подвижный; проворный в работе; ловкий, сноровистый, умелый; работящий; сильный; здоровый; хорошего качества' [Там же. Т. 46. С. 270] сигнализирует еще и о том, что «неудалость» может обозначать не только нежелание или неумение работать, но и неспособность работать из-за болезни, по немощности.

Если в выражении люд неудалый лишь слабо просвечивает смысл 'нездоровый, немощный', то в других выражениях он присутствует очевидно, вне всяких сомнений: (4) волог. косой да жёлтый 'о немощных людях, оставшихся без поддержки' (Ну, остались в деревне шоша да мотоша, косой да жёлтый) [2. Т. б. С. 81], волог. кривой да жёлтый 'о немощных людях, оставшихся без поддержки' (Никого дельных не осталось – кривой да жёлтый) [2. Т. б. С. 164]. Приведенные контексты, содержащие слово остаться, неинформативны относительно выявления характеристик денотата, мы можем только предполагать (хоть и с высокой степенью надежности, если имеем представление о регулярных семантических моделях), что такое кривой / косой да желтый, однако другая запись содержит прямое

пояснение информанта: волог. дым да уга́р, криво́й да же́лтый 'всякий сброд' (Дым да уга́р, криво́й да же́лтый – собрались там, плохие, больные, может) [11]. Модус предположительности обусловлен тем, что информант рефлексирует над внутренней формой выражения и она подсказывает ему смысл 'больной'.

Медицинская метафора обнаруживается еще и в костром. *хромь да вывих* 'о немощных людях' (*Мы уж тут остались – хромь да вывих*) [10], костром. *излом да вывих* 'об отсутствии молодого работоспособного населения' (*Тоже деревни нет, что там осталось – излом да вывих, молодых-то нет, но есть ещё старички, живут*) [10]. Однако в данном случае, как нам кажется, не воссоздается образ немощных жителей деревни, а скорее дается образная характеристика «больной ситуации».

Итак, мы обратились к фразеологизмам, имеющим образную основу, или к конструкциям со словами, имеющими переносное значение. Денотат несколько труднее реконструировать в случаях, когда социальная периферия получает метафорические обозначения, но все же и тут можно опереться на анализ контекстного окружения и прибегнуть к анализу внутренней формы слова или буквальной основы фразеологизма.

Пример из наших костромских записей укажет еще на одну трактовку «социальной негодности»: костром. о́шошь 'сброд, негодные люди' (Теперь кто в колхозе остался, одна ошошь, хорошие разбрелись да уехали) [10].

Диалектное слово о́шошь обозначает ненужные вещи, отбросы, остатки чего-либо, старые тряпки, обноски: костром. о́шошь 'о непригодных для обработки, сучковатых деревьях' (Лес рубят, да одни сучки, скажут – одна ошошь, брось рубить), 'лесной мусор' (В лесу это ошошь такая – разны ветки, кора на ветках бывает, как мох), 'малопригодные остатки чего-либо, дрянь' (Ну, например, дрова несут худые – «Всю ошошь ты собрал да принес»; Грибы, например, перебирала, одни хорошие, другие не очень, ошошь – это уже не очень, но в дело идет; Ошашь – дребедень разна брошена, на свалку только, тряпки всякие, еще что бесполезное) [10], ср.: М. Фасмер объясняет вят. ошошь 'мусор, отходы' как появившееся из *осошь в результате ассимиляции, поскольку цслав. осошити 'обрубать сучья', т.е. осошь – 'то, что обрубается при отесывании дерева' [13. Т. 3. С. 180].

В результате семантической деривации слово *ошошь* присоединилось к множеству экспрессивных характеристик людей. В частности, оно выступает обозначением детей: костром. *ошошь* 'социально незначимые, маргинальные слои населения' (Косят-то взрослые, а потом отправляют нас — всю ошашь — к ночи: повернем сено, потом загребем и мечем стога; Ошашь — вся мелочь наша, вся мелузга — дети; Как ошошь — люди недорослые бегают, кто молодые) [10].

Однако рассматриваемый пример словоупотребления касается работы в колхозе (*кто в колхозе остался...), а значит, речь идет не о детях, поэтому нужно обратить внимание на другое значение этого существительного: костром. о́шошь 'представители «социального дна», маргинальные слои

населения, сброд, шваль' (Вся ошошь идет; Вся ошошь собралась, пьянчуги-те; Мужик-от всю ошошь собрал, всех шалав-то; Ошошь — никчемные люди, распущенные там, гулящие, пьющие, курящие) [10]. Следовательно, слово ошошь в обороте в деревне осталась одна ошошь служит переносным обозначением морально разложившихся, страдающих пороком пьянства, ведущих разгульную жизнь людей.

Наконец, «социальная негодность» уточняется посредством семантики бедности: перм. *скрёма да ерёма, кол да переты́ка* 'о малоимущих или немощных людях' (Из тоё деревни-то все разъехались, одне старики остались – скрёма да ерёма, кол да перетыка) [14. С. 331].

Сема 'бедный' закреплена здесь в устойчивом сочетании *кол да перетыка*, у которого имеются варианты.

Фразеологизмы подобной структуры выступают обозначениями бедняков, бедности, нищеты: костром. кол да перетыка, горьк. кол да ёр да перетыка, перм. голь да перетыка 'о том, кто крайне беден; бедность' (Сами кол да ер да перетыка, а людей промывают) [12. Т. 26. С. 249], волог. кол да перетыка 'о тех, кто крайне беден' (А мы бедные были, кол да перетыка) [15. Т. 7. С. 45]. Ср. пример того, как использован прием градации в художественном тексте при характеристике деревенской бедноты: Теперь на Горах немало крестьян, что сотнями десятин владеют. Зато тут же рядом и беднота непокрытая. У иного двор крыт светом, обнесен ветром, платья что на себе, а хлеба что в себе, голь да перетыка – и голо и босо и без пояса (Мельников-Печерский. «На горах»). Факультативно, для демонстрации модели, упомянем еще один оборот: ленингр. Ушла дочь, и остались дома шары да палки [16. Т. б. С. 834] (хотя контекст не имеет отношения к семантике упадка деревни). Каждое существительное в перечисленных выражениях – палка, шара, кол, перетыка, ёр / ёра, голь – способно выступать в качестве обозначения очищенного тонкого ствола дерева, шеста, вицы: диал. перетыка 'кол изгороди' [12. Т. 26. С. 248], петерб., новг. ёра, ера 'вид березы, низкорослая береза' [Там же. Т. 8. С. 363], арх. ёры 'ветки кустарника' [Там же. Т. 9. С. 37], др.-рус. голь 'ветка, ramus' [17. Т. І. С. 546], ленингр. шара́ 'молодое деревце, обычно хвойное' (Шару-то выбирай подольше, частокол будет повыше) [16. Т. 6. С. 834]. Мы полагаем, что на появление и функционирование таких выражений оказал влияние известный в русской языковой картине мира символ: образ палки, кола связывается с отсутствием своего двора, дома: новг. от кола жить 'начинать с нуля' (Как вот приехали, от кола жить начали, даже дома своего не было) [Там же. Т. 2. С. 396], литер. ни кола ни двора 'ничего нет' [18. Т. 3. С. 594]. В структурно-семантическом отношении мы имеем дело с перечислительными сочинительными союзными конструкциями, которые инвариантно обозначают «то, что не составляет труда перечесть».

Конечно, нельзя подходить к трактовке богатства и бедноты с сегодняшним пониманием этих слов (как финансового благополучия и неблагополучия). Бедность «по-деревенски» – это прежде всего худое хозяйство, неухоженный двор и дом, а причинами этой бедности могут быть и нежелание работать, и неумелость, и немощность.

Итак, в сущности во всех случаях конкретизации денотата выражений, называющих представителей социальной периферии, подразумевается трудовая характеристика человека: дети и старики нетрудоспособны, непутевые не хотят работать, болезные не могут работать и т. д.

Все шесть реконструируемых денотатов при всем их различии (это разные социальные слои, группы: (1) дети, (2) старики, (3) не умеющие работать, (4) немощные, (5) непутевые, (6) бедняки — объединены тем, что в сознании носителей языка связываются с неучастием человека в трудовой жизни деревни.

На первое место выходит характеристика человека по «социальному качеству», но количественная сема не исчезает вовсе, она сохраняется на уровне грамматической структуры высказывания в виде двучленной (реже – трехчленной) синтаксической конструкции с соединительным союзом $u, \partial a$.

Анализ материала показывает, что постепенно логика осмысления номинируемой ситуации носителем языка уступает место языковой логике. Особенно часто это можно наблюдать при нарастании экспрессии.

В наибольшей степени внутренние потенции языка актуализируются при использовании антропонимов в составе сочетаний. Семантика негодного передается посредством включения во фразеологизмы русских имен, которые выступают знаками-носителями определенного комплекса смыслов, возникающего из аттракционных притяжений или на базе прецедентного содержания, если речь идет о мифологическом персонаже: волог., костром. тюха (да) пантюха да колупай с братом 'о неуважаемых, никчемных людях, часто физически или морально ущербных, приехавших из разных мест: всякий сброд, кто попало' (волог. Понаехали без весть откуда – тюха да пантюха да колупай с братом. У нас в деревне оставши тюха да пантюха да колупай с братом, кто дачники, кто местные) [11]. костром. тюха да пантюха 'всякий сброд' (Остались тюха да пантюха, кто откуда. кто наврёт, кто сворует) [10], костром. тюха да понтюха 'о небольшом количестве людей' (Тюха да Понтюха в колхозе осталось, всё развалилось, все разбежались [Там же], арх., пск. тюха (да) матюха 'о беспомощных людях (больных, старых, многодетных и т. п.) (Никого уж нет в Юмже, тюха да матюха остались [11], волог. шоша да мотоша о никчемных, неспособных к работе, неуважаемых, немощных людях; всякий сброд' (Все разъехались, остался шоша да мотоша – только бы выпить. Хорошие разъехались) [Там же], костром. шоша да матоша да колупай с братом 'о небольшом количестве людей' (Что нас осталосьто, шоша да матоша да колупай с братом, молодые повыехали, а старые повымирали, три дома стоит) [10], перм. шиша да агаша, третья – палаша 'малопочитаемые люди' (Кто у тебя сёдни был в гостях-то? – А-а, шиша да агаша, треття палаша; Никого уж в деревне-то нет, остались только шиша да агаша, да ишо третья палаша) [3. Т. 2. С. 554], перм.

тю́тя да ля́па (Ноне только тютя да ляпа в деревне-то и живут, кто уж совсем ничё не знат. Кто мало-мали грамотной, дак в город уходит) [3. Т. 2. С. 459], пск. две ва́сихи кресто́м 'о малом количестве людей; почти никого нет' (Да, в Арли-то народу две васихи крестом, никого не оставши) [19. Т. 16. С. 134].

Даже первый взгляд на приведенные примеры ставит перед нами вопрос о том, каков ономастический статус слов, имеющих сходство либо совпадающих с именами (агаша, ероха, мартын, тюха, матюха, возможно, соотносимы с Агафья, Ерофей, Мартын, Пантелеймон (Пантюха), Матвей и др.). Вероятно, в этом ряду есть случаи онимизации апеллятивов и случаи апеллятивизации онимов (детальный анализ выражений тюхаматюха, тюха-пантюха и их вариантов в аспекте ономастического статуса их компонентов см. в публикации Л.А. Феоктистовой [20. С. 103–106]), но чаще всего это нельзя установить наверняка.

Экспрессивная мощь антропонимов и квазиимен берет верх над конкретным смыслом 'никто', 'мало кто' (поскольку номинирует лицо, т.е. служит знаком присутствия людей) и как нельзя лучше подходит для выражения идеи об истощающемся человеческом ресурсе русской деревни. Поиск коннотаций имен, используемых в оборотах, наверняка увенчается успехом. Так, например, одна из трактовок слов *тоха* и матюха в составе анализируемого выражения как прозвищ изложена в книге И.А. Подюкова и Е.Н. Сваловой: «Тюха, Пантюха да Колупай с братом. Выражение основано на использовании прозвищ человека по недостаткам (Тюха от тюхать — медленно идти, матухаться — мешкать в работе, пантюхать — медленно передвигаться) с одновременным сближением их с реальными формами имён (известно пермское Матюха от Матвей, сибирское Тюха — уменьшительная форма от имени Христина)» [21. С. 49];

Итак, среди конструкций вида «*остались в деревне* + S (субъект)» выделяется три модели, появление каждой из которых обусловлено разными факторами:

- логикой мышления (никого не осталось);
- мироощущением (<остались> хромь да вывих);
- собственными потенциями языка (остались только шиша да агаша, да ишо третья палаша).

Каждый фактор не изолирован от прочих, но имеет преимущество при формировании какой-либо из этих моделей.

Речевое явление, ставшее предметом нашего анализа, можно считать, с одной стороны, еще одним частным подтверждением тяготения диалектоносителя к эмоциональному типу оценки, а с другой стороны, свидетельством в пользу высокой значимости для представителей традиционной народной культуры ситуации коренных социальных трансформаций как факта действительности, который получает глубоко эмоциональную оценку. Рассмотренные сочетания глагола *остаться* с антропонимами и квазименами обозначают исчезновение, гибель русской деревни и целого культурного слоя.

Список сокращений

арх. – архангельские говоры русского языка; волог. – вологодские говоры русского языка; вят. – вятские говоры русского языка; диал. – диалектное; др.-рус. – древнерусское; костром. – костромские говоры русского языка; ленингр. – ленинградские говоры русского языка; литер. – литературное; новг. – новгородские говоры русского языка; перм. – пермские говоры русского языка; петерб. – петербургские говоры русского языка; пск. – псковские говоры русского языка

Литература

- 1. *Иванцова Е.В.* Мировидение языковой личности в традиционной русской народно-речевой культуре // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2014. № 4 (30). С. 27–42.
- 2. Словарь говоров Русского Севера / под ред. А.К. Матвеева. Екатеринбург : Издво Урал. ун-та, 2001-2011. Т. 1-5.
- 3. *Словарь* пермских говоров / под ред. А.Н. Борисовой, К.Н. Прокошевой. Пермь : Кн. мир, 2000-2002. Вып. 1-2.
- 4. Иванова Е.В. Пословичная концептуализация мира: на материале английских и русских пословиц: дис. . . . д-ра филол. наук. СПб., 2003. 415 с.
- 5. *Пелипенко М.В.* Социальная семантика в структуре диалектного слова (на материале тамбовских говоров) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2009. 27 с.
- 6. *Белякова С.М.* Прошлое и будущее в диалектной картине мира // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2005. № 2. С. 79–88.
- 7. *Мельчук И.А.* СЕЙЧАС и ТЕПЕРЬ в современном русском языке // Мельчук И.А. Русский язык в модели «Смысл Текст». Москва ; Вена, 1995. С. 55–79.
- 8. *Грицкевич Ю.Н., Новиков В.Г.* Концепт «МОДА» в диалектном дискурсе // Вестник Псковского государственного педагогического университета. Серия Социальногуманитарные и психолого-педагогические науки. 2011. Вып. 15. С. 77–80.
- 9. *Новый* объяснительный словарь синонимов русского языка / гл. ред. Ю.Д. Апресян. М. : Языки славянской культуры, 2003. 1488 с.
- 10. Лексическая картотека топонимической экспедиции УрФУ (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург).
- 11. Картотека Словаря говоров Русского Севера (кафедра русского языка и общего языкознания Уральского федерального университета им. первого Президента Б.Н. Ельцина, Екатеринбург).
- 12. Словарь русских народных говоров / ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов, С.А. Мызников. М. ; Л., 1965–2016.
- 14. Прокошева К.Н. Фразеологический словарь пермских говоров. Пермь : Изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 2002. 431 с.
- 15. Словарь вологодских говоров. Вологда : Изд-во ВГПУ «Русь», 1983—2007. Вып. 12.
- 16. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / ред. А.С. Герд. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1994—2005. Вып. 1—6.
- 17. *Срезневский И.И*. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам : в 3 т. СПб., 1893–1912. Т. 1 : А–К. 1893. 771 с.; Т. 2. : Л–П. 1902. 771 с. Т. 3 : П–Я и доп. 1912. 996 с.
- 18. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М. : Наука; Л. : Изд-во АН ССР, 1948–1965. Т. 17.

- 19. Псковский областной словарь с историческими данными. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1967–2008.
- 20. *Феоктистова Л.А*. Еще раз о рус. диал. *тюха-матюха (тюха-пантюха)* // Научный диалог. 2017. № 10. С. 98–110. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-10-98-110.
- 21. К пиру едется, а к слову молвится: народная паремика Пермского края: [сборник фольклорных текстов с комментариями и истолкованиями] / Перм. гос. гуманит.-пед. ун-т; [авт.-сост. И.А. Подюков, Е.Н. Свалова]. СПб.: Маматов, 2014. 173 с.

DIALECTAL EXPRESSIONS WITH THE VERB *OSTAT'SYA* 'TO STAY' AS MARKERS OF DECLINE IN THE RUSSIAN VILLAGE: SEMANTICS AND THE COMPONENT STRUCTURE

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2018. 55. 43–54. DOI: 10.17223/19986645/55/4

Tatyana V. Leontyeva, Russian State Vocational Pedagogical University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: leotany@mail.ru

Keywords: ethnolinguistics, Russian folk dialects, phraseology, verb *ostat'sya* 'to stay'.

The study is supported by the Russian Science Foundation (project No. 16-18-02075 "Russian Society in the Mirror of Lexical Semantics").

Russian dialectal expressions with the verb *ostat'sya* 'to stay', describing the extinction of the village, are analysed in semantic and motivational aspects. The communicative goal of these expressions is an expression of regret at the disappearance of villages. Expressions with the verb *ostat'sya* are one of the means of marking social change. Speech units in this group are used when comparing of the past and the present is the subject of the speech. The mental construct of occurring changes represented in these nominations is in the area of the temporal picture of the world.

At first glance, these expressions are based on the quantitative denotation of "no one stays in the village / few stay", because they imply an indication that people permanently move to the city for permanent residence, they leave the village. However, motivation underlying the majority of such utterances in fact is even narrower – "only people of a certain kind stay", that is, people who belong to the "social periphery".

The quantitative seme does not disappear, it remains at the level of the grammatical structure of the utterance in the form of a two-term syntactic constructions with the connecting conjunction i, da 'and'; however, the person's "social quality" characteristic still comes first. The focus is shifted to the proposition "unfit people left".

The place of the quantitative feature is taken by the idea of a "social attribute". The choice of the nominator in its favour is determined by the pragmatic world-view of the person of traditional culture, who tends to evaluate a person by the criterion "fit / unfit" to work. The contexts easily reconstruct directions of unfitness detailing.

The following social strata and groups are "unfit": (1) children (2) elderly people, (3) those who are not able to work, (4) infirm, (5) useless (6) the poor.

In all six cases, the specification of the expressions denotation implies the labour characteristic of a person (non-participation in the working life of the village): children and the elderly cannot work in full force, the shiftless do not want to work, the infirm are unable to work, etc.

The analysis of the material shows that gradually the logic of understanding of the situation by a native speaker begins to dominate over the logic of language. This can particularly often be observed with an increase in expression. To the greatest extent, the internal potency of the language is expressed in the use of anthroponyms in the structure of the considered utterances. The semantics of the unfit is expressed by the use of Russian names in the structure of phraseological units. These names are signs that denote a set of meanings arising from

language attractions or on the basis of the precedent content if talking about a mythological character.

The expressive power of anthroponyms and quasi-names takes precedence over the specific meaning 'no one', 'few', and better suits for expressing ideas about the dwindling human resources of the Russian countryside.

References

- 1. Ivantsova, E.V. (2014) Worldview of the language personality in the traditional Russian folk-speech culture. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya Tomsk State University Journal of Philology.* 4 (30). pp. 27–42. (In Russian).
- 2. Matveyeva, A.K. (ed.) (2001–2011) *Slovar' govorov Russkogo Severa* [Dictionary of the dialects of the Russian North]. Vols 1–5. Yekaterinburg: Ural State University.
- 3. Borisovoy, A.N. & K.N. Prokoshevoy, K.N. (eds) (2000–2002) *Slovar' permskikh govorov* [Dictionary of Perm dialects]. Is. 1–2. Perm: Kn. Mir.
- 4. Ivanova, E.V. (2003) *Poslovichnaya kontseptualizatsiya mira: na materiale angliyskikh i russkikh poslovits* [Proverbial conceptualization of the world: on the material of English and Russian proverbs]. Philology Dr. Dis. St. Petersburg.
- 5. Pelipenko, M.V. (2009) *Sotsial'naya semantika v strukture dialektnogo slova (na materiale tambovskikh govorov)* [Social semantics in the structure of the dialect word (on the material of Tambov dialects)]. Abstract of Philology Cand. Dis. Tambov.
- 6. Belyakova, S.M. (2005) Proshloye i budushcheye v dialektnoy kartine mira [The past and the future in the dialect picture of the world]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication.* 2. pp. 79–88.
- 7. Mel'chuk, I.A. (1995) *Russkiy yazyk v modeli "Smysl Tekst"* [Russian language in the "Meaning Text" model]. Moscow; Vienna: Yazyki russkoy kul'tury. pp. 55–79.
- 8. Gritskevich, Yu.N. & Novikov, V.G. (2011) Kontsept "MODA" v dialektnom diskurse [The concept "FASHION" in the dialect discourse]. *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya Sotsial'no-gumanitarnyye i psikhologo-pedagogicheskiye nauki.* 15. pp. 77–80.
- 9. Apresyan, Yu.D. (ed.) (2003) *Novyy ob''yasnitel'nyy slovar' sinonimov russkogo yazyka* [New explanatory dictionary of synonyms of the Russian language]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
- 10. Lexical card file of the Toponymic Expedition of the Ural Federal University (stored at the Department of the Russian Language and General Linguistics of the Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg). (In Russian).
- 11. Card file of the Dictionary of the dialects of the Russian North (Department of the Russian Language and General Linguistics of the Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg). (In Russian).
- 12. Filin, F.P., Sorokoletov, F.P. & Myznikov, S.A. (eds) (1965–2016) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Moscow; Leningrad: Nauka.
- 13. Vasmer, M. (1986–1987) *Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Etymological dictionary of the Russian language: in 4 vols]. Translated from German by O.N. Trubachev. Moscow: Progress.
- 14. Prokosheva, K.N. (2002) *Frazeologicheskiy slovar' permskikh govorov* [Phraseological dictionary of Perm dialects]. Perm: Izd-vo Perm State Pedagogical University.
- 15. Volgograd State Pedagogical University. (2007) *Slovar' vologodskikh govorov* [Dictionary of Vologda dialects]. Is. 12. Vologda: Rus'.
- 16. Gerd, A.S. (ed.) (1994–2005) *Slovar' russkikh govorov Karelii i sopredel'nykh oblastey* [Dictionary of Russian dialects of Karelia and adjacent areas]. Is. 1–6. St. Petersburg: St. Petersburg State University.

- 17. Sreznevskiy, I.I. (1893–1912) *Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam:* v 3 t. [Materials for the dictionary of the Old Russian language from written records: in 3 vols]. St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy akademii nauk.
- 18. Chernyshyov, V.I. (ed.) (1965) *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka:* v 17 t. [Dictionary of the modern Russian literary language: in 17 vols]. Vol. 17. Moscow: Nauka; Leningrad: USSR AS.
- 19. Bashmakova, A.P. et al. (1967–2008) *Pskovskiy oblastnoy slovar' s istoricheskimi dannymi* [Pskov regional dictionary with historical data]. Leningrad: Leningrad State University.
- 20. Feoktistova, L.A. (2017) Once More on Russian Dialect tyukha-matyukha (tyukha-pantyukha). *Nauchnyy dialog*. 10. pp. 98–110. (In Russian). DOI: 10.24224/2227-1295-2017-10-98-110
- 21. Podyukov, I.A. & Svalova, E.N. (2014) *K piru yedetsya, a k slovu molvitsya: narodnaya paremika Permskogo kraya* [Folk paroemias of the Perm region]. St. Petersburg: Mamatov.

УДК 811.111

DOI: 10.17223/19986645/55/5

Е.Н. Макеева

ДИАХРОНИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ СМЫСЛОВОГО ПОЛЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО КОНЦЕПТА AMERICAN INDIVIDUALISM (НА МАТЕРИАЛЕ ИСТОРИКО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX–XXI вв.)

Исследуются вопросы, связанные с формированием и развитием культурного концепта AMERICAN INDIVIDUALISM. В рамках данного исследования проводится дефиниционный анализ слова "individualism", являющегося репрезентантом концепта, исследуются его этимологические особенности, а также прослеживаются изменения, происходившие с оценочной и содержательной составляющими концепта на материале историко-публицистической литературы XIX—XX вв. Кроме того, затрагивается вопрос о статусе индивидуализма в современной американской публицистической литературе.

Ключевые слова: индивидуализм, концепт, американская национальная языковая картина мира, базовые структурные признаки концепта, диахрония, анализ внутренней формы, лингвостилистический анализ публицистического текста.

Антропоцентризм современной науки о языке и понимание возрастающей важности эффективной межкультурной коммуникации в глобальном мире приводят к тому, что всё большую актуальность приобретают исследования, связанные с изучением и описанием особенностей отдельных национальных языковых картин мира. Именно это стало одной из основных задач лингвокультурологии — направления в языкознании, изучающего проявления той или иной культуры с точки зрения их фиксации и выражения в национальном языке.

Ключевым понятием лингвокультурологии является лингвокульутррный концепт — некий «вербализованный культурный смысл» [1. С. 11]. К отличительным чертам лингвокультурного концепта относятся, с одной стороны, его этноспецифичность, а с другой — экспликация различными средствами определённой языковой системы (прежде всего, лексики). Таким образом, лингвокультурные исследования учитывают как национальную культурную специфику того или иного концепта, так и различные аспекты его языкового выражения (лексические, грамматические, фонетические и т.д.).

При этом большинство современных лингвокультурологических исследований фокусируются на анализе концептов в основном с точки зрения синхронии – на материале современных корпусов, толковых и энциклопедических словарей, анкетирования носителей языка, публицистических, науч-

ных и художественных текстов, блогов, фразеологизмов и т.д. Однако, поскольку лингвокультурный концепт (как и язык в целом) является феноменом не статическим, а динамическим, для его полноценного изучения недостаточно использовать исключительно данные синхронического характера.

Л.П. Дронова и Ю.А. Готлан говорят о важности диахронического исследования для концептуального анализа, поскольку именно оно позволяет «проследить эволюцию формирования структуры концепта, прояснив и описав функционально-семантические особенности языковых средств, выражающих — прежде всего — ядерную часть концепта». При этом авторы указывают на необходимость учитывать вопросы, связанные с «исторической глубиной» формирования этого концепта, а также с происхождением лексики, репрезентующей данный концепт [2. С. 7–8].

Таким образом, научная новизна и актуальность исследования определяются попыткой предоставить как можно более полную динамическую картину формирования и развития концепта INDIVIDUALISM в американской культуре с привлечением как этимологических данных, так и отрывков из важных исторических и публицистических текстов, отражающих основные этапы этого развития.

Целью данной статьи является описание диахронических особенностей формирования концепта AMERICAN INDIVIDUALISM — одного из наиболее значимых компонентов американской картины мира. Стоит сразу оговориться, что индивидуализм — это одна из мировоззренческих основ западного мира в целом. Однако в Соединённых Штатах Америки индивидуализм обрёл специфический характер, став основополагающей национальной ценностью. Индивидуализм, место личности в социуме и границы её свободы всегда были важными темами в западной философии, культурологии, историографии и искусстве. Сегодня, в связи с многочисленными вызовами, перед которыми стоят западные, в том числе американские, ценности, вопросы, связанные с индивидуализмом, обретают особую актуальность.

Базовые признаки (структура) концепта AMERICAN INDIVIDUALISM

Для последующего диахронического описания концепта AMERICAN INDIVIDULAISM следует кратко остановиться на его базовых, структурообразующих признаках. Как отмечает М.В. Пименова в статье «Методология концептуальных исследований», концепт, обладая разноуровневой представленностью в языке, наиболее информативно и наглядно представлен на лексическом уровне языка. В этой связи структура того или иного концепта выявляется именно через лексический уровень, а именно методом анализа лексического значения и формы слова, репрезентующего концепт [3. С. 18].

Различные словари современного английского языка дают несколько разные толкования термина "individualism". При этом, как правило, разграничиваются личностный, житейский (поведение человека в повседневной жизни) и социально-философский аспекты значений данного слова.

К примеру, "Longman Dictionary of Contemporary English" даёт следующие дефиниции: 1) "the belief that the rights and freedom of individual people are the most important rights in a society; 2) the behaviour or attitude of someone who does things in their own way without being influenced by other people" [4]. Здесь можно выделить такие компоненты, как "rights", "freedom of the individual person", "doing things on one's own". В словаре "The Longman Dictionary of English Language and Culture" подчёркивается, что индивидуализм является основной мировоззренческой доктриной для стран Запада, в особенности США: "...the idea that the rights and freedom of the individual are the most important rights in a society, a central belief in most western countries, especially the US" [5].

В словаре "The American Heritage Dictionary of the English Language" лексема "individualism" представлена достаточно подробно и сопровождается несколькими толкованиями. При этом эксплицируются сразу несколько аспектов семантики слова: мировоззренческий, социально-экономический, личностный: 1. a) belief in the primary importance of the individual and in the virtues of self-reliance and personal independence b) acts or an act based on this belief; 2. a) a doctrine advocating freedom from government regulation in the pursuit of a person's economic goals b) a doctrine holding that the interests of the individual should take precedence over the interests of the state or social group; 3. a) the quality of being an individual; individuality b) an individual characteristic; a quirk [6]. Основываясь на данных дефинициях, можно говорить о таких базовых признаках, как "primary importance of the individual", "self-reliance and personal independence", "freedom from government regulation", "precedence over the interests of the state / group", "individuality, individual characteristic".

"Oxford English Reference Dictionary" даёт три дефиниции, отражающие разные оценочные компоненты обозначаемого явления: "1. the habit or principle of being independent and self-reliant; 2. a social theory favouring the free action of individuals; 3. self-centered feeling or conduct, egoism" [7]. Если первые два толкования отражают положительную или нейтральную оценку индивидуализма, то третье определение, уравнивающее индивидуализм и эгоизм (egoism), содержит отрицательные коннотации. Дефиниционный анализ позволяет выделить такие базовые компоненты, как "being independent and self-reliant", "free actions of individuals", "egoism". Интересно, что при этом в "The Oxford Advanced American Dictionary" представлены лишь нейтральные или положительно окрашенные со стилистической точки зрения дефиниции: "1) the quality of being different from other people and doing things in your own way; 2) the belief that individual people in society should have the right to make their own decisions, etc., rather than be controlled by the government or public opinion" [8]. Здесь выделяются компоненты "being different from other people", "doing things in your own way", "the right to make one's own decisions". В данном словаре фигурирует также важная оппозиция "individual people – government, public opinion".

"Macmillan English Dictionary for Advanced Learners" также разграничивает социально-философское и обыденное значения слова: "1. the belief that

the freedom of individual people is more important than the needs of society or the government; 2. the behaviour of someone who does things in their own way without worrying about what other people think or do" [9]. В первой дефиниции снова фигурирует противопоставление свободы индивида и нужд общества ("the freedom of individual people – the needs of society"). Трактовку индивидуализма, представленную во второй дефиниции, можно считать как нейтральной с точки зрения эмоциональной окраски (синонимичной понятию "independence"), так и близкой к тому, что обычно понимается под словом "selfishness" ("thinking only about yourself and not caring about other people"[Ibidem]).

В "Merriam-Webster Dictionary and Thesaurus" "individualism" также трактуется с разных точек зрения: социально-философской и экономической: "1. *a* (1): a doctrine that the interests of the individual are or ought to be ethically paramount; (2): the conception that all values, rights, and duties originate in individuals *b*: a theory maintaining the political and economic independence of the individual and stressing individual initiative, action, and interests; *и личностной*: conduct or practice guided by such a theory; 2. an individual peculiarity" [10]. При анализе данного источника выделяются компоненты "political and economic independence", "individual initiative", "individual peculiarity".

В отличие от предыдущих источников, "The Cambridge American English Dictionary" ограничивается одной дефиницией данной лексемы: "the idea that each person should think and act independently rather than depending on others" [11]. Данное определение позволяет выделить компонент "thinking and acting independently" в качестве одного из базовых элементов структуры концепта INDIVIDUALISM.

Таким образом, анализ дефиниций слова "individualism", репрезентующего соответствующий культурный концепт, позволяет условно разбить базовые признаки концепта на три группы:

1. Личностный (обыденный, поведенче- ский) аспект	2. Социально- философский аспект	3. Оппозиция «индивиду- альное – групповое»
Самостоятельность, полагание на свои силы, личная независимость, отличие от других, индивидуальные особенности, независимость	Права, свобода отдельного человека, первостепенное значение индивида, свобода от правительственного контроля, политическая и эко-	Интересы индивида – интересы государства / группы; частные лица – правительство, общественное мнение; свобода индивидов – обще-
в мыслях и действиях (doing things on one's own; self-reliance and personal independence; individual characteristic, peculiarity; being different from other people; doing things in your own way; thinking and acting	(rights, freedom of the individual person; primary importance of the individual; freedom from government regulation; political and economic independence)	(interests of the individual – interests of the state / group; individual people – government, public opinion; the freedom of individual people – the needs of society)

independently; individual initiative) (скорее положи- тельно окрашенные)	
egoism (отрицательно окрашенное)	

Историко-этимологический анализ имени концепта INDIVIDUALISM

Для анализа особенностей формирования и развития культурного концепта представляется необходимым принять во внимание этимологические данные, связанные со словом-репрезентантом данного концепта.

Как и большинство слов, относящихся к международной лексике, "individualism" имеет латинские корни и пришло в английский язык в качестве французского заимствования. Сам термин образован присоединением суффикса -ism, который традиционно служит для образования названий различных учений и общественных течений ("used to form nouns that refer social, political, or religious beliefs, studies, or ways of behaving" [http://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/ism]) к слову "individual", которое, в свою очередь, образовалось присоединением суффикса прилагательного "-al" к латинскому слову "individuus" [12. Р. 290]. Согласно словарю "A Comprehensive Etymological Dictionary of the English Language" "individuus" (отрицательный прификс "-in" + прилагательное "dividuus" ("divisible")) является дериватом глагола dividere" ("to force apart, separate, divide"), относящегося к средневековой латыни. В словаре также отмечается, что в классической латыни слово "individual" было впервые употреблено древнеримским политическим деятелем, оратором и философом Марком Туллием Цицероном при переводе греческого слова atomoc ("that cannot be cut, divided") [13. P. 788].

Глагол "divide" (в среднеанглийском – "deviden") имеет индоевропейскую основу "*width-" ("to separate"), которая в латыни реализовалась в форме "vidua", в готском – "widuwo", в дневнеанглийском – "widewe". Префикс di- (dis-) имеет значение «врозь» ("apart") [Ibid. P. 468].

Таким образом, внутренняя реконструкция слова репрезентанта концепта даёт основание для предположения, что базовое, производящее значение для слова "individual", на основе которого впоследствии образовался термин "individualism", можно сформулировать как «единый, неделимый», на основании чего можно сделать вывод, что именно представления о целостности личности, личности как базовой единицы социума могли заложить основу западной концепции индивидуализма. Это значение отражено, в частности, в словаре "A New English Dictionary on Historical Principles", где третья дефиниция слова "individualism" с пометкой "metaphoric" сформулирована следующим образом: "the doctrine that the individual is a self-determined whole, and any larger whole is merely an aggregate of individuals, which, if they act upon each other at all, do so externally" [14. P. 224].

Согласно данным электронного этимологического словаря "Online Etymology Dictionary" языка Dictionary.com в среднеанглийском языке (начало XV в.) латинское существительное "individuum" использовалось в значении "единичный представитель вида" ("individual member of a species"). В источниках, относящихся к 1742 г. зарегистрировано разговорное употребление слова в значении «человек» ("a person") [15].

Для обозначения социально-экономической и политической доктрины слово стало использоваться несколько позднее, хотя сама доктрина начала формироваться задолго до этого. Согласно энциклопедии «The Encyclopedia Americana» «индивидуализм» социальнополитический феномен появился во Франции после Французской революции конца XVIII в. Слово использовалось социалистами и реакционерами и обозначало крайне отрицательные, с их точки зрения, явления, связанные с революцией: разрушение старого порядка, иерархии, сосредоточие человека исключительно на собственных интересах в ущерб общественным нуждам [16. Р. 69].

Эволюция оценочного и содержательного компонентов концепта AMERICN INDIVIDUALISM в американской историко-публицистической литературе

Американский историк Иегошуа Ариели (Yehoshua Arieli) в книге "Individualism and Nationalism in American Ideology" исследует развитие индивидуализма как одной из ключевых американских идеологем. Говоря о происхождении термина, он также отмечает, что слово "individualism" возникло во французском языке среди сторонников идей Анри Сен-Симона, философа и социолога конца XVIII — начала XIX в. В то время слово имело крайне отрицательное значение и ассоциировалось с такими явлениями, порождёнными революцией, как отрыв от корней, отсутствие идеалов и общепризнанных мнений, распад общества, циничные установки, связанные с эксплуатацией и конкуренцией, ставшие результатом узаконенной анархии: "The term "individualism" was coined by the Saint-Semonians to characterize the condition of men in nineteenth century society— their uprootedness, their lack of ideals and common beliefs, their social fragmentation, and their ruthless competitive and exploitative attitudes which evolved from legitimized anarchy" [17. P. 211].

Слова "fragmentation", "ruthless", "exploitative", "anarchy" имеют в той

Слова "fragmentation", "ruthless", "exploitative", "anarchy" имеют в той или иной степени выраженные негативные коннотации. Вторая часть приведённого выше отрывка построена как перечисление с наращиванием длины синтагмы. Такая конструкция оказывает эмфатическое воздействие на читателя, усиливает отрицательную оценочную семантику текста и подчёркивает отрицательные коннотации, заложенные в исходном значении слова.

Что касается английского языка, в первом издании "Dictionary of Political Economy", вышедшем в 1896 г. под редакцией Инглиса Палгрейва (Inglis Palgrave), отмечается, что слово "individualism" было впервые использовано

в качестве социально-экономического термина британским философом, социологом, экономистом и политическим деятелем Джоном Стюартом Миллем (John Stuart Mill) в качестве антитезы социализму и коллективизму: "INDIVIDUALISM. This term was applied by J.S. Mill to that system of industrial organisation in which all initiative is due to private individuals, and all organisation to their voluntary agreement... The natural antithesis to individualism is COLLECTIVISM or we may say SOCIALISM, a system under which industry is directly organised by the state, which owns all means of production and manages all processes by appointed officers" [18. P. 389].

Таким образом, социально-экономическая трактовка INDIVIDUALISM возникла во многом как антитеза «инициатива отдельной личности – группа, коллектив, государство». В словаре также сформулированы основные характеристики индивидуализма в социальноэкономическом понимании: "(1) private property in capital, to which are added almost of necessity the rights of bequest and inheritance, thus permitting unlimited transfer and accumulation. (2) competition, a rivalry between individuals in the acquisition of wealth, a struggle for existence in which the fittest survive" [Ibidem]. На основе данных дефиниций можно выделить смысловые компоненты "private property", "competition, rivalry in acquisition of wealth" в структурообразующих основных признаков качестве INDIVIDUALISM на раннем этапе его существования в социальноэкономическом и политическом видах дискурса.

При этом стоит отметить, что в сочинениях самого Милля слово "individualism" обладает резко отрицательными коннотациями. В эссе "Newman's Political Economy" индивидуализм того времени ("the existing individualism") описывается как борьба людей между собой: "arming one human being against another, making the good of each depend upon evil to others, making all who have anything to gain or lose, live as in the midst of enemies, by no means deserves the disdain with which it is treated by some of the adversaries of socialism, and among the rest, by Mr. Newman. Socialism, as long as it attacks the existing individualism, is easily triumphant..." [19]. Здесь мы видим, что индивидуализм трактуется как жесткая конкуренция индивидов между собой и противопоставляется «гармонии интересов». Отрывок насыщен лексикой, связанной с борьбой и даже войной: "arming", "against", "gain or lose", "in the midst of enemies".

В разделе "Chapters on Socialism", написанном Миллем в 1879 г., также прослеживается метафора «индивидуализм как борьба»: "It is the principle of individualism, competition, each one for himself and against all the rest. It is grounded on opposition of interests, not harmony of interests, and under it every one is required to find his place by a struggle, by pushing others back or being pushed back by them...It is the parent of envy, hatred, and all uncharitableness; it makes every one the natural enemy of all others who cross his path, and every one's path is constantly liable to be crossed" [19]. Данный текст также содержит как лексику, принадлежащую к семантическому полю «борьба» ("competition", "against", "struggle", "pushing others back", "enemy", "cross

his path"), так и крайне негативно окрашенную абстрактную лексику ("envy", "hatred", "uncharitableness").

В американский общественно-политический дискурс слово "individualism" вошло через первый англоязычный перевод работы французского историка и политического деятеля Алексиса де Токвиля «Демократия в Америке» (Alexis de Tocqueville "Democracy in America"). Во втором томе книги в главе "On Individualism in Democratic Countries" автор отмечает, что как идея индивидуализма, так и само слово являются новыми для людей его поколения и что предыдущие поколения сталкивались лишь с понятием egoisme (selfishness): "*Individualism* is a novel expression, to which a novel idea has given birth. Our fathers were only acquainted with *égoïsme* (selfishness)" [20. P. 98].

Вся глава строится как разъяснение разницы между устоявшимся понятием "selfishness" и новым на тот момент явлением "individualism". С точки зрения Токвиля, как "selfishness", так и "individualism" оказывают пагубное воздействие на жизнь отдельного человека и всего общества в целом, однако если понятие "selfishness" не связано с той или иной общественно-политической системой и является, скорее, общечеловеческим пороком, то индивидуализм он рассматривает как порождение демократии, не менее опасное в долгосрочной перспективе: "Selfishness blights the germ of all virtue; individualism, at first, only saps the virtues of public life; but in the long run it attacks and destroys all others and is at length absorbed in downright selfishness. Selfishness is a vice as old as the world, which does not belong to one form of society more than to another; individualism is of democratic origin, and it threatens to spread in the same ratio as the equality of condition" [Ibidem]. В тексте перевода используется приём олицетворения ("selfishness blights the germ of all virtue"; "individualism only saps the virtues of public life"), который придает авторской речи образность, яркость и убедительность. "Individualism" и "selfishness" предстают здесь в образах неких опасных существ, приносящих вред как общественной, так и частной жизни человека.

В целом Токвиль выражает крайне отрицательное отношение к индивидуализму как к отличительному признаку демократического государства и пишет о том, что такой взгляд на мир ведёт человека к изоляции и полному одиночеству: "Thus not only does democracy make every man forget his ancestors, but it hides his descendants and separates his contemporaries from him; it throws him back forever upon himself alone and threatens in the end to confine him entirely within the solitude of his own heart" [Ibidem]. Данный отрывок связан с темой одиночества и забвения, на что указывает семантика слов "forgets", "hides", "separates", "alone", "solitude". Именно в изоляции человека и последующем распаде социальных связей Токвиль видит наиболее опасное последствие распространения индивидуалистических ценностей и взглядов на мир.

На тот факт, что в середине XIX в. слово "individualism" не являлось устоявшимся в английском языке, указывает и сноска, примечание пере-

водчика книги Генри Рива (Henry Reeve) во втором томе: "I adopt the expression of the original [individualism], however strange it may seem to an English ear, partly because it illustrates the remark on the introduction of general terms into the democratic language... and partly because I know of no English word exactly equivalent to the expression. The chapter itself defines the meaning attached to it by the author" [17. Р. 194] Таким образом, "individualism" входит в английский язык как часть нового демократического словаря. В книге Токвиля отражаются отрицательные коннотации слова "individualism", которые сопровождали и во многих случаях по-прежнему сопровождают слово в языке-источнике 1.

Взгляды Токвиля на жизнь и политическое устройство Соединённых Штатов, выраженные в «Демократии в Америке» вызвали многочисленные споры в американском публицистическом дискурсе. Эти дискуссии во многом способствовали формированию концепта AMERICAN INDIVI-DUALISM как одного из ключевых компонентов американской национальной языковой картины мира. Уже в 1841 г. в журнале "The Boston Quarterly Review" появилась статья под названием "Catholicism", во многом оспаривающая взгляды Токвиля на американский индивидуализм: "Thus it is that the "individualism", which de Tocqueville so clearly discerns in the United States; that strong confidence in self, or reliance upon one's own exertion and resources, is precisely the antipodal principle of a tyrannical Catholicism. The strife of all our citizens for wealth and distinction of their own, and their contempt of reflected honors, their easy familiarity with persons in authority, or of eminence, of which this observer has seen so much, disprove, most effectually, his Roman Catholic prophesy" [22. P. 326].

В данном контексте "individualism" выступает как синоним уверенности в себе ("strong confidence in self") и полагания исключительно на свои усилия и ресурсы ("reliance upon one's own exertion and resources"), а также, что не менее важно, антонимом принципа «тираническим» католицизмом, во многом определяющим взгляды, оценки и предсказания Токвиля относительно молодой демократической страны. Авторская позиция в тексте выражается не только через использование положительно окрашенной лексики ("strong confidence in self", "wealth", "distinction"), но также и через выделение определённой части текста курсивом, который можно рассматривать здесь как пример использования стилистических возможностей

¹ "Partly perhaps because of the extraordinarily pervasive influence of Saint-Simonian ideas, "individualisme" came to be very widely used in the nineteenth century. In France, it usually carried, and indeed still carries, a pejorative connotation, a strong suggestion that to concentrate on the individual is to harm the superior interests of society. The latest edition of the Dictionary of the Academie Francaise17 defines it simply as "subordination of the general interest to the individual's interest," and one recent writer, noting its naturally pejorative sense, has remarked on its "tinge of 'ubris,' of 'dWmesure" which "does not exist in English,"18 while another observes that in France "until the present day the term individualism has retained much of its former, unfavorable connotations" [21, P. 48].

средств горизонтальной стратификации¹. Выделяя фразу "of their own" курсивом, автор как бы подчёркивает независимость и самостоятельность жителей Соединённых Штатов, их стремление добиваться всего своими силами, что, в свою очередь, способствует ещё более глубокому противопоставлению американской ментальности и идеологии Старого Света.

Современный американский социолог Алан Кеннет (Allan Kenneth), ссылаясь на статью в журнале "The United States Magazine and Democratic Review" 1939 г. говорит о том, что в американском публицистическом дискурсе того времени индивидуализм рассматривается как «вершина человеческого прогресса»: "In America, then, individualism was seen as the pinnacle of humankind's progress: "The course of civilization is the progress of man from state of savage individualism to that of an individualism more elevated, moral, and refined" [25. P. 155]. Как видно, здесь прогресс человечества увязывается с развитием индивидуализма.

Иегошуа Ариели (Yegoshua Arieli) в книге "Individualism and Nationalism in American Ideology" пишет о новом смысле, который приобрели на американской почве в тот исторический период слово "individualism" и соответствующий концепт: "The term, which in the Old World was almost synonymous with selfishness, social anarchy, and individual self-assertion, connoted in America self-determination, moral freedom, the rule of liberty, and the dignity of a man" [17. P. 193].

После окончания Гражданской войны (1861–1865) концепт AMERICAN INDIVIDUALISM стал играть ещё более заметную роль в американском публицистическом пространстве. Так, историк и философ Джон Уильям Дрейпер (John William Draper) описывает успех социальной системы Севера следующим образом: "Magnificent cities in all directions were arising; the country was intersected with canals, railroads... companies for banking, manufacturing, commercial purposes, were often concentrating many millions of capital. There were all kinds of associations... churches, hospitals, schools abounded. The foreign commerce at length rivaled that of the most powerful nations of Europe. This wonderful spectacle of social development was the result of INDIVIDUALISM; operating in an unbounded theatre of action. Everyone was seeking to do all that he could for himself' [26. P. 207-208]. "Individualism" связывается здесь Дрейпером со свободой действий и максимальными усилиями индивида сделать всё для улучшения своей жизни. Примечательно, что согласно Дрейперу идея американского индивидуализма не противоречит многочисленным сообществам, существовавшим в то время ("There were all kinds of associations...").

¹ Вертикальная сегментация подразумевает членение текста на синтагмы, синтаксические единства различной протяженности и выражает синтаксические отношения внугри текста. Что касается горизонтальной стратификации, то относящиеся к этой группе знаки препинания (кавычки, скобки, сдвоенные тире, сдвоенные запятые, а также курсив, разрядка и заглавные буквы) помогают выделить в тексте разного рода парентетические внесения и способствуют стратификации его на разные уровни [23, 24].

Ещё одна важнейшая веха в формировании и закреплении индивидуализма как важного американского культурного концепта связана с именем 31-го президента Соединённых Штатов Герберта Кларка Гувера (Herbert Clark Hoover) и его концепцией «твёрдого индивидуализма» (rugged individualism), сформулированной им в книге "American Individualism" (1922) и программной речи "Principles and Ideals of the United States Government" от 22 октября 1928 г. Согласно Гуверу "rugged individualism" означал, прежде всего, отказ от государственного регулирования экономической активности и максимальное поощрение частной инициативы. Именно в независимости и предприимчивости он видел основные компоненты американского индивидуализма и отличительные черта американского характера, которые во многом обусловили успех молодой нации в целом и экономический бум начала 1920-х в частности: "If we would have the values of individualism, their stimulation to initiative, to the development of hand and intellect, to the high development of thought and spirituality, they must be tempered with that firm and fixed ideal of American individualism – an equality of opportunity" [27. P. 8–9].

Как видно из приведённого выше отрывка, индивидуалистические ценности включают в себя как физическое развитие ("the development of hand and intellect"), так и духовное и интеллектуальное ("the high development of thought and spirituality"). Гувер подчёркивает, что равенство возможностей ("an equality of opportunity") является необходимым условием для реализации этих ценностей и «неизменным идеалом» американского индивидуализма. На лингвостилистическом уровне аллитерация "firm and fixed" выполняет эмфатическую функцию, акцентируя авторскую мысль об укоренённости индивидуалистического понятия "an equality of opportunity" в американском национальном характере и менталитете. Кроме того, выделение данного словосочетания курсивом передаёт значимость идеи равенства возможностей как неотъемлемой составляющей части американского индивидуализма.

Следует отметить, что Гувер понимает индивидуализм достаточно широко — как американский образ жизни в целом и как основу демократии: "American Individualism is not a form of government; it is a way of life. It involves every physical and mental activity of a people who are concerned with the development of a liberal political philosophy. It is not a tool of government. It is a spiritual principle upon which the government rests. "Democracy <...> arises out of individualism and prospers through it alone" [28. P. 115].

Однако Великая Депрессия 1929—1933 гг. и вызванные ею экономические и социальные трудности привели к провозглашению новым президентом Франклином Делано Рузвельтом политики «нового курса» (The New Deal), который подразумевал, в числе прочего, некий патернализм со стороны государства и помощь социально незащищённым слоям населения. Противники Рузвельта обвиняли его в том, что эти меры идут вразрез с традиционной для Америки свободой предпринимательства, а его самого подозревали даже в симпатиях к идеям социализма.

Американский социолог Ирен Томсон (Irene Thomson) в эссе "Individualism and Conformity in the 1950s vs. the 1980s" отмечает некую «двойственность», присущую американской культуре: с одной стороны, американцев принято считать индивидуалистами (ещё Токвиль писал об их стремлении к самоизоляции); с другой же стороны, американцам свойственно испытывать потребность в принадлежности к тому или иному сообществу: "American individualism has long been seen as containing contradictory impulses – toward independence and isolation on the one hand, conformity and community on the other". Автор пишет о том, что периоды, когда в обществе господствовали индивидуалистические ценности, сменялись периодами преобладания конформистских настроений, которые выражались, среди прочего, в широком распространении разнообразных объединений и организаций. Так, к примеру, если 1920-е были временем индивидуализма, то героя 1930-х она называет «носителем особых коллективных добродетелей» ("the bearer of specific group virtues"). «Конформистским» 1950-м на смену пришёл «бунтарский» индивидуализм контркультуры 1960-х, тогда как 1970-е стали периодом ухода в нарциссизм. Говоря о 1980-х Томсон отмечает, что этому периоду была свойственна противоречивая смесь индивидуализма и конформизма ("an ambiguous mixture of individualism and conformity") [29. P. 497].

Дискуссии о месте индивидуализма в американской жизни актуальны по сей день, о чём, в частности, свидетельствуют заголовки современной американской электронной прессы и различных академических и социологических исследований: "What's on Americans' minds? Increasingly, 'me" (2012) [30]; "Community and American Individualism" (2010) [31]; "America's "Individualistic" society" (2015) [32]; "American Individualism: Exceptional?" (2010) [33]; "The Character of American Individualism" (2011) [34].

Американский индивидуализм обсуждается и в контексте недавних президентских выборов в США. Примечательно: "Donald Trump: Our Individualist Nightmare Hero" (2016) [35]; "Understanding Donald Trump: a Look at American Individualism" (2016) [36].

Данные заголовки свидетельствуют как о важном месте, занимаемом концептом AMERICAN INDIVIDUALISM в американской национальной языковой картине мира в целом и публицистическом дискурсе в частности, так и о спорном статусе этого явления сегодня. Дэвид Девенпорт (David Davenport) и Гордон Ллойд (Gordon Lloyd), современные американские исследователи, в эссе "Rugged Individualism: Dead or Alive", представляющем собой отрывок из одноименной книги, вышедшей в 2017 г., рассуждают о современных перспективах американского индивидуализма и приводят поводы как для пессимизма, так и для оптимизма на этот счёт. В целом же авторы считают, что, будучи характерной чертой американцев, индивидуализм может испытывать некий кризис, но его полное разрушение маловероятно: "On the other hand, people have been proclaiming the demise of rugged individualism for more than one hundred years, yet somehow it lives on. Planted deeply in the soil of the American founding and character, it may be diminished

but is not likely to be destroyed. The more interesting question is whether it might enjoy some kind of renaissance in the twenty-first century" [37].

Таким образом, основной диахронической особенностью культурного концепта AMERICAN INDIVIDUALSIM можно считать изменения, произошедшие с семантикой слова-имени концепта и его эмотивным компонентом: обозначая в языке-источнике такие реалии своего времени, как эгоизм, анархия, социальное расслоение и нечестная конкуренция, в американском варианте английского языка слово "individualism" обрело в основном положительные коннотации, став во многом синонимичным таким основополагающим американским ценностям, как независимость, предприимчивость и полагание на свои силы. Кроме того, концепт "individualism" тесно связан с самой демократической основой американского общества. В большинстве современных словарей английского языка отражается второе, «положительное» значение слова "individualism". Однако в некоторых случаях фиксируется и первое, близкое к изначальному значение, где "individualism" выступает синонимом понятия "egoism, selfishness".

Несмотря на то, что как само явление индивидуализма, так и слово-имя концепта имели европейское происхождение, дискуссии о сущности американского индивидуализма во многом способствовали формированию американской культуры и национальной картины мира, осознанию американцами себя как представителей уникальной, исключительной нации. Обобщая роль индивидуализма в американской истории и культуре, Иегошуа Ариели отмечает его универсальный и идеалистический характер, благодаря которому именно индивидуализм стал одной из главных американских национальных особенностей и практически синонимом понятия «американизм»:

"Individualism supplied the nation with a rationalization of its characteristic attitudes, behaviour patterns and aspirations. It endowed the past, the present and the future with the perspective of unity and progress. It explained the peculiar social and political organization of the nation-unity in spite of heterogeneity-and it pointed towards an ideal of social organization in harmony with American experience. Above all, individualism expressed the universalism and idealism most characteristic of the national consciousness. This concept evolved in contradistinction to socialism, the universal and messianic character of which it shared... This twofold aspect – universalism and the capacity to describe values peculiar to American society – made individualism a term synonymous with Americanism" [17. P. 185].

Литература

- 1. Воркачёв С.Г. Постулаты лингвоконцептологии // Антология концептов / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Волгоград, 2005. Т. 1. 352 с.
- 2. Дронова Л.П., Готлан Ю.А. Особенности концептуализации представления о чистоте в английском и немецком языках // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 368. С. 7–10.

- 3. *Пименова М.В.* Методология концептуальных исследований // Антология концептов / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Волгоград, 2005. Т. 1. 352 с.
- 4. *The Longman* Dictionary of Contemporary English. URL: http://www.ldoceonline.com/dictionary/individualism
 - 5. The Longman Dictionary of English Language and Culture.
- 6. *The American* Heritage Dictionary of the English Language. URL: http://www.your-dictionary.com/individualism#americanheritage
- 7. The Oxford English Reference Dictionary. URL: https://en.oxford-dictionaries.com/definition/individualism
- 8. *The Oxford* Advanced American Dictionary. URL: http://www.oxford-learnersdictionaries.com/definition/american english/individualism?q=individualism
- 9. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. URL: http://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/individualism
- 10. Merriam-Webster Dictionary and Thesaurus. URL: https://www.merriam-webster.com/dictionary/individualism
- 11. The Cambridge American English Dictionary. URL: http://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/individualism
- 12. Skeat W. An Etymological Dictionary of the English Language. Oxford: Clarendon Press, 1888. 844 p.
- 13. Klein E. A Comprehensive Etymological Dictionary of the English Language. Elsevier Publishing Company, 1971. 845 p.
- 14. Murray J.A. A New English Dictionary on Historical Principles. Oxford: Clarendon Press, 1901. 1308 p.
- 15. Online Etymology Dictionary. URL: http://www.etymonline.com/index.php? allowed in frame=0&search=individualism
- 16. Encyclopedia Americana. International edition. Complete in thirty volumes. New York: Grolier Incorporated, 1988.
- 17. Arieli Y. Individualism and Nationalism in American Ideology. Harvard University Press, Cambridge, Massachusetts, 1964. 442 p.
- 18. *Palgrave R.H.* Dictionary of Political Economy. London: Macmillan and co, 1912. Vol. 2. 848 p.
- 19. Mill J.S. Newman's Political Economy // The Collected Works of John Stuart Mill, Vol. 5: Essays on Economics and Society. Pt. 2 (Chapters of Socialism). URL: http://oll.libertyfund.org/titles/mill-the-collected-works-of-john-stuart-mill-volume-v-essays-on-economics-and-society-part-ii
- 20. *Tocqueville A. de.* Democracy in America. Translated by Henry Reeve. New York: Alfred A. Knopf, 1956. Vol. 2. 439 p.
- 21. Lukes S. The meanings of "Indiivdualism" // Journal of the History of Ideas. 1971. Vol. 32, No. 1, P. 45–66.
 - 22. Catholicism // Boston Quarterly Review. Boston, 1841. Vol. 4. P. 320-338.
- $23. \, Apanueва \, \it Л.V. \,$ Теория и практика системы знаков препинания в современном английском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1985. 177 с.
- 24. Баранова Л.Л. Онтология английской письменной речи : дис. ... д-ра филол. наук. М., 1996. 336 с.
- 25. Kenneth A. The Social Lens: An Invitation to Social and Sociological Theory. Pine Forge Press, 2006. 605 p.
 - 26. Draper J.W. History of the American Civil War. New York, 1867. Vol. 1. 580 p.
 - 27. Hoover H. American Individualism. Garden City, New York: Doubleday, 1922. 72 p.
- 28. Dexter W.F. Herbert Hoover and American Individualism. New York: The Macmillan Company, 1932. 256 p.
- 29. *Thomson I.T.* Individualism and Conformity in the 1950s vs. the 1980s // Sociological Forum. Vol. 7, No. 3. Springer, 1992. P. 497–516.

- 30. *Jayson Sh.* What's on Americans' minds? Increasingly, 'me'. URL: https://usatoday30.usatoday.com/news/health/story/2012-07-10/individualist-language-in-books/56134152/1.
- 31. *Klein Sh.E.* Community and American Individualism. URL: https://atlassociety.org/commentary/commentary/blog/4166-community-and-american-individualism.
- 32. Abbo B. America's "Individualistic" society. URL: https://www.theodysseyonline.com/americas-individualistic-society
- 33. Wade L. American Individualism: Exceptional? URL: https://thesocietypages.org/socimages/2010/05/13/american-individualism-exceptional/
- 34. Rothbard M.N. The Character of American Individualism. URL: https://mises.org/library/character-american-individualism
- 35. Irwin J. Donald Trump: Our Individualist Nightmare Hero. URL: http://www.huffingtonpost.com/julie-irwin/donald-trump-our-individualist-nightmare-hero b 9464610.html
- 36. Wallace M. Understanding Donald Trump: a Look at American Individualism. URL: http://www.parisglobalist.org/understanding-donald-trump-look-american-individualism/
- 37. Davenport D., Lloyd G. Rugged Individualism: Dead or Alive? URL: http://www.hoover.org/research/rugged-individualism-dead-or-alive-0

THE DIACHRONIC FEATURES OF THE FORMATION OF THE SEMANTIC FIELD OF THE LINGUOCULTURAL CONCEPT "AMERICAN INDIVIDUALISM" (USING HISTORICAL AND JOURNALISTIC LITERATURE OF THE 19TH–21ST CENTURIES)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2018. 55. 55–71. DOI: 10.17223/19986645/55/5

Elena N. Makeeva, Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: elenshurygina@gmail.com

Keywords: individualism, concept, American national linguistic worldview, basic structural features of concept, diachrony, analysis of inner form of word, linguostylistic analysis of journalistic text.

The paper deals with the issues of the structure, content and development of the concept AMERICAN INDIVIDUALISM from the historical perspective. The paper consists of four sections. The first one dwells on the topicality of the chosen topic, which is largely conditioned by the intensive development of lingocultural studies and the increasing interest in national specific cultural concepts witnessed today.

Next, the author provides the results of the analysis of the definitions of the word representing the concept ("individualism") found in modern English monolingual dictionaries (including the ones specializing in American English), on the basis of which some conclusions are drawn concerning the key structural features of the concept as well as of its evaluative component. The findings suggest that in the native English speaker's consciousness, individualism is primarily associated with independence, personal freedom, self-reliance and prioritization of one's interests above those of a group. Some sources provide the meaning of the word which is close to the notion "egoism, selfishness", which goes in line with the original meaning of the word in the source language (French).

The third section includes the etymological analysis of the name of the concept, which shows that the word "individualism" derives from the Indo-European stem "*width-" (to separate), and was formed with the help of the negative prefix in- and the prefix de- meaning "apart". Thus, the idea of integrity, indivisibility laid the foundation for the content of the concept INDIVIDUALISM.

The fourth section, which is also the largest one, is devoted to the evolution of the concept from the point of view of its semantic and evaluative components. As has been noticed above,

the word was borrowed from French, where it denoted such strongly negative phenomena associated with the Great French Revolution as lack of unity among people, disorder, anarchy, unfair competition, social stratification, generational gap. It is in this meaning that the word was used by Henry Reeve in the first English translation of the book *Democracy in America* by Alexis de Tocqueville. However, the publication of Tocqueville's book in the USA triggered numerous disputes in the journalistic discourse concerning the essence and specific character of American individualism and its place in the American life. These disputes largely contributed to the formation of the way the young nation perceived itself, its distinctive features as compared to the Old World and its uniqueness.

The paper also includes various excerpts from journalistic and historical texts which reveal the peculiarities of the way American individualism has been perceived in different periods of time. The linguostylistic analysis of the selected passages allows to make some conclusions about the linguistic means through which the given concept is explicated in American journalistic discourse. The author concludes with the modern status of the concept AMERICAN INDIVIDUALISM in modern journalism and research.

References

- 1. Vorkachyov, S.G. (2005) Postulaty lingvokontseptologii [Postulates of linguoconceptology]. In: Karasik, V.I. & Sternina, I.A. (eds) *Antologiya kontseptov* [Anthology of concepts]. Vol. 1. Volgograd: Peremena.
- 2. Dronova, L.P. & Gotlan, Yu.A. (2013) Features of conceptualisation of idea of purity in English and German languages. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta Tomsk State University Journal*. 368. pp. 7–10. (In Russian).
- 3. Pimenova, M.V. (2005) Metodologiya kontseptual'nykh issledovaniy [Methodology of conceptual research]. In: Karasik, V.I. & Sternina, I.A. (eds) *Antologiya kontseptov* [Anthology of concepts]. Vol. 1. Volgograd: Peremena.
- 4. The Longman Dictionary of Contemporary English. [Online] Available from: http://www.ldoceonline.com/dictionary/individualism.
- 5. Summers, D. (ed.) (1998) The Longman Dictionary of English Language and Culture. Longman.
- 6. *The American Heritage Dictionary of the English Language*. [Online] Available from: http://www.your-dictionary.com/individualism#americanheritage.
- 7. The Oxford English Reference Dictionary. [Online] Available from: https://en.oxford-dictionaries.com/definition/individualism.
- 8. The Oxford Advanced American Dictionary. [Online] Available from: http://www.oxford-learnersdictionaries.com/definition/american_english/individualism?q=individualism.
- 9. *Macmillan English Dictionary for Advanced Learners*. [Online] Available from: http://www.mac-millandictionary.com/dictionary/british/individualism.
- 10. *Merriam-Webster Dictionary and Thesaurus*. [Online] Available from: https://www.merriam-webster.com/dictionary/individualism.
- 11. The Cambridge American English Dictionary. [Online] Available from: http://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/individualism.
- 12. Skeat, W. (1888) An Etymological Dictionary of the English Language. Oxford: Clarendon Press.
- 13. Klein, E. (1971) A Comprehensive Etymological Dictionary of the English Language. Elsevier Publishing Company.
- 14. Murray, J.A. (1901) A New English Dictionary on Historical Principles. Oxford: Clarendon Press.
- 15. Online Etymology Dictionary. [Online] Available from: http://www.etymonline.com/index.php?allowed in frame=0&search=individualism.

- 16. Grolier Incorporated. (1988) *Encyclopedia Americana*. International edition. Complete in thirty volumes. New York: Grolier Incorporated.
- 17. Arieli, Y. (1964) *Individualism and Nationalism in American Ideology*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press.
- 18. Palgrave, R.H. (1912) *Dictionary of Political Economy*. Vol. 2. London: Macmillan and Co.
- 19. Mill, J.S. (1956) Newman's Political Economy. In: Jobson, R.M. (ed.) *The Collected Works of John Stuart Mill*. Vol. 5: Essays on Economics and Society. Pt 2 (Chapters of Socialism). [Online] Available from: http://oll.libertyfund.org/titles/mill-the-collected-works-of-john-stuart-mill-volume-v-essays-on-economics-and-society-part-ii.
- 20. Tocqueville, A. de. (1956) *Democracy in America*. Translated from French by Henry Reeve. Vol. 2. New York: Alfred A. Knopf.
- 21. Lukes, S. (1971) The meanings of "Indiivdualism". *Journal of the History of Ideas*. 32 (1). pp. 45–66.
 - 22. Boston Quarterly Review. (1841) Catholicism. Boston Quarterly Review. 4. pp. 320–338.
- 23. Arapiyeva, L.U. (1985) *Teoriya i praktika sistemy znakov prepinaniya v sovremennom angliyskom yazyke* [Theory and practice of the system of punctuation marks in modern English]. Abstract of Philology Cand. Dis. Moscow.
- 24. Baranova, L.L. (1996) *Ontologiya angliyskoy pis'mennoy rechi* [Onthology of English written speech]. Philology Dr. Dis. Moscow.
- 25. Kenneth, A. (2006) The Social Lens: An Invitation to Social and Sociological Theory. Pine Forge Press.
- 26. Draper, J.W. (1867) History of the American Civil War. Vol. 1. New York: Harper & Bros.
 - 27. Hoover, H. (1922) American Individualism. Garden City, New York: Doubleday.
- 28. Dexter, W.F. (1932) *Herbert Hoover and American Individualism*. New York: The Macmillan Company.
- 29. Thomson, I.T. (1992) Individualism and Conformity in the 1950s vs. the 1980s. *Sociological Forum.* 7(3). pp. 497–516.
- 30. Jayson, Sh. (2012) *What's on Americans' minds? Increasingly, 'me'*. [Online] Available from: https://usatoday30.usatoday.com/news/health/story/2012-07-10/individualist-language-in-bo-oks/56134152/1.
- 31. Klein, Sh.E. (2010) *Community and American Individualism*. [Online] Available from: https://atlassociety.org/ commentary/commentary-blog/4166-community-and-american-individualism.
- 32. Abbo, B. (2015) *America's "Individualistic" society*. [Online] Available from: https://www.theodysseyonline.com/americas-individualistic-society.
- 33. Wade, L. (2010) *American Individualism: Exceptional?* [Online] Available from: https://thesocietypages.org/socimages/2010/05/13/american-individualism-exceptional/.
- 34. Rothbard, M.N. (2011) *The Character of American Individualism*. [Online] Available from: https://mises.org/library/character-american-individualism.
- 35. Irwin, J. (2016) *Donald Trump: Our Individualist Nightmare Hero*. [Online] Available from: http://www.huffingtonpost.com/julie-irwin/donald-trump-our-individualist-nightmare-hero b 9464610.html.
- 36. Wallace, M. (2016) *Understanding Donald Trump: a Look at American Individualism*. [Online] Available from: http://www.parisglobalist.org/understanding-donald-trump-look-american-individualism/.
- 37. Davenport, D. & Lloyd, G. (2017) *Rugged Individualism: Dead or Alive?* [Online] Available from: http://www.hoover.org/research/rugged-individualism-dead-or-alive-0.

УДК 811.111-26

DOI: 10.17223/19986645/55/6

А.В. Нагорная

ГРАНИ И ГРАНИЦЫ МЕТАФОРИЧЕСКОЙ КРЕАТИВНОСТИ: МЕТАФОРЫ БЕЗУМИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ С. КИНГА

Рассматривается феномен метафорической креативности, понимаемой как способность к продуцированию новых метафор на концептуальном и / или вербальном уровне. Статья тематически ограничена метафорами безумия в произведениях С. Кинга. Выявляются конвенциональные метафорические модели безумия, с которыми работает автор, рассматриваются способы варьирования концептуального содержания и вербальных репрезентантов метафор, отмечаются случаи создания принципиально новых метафор, определяются границы метафорического творчества.

Ключевые слова: метафора, метафорическая креативность, языковая креативность, метафорический ландшафт, индивидуальный метафорический стиль, метафоры безумия, С. Кинг.

Одним из перспективных направлений современной метафорологии является исследование феномена метафорической креативности. Термин «метафорическая креативность» может показаться отчасти парадоксальным и избыточным, поскольку метафора по определению креативна. Она, как пишет М. Джонсон, является тем «фундаментальным средством» [1. С. 169], с помощью которого мы творчески проецируем компоненты нашего опыта на неосвоенные ранее фрагменты реальности. Это проецирование, однако, может осуществляться не только по устоявшимся, общепринятым, культурно санкционированным моделям, но и нетривиальными способами, основывающимися на нестандартном видении предмета или ситуации. С другой стороны, хорошо знакомая и многократно апробированная метафорическая проекция может быть репрезентирована в речевом произведении непривычным словом, словосочетанием или оборотом, представляющим ее в новом свете и открывающим ее скрытые возможности. Оба эти аспекта отражены в определении 3. Кёвечеша, который описывает метафорическую креативность как «производство и использование концептуальных метафор и / или их языковых репрезентаций» [2. Р. 97]. Формулировка «и / или» представляется важной, поскольку она допускает возможность метафорического творчества лишь на поверхностном, вербальном уровне в отсутствие принципиальной концептуальной новизны.

Метафорическая креативность, несомненно, соотносится с общей языковой креативностью, которую, в свою очередь, можно рассматривать как проявление свойственного человеку творческого начала.

¹ Здесь и далее перевод наш. – *Примеч. авт.*

Креативность неизменно подразумевает «ломку, перестройку и трансформацию устойчивых образцов» [3. Р. 3]. Проявляясь в речевой деятельности, она, как остроумно отмечает Т. Вил, противостоит «ИКЕАификации языка» (IKEAification of language) [4. Р. 15], не позволяя ему существовать в виде набора готовых деталей, соединяемых между собой механически, по заранее заданной схеме, образующих практичные, но примитивные типовые конструкции. Новая, необычная метафора может добавить цвета и яркости в «монохромную конвенциональность повседневного языка» [Ibidem], существенно расширить экспрессивные возможности говорящего, а закрепившись в речевых практиках, — обогатить общеупотребительный репертуар языковых средств.

Следует оговориться, однако, что при всей кажущейся спонтанности и малой предсказуемости творческого процесса «ломка, перестройка и трансформация» существующих метафорических образцов происходит по определенным законам и подчиняется некоторым правилам. Необходимость их существования обусловлена в первую очередь социальной природой человеческой коммуникации. Креативный импульс должен следовать определенной траектории, учитывающей лингвокогнитивные возможности реципиента. Последний должен быть в состоянии уловить и переработать исходный импульс, правильно интерпретировать непривычную метафору и адекватно отреагировать на нее. В противном случае когнитивное усилие автора креативной метафоры окажется невознагражденным, а коммуникация — несостоявшейся. Не случайно языковая креативность вообще и метафорическая в частности рассматривается исследователями как «социокультурная практика» или «компонент социальной деятельности» [3. Р. 24].

Совместный, социальный характер креативно-метафорической деятельности обеспечивается общностью базы знаний продуцента и реципиента метафоры. О необходимости общего концептуального фундамента писали еще Дж. Лакофф и М. Тернер в контексте проблемы поэтической метафоры [5]. В настоящее время это положение является общепринятым. По словам Т. Вила, «даже самая поразительная креативная вариация может содержать лишь те идеи, которые читатель уже знает, как понимать» [4. Р. 33]. Языковая креативность «основывается не на каких-то привилегированных источниках знания, доступ к которым можно получить лишь посредством интенсивного обучения, а на бытовом, обиходном знании – знании клише, стереотипов и конвенций, - которым мы все обладаем в избытке и которое принимаем как должное. <...> Мы используем языковую креативность, чтобы "переизобрести" и "перепредставить" знакомое так, чтобы из старого можно было сделать новое» [Ibid. P. X]. Таким образом, новое приобретает смысл лишь в привязке к уже известному, знакомому, и даже самая неожиданная креативная метафора – это лишь «контролируемое отступление от языковой нормы» [6. Р. 90].

Тем не менее истории известны случаи, когда метафорическая креативность все же «выходила за пределы метафорических ресурсов повседневного языка (и мысли)» [7. Р. 237]. Достаточно вспомнить в этой связи ав-

торские метафоры «тело – это машина» (Р. Декарт), «тело – это государство» (Р. Вирхов), «сердце – это насос» (У. Гарвей), а также метафору «болезнь — это война», сознательно введенную в дискурс во второй половине XIX в. с целью создания эффективного инструмента объяснения природы инфекционных заболеваний, а также методов их предотвращения и борьбы с ними [8, С. 332]. Во всех вышеперечисленных случаях, однако, введение новой метафоры в речевой обиход потребовало подробной экспликации метафорической проекции, объяснения механизмов интерпретации и обоснования преимуществ нового метафорического видения предмета. Трудно не согласиться с Т. Вилом, который пишет, что «требуются мозги, сердце и смелость», для того чтобы «согнуть» язык, заставив его употребляться новым, «удивительным» образом [4. С. 35]. В связи с этим правомерно говорить об индивидуальных метафорических способностях, об особом умении обнаруживать скрытые сходства, которое Аристотель считал признаком гения [9. Р. 126], и о специфическом языковом чутье, позволяющем творчески обыгрывать словарные ресурсы.

К числу наиболее ярких и «метафорически одаренных» писателей современности можно отнести С. Кинга, креативный потенциал которого рассматривался нами ранее в связи с описанием феноменов внутрителесной реальности [10]. Заметим, что изучение индивидуальных особенностей в использовании метафоры признается одной из наиболее актуальных задач современной метафорологии (см., например, [11. Р. 193–195]), а описание индивидуальных «метафорических ландшафтов» [12] — совокупного массива метафор, регулярно используемых определенным человеком и находящихся в определенных отношениях друг с другом, — относится к числу важных междисциплинарных проблем, связанных с получением доступа к субъективной реальности.

В данной статье мы рассматриваем лишь один фрагмент метафорического ландшафта Кинга, анализируя используемые им способы осмысления безумия. Термин «безумие» используется в работе как зонтичный, охватывающий широкий спектр состояний: от умственной недостаточности до реальной психической патологии. Правомерность такого использования эксплицирована в работе [13. Р. 4], что избавляет нас от необходимости дополнительного обоснования.

В современной англоязычной лингвокультуре безумие является одним из мощнейших «метафорических аттракторов», площадкой для разнообразных лингвокогнитивных экспериментов, полем для коллективного и индивидуального словотворчества. Одна из основных причин такой лингвистической привлекательности заключается в том, что Р. Потер назвал «протеической природой безумия» [14. Р. 1]: подобно мифическому Протею, оно имеет множество форм и градаций, обладает изменчивостью, легко маскируется под вменяемость, с трудом поддается определению. Его многоликость допускает возможность принципиально разных трактовок, порождающих множество альтернативных метафор. Кроме того, столкновение с безумием расшатывает границы знакомого мира, заставляет заду-

маться о существовании иных, отличающихся от привычных, форм. Безумие всегда воспринималось в англоязычной культуре как инаковость. Не случайно вплоть до XX в. психически нездоровых людей называли aliens («чужие», «чужаки»), а специалистов по психиатрическим патологиям alienists. Непривычное, нестандартное всегда служит источником метафорического влохновения, поскольку оно нуждается в осмыслении и требует использования соответствующих его необычности лингвокогнитивных ресурсов. Другим важным фактором можно считать относительно недавнее оформление безумия в отдельную медицинскую, психиатрическую проблему, а следовательно, изменение его статуса в массовом сознании. Безумие, как отмечает М. де Янг, – это «социально конструируемый феномен»; изменения, происходящие в обществе, неизменно влекут за собой смену представлений о его природе и сущности [13. Р. 2]. Анализ архивных данных показывает, что до начала XIX в. безумцы не считались отдельной, особой категорией лиц и объединялись по признаку маргинальности с попрошайками, бродягами, преступниками и экономически бесполезными стариками [15. Р. 3]. Признание безумия медицинской проблемой способствует перестройке его «метафорического поля», связанной с освоением широкого пласта соматических метафор (и других метафор, используемых для обозначения соматической патологии) при описании его разнообразных форм. Дополнительным фактором, релевантным для художественной литературы, является желание разнообразить репертуар метафорических средств, избежать повторяемости в используемой образности и, наконец, позабавить читателя, предложив ему нестандартное видение ситуации.

По мнению ряда исследователей, метафорическая креативность предполагает осознанность в употреблении языковых средств, что позволяет характеризовать создаваемые формы как «преднамеренные метафоры» [16]. Лингвистическая компетентность С. Кинга, профессионального писателя и автора книги об основах литературного творчества (On Writing), не вызывает сомнений. Подтверждение ей мы находим в специфических метаязыковых комментариях, которыми автор периодически сопровождает используемые им метафоры. Ср.: she would <...> have crept back to the farm with her (metaphorical) tail between her legs (King. 1922); Slowing like an unwound clock, wobbling like an exhausted top, beeping like a smoke detector that can no longer tell what's hot. Pick your favorite metaphor from the bargain bin (King. From a Buick 8); <...> as if some strange galvanizing current had been running through the huge black man (I still have a tendency to think in electrical metaphors; you'll have to pardon me) (King. The Green Mile. Part 1). Hecoмненна и осведомленность автора в сфере существующих в английском языке способов концептуализации безумия. В ряде случаев он приводит целые наборы, каталоги метафор, предлагая читателю выбрать наиболее подходящую. Ср.: He had heard all the slang terms at one time or another. A few bricks short the load. Soft upstairs. Running on three wheels. The guy's got a hole in his head and his brains done leaked out. This guy ain't traveling

with a full seabag (King. The stand); Missin a wheel off his baiby-carriage! Lost two-three cahds out'n his deck! Fella's a beer shote of a six-pack! (King. Hearts in Atlantis). Сказанное позволяет с уверенностью утверждать, что С. Кинг осознанно работает с концептуальным и языковым материалом, понимая механизмы образования и функционирования метафоры и зная традиционные способы концептуализации безумия.

Материалом для данного микроисследования послужили 16 романов (Christine, The stand, Hearts in Atlantis, The Green Mile, From a Buick 8, The girl who loved Tom Gordon, Black house, The dark half, Cell, Doctor Sleep, Mr. Mercedes, Finders keepers, End of watch, Revival, Under the dome, Duma Key), два сборника повестей (Four past midnight, Full dark, no stars) и один сборник рассказов (The bazaar of bad dreams), датируемых периодом с 1983 по 2016 г. Корпус примеров был набран методом сплошной выборки и после отсечения традиционных, терминоподобных номинаций (fool, idiot), в изобилии представленных разговорных, сленговых форм (doofus, stupidnik, stoopnagel, dimwit, lunkhead, dummocks, bazonka, slowpoke, coo-coo, etc.) и ставших стандартными оборотов (to be thicker than an oak plank, not to be quite right in the head, to be as mad as a March hare, to have a few screws loose, etc.) и составил 38 единиц, соответствующих определению «креативная метафора». В данной работе мы ограничились рассмотрением лишь 24 из них, обладающих, по нашему мнению, наибольшей репрезентативностью.

Рассмотрим те метафорические модели, которые чаще всего обыгрываются С. Кингом, и те способы, которыми это обыгрывание осуществляется.

В современной англоязычной лингвокультуре к числу наиболее базовых и предельно обобщенных относятся представления о безумии как о некотором более или менее замкнутом пространстве, относительно которого человек может располагаться либо внутри (если он безумен), либо снаружи (если он вменяем). Механизм такой метафорической проекции был описан Дж. Лакоффом и М. Джонсоном как лежащий в основе осмысления многих человеческих состояний [17. Р. 180–181]. Релевантными для нас являются примеры типа He's on the edge of madness и She's close to insanity [Ibid. Р. 180]. Данная метафора задает лишь самые общие границы и ориентиры, позволяя, с одной стороны, обыгрывать топологические свойства пространства, а с другой — способы проникновения в него. В обоих случаях мы имеем дело с тем, что 3. Кёвечеш назвал креативностью, основанной на области источника [2. Р. 98].

Пространственная интерпретация свойственна Кингу, однако чаще безумие предстает как открытая и не всегда четко очерченная область. Примечательна в этом отношении метафора водного массива, скрытого от глаз стороннего наблюдателя: His insanity was like an underground sea. There was a layer of rock over it, and a layer of soil over the rock; flowers grew there. You could stroll through them and never know the madwater was there... but it was (King. A good marriage). Ведущий двойную жизнь на протяжении десятилетий, герой повести совершает серию жестоких убийств, оставаясь для всех окружающих примерным семьянином, ответственным работни-

ком и человеком, занимающимся благотворительной деятельностью. Прочность, надежность, привлекательность видимого всем респектабельного «фасада» персонажа (rock, soil, flowers) противостоит зыбкости, нестабильности, текучести его внутреннего «психического устройства» (underground sea). Сложный эквилибр, в котором пребывают две его личности (он сам и его второе я – серийный убийца Биди), в любой момент может быть нарушен, поскольку в основе его лежит непрочный, ненадежный фундамент из воды. Интересной представляется динамика развития контекста: первоначально оформленная как сравнение (like an underground sea), метафора БЕЗУМИЕ – ЭТО МОРЕ теряет характерный для сравнения маркер (like), консолидируясь, утверждая свое право на существование (madwater). Такой путь, как было показано в работе [18], характерен для креативных авторских метафор. Сравнение – это своего рода когнитивный эксперимент, который отражает этап формирования когнитивной гипотезы, поиск новых, нестандартных доменных областей и выделения их салиентных свойств. Опробовав метафору, сформировав у читателя соответствующее представление и сняв когнитивный барьер, автор изымает из предложения формальный маркер сравнения, представляя метафору как окончательное когнитивное решение (см. также [19]).

Безумие может осмысляться Кингом и как пространство метафизическое. Так, при описании болезни Альцгеймера используется метафора чистилища: the old Sarge was still alive but now in his late seventies, lost in that confused twilight purgatory reserved for people with Alzheimer's disease (King. From a Buick 8). Эта метафора создает многокомпонентный, полифоничный образ. Во-первых, с ее помощью передается идея сложного, двойственного статуса человека, уже покинувшего мир обычных, вменяемых людей, но еще не окончательно лишившегося разума. Во-вторых, она вызывает устойчивую ассоциацию со смертью, передавая тем самым идею скорой кончины человека. В-третьих, она содержит отголоски традиционных представлений о неправедно прожитой жизни, неискупленных грехах.

Чрезвычайно интересным в контексте пространственной интерпретации безумия является авторский окказионализм gorkland: Selma doesn't think Hartsfield is rebooting jack shit, he's just off in gorkland (King. End of watch). Gork представляет собой акроним, который используется в медицинском сленге, расшифровывается как God Only Really Knows и применяется по отношению к людям, получившим травму головы и находящимся в коматозном состоянии 1. На пространственное ви́дение этого состояния недвусмысленно указывает компонент land, присоединенный автором к исходному акрониму.

Активно работая с традиционной пространственной метафорой, С. Кинг предлагает и принципиально иную пространственную интерпретацию безумия, помещая его *внутрь* человека. Такая интерпретация хорошо согласуется с развиваемой во многих романах идеей о наличии у человека «безумного

 $^{^1}$ См.: *Urban* Dictionary. URL: http://www.urbandictionary.com/define.php?term=gork. (дата обращения: 30.06.2017).

начала», скрытой до поры до времени способности к совершению неадекватных поступков. Как пишет автор в романе «Мобильник» (Cell), 'At bottom, vou see, we are not Homo Sapiens at all. Our core is madness' (King. Cell). Это внутреннее пространство безумия предстает в романе «Дьюма-Ки» в образе немытого горшка, в котором идея компактного контейнера совмещается с представлением о безумии как об аномальном. «нечистом» состоянии: (о психиатpax) [people] whose job it was to scrape caked-on grime off those troublesome unwashed pots in the sinks of the subconscious (King. Duma Key). В романе «Мистер Мерседес» оно репрезентируется метафорой кипящего котла, готового в любой момент взорваться: The young man in the picture may have a cauldron of crazy boiling away behind his bland face (King. Mr. Mercedes). Любопытна корреляция этой авторской метафоры с традиционными способами концептуализации эмоций как горячей жидкости внутри контейнера [1]. В другом случае внутреннее пространство безумия незамысловато концептуализируется как особая «зона», порождающая глупые мысли: A stupid thought launched from her brain's all-too-large Stupid Zone (King, A good marriage).

Безумие для Кинга может быть не просто пространством, а определенным типом среды. Описывая болезнь Альцгеймера от первого лица в романе «Дьюма-Ки», автор уподобляет состояние больного пребыванию в затянутом туманом месте: I'm enjoying one of my clear patches. I love and treasure them, but they make me sad, as well. It's like being in a glider and rising on a gust of wind about a low-lying groundmist. For a little while one can see everything so clearly... and at the same time one knows the wind will die and one's glider will sink back into the mist again (King. Duma Key). Полагаем, что в данном случае мы имеем дело с блендом, совмещающим два традиционных представления о безумии: общая пространственная интерпретация дополняется идеей безумия как неспособности к адекватному осуществлению мыслительной деятельности, отсутствия ясности мышления. «Затуманенность» сознания безумца многократно и разнообразно обыгрывается Кингом, причем метафора тумана одна из наиболее частотных. Ср.: Library Al had become a trifle foggy upstairs (King. End of watch); a foggy thinker (King. Under the dome) mental fog (King. Duma Key). Она же является ключевой для создания образа персонажа в романе «Дьюма-Ки» (mental fog; the fog of Alzheimer's; sink into the mist), чередуясь с метафорой грязи (muddy up your thinking). Заметим, однако, что эта метафора не продукт метафорической деятельности самого Кинга, она входит в общий метафорический фонд современного английского языка (ср.: fog - a state of mental uncertainty or obscurity (можно назвать CED); in a fog – puzzled and confused (OALD). Авторским нововведением вербальный репрезентант mist, используемый в исходном примере. Mist парадигматически соотносится с конвенциональным fog, но обладает существенным семантическим отличием, обозначая туман меньшей плотности, метафорически – ментальное состояние меньшей степени тяжести (ср.: mist - cloud of minute drops of water vapour hanging just above the ground, less thick than fog but still difficult to see through (OALD).

Приведенный выше контекст интересен и как пример развернутой метафоры, по сути — целого метафорического сценария, в котором домен «пространство» естественным образом взаимодействует с доменом «движение»: утрата интеллектуальных функций описывается как проникновение в пространство безумия, а их временное восстановление — как отдаление от него.

Метафора движения входит в основной фонд метафорики безумия, активно используется в речевом обиходе современного англофона. Для ее репрезентации на вербальном уровне имеется широкий диапазон лексических средств: to descend / sink / slip / plunge / collapse / spiral / race / slide / veer / spin / walk into madness; a journey into madness; slip / fly / descend / slide / plunge / drift into insanity (COCA¹). С. Кинг охотно использует ее, часто креативно обыгрывая ее возможности. Например, находясь в пределах исходного домена и используя традиционные формы его вербальной репрезентации, он может дополнительно эксплицировать такую важную характеристику движения, как скорость: I've seen a lot of people slide into senility since I came here, and sometimes they do more than slide – sometimes they go down with the speed of a crash-diving submarine (King. The Green Mile. Part 4). Наблюдаются и случаи экспериментирования с вербальными репрезентантами метафоры движения. К числу авторских и высококреативных относится, например, следующее описание: They're wondering if I'm riding into the Kingdom of Dementia in the Alzheimer's Express, he thinks (King. Mr. Mercedes). В описании создан сложный, многокомпонентный образ, включающий указание на пространственную область (Kingdom of Dementia), способ (riding) и даже средство (Alzheimer's Express) перемещения, ассоциирующееся с высокой скоростью движения.

В вышеприведенных примерах центром «моторной активности» является человек, который сам, целиком перемещается в пространство безумия. С. Кинг, однако, использует нестандартный когнитивный прием и «отправляет в путь» не человека, а лишь его разум, заставляя его внезапно «покинуть» своего владельца: The Old Sarge had been a believer in that offthe-record stuff, at least as regarded the Buick, until his mind had taken French leave, first just infantry squads of brain-cells stealing away in the night, then platoons, then whole regiments in broad daylight (King. From a Buick 8). Kpeaтивный характер метафоры отнюдь не исчерпывается необычностью фокуса. Автор дробит целостный mind на множество brain-cells, разрушая традиционные представления о нечленимости первого и употребляя термин (brain-cells), который соотносится не с метафизическим mind, а с анатомическим brain. Кроме того, Кинг использует военную метафорику (infantry squads, platoons, regiments), которая позволяет не просто обозначить группы покидающих человека brain-cells, но и описать динамику событий, расположив их в порядке увеличения численности (squads - platoons - regi-

 $^{^1\,} COCA$ — Corpus of Contemporary American English. URL: http://corpus.byu.edu/coca/. (дата обращения: 20.06.2017).

ments). Дополнительное усиление образности достигается за счет профилирования манеры перемещения ($stealing\ away$) и противопоставления $in\ the\ night-in\ broad\ daylight$, с помощью которого автор показывает прогрессирование состояния персонажа и все более очевидный характер изменений в его психике для окружающих.

Метафора разума, покидающего человека, коррелирует с метафорой потерянного разума, весьма популярной в современной англоязычной лингвокультуре (ср.: to lose one's mind). Широко употребляя ее в своих произведениях, Кинг в свойственной ему манере расширяет ее, обыгрывая ее скрытый потенциал, оживляя стертую образность: 'I've lost my mind,' she said matter-of-factly. 'It fell out and died in that culvert, or when I was walking around the store' (King. Big driver).

Такое «реанимирование» старых, конвенциональных, стершихся от долгого употребления метафор за счет их расширения является визитной карточкой индивидуального стиля С. Кинга. Оно может осуществляться за счет расширения доменной области источника. Так. конвенциональный оборот as dumb as a hammer усиливается за счет включения в описание фактора количества: Herb Avery looked as dumb as a bag of hammers (King. From a Buick 8). Привычное to have a few loose screws модифицируется за счет демонстрации динамики состояния: разболтавшийся метафорический шуруп с высокой степенью вероятности может выпасть из гнезда и затеряться (missing screws). Примечательно, что появление этой новой версии метафоры тщательно подготавливается контекстом: 'I feel bad for people with loose screws.' 'I'm glad to hear you say so. I've known people whose screws were not just loose but entirely missing' (King. Hearts in Atlantis). Необходимость такой подготовки отчасти обусловливается наличием в английском языке другого оборота – missing marbles. Вне контекста оборот missing screws вполне мог бы интерпретироваться как смешанная метафора, однако в данном случае уместнее все же говорить о расширении и развитии исходной образности. Контекстуальное сближение двух метафор наблюдается в описании He might have been born at night, as the saying went, but it wasn't last night (King. Finders keepers). To be born at night традиционно используется для обозначения ограниченных умственных способностей, в то время как not to be born last night обозначает наличие опыта и здравого смысла. Мы имеем дело не просто с игрой слов, а со стяжением двух разных, самостоятельных метафор, что, несомненно, можно рассматривать как проявление метафорической креативности. Собственно игра слов, основанная на прямом (ботаническом) и переносном («безумие») значении слова nut наблюдается в следующих двух контекстах: He was a nut, all rights, but one which had fallen from a different tree (King, Secret window, secret garden); In school they had learned about nuts and not taking rides from strangers (because some strangers were nuts), but not mushrooms (King. The girl who loved Tom Gordon).

Одной из старейших метафор, используемых в современной англоязычной лингвокультуре, является БЕЗУМИЕ – ЭТО НАРУШЕНИЕ ЦЕЛОСТ-

НОСТИ ОБЪЕКТА. Уместно вспомнить в этой связи, что ключевое для безумия слово crazy само исторически восходит к идее поломки: full of cracks or flaws; damaged, impaired, unsound; liable to break or fall to pieces; frail, shaky [20. P. 157]. Умственно неполноценный человек может именоваться crackpot (King. Finders keepers), а утрата интеллектуальных способностей может обозначаться оборотом to go crackers: His nephew by marriage <...> had gone crackers and killed a man (King. The Green Mile. Part 6). С. Кинг, однако, выходит далеко за пределы конвенциональных ресурсов языка, предлагая весьма неожиданные, хотя и соотносящиеся с исходной концептуальной метафорой, решения. Ср.: And when he got very close, smiling and talking away a mile a minute, you realized for sure that a goody chunk of Tom Cullen's attic insulation was missing (King. The stand). В данном случае attic метафорически соотносится с головой, insulation — с ее содержимым (мозгами), а отсутствующий фрагмент изоляционного материала, а следовательно, нарушение целостности объекта — с безумием.

Разновидностью этой метафоры является БЕЗУМИЕ - ЭТО НАРУШЕ-НИЕ ЦЕЛОСТНОСТИ КОМПЛЕКТА ПРЕДМЕТОВ. Насколько нам известно, эта модификация не описана в лингвистической литературе. Между тем она широко употребляется в современном английском языке, входя в его общий метафорический фонд. Ср.: to be a few bricks short the load; to lose a couple of cards out of the deck / not to play with a full deck; to be a beer short of a six-pack, etc. Все перечисленные здесь обороты можно найти в произведениях Кинга, причем он сам эксплицитно называет их общеупотребительными (He had heard all the slang terms at one time or another – The stand). Писатель вносит собственный вклад в развитие этой метафорической модели, предлагая следующий свежий образ: Tommy Erbter says she's a Coke short of a Happy Meal these days (King, Straub. The black house¹). При использовании данной метафорической модели важно полагаться на знания реципиента о нормативной комплектности того или иного объекта и понимание его полноценности именно как набора предметов. Предложенный Кингом образ следует признать весьма удачным и эффектным, поскольку он основывается на важном компоненте опыта современного общества «быстрой» ресторанной культуры. Справедливости ради следует отметить, что образ *Happy Meal* эксплуатируется и другими писателями, и оборот two / a few / several fries short of a Happy Meal становится практически конвенциональным². Тем не менее форму a Coke short of a Happy Meal следует признать уникальным продуктом метафорического экспериментирования самого Кинга (и его соавтора), к слову, хронологически появившимся раньше большинства зарегистрированных употреблений (2001 г.).

Принципиально другая метафорическая модель связана с сопоставлением умственных способностей членов определенной группы. Умственные

 $^{^1}$ Следует оговориться, что роман написан в соавторстве с П. Страубом, и авторство метафоры определено условно.

² Cm. books.google.com.

способности, как известно, являются градуируемой величиной, с размытыми границами между классами и нечеткостью той грани, за которой наступает безумие. Для определения степени адекватности человека и его интеллектуального потенциала на бытовом уровне обычно бывает достаточно сравнения с другими людьми. Именно такая процедура отражена в структуре номинаций типа not the brightest bulb in the chandelier, not the sharpest tool in the box / shed, not the sharpest knife in the drawer и гораздо менее частотном not the brightest bear in the woods, etc. 1 Строясь по общему принципу, эти описания тем не менее задействуют разные метафорические проекции, отражая альтернативные способы осмысления вменяемости как яркости или остроты ума. Активно пользуясь этим ресурсом, Кинг вносит собственный вклад в его дальнейшее развитие, предлагая следующее описание: Dicky-Duck Eliot, perhaps not the swiftest horse ever to canter around life's great racetrack, wanted to know why they were keeping gerbils in the Buick (King. From a Buick 8). Семантическая прозрачность этой неконвенциональной номинации обеспечивается «знакомостью» модели, на которой она строится, и ее востребованностью в современных дискурсивных практиках.

Характерной особенностью индивидуального метафорического стиля С. Кинга является активное использование механической образности при описании широкого спектра телесных состояний (см. [10]). Механическая метафора оказывается в его произведениях и эффективным средством осмысления безумия, тем самым холистически охватывая все поле субъективных телесных проявлений. Здесь Кинг вновь работает с конвенциональной метафорикой (THE MIND IS A MACHINE [11. P. XI]), креативно используя предлагаемые его культурой концептуальные ресурсы. Ср.: She'll be ninety in the fall, if she makes it. She's entitled to a few slipped cogs (King. The bazaar of bad dreams); maybe the first few parts of the complicated network of dikes, levees, and spillways the old crock had constructed against the rising sea of senility were finally giving way (King. The Sun dog).

Как явствует из приведенных примеров, С. Кинг преимущественно работает с готовыми конвенциональными метафорами — «обширным блошиным рынком побывавших в употреблении форм» [4. Р. 11], креативно оживляя их стертую образность. Однако в ряде случаев он берет за основу лишь общую метафорическую модель, «шаблон», наполняя его принципиально новым содержанием. Примером такого рода можно считать авторскую метафору ALZHEIMER'S IS AIDS FOR OLD PEOPLE (King. The Green Mile. Part 2). Уникальная по содержанию, она тем не менее строится на вполне привычной и устоявшейся модели, используемой для концептуализации опасных явлений (ср. AIDS is the 20th century plague). Болезнь, выступающая в качестве области источника, не интересует концептуализа-

¹ Заметим, что широкая распространенность и известность перечисленных метафор подтверждается возможностью их употребления в усеченном виде. Ср.: *Greedy G, not the brightest bulb, but loyal and unquestioning* (King, Doctor Sleep).

тора как нозологическая единица. Ее генезис, симптомы, течение и другие сущностные признаки оказываются в данном случае нерелевантными. Важными для метафорической проекции являются неизлечимость заболевания, его эпидемический размах и количество потенциальных жертв. Болезнь Альцгеймера, как известно, служит основной причиной старческого слабоумия, приводит к быстрой деградации всех интеллектуальных функций, по некоторым данным, охватывает до половины лиц старше 85 лет; количество зарегистрированных случаев постоянно растет, а вероятность излечения отсутствует. Перечисленные обстоятельства делают метафору СПИДА эффективным инструментом описания болезни Альцгеймера и придают описанию необходимый драматизм.

Приведенные выше примеры преимущественно демонстрируют способность С. Кинга работать с концептуальным материалом метафор безумия. Однако его метафорическая креативность ярко проявляется и на поверхностном, вербальном уровне. В частности, он прибегает к перефразированию или переформулированию общеупотребительных метафор. Приведем лишь один, но весьма показательный, пример: конвенциональная метафора to run on three wheels представлена в его произведениях в следующих модифицированных формах: She doesn't have all four wheels on the road (King. The bazaar of bad dreams); His earlier conversation with the lady has suggested that she's got one wheel on the road at most (King. Mr. Mercedes).

Ни в коей мере не претендуя на исчерпывающий характер предложенного здесь анализа, позволим себе сделать три общих вывода:

- 1. Креативно-метафорическая деятельность подчиняется некоторым общим правилам, главные из которых обязательная «узнаваемость» и принципиальная интерпретируемость порождаемой метафоры. Узнаваемость новой метафоры обеспечивается тем, что она основывается на привычных и общих для всех структур знания и представляет собой их «неожиданную и необычную активацию» [3. Р. 13].
- 2. Способы активации привычных структур знания разнятся от одного человека к другому и составляют в совокупности индивидуальный метафорический стиль. Он проявляется в отборе определенных метафорических моделей из множества существующих в культуре, способности к работе с концептуальным и вербальным материалом метафоры и созданию принципиально новых метафор, выборе конкретных приемов варьирования метафор, наличии специфических «очагов» метафорической активности, единообразии или разнообразии в метафорическом осмыслении однотипных феноменов.
- 3. По-видимому, существует корреляция между индивидуальной метафорической креативностью, общей языковой компетентностью (знанием существующих в языке приемов концептуализации феномена) и наличием специальных метаязыковых знаний (пониманием того, что такое метафора и как она работает). Данный вопрос, однако, требует дополнительного исследования на более обширном языковом материале и с привлечением

более комплексных, в том числе экспериментальных, исследовательских процедур.

Перспективу исследований в данной области могло бы составить изучение других тематических групп метафор в творчестве писателя, моделирование его целостного метафорического ландшафта, а также выявление изменений в паттернах метафорической креативности с течением времени.

Список сокращений

CED - Collins English Dictionary. Glasgow: Collins, 2011. 1920 p.

OALD – Oxford Advanced Learner's Dictionary. Oxford: Oxford University Press, 1989. 1580 p.

Литература

- 1. Johnson M. The body in the mind: The bodily basis of meaning, imagination, and reason. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1987. 233 p.
- 2. Kövecses Z. Where metaphors come from: Reconsidering context in metaphor. Oxford: Oxford University press, 2015. 233 p.
- 3. Maynard S.K. Linguistic creativity in Japanese discourse: Exploring the multiplicity of self, perspective, and voice. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2007. 356 p.
- 4. Veale T. Exploding the creativity myth: The computational foundations of linguistic creativity, London; New York: Bloomsbury Academic, 2012. 224 p.
- 5. Lakoff G., Turner M. More than cool reason: A field guide to poetic metaphor. Chicago: The University of Chicago Press, 1989. 230 p.
- 6. Hanks P. Linguistic norms and pragmatic exploitations, or why lexicographers need prototype theory, and vice versa // Papers in Computational Lexicography. Budapest: Hungarian Academy of Sciences, 1994. P. 89–113.
- 7. Semino E., Steen G. Metaphor in literature // The Cambridge handbook of metaphor and thought. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. P. 232–247.
- 8. *Нагорная А.В.* Дискурс невыразимого: Вербалика внутрителесных ощущений. М.: ЛЕНАНД, 2014. 320 с.
- 9. Medina J. Language: Key concepts in philosophy. London ; New York : Continuum. 2005. 215 p.
- 10. *Нагорная А.В.* Индивидуально-идиолектальная вариативность словаря внутрителесных ощущений (на материале произведений С. Кинга) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 3-2 (21). С. 138–144.
- 11. Kovecses Z. Metaphor: A practical introduction. Oxford : Oxford University Press, 2010. 400 p.
- 12. *Lawley J., Tompkins P.* Metaphors in mind: Transformations through symbolic modelling. London: The Developing Company Press, 2000. 317 p.
- 13. De Young M. Madness: An American history of mental illness and its treatment. Jefferson; London: McFarland, 2010. 302 p.
- 14. *Poter R.* Mind-Forg'd Manacles: A history of madness in England from the Restoration to the Regency. London: Athlone Press, 1987. 432 p.
- 15. Gollaher D. Voice for the mad: The life of Dorothea Dix. New York: The Free Press, 1995. 538 p.
- 16. Steen G.J. Developing, testing and interpreting Deliberate Metaphor Theory // Journal of Pragmatics. Amsterdam: Elsevier, 2015. Vol. 90. P. 67–72.
- 17. Lakoff G., Johnson M. Philosophy in the flesh: The embodied mind and its challenge to western thought. New York: Basic Books, 1999. 624 p.

- 18. *Нагорная А.В.* Когнитивно-релевантные различия между синтаксическими структурами тождества и сравнения при вербализации интероцептивных ощущений // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 5 (145). С. 95–100.
- 19. Semino E. Metaphor in discourse. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 260 p.
- 20. *Bramwell E.* Madness, sanity, and metaphor // Mapping English metaphor through time. Oxford: Oxford University Press, 2016. P. 152–164.

Список источников

King S. 1922 // Full dark, no stars. London: Hodder & Stoughton, 2011. P. 1–156.

King S. A good marriage // Full dark, no stars. London : Hodder & Stoughton, 2011. P. 329–427.

King S. Big driver // Full dark, no stars. London: Hodder & Stoughton, 2011. P. 157–288.

King S., Straub P. Black house. New York: Ballantine Books, 2001. 659 p.

King S. Cell. New York: Pocket Star Books, 2006. 450 p.

King S. Duma Key. London: Hodder & Stoughton, 2008. 690 p.

King S. End of watch. London: Hodder & Stoughton, 2016. 351 p.

King S. Finders keepers. London: Hodder & Stoughton, 2016. 385 p.

King S. Four past midnight. New York: Penguin Books, 1991. 744 p.

King S. From a Buick 8. London: Hodder & Stoughton, 2002. 467 p.

King S. Hearts in Atlantis. London: Hodder & Stoughton, 1999. 621 p.

King S. Mr. Mercedes. London: Hodder & Stoughton, 2014, 405 p.

King S. Secret widow, secret garden // Four past midnight. New York: Penguin Books, 1991. P. 235–382.

King S. The bazaar of bad dreams. London: Hodder & Stoughton, 2015. 483 p.

King S. The girl who loved Tom Gordon. London: Hodder & Stoughton, 2011. 237 p.

King S. The Green Mile. Part 1. The two dead girls. New York: Penguin Books, 1996. 92 p.

King S. The Green Mile. Part 2. The mouse on the mile. New York: Penguin Books, 1996. 92 p.

King S. The Green Mile. Part 4. The bad death of Eduard Delacroix. New York: Penguin Books, 1996. 90 p.

King S. The Green Mile. Part 6. Coffey on the Mile. New York: Penguin Books, 1996. 138 p.

King S. The stand. London: Hodder & Stoughton, 1990. 1421 p.

King S. Under the dome. London: Hodder & Stoughton, 2010. 282 p.

FACETS AND LIMITS OF METAPHORICAL CREATIVITY: MADNESS METAPHORS IN STEPHEN KING'S PROSE

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2018. 55. 72–87. DOI: 10.17223/19986645/55/6

Alexandra V. Nagornaya, Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: alnag@mail.ru

Keywords: metaphor, metaphorical creativity, language creativity, metaphorical landscape, individual metaphorical style, madness metaphors, Stephen King.

The paper deals with the phenomenon of metaphorical creativity understood as an ability to create metaphors possessing novelty at the conceptual and/or verbal level. Metaphorical creativity involves the breaking, restructuring and transformation of well-established patterns of thought and wording. All these changes, however, are restricted by the social nature of human communication as the potential receiver of the novel metaphor is supposed to be able

to decode it and adequately react to it. Thus, metaphorical creativity is seen as a social practice and as a guided and controlled activity. It is based on shared knowledge and makes sense only when its products are related to the already established modes of interpretation. One of the most promising fields of research in this sphere is the analysis of individual creativity patterns and the modeling of individual metaphorical landscapes. The paper focuses on Stephen King's prose (16 novels, two collections of novelettes and one collection of short stories) dealing specifically with creative madness metaphors coined by the author. Following M. De Young, the author uses 'madness' as an umbrella term covering a variety of states ranging from mild mental deficiency to severe mental disorders. The paper presents a detailed analysis of 24 metaphors that are most representative of the author's individual metaphorical style. It reveals the conventional metaphors most commonly exploited by King (such as MADNESS IS SPACE, MADNESS IS A BROKEN OBJECT, MADNESS IS AN INCOM-PLETE SET OF OBJECTS, etc.) and describes concrete conceptual and verbal techniques employed by the author to convey the different aspects of madness. The paper further looks into the possibility of creating principally new madness metaphors and provides a unique example from King's prose (Alzheimer's is AIDS for old people), demonstrating its 'recognizability' that stems from the fact that it follows the well-entrenched metaphorical pattern of conceptualizing diseases (AIDS is the 20th-century plague). The author of the paper supposes that King's creative metaphorical prolificacy is partly accounted for by his extensive knowledge of existing verbal resources and metalinguistic competence evident in his explicit use of the word 'metaphor' in special metalinguistic commentaries. The author points out the need for a systematic analysis of other thematic groups of metaphors in order to model the general metaphorical landscape of the author and reveal changes in the creativity patterns through time.

References

- 1. Johnson, M. (1987) The body in the mind: The bodily basis of meaning, imagination, and reason. Chicago; London: The University of Chicago Press.
- 2. Kövecses, Z. (2015) Where metaphors come from: Reconsidering context in metaphor. Oxford: Oxford University Press.
- 3. Maynard, S.K. (2007) *Linguistic creativity in Japanese discourse: Exploring the multiplicity of self, perspective, and voice.* Amsterdam: John Benjamins Publishing Company.
- 4. Veale, T. (2012) Exploding the creativity myth: The computational foundations of linguistic creativity. London; New York: Bloomsbury Academic.
- 5. Lakoff, G. & Turner, M. (1989) More than cool reason: A field guide to poetic metaphor. Chicago: The University of Chicago Press.
- 6. Hanks, P. (1994) Linguistic norms and pragmatic exploitations, or why lexicographers need prototype theory, and vice versa. *Papers in Computational Lexicography*. Budapest: Hungarian Academy of Sciences. pp. 89–113.
- 7. Semino, E. & Steen, G. (2008) Metaphor in literature. In: Gibbs, R.W. Jr. (ed.) *The Cambridge handbook of metaphor and thought*. Cambridge: Cambridge University Press.
- 8. Nagornaya, A.V. (2014) *Diskurs nevyrazimogo: Verbalika vnutritelesnykh oshchush-cheniy* [The Discourse of the Ineffable: Verbal forms of Internal Body Sensations]. Moscow: Lenand.
- 9. Medina, J. (2015) Language: Key concepts in philosophy. London; New York: Continuum.
- 10. Nagornaya, A.V. (2013) Individual-idiolectal variability of intra-corporeal sensations vocabulary (by the material of S. King's works). *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki Philological Sciences. Issues of Theory and Practice.* 3-2 (21). pp. 138–144. (In Russian).
- 11. Kovecses, Z. (2010) *Metaphor: A practical introduction*. Oxford: Oxford University Press.

- 12. Lawley, J. & Tompkins, P. (2000) *Metaphors in mind: Transformations through symbolic modelling*. London: The Developing Company Press.
- 13. De Young, M. (2010) Madness: An American history of mental illness and its treatment. Jefferson; London: McFarland.
- 14. Poter, R. (1987) Mind-Forg'd Manacles: A history of madness in England from the Restoration to the Regency. London: Athlone Press.
- 15. Gollaher, D. (1995) Voice for the mad: The life of Dorothea Dix. New York: The Free Press.
- 16. Steen, G.J. (2015) Developing, testing and interpreting Deliberate Metaphor Theory. *Journal of Pragmatics*. 90. pp. 67–72. DOI: 10.1016/j.pragma.2015.03.013
- 17. Lakoff, G. & Johnson, M. (1999) *Philosophy in the flesh: The embodied mind and its challenge to western thought.* New York: Basic Books.
- 18. Nagornaya, A.V. (2015) Cognitive-relevant differences in syntactic structures of identity and simile at verbalization of interoceptive sensations. *Vestnik Tambovskogo universiteta*. *Seriya: Gumanitarnyye nauki Tambov University Review*. Series Humanities. 5 (145). pp. 95–100. (In Russian).
 - 19. Semino, E. (2008) Metaphor in discourse. Cambridge: Cambridge University Press.
- 20. Bramwell, E. (2016) Madness, sanity, and metaphor. In: Anderson, W., Bramwell, E. & Hough, C. (eds) *Mapping English metaphor through time*. Oxford: Oxford University Press.

Sources

- King, S. (2011) 1922. In: Full dark, no stars. London: Hodder & Stoughton.
- King, S. (2011) A good marriage. In: Full dark, no stars. London: Hodder & Stoughton.
- King, S. (2011) Big driver. In: Full dark, no stars. London: Hodder & Stoughton.
- King, S. & Straub, P. (2001) Black house. New York: Ballantine Books.
- King, S. (2006) Cell. New York: Pocket Star Books.
- King, S. (2006) Duma Key. London: Hodder & Stoughton.
- King, S. (2016) End of watch. London: Hodder & Stoughton.
- King, S. (2016) Finders keepers. London: Hodder & Stoughton.
- King, S. (1991) Four past midnight. New York: Penguin Books.
- King, S. (2002) From a Buick 8. London: Hodder & Stoughton.
- King, S. (1999) *Hearts in Atlantis*. London: Hodder & Stoughton.
- King, S. (2014) Mr. Mercedes. London: Hodder & Stoughton.
- King, S. (1991) Secret widow, secret garden. In: Four past midnight. New York: Penguin Books.
 - King, S. (2015) The bazaar of bad dreams. London: Hodder & Stoughton.
 - King, S. (2011) The girl who loved Tom Gordon. London: Hodder & Stoughton.
 - King, S. (1996) The Green Mile. Part 1. The two dead girls. New York: Penguin Books.
- King, S. (1996) *The Green Mile*. Part 2. The mouse on the mile. New York: Penguin Books.
- King, S. (1996) *The Green Mile*. Part 4. The bad death of Eduard Delacroix. New York: Penguin Books.
 - King, S. (1996) *The Green Mile*. Part 6. Coffey on the Mile. New York: Penguin Books.
 - King, S. (1990) The stand. London: Hodder & Stoughton.
 - King, S. (2010) Under the dome. London: Hodder & Stoughton.

УДК 81.233

DOI: 10.17223/19986645/55/7

С.А. Осокина

«СВОЕ» И «ЧУЖОЕ» В ДЕТСКОЙ РЕЧИ

Предлагается новый подход к исследованию детской речи, вписывающий проблемы онтолингвистики в широкий спектр работ, посвященных изучению «чужого слова» в речи. Цель исследования состоит в установлении критериев разграничения «своего» и «чужого» в детской речи и определении лингвистического статуса «чужих» вкраплений в речи ребенка. Исследование проводится на основе метода кейса, предполагающего изучение речи отдельного ребенка. Результаты исследования: проявления «чужого слова» в речи ребенка можно обнаружить в плане морфологии и словообразования, выбора слов, конструирования сочетаний слов и крупных последовательностей слов.

Ключевые слова: детская речь, развитие речи у ребенка, «чужое слово», онтолингвистика, метод кейса.

Понятие «чужое слово» восходит корнями к работам М.М. Бахтина и является изначально литературоведческим понятием. Под «чужим словом» могут пониматься прямые и косвенные цитаты, реминисценции, аллюзии, переклички, явные и скрытые формы литературного влияния в различных аспектах (в том числе на уровне стиля, интонационных конструкций, ритмики и т.п.) [1]. Однако с развитием концепции интертекста, в рамках которой данное понятие получает чрезвычайно широкую интерпретацию, формируется идея о том, что интертекст может рассматриваться не только как явление литературное, но и языковое, требующее «строго лингвистического подхода к предмету исследования» [2. С. 33]. К настоящему времени лингвистикой накоплен достаточно объемный опыт исследования интертекста, опирающийся на работы Р.-А. де Богранда и В.У. Дресслера [3], Ю.С. Степанова [4], Н.А. Фатеевой [5], В.Е. Чернявской [6] и других исследователей.

Параллельно с теорией интертекста мысль о том, что вся языковая деятельность человека, в том числе и повседневная речь, представляет собой «непрерывный поток «цитации», черпаемой из конгломерата нашей памяти», отстаивается в концепции Б.М. Гаспарова [7. С. 14], по мнению которого, Ю. Кристевой принадлежит заслуга перенесения «чужого слова» М. Бахтина в пространство повседневной речи в теории интертекстуального анализа. «Чужие» вкрапления в речи индивида Б.М. Гаспаров называет «коммуникативными фрагментами», которые функционируют в виде «разнородных «кусков» предыдущего опыта, имеющих разную форму и объем [Там же. С. 13]. Опираясь на перечисленные концепции (а также исследования Ю.Н. Караулова [8] и других ученых), можно прийти к выводу, что продуцирование речи обязательно предполагает воспроизведение опреде-

ленных фрагментов чужой речи, которые можно квалифицировать как языковые единицы знания, или тезаурусные единицы [9]. Усвоение речи и развитие речевых навыков также предполагает перенимание чужого языкового опыта и воспроизведение фрагментов чужой речи в собственных высказываниях.

Данные наблюдения согласуются с принятым в возрастной психологии положением, что становление и развитие психических структур неотделимо от процесса интериоризации, или присвоения внешнего социального опыта. Одним из аспектов становления речи рассматривается интериоризация опыта общения со взрослыми. Начиная с исследований Л.С. Выготского [10] при изучении детской речи подчеркивается важность общения со взрослыми в процессе усвоения языка ребенком. Влияние речи взрослого рассматривается с разных позиций: 1) в концепции речевой деятельности, которая культивируется в отечественном языкознании, общение со взрослым играет важную роль в процессе формирования внутренней речи и становления механизмов порождения речи; 2) в бихевиоризме речевое поведение ребенка во многом рассматривается как имитация речевого поведения взрослых; 3) в таких современных западных направлениях, как эмерджентизм и эмпирицизм, приобретение языка ребенком рассматривается с точки зрения его вовлеченности в процесс использования языка: речь взрослого представляется как «входные данные» (input), которые ребенок обрабатывает и из которых извлекает слова и грамматические конструкции [11, 12]. Менее всего роли общения со взрослыми уделяется внимания в генеративизме [13], который постулирует наличие врожденной способности к пониманию и использованию языка, но и представители данного подхода не могут отрицать важность общения с другими людьми при приобретении языка.

В большей части исследований ребенок позиционируется как самостоятельный субъект говорения: «Мысль о том, что каждый ребенок создает собственную языковую систему, а не перенимает ее в готовом виде у взрослых, фактически всегда присутствовала, хотя иногда и в неявном виде, в работах ведущих отечественных ученых» [14. С. 11]. Действительно, с точки зрения психофизиологических процессов в акте говорения, ребенок является самостоятельным производителем деятельности. Формирующаяся при этом ментальная языковая система у каждого ребенка индивидуальна, поскольку складывается из множества факторов, конкретный набор которых в каждом случае уникален. Но при этом нельзя не заметить, что если рассматривать продуцируемые ребенком высказывания как отдельный продукт лингвистического изучения, то всегда можно обнаружить, что именно проделано ребенком самостоятельно, а что взято из воспринятой им «чужой» речи в «готовом виде». Иначе говоря, подход, при котором ребенок рассматривается как индивидуальная языковая личность, не отрицает возможность исследования детской речи в аспекте «свое» - «чужое», напротив, подобные исследования позволяют раскрыть новый аспект лингвистических исследований в добавление к традиционным проблемам онтолингвистики.

90 С.А. Осокина

Под «чужим» в данном случае понимаются вкрапления из речи других людей в разных ее проявлениях (из диалогов, прочитанных и прослушанных книг, просмотренных телепрограмм и т.п.), которые дети используют как некие «готовые» языковые блоки при продуцировании собственной речи. Нельзя путать данное понимание с дихотомией «свое — чужое», традиционно рассматриваемой в онтолингвистике и детской психологии, связанной с процессом освоения ребенком категории посессивности [15] и отношений, выражаемых словами «моя игрушка» (сопровождаемых позитивной оценкой, разрешением) — «чужая игрушка» (негативная оценка, запрет) и подобное [16], хотя заявленные проблемы отчасти перекликаются.

Вопрос о критериях разграничения «чужого» и «своего» в речи ребенка является чрезвычайно важным в методологическом плане, поскольку имеет отношение к выделению единиц анализа. Однако описанная выше многомерность понятия «чужое слово» и в литературоведческих, и в лингвистических исследованиях не позволяет проводить однозначные параллели между проявлениями «чужого слова» в речи и единицами языка. Поэтому цель настоящей работы состоит в анализе детской речи в аспекте «свое» — «чужое», предполагающем определение лингвистического статуса «чужих» вкраплений в речи ребенка и установление указанных критериев.

Новизна предлагаемого подхода состоит в исследовании продуктов детской речи как отдельного объекта лингвистического анализа в аспекте соотношения «созданное ребенком самостоятельно» и «воспринятое из чужой речи». На фоне большого количества исследований детской речи, в основном рассматривающих особенности детской речи в сопоставлении со сложившейся системой языка или ее функционированием [17], отличительной чертой данного подхода является то, что высказывания ребенка анализируются как самоценный лингвистический объект, противопоставляемый не виртуальной системе языка, а массиву реальных языковых сообщений, воспринимаемых ребенком. Такой подход может приоткрыть завесу не только на не постигнутые еще механизмы усвоения речи ребенком, но и на то, как устроен реальный язык вообще и как он работает как коммуникативная система.

Объектом исследования являются высказывания ребенка в возрасте 2—4 лет, предметом — проявления «чужого» в данных высказываниях и соотношение «своего» и «чужого» в речи ребенка в целом.

Материалом исследования послужили дневниковые записи высказываний моей дочери Кати.

В качкстве основного метода анализа был выбран метод кейса, поскольку исследование направлено на изучение речи конкретного ребенка, однако данный метод перекликается с более популярным в современной онтолингвистике методом лонгитюдных исследований. Несмотря на то, что можно привести доводы, разграничивающие метод ведения дневника, лежащий в основе «кейсов», изучаемых в онтолингвистике, и лонгитюдные исследования (как это делает, например, С.Н. Поспелова [18]), лонгитюдные исследования могут осуществляться и на материале дневниковых записей речи одного ребенка [19]. Метод кейса широко используется и в современных исследованиях приобретения второго (иностранного) языка, в которых кейсом, или непосредственным объектом изучения, также, как правило, являются высказывания конкретного человека (учителя или обучаемого) [20]. Несмотря на то, что при использовании метода кейса «строить далеко идущие выводы на материале речи единственного ребенка оказывается рискованным» [21], метод кейса является довольно продуктивным не только потому, что дает материал для обобщающих лингвистических исследований, основанных на множестве конкретных случаев (кейсов), но и потому, что данный метод «полезен для ответа на вопросы "как?" и "почему?" и для выявления причинно-следственных связей» [22. С. 42]. Кроме того, исследование речи одного ребенка нельзя рассматривать как субъективное, поскольку, если имеются некие общие механизмы в развитии речи у детей, они должны проявляться и в речи каждого отдельного ребенка.

Итак, исследование осуществлялось на материале дневниковых записей продуктов говорения, производимых моей дочерью Катей в возрасте от 2 до 4 лет. В дневник заносились наиболее интересные высказывания Кати, привлекающие внимание своей необычностью, отклонениями от нормы, элементами детского творчества либо, наоборот, своим точным соответствием нормам современного русского языка, что обычно рассматривается как нечто не характерное для детской речи. Также в дневнике содержится описание моих наблюдений над особенностями приобретения Катей фонетических, грамматических и лексических знаний, описание ситуаций, в которых происходило высказывание, или ситуаций, предшествующих высказыванию и оказавших влияние на получившийся речевой продукт, мои лингвистические комментарии, предположения и умозаключения. Такой материал позволяет в мельчайших деталях проследить, что повлияло на формирование того или иного высказывания, и определить тем самым «чужое» в речи ребенка в самых различных аспектах его проявления и «свое» – то, что не могло быть воспринято ребенком из внешней среды и является его собственным изобретением. Всего в дневнике насчитывается свыше 500 записей, также имеется 72 видеозаписи высказываний Кати. Во избежание субъективности выводов описываемые в дневнике наблюдения сравнивались с наблюдениями над детской речью, сделанными другими исследователями (ссылки указываются далее по тексту).

Поскольку фонетический аспект приобретения речи ребенком требует особого внимания и не является предметом рассмотрения в данной работе, приведенные ниже высказывания из анализируемого материала даются без указания фонетико-артикуляционных особенностей речи ребенка. Возраст ребенка указывается в скобках следующим образом: 2;6-2 года и 6 месяцев, 2;8-2 года и 8 месяцев и т.д.

Проведенный анализ позволяет определить, что соотношение «своего» и «чужого» в детской речи можно исследовать, по крайней мере, по следующим 4 направлениям: 1) в плане морфологии и словообразования; 2) в

92 С.А. Осокина

плане выбора и произнесения слов (выбора лексем и оформления их звуковой оболочки); 3) в плане словесной комбинаторики и формирования правильных в грамматическом и лексическом отношении сочетаний слов; 4) в плане формирования высказываний и их цельных совокупностей, представляющих собой диалоги с ребенком и сложные монологические высказывания ребенка, которые можно анализировать как отдельные тексты. Мы допускаем, что при более детальном исследовании и при расширении материала исследования количество направлений может быть увеличено. При этом важно подчеркнуть, что в данном исследовании изучаются речевые продукты ребенка, усваивающего в качестве родного русский язык. Особенности национальной системы языка также могут иметь значение при выделении перечня аспектов соотношения «своего» и «чужого» в речи ребенка. Иначе говоря, в речи детей, усваивающих другие языки, возможно, аспекты изучения соотношения «своего» и «чужого» могут несколько отличаться.

В плане морфологии и словообразования соотношение «своего» и «чужого» в речи Кати наиболее ярко прослеживается в высказываниях, содержащих глагольные формы. Это объясняется тем, что в русском языке глагольные формы образуются одновременно в рамках нескольких парадигм – в рамках категорий времени, вида, лица числа, наклонения, залога, в то время как образование форм других частей речи происходит в рамках меньшего количества грамматических парадигм. Особое внимание привлекают глагольные основы, к которым ребенок добавляет окончания, чтобы получить нужную (по его представлениям) форму. Исследователи отмечают, что в глагольных формах в речи детей отсутствуют исторические чередования (бегишь вместо бежишь, спу вместо сплю) и прослеживаются процессы выравнивания, уподобления или генерализации глагольных форм [23]. Исходя из этого, делается вывод, что общая схема глагольного образования в речи ребенка базируется на неком обобщенном представлении о глагольных формах усваиваемого языка. Однако анализируемые дневниковые записи позволяют заключить, что на формирование глагольных форм в речи ребенка, наоборот, оказывают влияние конкретные употребления глагольных форм в «чужой» речи, воспринимаемой ребенком, или та глагольная форма, которая была воспринята ребенком непосредственно перед формированием соответствующей глагольной формы.

Например, чтобы вовлечь Катю в совместную деятельность, я часто просила ее нажимать кнопки: *Катя, нажми эту кнопку на стиральной машинке; нажми кнопку на телевизоре; нажми кнопку на пульте* и т.д. В результате Катя начала выстраивать глагольную форму *нажмала*: *Все, я нажмала* (2;6). Даже когда я исправляла *нажмала* на *нажала*, она все равно продолжала какое-то время говорить *нажмала* (хотя с точки зрения описанной выше тенденции к обобщению должна была использоваться форма *нажала* как более простая).

Аналогично в речи, обращенной к Кате, я часто использовала глагол *помоги*, и Катя сама сначала научилась продуцировать высказывания с

данным глаголом в повелительном наклонении: *Мама, помоги мне нарисовать..., помоги мне склеить...* Как показывают дальнейшие дневниковые записи, именно форма повелительного наклонения стала позже использоваться Катей в качестве основы при образовании других форм: *Ты хочешь мне помогить? Не надо мне помогить* (2;8).

Другие примеры с аналогичными высказываниями из дневниковых записей:

(1) Я: Катя, ты **выход**ишь?

Катя: Да, выходю (2;6).

(2) Я: Катя, расстёгивай штаны.

Катя: *Ну все, расстёгла* (2;6).

- (3) Катя: Я сама буду петь, не пей со мной (2;8)
- (4) Я: Катя, клади штанишки в машинку.

Катя: Надо покладить штанишки в машинку (2;8).

- (5) Мы занимались с Катей в детском центре вместе с другими детьми. На одном из занятий мы делали цыплят из салфеток. Я услышала, как другая мама говорит своей дочери *Бери и сминай салфетку*, на что девочка ответила Я сминила.
- (6) Я все время предупреждаю Катю, когда она подходит к газовой плите: *Осторожно, не обожгись*. Сейчас Катя играет готовит суп на игрушечной плите и говорит: *Мама, ты можешь обожгить пальцы* (2;9).
- (7) Катя достает из шкафа капли от аллергии и говорит мне: *Тебе надо* **прими**ть лекарство. До этого она смотрела мультфильм, в котором один персонаж говорил другому **Прими** лекарство (2;9).
 - (8) На экране телевизора мальчик машет руками.
 - Я: Катя, и ты так помаши.

Катя: Я **помаш**ала (2;9).

Данные примеры согласуются с приведенным выше мнением, что при продуцировании глагольных форм у ребенка прослеживается тенденция к аналогии и унификации, однако ответить на вопрос, почему именно такие словообразовательные основы ребенок использовал при продуцировании собственных глагольных форм, можно, только опираясь на идею «чужого» слова. В данном случае ребенок воспринимает конкретные отрезки слов (иногда равные отдельным словоформам, но не всегда) в чужой речи как «готовые к употреблению» фрагменты, к которым можно прибавлять показатели грамматических форм. Эти фрагменты чужой речи, с одной стороны, осознаются ребенком как отдельные языковые единицы и могут им использоваться как слова, но, с другой стороны, могут осознаваться и как исходные основы для продуцирования новых форм. Соответственно, получающиеся словоформы нельзя квалифицировать целиком как новообразования ребенка – целиком «своя» речь ребенка. «Свое» в данном случае состоит только в том, что ребенок научился выделять из внешней речи составные части слов, может идентифицировать некоторые грамматические показатели слов (аффиксы) и присоединять данные аффиксы к другим воспринимаемым из чужой речи фрагментам слов. Постепенно эта система 94 С.А. Осокина

отлаживается, и в ходе использования языка при взаимодействии с «чужой» речью приходит осознание, что определенные аффиксы можно присоединять только к совершенно определенным другим фрагментам «чужой» речи. То есть расширение и углубление знания морфологии языка идет путем поиска ответа на вопрос, какие конкретные фрагменты присоединяются к каким другим конкретным фрагментам.

Спорадически в речи ребенка могут возникать и такие морфологические новообразования, в которых очень трудно выявить влияние чужого слова, например:

- (1) Я случайно махнула горящей спичкой мимо Кати, и она возмутилась: Ты меня достала огнем! Ты меня зажугла! (2;8).
 - (2) Катя: Пора улёгнуть в постель (2;8).

Слова зажугла и улёгнуть являются оригинальными словообразованиями, в которых элементы «чужой» речи прослеживаются как разрозненные морфемы (приставки, корни, суффиксы), которые ребенок склеивает в собственном порядке. Однако такие примеры, в которых ребенок использует отдельные морфемы языка, а не готовые слова в качестве материала для продуцирования новых словоформ, крайне редки. Данные примеры не перечеркивают сделанный выше вывод, что основную роль при формообразовании играют «готовые» фрагменты чужой речи, а не некие словообразовательные модели.

В плане выбора и произнесения слов (выбора лексем и оформления их звуковой оболочки) прослеживается тенденция, связанная с особенностями восприятия чужой речи. При восприятии чужой речи с незнакомыми словами ребенок склонен слышать вместо незнакомых новых слов уже известные ему и отработанные в его языковом опыте слова. Очевидно, при интерпретации чужой звучащей речи ребенок пытается сегментировать ее на знакомые и понятные ему фрагменты, соответственно, незнакомые новые слова могут автоматически слышаться в другой звуковой оболочке, более знакомой ребенку, и таким образом происходит подмена одних слов другими. Например, Катя смотрела мультфильм «Ванда и пришелец». Ванда – имя героини мультфильма, зайчика. Катя не знала слово Ванда, но знала слово панда и, очевидно, слышала именно это слово при восприятии мультфильма. Поэтому героиню данного мультфильма она всегда называла Пандой. Когда я исправляла ее: Зайчика зовут не Панда, а Ванда, она отвечала: Нет. Панда (2:8).

Примеры аналогичного восприятия и употребления слов из дневника:

- (1) Катя прыгает по дивану со словами: Вот это этикепка! Спрашиваю: Что такое этикепка? Катя: Ну это такая кепка, ее надо надевать на голову. Перед этим смотрела мультфильм, где речь шла об этикетках.
 - (2) Выходим на улицу. Катя: Где же наш коврик?
 - Я: Коврик? Какой коврик?

Катя: А, вот он наш коврик! (радостно показывает на наш погреб) (2;6).

(3) В мультфильме «Даша-путешественница» есть бычок *Борька*, Катя зовет его *Горько* (3;2).

- (4) Катя: *Пираты говорят: «Звезда всех наверх!»* (вместо *Свистать всех наверх!*) (3;3).
- (5) Катя пересказывает сказку К. Чуковского «Бармалей»: *Посмотри,* на дельтаплане кто-то по небу летит. В оригинале: *Посмотри,* в аэро-плане кто-то по небу летит. Песня «Мой дельтаплан» одна из любимых песен нашего папы, которая постоянно играет у него в машине (3;5).
- (6) Катя достала колоду игральных карт. Пару месяцев назад я показывала ей карты и объясняла: Это пики, это черви, это буби... Это дама, это валет. Сейчас Катя достала карты и рассказывает, как помнит: Это пики, это черви, это бубен, это дама, это балет (3;6).

Приведенные примеры позволяют сделать несколько важных выводов. Во-первых, при восприятии чужой речи большое влияние оказывают уже усвоенные и отработанные в собственном речевом опыте слова. Вовторых, важнейшую роль при восприятии чужой речи и продуцировании собственных высказываний играет близость звуковой оболочки воспринимаемого слова и употребляемого вместо него ребенком слова (на это указывается и в других исследованиях, например в [24. С. 27]). Ребенок словно абстрагируется от того, что слова панда и горько, например, не имена и вряд ли могут использоваться для именования персонажей. Для него не очевидна внутренняя связь между словом и значением (хотя другие исследователи делают противоположный вывод [25. С. 24]). Ребенок примеряет известные ему звуковые ярлыки на новые реалии и проверяет, как это сработает. Он словно притягивает другие значения (улавливаемые им концепты) к материальным знакам, отработанным в его речевом опыте, не заостряя внимание на том, что изначально данные знаки соотносились с другими значениями. В-третьих, как показывает пример (6), отработанная в опыте звуковая оболочка слов играет роль и при извлечении слов из памяти – не значение, а именно звучащее слово. Думается, что механизм воспоминания слов по звуковой оболочке является ведущим и в речемыслительной деятельности взрослого, но это предположение требует отдельного изучения.

Конечно, при исследовании восприятия «чужой» речи ребенком обнаруживаются и другие особенности, не связанные напрямую с влиянием отработанных в собственном опыте «чужих» слов. В частности, «своя» собственная языковая деятельность ребенка проявляется в сегментировании непонятных фраз на такие звуковые комплексы, которые не соотносятся со словами изучаемого языка. Например:

- (1) Катя несколько раз пересматривала мультфильм, в котором учительница говорила ученику: Сделай красавца из коридора школы, вымой там пол. Катя последние два слова всегда воспринимала как одно и произносила слитно вымой томпол (2;11).
 - (2) Катя: Мама, я ушиблась.
 - Я: Ну давай посмотрим, что у тебя за рана.

Катя: Никакая не зарана (3;1).

(3) Я: Мы пойдем в банк платить налог.

96 С.А. Осокина

Катя: На лог? На какой еще лог? (3;3).

Подобные случаи нередко описываются в исследованиях детской речи. Трудно сказать, чем вызвано неузнавание слов в подобных случаях (в частности, слова *там, пол и рана*, конечно, уже были известны Кате в этом возрасте). Скорее всего, вновь особую роль играют звуковая оболочка и особенности ее восприятия вне зависимости от значения слов. Аналогичная неправильная сегментация воспринимаемой речи на слова или распознавание не тех звуковых последовательностей, которые реально произносятся, наблюдается и при восприятии речи на иностранном языке. Поэтому исследования взаимосвязи особенностей развития речи у детей и особенностей восприятия и изучения иностранного языка необходимо продолжать [26].

Также «своим» в речи ребенка при выборе слов необходимо признать использование известных слов в нехарактерных контекстах и конструирование собственных неологизмов. Например:

- (1) Режу мясо ножом мужа. У этого ножа оранжевая рукоятка и такие же оранжевые ножны. Катя берет ножны в руки: *Мама, откуда ты достала этот нож? Он что из этой морковки?* (2;8).
 - (2) Катя: Из клубка баба зашивает носки (вместо вяжет) (2;8).
- (3) Я подаю Кате штанишки и говорю Надевай колготки. Катя: Ты промазала штанишки (вместо Ты перепутала штанишки) (2;8).
- (4) Катя носит серебряную цепочку с крестиком. Я предложила Паше (сыну) тоже надеть его цепочку с крестиком, но он отказался. Катя: *Ничего, Паша потом наденет такой же ошейник, как у меня* (3).
- (5) Катя показывает на множество распустившихся цветов: Эти цветы уже созрели (3;2).

Примеры неологизмов:

(1) Я: Катя не бегай, поранишься.

Катя: И я буду поральница? (2;9).

(2) Я разговариваю по телефону. Катя устала ждать: Мама, ну когда ты уже дозвонишь?

Слова поральница и дозвонишь квалифицируются как неологизмы, поскольку в отличие от приведенных выше примеров образования глагольных форм (которые в какой-то мере тоже можно признать неологизмами) данные слова представляют собой не просто не существующие в языке слова, но и слова, выражающие не существующие в языке концепты. Так сложилось, что в русском языке нет слова, обозначающего человека, который поранился, и нет соответствующего концепта. Аналогично слово дозвонишь выражает сложное понятие, выражаемое двумя словами — перестать звонить (видимо, слово создано по аналогии со словом доделаешь — использование приставки до- в значении завершения действия). Данные примеры наводят на мысль, что ребенок может сегментировать по-своему не только воспринимаемую им «чужую» речь, но и мир в целом. Ребенок может вычленять такие объекты мира, которые не замечают взрослые, и изобретать собственные наименования для этих объектов. Однако несмотря на большое количество исследований детского словотворчества и ка-

жущуюся безбрежность и неограниченность подобного словотворчества, количество порождаемых ребенком неологизмов очень мало. Такие новообразования в речи отдельного ребенка единичны, каждое из подобных слов употребляется только один раз в жизни, и, если оно сразу не записано взрослым, навсегда стирается из памяти и ребенка, и общающегося с ним взрослого. «Чужое» постепенно начинает превалировать во всех аспектах развития индивидуальной языковой системы ребенка.

В плане словесной комбинаторики и формирования правильных в грамматическом и лексическом отношении сочетаний слов ребенок в гораздо большей степени, чем взрослый, может демонстрировать способность к созданию свободных сочетаний слов. Вопрос о том, какие сочетания следует признать свободными, а какие – так или иначе семантически связанными, требует отдельного рассмотрения. Свободные сочетания противопоставляются устойчивым, обнаруживающим определенные семантические и грамматические зависимости и используемым в речи как некие готовые фрагменты правильного употребления языка. В свете концепции интертекстуальности языка и упомянутой выше концепции Б.М. Гаспарова количество свободных сочетаний, которые бы встречались только в данном тексте или только в речи данного индивида, аналогов которым нельзя было бы найти в других текстах или речи других людей, практически нет. В настоящее время все большее количество исследователей поддерживают точку зрения, высказанную И.Е. Аничковым еще в середине прошлого века: «Обычному, не высказанному никем, но негласному, как само собой разумеющееся, принимаемому мнению о необъятности всего множества возможных на каждом языке сочетаний слов я противопоставляю положение об устойчивости и уловимости сочетаний слов. Ни одно слово не может вступить в сочетание с любым другим словом; каждое слово сочетается с ограниченным сочетанием других слов, и в каждом случае границы могут и должны быть нащупаны и установлены» [27. С. 106].

Свободные сочетания слов, представляющие собой не воспроизведение «уже слышанного» и отработанного в речевом опыте использования языка, а последовательности слов, специально сконструированные для выражения определенной мысли, сконструированные таким образом, что человек сознательно выбирает семантически правильные (по его мнению) слова и встраивает их в наиболее подходящие грамматические модели, но при этом получаются сочетания, которые никогда не услышишь в речи среднего взрослого носителя языка, можно услышать только в речи детей и иностранцев (либо встретить в литературных произведениях и лингвистических трудах, в которых они создаются специально, чтобы показать отклонения от нормального употребления языка).

Примеры сочетаний слов, которые можно квалифицировать как свободные:

(1) Катя: Мама, сколько тебе года? (по аналогии с вопросом Катя, сколько тебе годиков?)

Я: Мне 38 лет.

98 С.А. Осокина

Катя: Тебе 38 года? А мне 2 года (2;8).

Через какое-то время научилась спрашивать $\mathit{Сколько}$ тебе лет? И стала отвечать A мне $\mathit{2}$ лет.

(2) Смотрит на лужи после дождя: Дождик ходил (2;9). Есть похожий пример в дневнике А.Н. Гвоздева: Доссик цицёт (Дождик течет вместо привычного Дождик идет) и Доссик валящца (Дождик валяется) [28. С. 31].

Подобных примеров, когда ребенок самостоятельно конструирует не характерные для языка сочетания слов, довольно немного. Большая часть произносимых ребенком сочетаний представляет собой отработанные в языке последовательности слов. Конечно, используя «готовые» сочетания, ребенок нередко допускает грамматические ошибки, однако семантический подбор слов в целом правильный. В дневнике неоднократно подчеркивается мое удивление тому, насколько правильно ребенок строит свою речь. Однако ключ к пониманию данной правильности лежит в способности ребенка к безупречному запоминанию и воспроизводству не только сочетаний слов, но и более длинных последовательностей слов, даже целых текстов.

Воспроизведение «готовых кусков» «чужой» речи очень ярко проявляется при формировании ребенком длинных высказываний и совокупностей высказываний, представляющих собой диалогические и монологические тексты. В возрасте 2–3 лет наблюдаются случаи, когда ребенка даже удивляет, что какое-либо слово говорится взрослым отдельно, а не в составе определенной последовательности слов, к которой ребенок привык. Например:

(1) Мы ходим с Катей на занятия в детский центр. Ей очень нравятся эти занятия, и она каждый день спрашивает: *Мы сегодня идем в детский центр?* Сейчас мы с Катей играем дома на ковре.

Я: Становись в центр, я буду бросать тебе мяч.

Катя: В центр?

Я: Да, в центр.

Катя: Детский?

Я: Нет, в центр ковра.

Катя: *Не детский?* (2;6).

(2) Катя: У нас нет времени погулять?

Я: Почему? Есть.

Катя: Контакт?

Я: Какой контакт?

Катя: *Ну, есть контакт?* (Перед этим она смотрела мультфильм, в котором несколько раз повторялось *Есть контакт!* То, что Катя не распознала сочетание *есть время*, видимо, объясняется тем, что оно употребляется гораздо реже, чем, например, сочетание *времени нет*. Кроме того, в настоящий момент для нее актуальным было усвоение сочетания *есть контакт*, которое она и достроила, услышав слово *есть*) (2;8).

Ребенок может запоминать целые последовательности слов и воспроизводить их в готовом виде в собственных высказываниях:

- (1) Из какого-то мультфильма Катя запомнила фразу спасибо тебе за то, что ты научила меня... В течение двух недель я периодически слышала от нее высказывания: Мама, спасибо тебе за то, что ты научила меня рисовать; спасибо тебе за то, что ты научила меня выливать водичку; спасибо тебе за то, что ты научила меня есть мяско. Фраза спасибо тебе за то, что ты научила меня всегда произносилась как «готовый кусок» (2;8).
- (2) Катя нарисовала каляку-маляку черным маркером, посмотрела и говорит: *Надо добавить пару штрихов*. Не может быть, чтобы она сконструировала эту фразу сама, а не запомнила из какого-нибудь мультфильма (2:11).
- (3) Катя взяла в руки линейку и говорит: *Так, надо померить маме голову*. (Меряет) *Так, тридцать семь и семь*. Катя болеет. Она запомнила, что я говорила, когда мерила ей температуру (2;9).

Способность ребенка запоминать и воспроизводить целые тексты из «чужой» речи доказывается его умением запоминать сказки и стихотворения, которые ему читают, и проговаривать их почти слово в слово, делая вид, что он сам читает книгу. Аналогично, ребенок запоминает и в дальнейшем использует целиком целые фразы и последовательности фраз, произносимые взрослыми в определенных ситуациях. Например, играя с телефоном, малыш может взять трубку и без запинки проговорить: Привет! Как дела? Ты уже пришел с работы? Где ты едешь?

Подобные фрагменты «чужой» речи обнаруживаются и при создании ребенком собственных сказок и других сложных монологических высказываний. Так, в работе Е.А. Косых приводятся сказки, сочиненные ребенком в возрасте 2 лет, например: Биль у Лисы день аденья и пазванила Зай-иу: «Плихади, я тебя угащу. И белку пливоди, вы друзья ведь». Зайцик званит белке: «Белка! Пашли к лисе в гости! Пакушаем у ниё!» А белка гаравит: «Пашли! Только накрашусь и прическу сделаю! Приходи потом!» Ну и се. В гости пошли [29].

Если разбить данную сказку на сочетания слов, то обнаружится, что практически все они представляют собой такие последовательности слов, которые ребенок неоднократно слышал и воспринял как готовые к употреблению фрагменты «чужой» речи. Собственная творческая деятельность ребенка состояла в склеивании данных фрагментов в одну большую последовательность, представляющую собой связный текст.

Подводя итоги всему вышесказанному, можно сделать следующие выводы.

Взаимодействие «своего» и «чужого» в речи ребенка 2–4 лет, усваивающего русский язык, прослеживается в плане морфологии и словообразования, выбора лексем, конструирования сочетаний слов и целых многословных высказываний.

В соответствии с выделенными планами взаимодействия «своего» и «чужого» в речи ребенка можно утверждать, что в качестве «чужого» выступают элементы языка, осознанные ребенком как некие самостоятельные блоки, которые можно комбинировать между собой: 1) отдельные морфе-

100 С.А. Осокина

мы (чаще окончания, приставки и суффиксы); 2) отдельные словоформы или комплексы морфем, которые понимаются ребенком как самостоятельные элементы языка (как правило, заменяющие корневые морфемы или словообразовательные основы), к которым можно присоединять другие элементы; 3) отдельные слова; 4) устойчивые сочетания слов; 5) целые фрагменты высказываний, воспроизводимые в готовом виде.

При использовании «чужих» элементов в собственной речи важнейшую роль для ребенка играет звуковая оболочка данных элементов. На уровне словообразования это проявляется в копировании словоформ для использования их в качестве производящих основ; на уровне лексики — в использовании слов, близких по звучанию к необходимому слову, но не подходящих по семантике; на уровне сочетаний — в быстром узнавании слов в составе привычных сочетаний и, наоборот, в неузнавании слов в составе непривычных сочетаний; на уровне высказываний — в проговаривании больших последовательностей слов (стихотворений, сказок) словно автоматически, не всегда с правильным членением данных последовательностей на слова.

Основным критерием выявления «чужой» речи в высказываниях ребенка является совпадение материальных фрагментов речи (воспроизведение в речи ребенка определенных фрагментов чужой речи на материальном уровне). Данные совпадения наблюдаются на уровне отдельных слов, форм слов, фрагментов слов равных морфеме или комплексу морфем, сочетаний слов и целых высказываний. Соответственно, «своим» в речи ребенка можно считать различные проявления его речевой деятельности, не обнаруживающие подобного совпадения с речью взрослых.

Не оспаривается тот факт, что ребенок конструирует свою собственную систему речи, но индивидуальная система речи конструируется из того строительного материала, который ребенок получает из «чужой» речи. Поэтому «индивидуальность» собственной языковой системы ребенка по большому счету состоит в уникальности набора усвоенных из чужой речи фрагментов и, возможно, в использовании некоторых нехарактерных для речи других людей способов комбинирования этих фрагментов.

«Свое» в речи ребенка проявляется в спорадических попытках использовать подходящие по смыслу (по представлениям ребенка) слова в тех ситуациях, для которых он еще не запомнил и не отработал в собственном опыте правильное — «чужое» — употребление слов, а также в образовании неологизмов. Однако случаи такого речевого творчества редки, и подобные слова или сочетания слов не воспроизводятся в речи в дальнейшем.

Необходимо подчеркнуть, что в приведенных примерах в большинстве своем описаны отклонения от нормального употребления языка, прослеживающиеся в речи ребенка. Именно на примере подобных отклонений можно более четко проследить соотношение «своего» и «чужого» в речи ребенка. Можно предположить, что те высказывания ребенка, в которых нет отклонений (а это большая часть всего говоримого), представляют собой такие продукты речевой деятельности ребенка, для создания которых

им были правильно выделены из воспринятой «чужой» речи определенные фрагменты и правильно скомбинированы в соответствии с теми паттернами комбинирования разных фрагментов, которые ребенок также воспринял из «чужой» речи.

Еще раз подчеркнем, что речемыслительная и речепорождающая деятельность является полностью «своей» самостоятельной деятельностью ребенка. Однако анализ продуктов этой деятельности — записанных взрослым высказываний ребенка — позволяет заключить, что самостоятельная работа ребенка сводится к анализу и сегментрованию чужой речи на определенные фрагменты, анализу того, как соотносятся фрагменты между собой, и дальнейшему развитию умения комбинировать данные фрагменты надлежащим образом. Сегментирование чужой речи, очевидно, осуществляется на основе статистических механизмов восприятия информации ребенком [30], которые, вполне возможно, являются врожденными, но это необходимо исследовать при помощи психофизиологических, а не только лингвистических методов.

Описанные наблюдения могут иметь практическое применение при формировании лингвистических курсов, затрагивающих проблемы усвоения языка ребенком, а также в практике проведения занятий по развитию речи у детей (например, в речевых детских садах) и в логопедической практике.

Исследование становления детской речи в аспекте «свое» – «чужое» не является единственным направлением изучения детской речи, но, несомненно, заслуживает пристального внимания и развития в дальнейшем.

Литература

- 1. Литературный текст: проблемы и методы исследования: «Свое» и «чужое» слово в художественном тексте: сб. науч. тр. Тверь: Изд-во Твер. гос. ун-та, 1999. Вып. 5. 220 с.
- 2. Комарова З.И., Шагеева А.А. Когнитивные функции цитаты в естественнонаучном тексте. Екатеринбург : УГТУ-УПИ, 2009. 249 с.
- 3. Beaugrande R. de, Dressler W.U. Introduction to text linguistics. Routledge Publisher, 2002. 288 p.
- 4. Степанов Ю.С. Интертекст и некоторые современные расширения лингвистики // Языкознание: Взгляд в будущее / под общ. ред Г.И. Берестнева. Калининград, 2002. С. 100-105.
- 5. *Фатева Н.А.* Контрапункт интертекстуальности, или Интертекст в мире текстов. М.: Агар, 2000. 280 с.
- 6. *Чернявская В.Е.* Интертекст и интердискурс как реализация текстовой открытости // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 106–111.
- 7. *Гаспаров Б.М.* Язык. Память. Образ: Лингвистика языкового существования. М. : Новое лит. обозрение, 1996. 352 с.
- 8. *Караулов Ю.Н., Филиппович Ю. Н.* Лингвокультурное сознание русской языковой личности: Моделирование состояния и функционирования. М.: Азбуковник, 2009. 336 с.
- 9. *Осокина С.А.* Сетевая модель языкового тезауруса: особенности построения // Сибирский филологический журнал. 2016. № 3. С. 191–198.
 - 10. Выготский Л.С. Мышление и речь. 5-е изд. М.: Лабиринт, 1999. 352 с.

- 11. MacWhinney B. The Emergence of Language. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1999.
- 12. *Tomasello M.* Constructing a language: a usage-based theory of language acquisition. Cambridge: Harvard University Press, 2003.
- 13. Chomsky N. Studies on semantics in generative grammar. The Hague, Paris, New York: Mouton Publishers, 1972.
- 14. Цейтлин С.Н. Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи. М. : Знак, 2009. 362 с.
- 15. *Цейтлин С.Н.* Семантическая категория посессивности в русском языке и ее освоение ребенком // Семантические категории в детской речи / отв. ред. С.Н. Цейтлин. СПб., 2007. С. 201–219.
- 16. *Протасова Е.Ю.* Овладение категорией «свое чужое» в детской речи // Теоретические проблемы функциональной грамматики : материалы Всерос. науч. конф. С.-Петербург, 26–28 сентября 2001 г. / отв. ред. А.В. Бондарко. СПб., 2001. С. 238–245.
- 17. Семантические категории в детской речи / отв. ред. С.Н. Цейтлин. СПб. : $\rm HECTOP\text{-}ИСТОРИЯ,\ 2007.\ 436\ c.$
- 18. *Поспелова С.Н.* Направления и методы изучения детской речи в отечественной и зарубежной лингвистике // Молодой ученый. 2015. № 10. С. 1432—1434.
- 19. *Елисеева М.Б.* Союзные средства в речи ребенка от двух до трех лет: лонгитюдное исследование // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 2. С. 74—83.
- 20. *Duff P.A.* Case Study Research on Language Learning and Use. Annual Review on Applied linguistics. Cambridge: Cambridge University press, 2014. P. 233–255.
- 21. *Цейтлин Н.С.* Направления и аспекты изучения детской речи // Детская речь как предмет лингвистического исследования : тез. конф., 31 мая -2 июня 2004 г. СПб., 2004. С. 275–278.
- 22. Леонтович О.А. Методы коммуникативных исследований. М.: Гнозис, 2011. 224 с.
- 23. Михайлова О.А., Михайлова Ю.Н. Новообразования в детской речи как отражения грамматических закономерностей // Теория и практика лингвистического образования. 2013. С. 104–107. URL: http://elar.uspu.ru/bitstream/uspu/1888/1/povr-2015-03-16.pdf
- 24. $\Gamma puduna\ T.A$. Онтолингвистика. Язык в зеркале детской речи : учеб. пособие. М. : Наука : Флинта, 2006. 152 с.
 - 25. Негневицкая Е.Н., Шахнарович А.М. Язык и дети. М.: Наука, 2006. 112 с.
 - 26. Белянин В.П. Психолингвистика: учеб. М.: Флинта, 2004. 232 с.
 - 27. Аничков И.Е. Труды по языкознанию. СПб. : Наука, 1997. 512 с.
- 28. Гвоздев А.Н. От первых слов до первого класса: Дневник научных наблюдений. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1981. 324 с.
 - 29. Косых Е.А. Текстопорождение в детской речи. URL: http://gisap.eu/ru/node/416
- 30. *Jusczyk P.W.* How children begin to extract words from speech. Trends in cognitive science. 1999. № 3 (9). P. 323–328.

CHILDREN'S SPEECH DEVELOPMENT IN THE ASPECT OF "SELF-AND-OTHERNESS"

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2018. 55. 88–105. DOI: 10.17223/19986645/55/7

Svetlana A. Osokina, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: s.a.osokina2@yandex.ru

Keywords: children's speech, children's speech development, child language acquisition, "otherness", case-study, ontolinguistics.

The aim of the study is to analyze products of child speech activity in the aspect of "self-and-otherness" – that is to set distinction criteria between "self" and "otherness" and to determine the linguistic status of "otherness" in a child's speech.

The concept "otherness" originated in the works by M.M. Bakhtin, and is used to refer to the analysis of pieces of literature rather than to language studies. But with the development of an intertextual approach in linguistics, many works began to study "otherness" in different products of human speech activity including everyday communication.

The novelty of the proposed approach consists in researching children's speech products as linguistic objects containing elements created by a child and elements adopted by a child from other people's speech in a "ready-to-use" form. This approach distinguishes this research from many works which compare peculiarities of children's speech with the language system or its functioning.

The main method of the research is the case-study method because the research is based on the analysis of a particular child's speech. The paper offers analysis of utterances of the author's daughter's at the age of two to four collected in a scientific diary with the author's linguistic commentaries and descriptions of communicative situations.

The study allows concluding that the combination of "self-and-otherness" in the speech of a child acquiring the Russian language may be revealed in the aspects of morphology and derivation, in making decisions when choosing a proper word, in composing word combinations, and in producing long utterances.

"Otherness" is considered as speech elements which a child understands as independent language blocks, and can combine them with each other. Among such elements are: (1) particular morphemes (endings, suffixes, prefixes); (2) particular word-forms understood by a child as independent language units equal to root morphemes or derivation bases; (3) particular words; (4) set collocations of words; (5) long phrases reproduced by a child as "ready-to-use" units.

The key part in reproducing "others' elements" in the self-speech of a child is given to sound signs rather than to the word meaning.

It goes without saying that a child constructs his/her own system of speech but this system is made out of the constructing material perceived from other people's speech. What makes a child's language system individual is a unique set of different elements adopted from other people's speech, and a possibility to combine these elements in a child's own way.

The results of the study can be applied in linguistic courses discussing the problems of child language acquisition and in the practice of speech therapy (for example, during speech developing activities at kindergartens or nursery schools).

References

- 1. Tver State University. (1999) *Literaturnyy tekst: problemy i metody issledovaniya:* "Svoye" i "chuzhoye" slovo v khudozhestvennom tekste [Literary text: problems and research methods: "Own" and "alien" word in a literary text]. Is. 5. Tver: Tver State University.
- 2. Komarova, Z.I. & Shageyeva, A.A. (2009) *Kognitivnyye funktsii tsitaty v yestestven-nonauchnom tekste* [Cognitive functions of quotes in the natural science text]. Yekaterinburg: UGTU-UPI.
- 3. Beaugrande, R. de. & Dressler, W.U. (2002) *Introduction to text linguistics*. Routledge Publisher.
- 4. Stepanov, Yu.S. (2002) Intertekst i nekotoryye sovremennyye rasshireniya lingvistiki [Intertext and some modern extensions of linguistics]. In: Berestneva, G.I. (ed.) *Yazykoznaniye: Vzglyad v budushcheye* [Linguistics: A look into the future]. Kaliningrad: Yantar. skaz.
- 5. Fateyeva, N.A. (2000) Kontrapunkt intertekstual'nosti, ili Intertekst v mire tekstov [Counterpoint of intertextuality, or Intertext in the world of texts]. Moscow: Agar.

- 6. Chernyavskaya, V.E. (2004) Intertekst i interdiskurs kak realizatsiya tekstovoy otkrytosti [Intertext and interdiscourse as a realization of text openness]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki Issues of Cognitive Linguistics*. 1. pp. 106–111.
- 7. Gasparov, B.M. (1996) Yazyk. Pamyat'. Obraz: Lingvistika yazykovogo sushchestvovaniya [Language. Memory. Image: Linguistics of language existence]. Moscow: Novoye lit. obozreniye.
- 8. Karaulov, Yu.N. & Filippovich, Yu.N. (2009) *Lingvokul'turnoye soznaniye russkoy yazykovoy lichnosti: Modelirovaniye sostoyaniya i funktsionirovaniya* [Linguistic and cultural consciousness of the Russian language person: modeling the state and functioning]. Moscow: Azbukovnik.
- 9. Osokina, S.A. (2016) Language thesaurus network: steps of modeling. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal Siberian Journal of Philology*. 3. pp. 191–198. (In Russian). DOI: 10.17223/18137083/56/19
- 10. Vygotskiy, L.S. (1999) *Myshleniye i rech'* [Thinking and speaking]. 5th ed. Moscow: Labirint.
- 11. MacWhinney, B. (1999) *The Emergence of Language*. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates.
- 12. Tomasello, M. (2003) Constructing a language: a usage-based theory of language acquisition. Cambridge: Harvard University Press.
- 13. Chomsky, N. (1972) *Studies on semantics in generative grammar*. The Hague, Paris, New York: Mouton Publishers.
- 14. Tseytlin, S.N. (2009) Ocherki po slovoobrazovaniyu i formoobrazovaniyu v detskoy rechi [Essays on word formation and form in children's speech]. Moscow: Znak.
- 15. Tseytlin, S.N. (2007) Semanticheskaya kategoriya posessivnosti v russkom yazyke i yeye osvoyeniye rebenkom [The semantic category of possessivity in the Russian language and its acquisition by the child]. In: Tseytlin, S.N. (ed.) *Semanticheskiye kategorii v detskoy rechi* [Semantic categories in children's speech]. St. Petersburg: NESTOR-ISTORIYA.
- 16. Protasova, E.Yu. (2001) [Mastering the category of "self-and-otherness" in children's speech]. *Teoreticheskiye problemy funktsional 'noy grammatiki* [Theoretical problems of functional grammar]. Proceedings of the All-Russian Conference. St. Peterburg. 26–28 September 2001. pp. 238–245. (In Russian).
- 17. Tseytlon, S.N. (ed.) (2007) *Semanticheskiye kategorii v detskoy rechi* [Semantic categories in children's speech]. St. Petersburg: NESTOR-ISTORIYA.
- 18. Pospelova, S.N. (2015) Napravleniya i metody izucheniya detskoy rechi v otechestvennoy i zarubezhnoy lingvistike [Directions and methods of studying children's speech in Russian and foreign linguistics]. *Molodoy uchenyy*. 10. pp. 1432–1434.
- 19. Eliseyeva, M.B. (2015) Conjunction Means of Russian-Speaking Children Aged from Two to Three Years: A Longitudinal Study. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal 'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye i sotsial 'nyye nauki Vestnik of Northern (Arctic) Federal University, Series "Humanitarian and Social Sciences".* 2. pp. 74–83. (In Russian).
- 20. Duff, P.A. (2014) Case Study Research on Language Learning and Use. Annual Review on Applied linguistics. Cambridge: Cambridge University press. pp. 233–255.
- 21. Tseytlin, N.S. (2004) [Directions and aspects of the study of children's speech]. *Detskaya rech' kak predmet lingvisticheskogo issledovaniya* [Children's speech as a subject of linguistic research]. Conference Abstracts. 31 May 2 June 2004. St. Petersburg: Nauka. pp. 275–278. (In Russian).
- 22. Leontovich, O.A. (2011) *Metody kommunikativnykh issledovaniy* [Methods of communicative research]. Moscow: Gnozis.
- 23. Mikhaylova, O.A. & Mikhaylova, Yu.N. (2013) Grammatical neologisms in children's speech as reflection of normative grammar. *Teoriya i praktika lingvisticheskogo obrazovaniya Theory and Practice of Linguistic Education.* pp. 104–107. [Online] Available from: http://elar.uspu.ru/bitstream/uspu/1888/1/povr-2015-03-16.pdf. (In Russian).

- 24. Gridina, T.A. (2006) *Ontolingvistika. Yazyk v zerkale detskoy rechi* [Ontholinguistics. Language in the mirror of children's speech]. Moscow: Nauka: Flinta.
- 25. Negnevitskaya, E.N. & Shakhnarovich, A.M. (2006) Yazyk i deti [Language and children]. Moscow: Nauka.
 - 26. Belyanin, V.P. (2004) Psikholingvistika [Psycholinguistics]. Moscow: Flinta.
- 27. Anichkov, I.E. (1997) *Trudy po yazykoznaniyu* [Works on linguistics]. St. Petersburg: Nauka
- 28. Gvozdev, A.N. (1981) *Ot pervykh slov do pervogo klassa: Dnevnik nauchnykh nablyudeniy* [From first words to first class: Diary of scientific observations]. Saratov: Saratov State University.
- 29. Kosykh, E.A. (n.d.) *Tekstoporozhdeniye v detskoy rechi* [Text generation in children's speech]. [Online] Available from: http://gisap.eu/ru/node/416.
- 30. Jusczyk, P.W. (1999) How children begin to extract words from speech. *Trends in Cognitive Science*. 3 (9). pp. 323–328.

УДК 81

DOI: 10.17223/19986645/55/8

Е.В. Пожидаева, О.А. Карамалак

ХЭШТЕГИ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ: ИНТЕНЦИИ И АФФОРДАНСЫ (НА ПРИМЕРЕ ГРУППЫ СООБЩЕНИЙ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ ПО ТЕМЕ «FOOD» (ПИЩА / ЕДА))

Исследуется вариант реализации персонального интернет-дискурса в рамках популярных англоязычных социальных сетей Facebook и Instagram на примере хэштегов по теме «Food» («Пища / eда»). Рассмотрены аффордансы хэштегов. Проанализированы интенции участников интернет-дискурса. Введено понятие «кибер-эксгибиционизма». Изучен текстовый контент мема-хэштега, обсуждаются лексико-стилистические, синтаксические и фонетикографические приемы.

Ключевые слова: хэштег, аффордансы, социальные сети, персональный интернет-дискурс, «Food» («Пища / eда»), мем-хэштег.

Интернет и образуемое им виртуальное пространство стали неотъемлемой частью нашей повседневной жизни. Масштаб и скорость развития интернет-коммуникации в современном обществе поражают и настораживают. Виртуальная коммуникация становится альтернативой реальному общению.

По данным компании «Cisco», одного из мировых лидеров в области сетевых технологий, к 2017 г. количество пользователей Всемирной сети вырастет до 48% от всего человечества [1].

Стремительное развитие интернет-пространства «как одной из форм существования информационно-коммуникативного общества, представляющей определенную силовую конструкцию, создаваемую людьми, их социальными, культурными и коммуникативными практиками» [2] в первую очередь связано с длительными ожиданиями сразу нескольких поколений: с жаждой свободы и, прежде всего, свободы коммуникации (Дж.П. Барлоу [3] и др).

В современном обществе Интернет как общезначимый способ коммуникации стал новой формой социальной деятельности, которая порождает культурно-семиотические и культурно-антропологические формы в рамках культуры постиндустриального общества [4]. Такого рода коммуникативная деятельность в рамках интернет-пространства требует детального лингвистического анализа с точки зрения прагма-, социо- и психолингвистики с целью описания жанровых характеристик интернет-дискурса.

В актуальных лингвистических исследованиях интернет-дискурса / виртуального дискурса, посвященных изучению его лингвопрагматических и лингвокультурологических аспектов, жанровых особенностей и их проявлений на различных языковых уровнях (Herring S. 2011–2013 гг.; Горош-

ко Е.И. 2006—2012 гг.; Лутовинова О.В. 2009—2013 гг.; Шилина М.Г. 2012 г.; Сидорова И.Г. 2014 г., Горина Е.В. 2015 г. и др.), наблюдаются значительные разногласия как по вопросам типологии виртуальных жанров, так и по критериям их классификации.

Мы вслед за О.Ю. Усачевой выделяем несколько жанров интернет-коммуникации, обладающих определенным жанровым репертуаром. Каждый из них представляет собой специфическую технологическую организацию информационного и коммуникативного контента: веб-сайты, электронная почта (e-mail), интернет-конференции, чаты, электронные СМИ, библиотеки и др. [5. С. 55]. Под жанром в рамках интернет-коммуникации мы понимаем устойчивую модель речевой деятельности, позволяющую пользователю в рамках интернет-дискурса реализовать свои намерения. Среди жанров интернет-дискурса, служащих удовлетворению потребности языковой личности в общении и репрезентирующих ее, мы вслед за И.Г. Сидоровой выделяем: персональный сайт, личный блог, социальную сеть и интернет-комментарий [6. С. 7].

Объектом исследования был выбран жанр интернет-дискурса — социальные сети как площадки, позволяющие сообщить пользователям информацию о себе и об актуальных событиях, создавать списки друзей и просматривать их списки.

В качестве источника для исследования интернет-дискурса были выбраны одни из наиболее популярных англоязычных социальных сетей – Facebook и Instagram [7].

Персональный интернет-дискурс. Социальные сети, функционирующие в интернет-пространстве, являются жанром персонального интернетдискурса, так как предоставляют возможность языковой личности для самоидентификации. Персональный интернет-дискурс предполагает активное участие человека в коммуникативной деятельности, что способствует формированию онлайн / виртуальной личности, т.е. той, которую хочет видеть автор, инициатор коммуникации. В таком случае коммуникация может подменяться автокоммуникацией (общением с самим собой) и псевдокоммуникацией (иллюзией общения). Процессу подобной подмены активно содействует анонимность и «видимость искренности и равноправия участников виртуального диалога» [8. С. 79]. Пользователь живет в виртуальном мире, делится своими мыслями и переживаниями, но не обязательно получает отклик окружающих. Искренность намерений в реакции других коммуникантов определить не представляется возможным. В таком формате общения легко скрывать истинные мотивы и сложно дифференцировать собственные эмоции, а еще сложнее адекватно выражать их посредством слов.

По мнению психолога Д.Н. Бутобаевой, для описания подлинных чувств и эмоций в интернет-дискурсе не нужно подбирать точные прилагательные, когда есть готовые шаблоны, безошибочно считываемые окружающими: #sad (грустный), #happy (счастливый), #hungry (голодный) и т.д. В результате пользователь может окончательно утратить эмоциональную

разумность и впасть в массовую психоделическую истерию в погоне за условным одобрением размещенной им в сети информации, иначе говоря, за «лайками» (#likestyle) [9].

Виртуальная реальность часто рассматривается в рамках оппозиций «реальное / виртуальное, симулятивное», «подлинное, настоящее / вымышленное», «истинное / ложное». Так или иначе, все эти оппозиции укладываются в дихотомическую схему «хорошо – плохо» [10]. Безоценочного подхода довольно сложно избежать, но выбранная нами трактовка виртуального общения подразумевает, что оно происходит не в рамках «виртуального недо-бытия», «не совсем бытия» (как его называет С.С. Хоружий), предполагающего его негативное восприятие как неполноценного бытия [11], а в рамках «гиперреальности».

Понятие «гиперреальность», введенное французским философом, культурологом Ж. Бодрийаром, является более близким к нашему восприятию виртуального общения. «Гиперреальность» — это процесс конструирования особого мира или образа отсутствующей действительности с точностью и совершенством технического воспроизводства, знаковой репрезентации, иного объекта — симулякра, в котором реальности больше, чем в собственно реальном [12].

Конструируемый в рамках гиперреальности интернет-дискурс анализируемых нами социальных сетей обладает теми же свойствами, которые характерны для персонального интернет-дискурса. Авторы статьи, вслед за многими отечественными исследователями интернет-дискурса (И.Г. Сидорова (2014), Ю.Р. Тагильцева (2006), М.Л. Якунина (2013), А.А. Яковлюк (2015), помимо синтеза устной и письменной речи как формы подачи информации, что, по мнению Дэвида Кристалла, первого, кто предпринял попытку описать интернет-дискурс [13. Р. 20–23], отличает его от других типов дискурса, обобщают и называют следующие типичные черты персонального интернет-дискурса:

- свобода интерпретации. Передаваемая информация может вызывать индивидуальные ассоциации, трактоваться по-разному, в том числе неправильно, поскольку интенции автора скрыты;
- непоследовательность. Информация воспринимается пользователем в произвольном порядке, он может вступить в обсуждение в любой момент, вернуться к предыдущим темам, прокомментировать что-либо и далее не вступать в беседу. В гиперреальности не поддерживается стандартная схема коммуникативного процесса: не требуется приветствие на приветствие, вопрос не предполагает ответа, для завершения беседы необязательно прощаться;
- оперативность. Вся информация носит исключительно актуальный характер;
- краткость. В условиях стремления к четкости передаваемой информации наблюдается тенденция к сокращениям как на уровне слова, так и на уровне текста;
- свобода речетворчества, которая проявляется, по мнению О.В. Лутовиновой, в рефлексии над своим поведением в языковой игре, а

словесное творчество выражается в способности создавать различные тексты [14. С. 32];

– креолизация интернет-дискурса – единство двух разнородных частей (вербальной и невербальной); в случае их разделения текст может быть лишен эмоциональной окраски или глубины содержания, в некоторых случаях – неправильно интерпретирован. Более подробно вопрос креолизации интернет-дискурса раскрыт у многих авторов (М.В. Ягодкина (2017), М.Б. Ворошилова (2006), А.В. Зеленовская (2014) и др.).

Участники персонального интернет-дискурса, как отмечалось ранее, имеют неисчерпаемые возможности для самовыражения на основе современных мультимедийных технологий, позволяющих использовать не только буквенные и образно-зрительные средства (фото, рисунки, шрифт, цвет и т.д.), но и аудио- и видеоматериалы. Если в рамках повседневности образно-зрительные средства, в частности изображения, лишь информируют о том, как выглядит тот или иной объект (ситуация), то в гиперреальности они становятся объектом творчества, самовыражения автора.

Персональный интернет-дискурс позволяет пользователям непоследовательно, но оперативно, в краткой, часто в креолизованной форме выражать свои мысли без каких-либо ограничений и так же свободно интерпретировать представленную информацию.

Эффективность такого рода общения определяется скоростью поиска необходимой информации и умением ее интерпретировать (использовать).

Внедрение хэштегов (символ «решетка» от англ. *hash* — «решетка» и *tag* — «метка») существенно увеличило скорость и изменило форму коммуницирования в сети, ускорило способы поиска информации и стало новой формой самовыражения.

Группы хэштегов по теме «Food» («Пища / еда»). Хэштег — это слово или фраза, которым предшествует символ #. Хэштеги используются в информационном интернет-пространстве для объединения отдельных сообщений по теме или типу. Символ #, который ставится перед словом или фразой, открывает такого рода группы сообщений. В сети хэштеги появляются как ссылки на актуальные события, например посещение ресторана, поход в кино и т.п.

Еда как первооснова физического существования человека и социальные сети как формат повседневного общения неразрывно связаны. В социальных сетях активно обсуждается меню праздничного стола; рекомендуют те или иные кафе или рестораны для посещения; рассказывают секреты приготовления блюд; размещают фото блюд, продуктов, рецептов и т.п.

В рассматриваемых социальных сетях особой популярностью пользуются хэштеги по теме «Food» («Пища / еда»), которые мы условно предлагаем поделить на несколько групп. Критерием для выделения групп хэштегов послужила иерархическая модель потребностей, разработанная американским психологом А. Маслоу [15. С. 58–63].

Первая группа хэштегов тематически связана с потребностью в питании, в том числе с удовлетворением вкусовых потребностей:

- а) #потпот (англ. звукоподр. ням-ням). Участники дискурса (часто гости, присутствующие на дне рождения, вечеринке) размещают искусные фото блюд (к примеру, надкусанные кусочки торта) или хозяева выкладывают фото любимых кушаний, которые они приготовили к приходу гостей;
- б) #food porn («пищевое порно»). В рассматриваемом контексте слово porn помимо основного значения «порнография» обозначает объект (книги, журналы, ТВ-программы и т.п.), который вызывает интерес аудитории, актуализируя плотский инстинкт (regarded as emphasizing the sensuous or sensational aspects of a non-sexual subject and stimulating a compulsive interest in their audience) [16].

В словосочетании с прилагательными food или gastro (foodporn, gastro-porn) этот хэштег обозначает пищу / еду, которая привлекает, выглядит аппетитно, но не приносит пользы (или даже наносит вред из-за высокой калорийности, жирности и др.); еда, которой лучше наслаждаться в секрете от других, боясь их неодобрения. На фото под таким хэштегом чаще всего изображены сладости, десерты (мороженое, торты), сфотографированные таким образом, что красивая картинка вызывает у пользователей желание «съесть глазами». Эффекта изобилия, вызывающего желание чревоугодия, добиваются ярким цветом, использованием продуктов, которые имеют устойчивые ассоциации с удовольствием, например шоколадного соуса, клубники, сливок и т.п.

Неологизм digital grazing (digital – англ. «цифровой», grazing – англ. «пастьба»): 1) просматривание всех каналов путем интенсивного переключения с одного на другой; 2) кормление (выпас скота) выражает такое состояние, при котором пользователь испытывает жажду просматривать «аппетитные» фото / картинки и то удовольствие, которое он получает от этого просмотра ("the pleasure of seeing virtual food (the hunger for images)" [17]. Любование красивыми картинками, в данном случае блюдами и продуктами питания, может привести к негативной оценке повседневной пищи, которая выглядит не так аппетитно. Как следствие, может возникнуть отвращение к пище или, наоборот, ненасытность, неконтролируемое желание съесть больше нормы [17].

Вторая группа хэштегов направлена на удовлетворение потребности в безопасности и защищенности, например тематические группы под хэштегами: #vegan, #vegatarian, #healthy food, #cleaneating, #glutenfree. Размещение и поиск информации по хэштегам данной группы позволяет пользователям выложить / найти информацию о вегетарианских блюдах, продуктах без глютена, добавок и консервантов, иначе говоря, обезопасить себя от некачественных и вредных для здоровья продуктов питания. На фото в данном случае изображаются фрукты, овощи, зелень. Самое ярко выраженное визуальное качество фото / рисунков — это цвет: зеленый или желтый, воспринимаемый как безопасный, близкий к природе, натуральный.

Третья группа хэштегов отражает потребность в принадлежности к социальной группе (богатые / бедные, молодые / пожилые и т.п.). Например,

хэштеги #едадетям, #едаспортсменам ускоряют и упрощают процедуру поиска необходимой информации для указанных социальных групп.

Основная функция данной группы — реализация причастности / поддержки через аффордансы или свойства. «Аффорданс» (от англ. afford — «быть в состоянии») — термин из психологии восприятия и проектирования человеко-компьютерного взаимодействия [18]. Применительно к лингвистическим исследованиям интернет-пространства мы под аффордансом понимаем наличие у объекта или среды таких свойств, которые позволяют производить с ними какие-либо действия. Хэштеги — маркеры или признаки того, что объект подходит для выполнения конкретного действия.

Несмотря на стертость социальных маркеров в интернет-дискурсе, анализируемые хэштеги реализуют аффордансы для привлечения внимания других пользователей сети и поиска единомышленников. Социальные сети — идеальная площадка для социализации: полная свобода самовыражения, отсутствие маркеров принадлежности коммуниканта к той или иной социальной группе, возможность получить объективную оценку.

Четвертая группа репрезентирует интенции пользователей в реализации потребности в уважении и признании. Мы предлагаем человека, имеющего чрезмерную склонность к самолюбованию, саморекламе, самопредставлению или самобичеванию, называть киберэксгибиционистом (от англ. cyber – «кибер» и лат. exhibeo – «выставлять, показывать»), т.е. субъектом, имеющим вышеперечисленные склонности, которые реализуются в гиперреальности / интернет-дискурсе. Мы намеренно отказываемся от прямого трактования эксгибиционизма в медицине как «стремления публично обнажать интимные части своего тела», а ставим акцент на широком смысле.

В словаре психоаналитических терминов и понятий «термин эксгибиционизм употребляется для обозначения действия, направленного на привлечение внимания к себе <...> может рассматриваться как обращение взгляда на себя. Вместо гениталий могут <...> демонстрироваться также достижения и поведение [19. С. 258]. Таким образмом, киберэксгибиционист — пользователь сети, демонстрирующий особый тип поведения или имеющий склонность к выставлению напоказ подробностей своей личной жизни, душевных переживаний и т. п., стремящийся быть постоянно в центре внимания.

Киберэксгибиционист выкладывает в сеть каждый шаг своей жизни, выставляя не всеобщее обозрение такие незначительные события, как приготовление обеда или поход в магазин. Такие публикации сначала носят временный характер, потом становятся привычными. Потребность постоянно размещать информацию переходит в крайность, и возникает зависимость. Такая зависимость может быть вызвана дефицитом внимания и эмоций в реальной жизни.

На наш взгляд, среди современной молодежи отмечается одобрение кибер-эксгибиционизма; такое поведение считается примером для подражания. Иногда подобное поведение принимает гипертрофированные формы: молодые люди размещают фото всего, что едят в течение дня. К примеру, нижеперечисленные хэштеги в Инстаграмме могут послужить наглядной иллюстрацией этому процессу:

#несфоталнепоел (2,6 тыс. публикаций);

#Мирдолжензнатьчтояем (800 тыс. публикаций);

#Мирдолжензнатьчтояпеку (3,5 тыс., публикаций);

#Мирдолжензнатьчтояготовлю (39 тыс. публикаций) и др.

Подобного рода хэштеги не просто отделяют посты, но и вычленяют главную мысль или созданный образ, формируя ударное слово или фразу. Наиболее удачные хэштеги, перешагивая через сеть, перебираются в реальный мир [20]. Такие хэштеги становятся коннотативно окрашенным инвариантом восприятия действительности, приобретают черты прецедентного феномена. Авторы уникальных хэштегов получили известность, реализовав таким образом свою потребность в признании.

Размещение и поиск информации по хэштегам в рамках жанра социальной сети позволяет пользователям реализовать основные интенции и потребности в питании, социализации, самореализации, безопасности и уважении. Помимо вышеназванных аффордансов хэштегов, направленных на удовлетворение потребностей пользователя и взаимодействие с окружающим миром, следует вернуться к их основной функции — размещению, сбору и передаче информации. Причем важным критерием эффективности общения является скорость.

По скорости распространения данных и по количеству подписчиков отслеживаются и определяются темы, которые вызывают интерес у участников интернет-дискурса.

Под скоростью распространения данных и информации в данном случае подразумевается не только динамика процесса зарождения и распространения самого хэштега, что благодаря современным методам анализа можно отследить по секундам, а сформированный им образ, иначе говоря мем-хэштег.

Анализ текстового контента мема-хэштега. Мем-хэштег (англ. *теме* от греч. μ і μ і μ р μ α — «подобие») — это 1) идея, поведение, стиль или образ действия, которые передаются от человека к человеку тем или иным способом; 2) удивительный / интересный контент (например, картинка с подписью или видео) или стиль для такого контента, который широко распространяется в Интернете (особенно через социальные медиа) [21].

В рамках данной статьи интерес представляет вербальная информация, представленная посредством мема-хэштега. Такого рода вербализованный контент может иметь различные формы: 1) подпись под изображением; 2) текстовое сообщение: несколько хэштегов, связанных лексически и грамматически; 3) часть сообщения [22].

Анализ текстового контента как части мемов-хэштегов по теме «Food» («Пища / еда») в социальных сетях Facebook и Instagram позволил авторам определить некоторые типичные приемы на уровне лексики и стилистики.

Лексические и стилистические приемы / средства:

1) разговорная или просторечная лексика, часто оценочно-маркированная;

- 2) телеграфный стиль: минимальная длина слова, минимальный объем высказывания;
 - 3) авторский слог;
 - 4) прецедентные тексты или высказывания, прецедентные имена;
 - 5) телескопия.

Особый интерес представляет принцип телескопии, широко используемый в «хэштеготворчестве» и обогащающий интернет-язык. При этом создаваемое новое слово состоит из начальной части одного слова и конечной части другого. Происходит стяжение компонентов или, условно говоря, внедрение слов друг в друга для удобства воспроизведения. Хэштеги, в основе которых лежит принцип телескопии, становятся более выразительными. Огромное количество публикаций, имеющих в своем составе телескопные слова, говорит о популярности подобных хэштегов. Например: $\#foodstagram\ (food+(insta)gram)-7,6\ млн\ публикаций,\ \#foodgasm\ (food+(or)gasm)-12,9\ млн\ публикаций.$

Синтаксис текстового контента, в частности подписей к изображениям, например, на Facebook характеризуется преобладанием простых распространенных предложений, сложносочиненные и сложноподчиненные предложения встречаются реже. Отметим наиболее распространенные синтаксические конструкции.

- 1. Законченные высказывания в форме повествовательных предложений: We make all our delicious salads and sauces in shop, and love it when everything is full and ready for our lunch time rush [23] (Мы готовим все наши вкусные соусы и салаты на нашей кухне, и нам нравится, когда всего много и мы готовы к обеденной суете).
- 2. Восклицательные предложения: *I Couldn't Believe My Eyes!* [Там же] (Глазам своим не мог поверить!).
- 3. Вопросительные предложения: *Ready for your November?* [24] (Готовы к ноябрю?).
- 4. Микродиалоги: *The Result? Genius!* (Каков результат? Гениально!); What she Ends Up With? It's Seriously Cool! [23] (И чем она закончит? Это действительно круго!).
- 5. Побудительные предложения: *I Have To Try This!* (Я просто должен это попробовать!).
 - 6. Безличные предложения: Oww)) It's tasty :) [25] (Bay)) Так вкусно :)).
- 7. Инверсия: then_there_was_food [26] (и_потом_появилась_пища). Помимо инвертированной структуры предложения в приведенном примере прослеживается опора на прецедентный текст (см. Ветхий Завет, глава 1, в которой описывается процесс создания мира). Предложение построено по аналогии с «И сказал Бог: да будет свет. И стал свет» (в англ. Then God said, "Let there be light"; and there was light).

Кроме синтаксических средств текстового контента, следует отметить наличие авторской орфографии и пунктуации, что также свойственно и другим жанрам персонального интернет-дискурса. К примеру, во фразе *I want the recipe pllllliz* [27] (я хочу получить рецепт пожжжжжжжжжжийста) помимо

ненормированного написания слова *please* (*пожалуйства*), представляющего собой фонетический его вариант, отсутствует обособление запятой.

В «хэштеготворчестве» активно используются разнообразные фонети-ко-графические средства. Лингвокреативная деятельность по созданию хэштегов стала еще одним способом самовыражения. На Facebook, к примеру, радость по поводу поедания свежеиспеченных шоколадных кексов выражается посредством смайликов, где количество скобочек отражает силу эмоции: #happy#food#yummy#chocolate#cakes#delicious#mood#cool#usa#time:)))) [28].

Особый интерес представляют используемые в текстовом контенте эмфатические средства, которые сродни устной речи. К примеру, логическое ударение осуществляется посредством использования заглавных букв (I had no IDEA you could do this! — У меня не было ни малейшего ПОНЯ-ТИЯ, что ты могла такое приготовить!) [29] или повтора слов в тексте (Уитту уитту уитту уитту — Вкусно, вкусно, вкусно, вкусно) и т.д. <...>[30]. Эффект паузы достигается использованием многоточия. К примеру: Nice that you "like"... how 'bout a sample for us to taste!! (Здорово, что тебе «понравилось»... как насчет отправки нам образца на пробу!!) [Там же].

Описанные лексико-стилистические, фонетико-графические и синтаксические средства служат для создания привлекательного текстового контента мема-хэштега, отражая типичные характеристики персонального интернет-дискурса.

Выводы. Интернет-коммуникация как феномен повседневности современного человека выступает не только для общения, но и для создания виртуальной реальности – гиперреальности.

Гиперреальность в рамках жанра социальных сетей является средой для реализации персональных пользовательских интенций в получении внимания, одобрения, признания, в возможности самовыражения и самореализации, а также в получении и передаче информации.

Интернет-дискурс как знаково-символическая система, как форма коммуникации в современном обществе обладает такими чертами, как свобода интерпретации, непоследовательность, оперативность, краткость, свобода (речетворчества), синтез устной и письменной форм речи, креолизация.

Проведенный анализ персонального интернет-дискурса позволил ввести новое понятие — киберэксгибиционизм. Мы предлагаем называть киберэксгибиционистом пользователя, имеющего в рамках гиперреальности / интернет-дискурсе 1) чрезмерную склонность к самолюбованию, саморекламе, самопредставлению или самобичеванию; 2) склонность к выставлению напоказ подробностей своей личной жизни, душевных переживаний и т.п.; 3) стремление быть постоянно в центре внимания.

Аффордансы хэштегов, объединенных темой «Food» (пища / еда), условно можно разделить на тематические группы по типам потребностей: 1) в питании, в том числе в удовлетворении вкусовых потребностей; 2) безопасности и защищенности; 3) принадлежности к социальной группе, причастности и поддержке; 4) уважении и признании.

Коммуникация в социальных сетях строится и посредством мемовхэштегов, передающих образ, стиль, идею. Можно с уверенностью сказать, что мы живем в эпоху визуализации, когда картинки и эматиконы заполоняют социальные сети Facebook, Instagram, Vkontakte, Linkedln и др., так как люди быстрее устанавливают зрительные образы, картинка привлекает внимание, а язык эмодзи выражает чувства и настроения адресанта. Создаются все новые платформы для реализации визуально-текстового общения. Рассмотренные в статье лексико-стилистические, фонетикографические и синтаксические средства, используемые в текстовом контенте мемов-хэштегов, иллюстрируют типичные свойства текстов интернет-коммуникации и служат основным задачам хэштегирования, таким как привлечение внимания, узнавание и распределенность среди других пользователей сетей (массовое использование).

Литература

- 1. Cisco: к 2017 году почти половина человечества станет пользоваться Интернетом. URL: http://www.cisco.com/c/ru_ru/about/press/press-releases/2013/06-060313d.html
- 2. *Горошко Е.И*. Коммуникативное пространство Интернета как объект социокультурного анализа, 2009 // Вісник Одеського національного університета. Сер. «Соціологія і політичні науки». 2010. Т. 15, вип. 14. С. 130–136.
- 3. *Барлоу Дж.П*. Декларация независимости киберпространства // Информационное общество : c6. М., 2004. С. 349–355.
- 4. *Черняков А.Н.* Интернет-дискурс в современных культурно-информационных коммуникациях : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Белгород, 2009. 21 с.
- 5. *Усачева О.Ю*. К вопросу о жанрах интернет-коммуникации // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. Рус. филология. 2009. № 3. С. 55–65.
- 6. *Сидорова И.Г.* Коммуникативно-прагматические характеристики жанров персонального интернет-дискурса (сайт, блог, социальная сеть, комментарий): дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2014. 249 с.
- 7. Самые популярные социальные сети в России // VivaReit.ru. URL: http://vivareit.ru/samye-populyarnye-socialnye-seti-v-rossii/
- 8. Зуева Е. Интерактив как стиль жизни // Журналистика в 2004 году. СМИ в многополярном мире : сб. материалов науч.-практ. конф. М., 2005. Ч. І. С. 78–79.
- 9. *Бутобаева Д.Н.* Люди# (хэштеги) // Психологи на b17.ru, 30.08.2016. URL: https://www.b17.ru/blog/41633/
- 10. Атягина А.П. Твиттер как новая дискурсивная практика: дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2014. 154 с.
- 11. *Хоружий С.С.* Род или недород: Заметки к онтологии виртуальности // Вопросы философии. 1997. № 6. С. 53–68.
- 12. Baudrillard J. // Stanford Encyclopedia of Philosophy. URL: https://plato.stanford.edu/entries/baudrillard/
 - 13. Crystal D. Language and the Internet. Cambridge University Press, 2006. 257 p.
- 14. Лутовинова О.В. Языковая личность в виртуальном дискурсе : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2013. 41 с.
 - 15. Маслоу А. Мотивация и личность / пер. с англ. 3-е изд. СПб.: Питер, 2008. 352 с.
- $16. \textit{Porn} \ /\!/ \ English.ox ford dictionaries. \ URL: \ https://en.ox ford dictionaries.com/ \ definition/porn$

- 17. Why We Need To Stop Using #FoodPorn (The hashtag is more harmful than we may think) // The Odyssey. 07.06.2016. URL: https://www.theodysseyonline.com/stop-using-foodporn
- 18. *Что* такое аффорданс, или Самый недооцененный термин веб-дизайна // Lpgenerator.ru. 09.09.2016. URL: http://lpgenerator.ru/blog/2016/09/09/chto-takoe-affordans-ili-samyj-nedoocenennyj-termin-veb-dizajna/#ixzz4QTY0Lk8f
- 19. *Психоаналитические* термины и понятия: словарь / под ред. Б.Э. Мура, Б.Д. Файна / пер. с англ. А.М. Боковикова, И.Б. Гриншпуна, А. Фильца. М. : Класс, 2000. 304 с. (Библиотека психологии и психотерапии, вып. 79).
- 20. Емельяненко В. Слова за решеткой // Русский мир (информационный портал). 2013. URL: http://www.russkiymir.ru/media/magazines/article/99386/
- 21. *Чернецова М.* «Эмодзи» и «мем» признали словарными словами // The Runet. 28.05.2015. URL: http://therunet.com/articles/4385
- 22. Щурина Ю.В. Коммуникативно-игровой потенциал хэштегов // Вестник Череповецкого государственного университета. 2015. № 8 (69). С. 100–104.
- $23. \textit{Foood} \ Style. \ URL: \ https://www.facebook.com/FooodStyle/?hc_ref=PAGES_TIME-LINE\&fref=nf$
 - 24. Foodie. URL: https://www.facebook.com/Foodiecafeifsc/
 - 25. Oww)) It's tasty:) URL: https://vk.com/club107617107
- 26. Then_there_was_food // Instagram. URL: https://www.instagram.com/then_there_was_food/
 - 27. Cheese Cake // Facebook. URL: https://www.facebook.com/CheeseCakeRecipe/
- 28. FoodMood // Facebook. URL: https://www.facebook.com/FooodStyle/posts/976998919092917
- 29. Foood Style // Facebook. URL: https://www.facebook.com/FooodStyle/?hc_ref=PAGES TIMELINE&fref=nf
- 30. My foodies // Facebook. URL: https://www.facebook.com/FoodiesNetwork. TV/?fref=ts

HASHTAGS IN SOCIAL NETWORKS: INTENTIONS AND AFFORDANCES (EXEMPLIFIED IN THE ENGLISH LANGUAGE BY MESSAGE GROUPS ON THE TOPIC "FOOD")

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2018. 55. 106–118. DOI: 10.17223/19986645/55/8

Elena V. Pozhidaeva, Pushkin State Russian Language Institute (Moscow, Russian Federation). E-mail: elenabelenko@mail.ru

Olga A. Karamalak, Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: olgakaramalak@yandex.ru

Keywords: hashtag, affordance, social networks, individual Internet-discourse, food, food-stuff, meme-hashtag.

In the paper, the Internet communication is regarded as a new form of social activity as well as a marking and symbolic system. The object of the empirical study is one of the genres of Internet discourse – social networks. The subject is intentions and affordances expressed at the linguistic level. As a research material, a group of hashtag-labeled messages was chosen on the topic "Food" in the popular social networks Facebook and Instagram.

The authors of the paper set the following objectives: to consider the main features and peculiarities of Internet discourse; to describe the option of implementing a personal Internet discourse within the social networks on the example of hashtags in popular English social networks – Facebook and Instagram; to study the intentions and affordances of hashtags at the level of their hypertext potential.

The work is focused on the analysis of the universal – linguistic, social and cognitive – laws of the functioning of Internet communication within the framework of social networks,

for which a synergistic approach is used, namely, a variety of methods of different levels and directions: comparative-contrastive analysis, the method of continuous sampling, etymological analysis, generalization.

Analyzing affordances of hashtags on the subject "Food", the authors of the paper identify the following theme groups according to the type of needs. Further, the text content of the memo-hashtag is considered with its lexical-stylistic, syntactic and phonetic-graphic techniques used to attract readers' attention and popularize them.

As a result of the analysis, it was determined that the affordances of hashtags on the theme "Food" within the genre of a personal Internet discourse of social networks (Facebook and Instagram) are implemented through informing, distributing and searching for information, as well as actualizing the intentions of the user.

Communication in social networks is also built by means of meme-hashtags that convey the image, style and idea.

Meme-hashtags analysis allowed revealing the peculiarities of its text content: 1) *lexical* and stylistic: colloquial lexicon and basilects; printing style; author's style; precedence; telescopy; 2) *syntactic:* prevalence of simple extended sentences of different forms of the statement of purpose; 3) *phonetic and graphic* as an effective means of oral speech creation (emoticons instead of intonation, ellipsis as a pause, capital letters or repetition of words for logical stress).

The revealed and described lexical-stylistic, phonetic-graphic and syntactic features of the text content of meme-hashtags illustrate the typical properties of Internet communication texts.

On the whole, the authors conclude that Internet-discourse has the following characteristics: freedom of interpretation, inconsistency, efficiency, brevity, freedom (speech creativity), synthesis of oral and written forms of speech.

The specificity of communication in social networks lies in its basis on the hypertext and is implemented by means of creolization.

References

- 1. Cisco.com. (2013) Cisco: k 2017 godu pochti polovina chelovechestva stanet pol'zovat'sya Internetom [Cisco: by 2017, almost half of humanity will use the Internet]. [Online] Available from: http://www.cisco.com/c/ru_ru/about/press/press-releases/2013/06-060313d.html.
- 2. Goroshko, E.I. (2010) Kommunikativnoye prostranstvo Interneta kak ob''yekt sotsiokul'turnogo analiza, 2009 [Communicative space of the Internet as an object of sociocultural analysis, 2009]. Vísnik Odes'kogo natsíonal'nogo universiteta. Ser. "Sotsíologíya í polítichní nauki". 15 (14). pp. 130–136.
- 3. Barlow, J.P. (2004) Deklaratsiya nezavisimosti kiberprostranstva [A Declaration of the Independence of Cyberspace]. Translated from English. In: Laktionov, A. (ed.) *Informatsion-noye obshchestvo* [Information Society]. Moscow: AST.
- 4. Chernyakov, A.N. (2009) *Internet-diskurs v sovremennykh kul 'turno-informatsionnykh kommunikatsiyakh* [Internet discourse in modern cultural and informational communications]. Abstract of Philosophy Cand. Dis. Belgorod.
- 5. Usacheva, O.Yu. (2009) K voprosu o zhanrakh internet-kommunikatsii [On the issue of Internet communication genres]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Ser. Rus. filologiya.* 3. pp. 55–65.
- 6. Sidorova, I.G. (2014) Kommunikativno-pragmaticheskiye kharakteristiki zhanrov personal'nogo internet-diskursa (sayt, blog, sotsial'naya set', kommentariy) [Communicative and pragmatic characteristics of personal Internet discourse genres (website, blog, social network, comment)]. Philology Cand. Dis. Volgograd.
- 7. VivaReit.ru. (n.d.) Samyye populyarnyye sotsial'nyye seti v Rossii [The most popular social networks in Russia]. [Online] Available from: http://vivareit.ru/samye-populyarnye-socialnye-seti-v-rossii/.

- 8. Zuyeva, E. (2005) [Being interactive as a lifestyle]. *Zhurnalistika v 2004 godu. SMI v mnogopolyarnom mire* [Journalism in 2004. Media in a multipolar world]. Proceedings of the Conference. Pt. 1. Moscow: Moscow State University. pp. 78–79. (In Russian).
- 9. Butobayeva, D.N. (2016) *Lyudi# (kheshtegi)* [People# (hashtags)]. [Online] Available from: https://www.b17.ru/blog/41633/.
- 10. Atyagina, A.P. (2014) *Tvitter kak novaya diskursivnaya praktika* [Twitter as a new discursive practice]. Philology Cand. Dis. Omsk.
- 11. Khoruzhiy, S.S. (1997) Rod ili nedorod: Zametki k ontologii virtual'nosti [Genus or under-genus: Notes on the ontology of virtuality]. *Voprosy filosofii*. 6. pp. 53–68.
- 12. Stanford Encyclopedia of Philosophy. (n.d.) *Baudrillard J.* [Online] Available from: https://plato.stanford.edu/entries/baudrillard/.
 - 13. Crystal, D. (2006) Language and the Internet. Cambridge University Press.
- 14. Lutovinova, O.V. (2013) Yazykovaya lichnost' v virtual nom diskurse [Language personality in virtual discourse]. Abstract of Philology Dr. Dis. Volgograd.
- 15. Maslow, A. (2008) *Motivatsiya i lichnost'* [Motivation and personality]. Translated from English. 3rd ed. St. Petersburg; Piter.
- 16. En.oxforddictionaries.com. (n.d.) *Porn*. [Online] Available from: https://en.oxforddictionaries.com/definition/porn.
- 17. The Odyssey. (2016) Why We Need To Stop Using #FoodPorn (The hashtag is more harmful than we may think). [Online] Available from: https://www.theodysseyonline.com/stop-using-foodporn.
- 18. Lpgenerator.ru. (2016) *Chto takoye affordans, ili Samyy nedootsenennyy termin vebdizayna* [What is affordance, or The most underrated term of web design]. [Online] Available from: http://lpgenerator.ru/blog/2016/09/09/chto-takoe-affordans-ili-samyj-nedoocenennyj-termin-veb-dizajna/#ixzz4QTY0Lk8f.
- 19. Moore, B.E. & Fine, B.D. (eds) (2000) *Psikhoanaliticheskiye terminy i ponyatiya: slovar'* [Psychoanalytic terms and concepts: A dictionary]. Translated from English by A.M. Bokovikov, I.B. Grinshpun, A. Fil'ts. Moscow: Klass.
- 20. Emel'yanenko, V. (2013) *Slova za reshetkoy* [Words behind hashtags]. [Online] Available from: http://www.russkiymir.ru/media/magazines/article/99386/.
- 21. Chernetsova, M. (2015) "Emodzi" i "mem" priznali slovarnymi slovami ["Emoji" and "meme" were recognized as dictionary words]. [Online] Available from: http://therunet.com/articles/4385.
- 22. Shchurina, Yu.V. (2015) Kommunikativno-igrovoy potentsial kheshtegov [Communication and game potential of hashtags]. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta Cherepovets State University Bulletin.* 8 (69). pp. 100–104.
- 23. Facebook. (n.d.) *Foood Style.* [Online] Available from: https://www.facebook.com/FooodStyle/?hc ref=PAGES TIME-LINE&fref=nf.
- 24. Facebook. (n.d.) *Foodie*. [Online] Available from: https://www.facebook.com/Foodiecafeifsc/.
- 25. Vk.com. (n.d.) Oww)) It's tasty:) [Online] Available from: https://vk.com/club 107617107.
- 26. Instagram. (n.d.) *Then_there_was_food*. [Online] Available from: https://www.instagram.com/then there was food/.
- 27. Facebook. (n.d.) *Cheese Cake*. [Online] Available from: https://www.facebook.com/CheeseCakeRecipe/.
- 28. Facebook. (n.d.) *FoodMood*. [Online] Available from: https://www.facebook.com/FoodStyle/posts/976998919092917.
- 29. Facebook. (n.d.) *Foood Style*. [Online] Available from: https://www.facebook.com/FooodStyle/?hc_ref= PAGES_TIMELINE&fref=nf.
- 30. Facebook. (n.d.) *My foodies*. [Online] Available from: https://www.facebook.com/FoodiesNetwork.TV/?fref=ts.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 82-144

DOI: 10.17223/19986645/55/9

К.В. Анисимов

ИСТОРИКО-ПОЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ БАЛЛАДНОГО ДИАЛОГА (НА ПРИМЕРЕ «БАЛЛАДЫ О ДОГМАТИКЕ» Б. СЛУШКОГО) 1

Выявляются причины и разъясняется алгоритм одного из преобразований русской стихотворной баллады в XX в. В качестве примера привлечена «Баллада о догматике» Б.А. Слуцкого, в структуре которой изменен прежде всего диалог — ключевое слагаемое поэтики жанра. Точкой отсчета в компаративном анализе выступили классические примеры фольклорной баллады, а также образцы жанра, созданные В.А. Жуковским. Приемы построения диалога в балладе Слуцкого соотнесены с диалогическими отношениями между некоторыми жанрами в наследии поэта.

Ключевые слова: историческая поэтика баллады, В.А. Жуковский, балладный диалог, баллады Б.А. Слуцкого.

Речевой стихией, выражающей кризисное напряжение, драматизм балладного мира, в котором герой переживает крушение привычного и освоенного им космоса, является, как известно, диалог. В нём, по мысли Д.М. Магомедовой, инвертирован традиционный принцип миростроительного диалога, ведущего «от профанного пространства к мистическому центру, последовательно уничтожая Хаос...». Читатель баллады, следящий за репликами героев, «...движется в противоположную сторону: от устроенного миропорядка к его нарушению, а роль "центра" принадлежит либо могиле, либо любому месту, где гибнет герой» [1. С. 128]. Обращенному характеру коммуникации соответствует столь же заметно измененный хронотоп в его пространственном измерении: если герой сказки, восходящей к ритуалу, сам размыкает границу посюсторонней действительности и уходит в волшебное странствие, то в балладе, наоборот, «пришелец из потустороннего мира проникает в повседневную жизнь с катастрофическими для нее последствиями» [2. С. 133].

Диалог, однако, композиционный феномен значительно более емкий, чем просто череда словесных «вешек», двигаясь по которым герои раскрывают свои роли в сюжете. И хотя, например, в фольклорном первообразе «Леноры» разговор невесты и жениха действительно обмен короткими во-

 $^{^{1}}$ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 18-012-00046 A.

просами и ответами в жанре загадки¹, национально-русское ответвление народных песен, причисляемых сегодня с подачи их собирателя П.В. Киреевского к балладам², преодолевает исходный лаконизм. Отправной точкой в диалоге является здесь ощущение поставленной под вопрос проблематизированной истины, попытки пересмотра которой самонадеянными героями современный исследователь объясняет общим стремлением этой группы текстов прочь от эпически-стабильной картины мира, осознанной в какой-то момент как устаревший архаизм [4. С. 90 и след.]. На этом отрезке траектории своего развития баллада становится антитезой былине [5].

В песенных сюжетах на темы семьи и брака характерным делается, например, диалогово-ролевой треугольник *мать* — *дочь-невеста* — *жених*. Мать предостерегает дочь от неосмотрительного поступка, дочь тем не менее его совершает. Голос матери (в приводимом ниже примере он дан в пересказе) звучит уверенно и авторитетно.

Не велела мне матушка Мне белиться, румяниться, Начерно брови сурмити, В цветное платье рядитися <...> Я не слушала матушки, Я белилась, румянилась, Начерно брови сурмила, В цветное платье рядилася... [6. С. 167–168]

За репликами героев, придающими сюжету песни «Обманутая девушка» (№ 74 по указателю Ю.И. Смирнова [7. С. 33]) динамику («С холостыми речь говаривала / С холостыми и с женатыми. / Обманул меня молодец, / Обманул расканальский сын...»; «Не пугайся, красна девица, / Не пугайся, дочь отецкая! / Я хочу тебе всю правду сказать <...> / У меня есть и отец и мать, / У меня есть молода жена...» [6. С. 168]), читается катастрофа всего прежнего уклада, по правилам которого брак мог быть несчастным, но он не должен был быть похищением при помощи обмана – когда невеста делалась наложницей или, как сказано здесь, «вековой разувальницей» для «молодца». Неудивительно, что при соотнесении с сюжетным инвариантом, названным исследователем «Мифическому существу (этническому врагу, чужеземцу) нужна девушка» [7. С. 111], песня оказывается в типологическом соседстве со многими историями об уводе русской девушки в татарский (турецкий) полон. Если же принять во внимание последовательно проводимое в народных балладах сближение полона у азиатов именно со сватовством [8. С. 116 и след.], то мотивный круг замыкается. Разруше-

¹ Подробнее см.: [3. C. 53–54].

 $^{^2}$ Не исключено, что под воздействием принятых в кругу Жуковского, в который входил П.В. Киреевский, эстетических понятий и жанровых ориентиров.

ние нормы семьи, как и уничтожение порядка национально-государственной независимости, рядополагались и воспроизводились в едином сюжетно-жанровом фокусе.

И. Кукулин обратил внимание на способность балладного сюжета спустя столетия (невзирая на все этапы продвижения поэтической культуры по пути автономизации говорящего субъекта) восстанавливать структурную позицию некоей провиденциальной сверхсилы, руководящей судьбой героев. Явление «нового эпоса» обсуждается на примере баллад Ф. Сваровского, обнаруживших неожиданную близость к декларации Жуковского в финале «Светланы»: «Лучший друг нам в жизни сей / Вера в Провиденье» [9]. Именно на контрасте с этой инстанцией, в «Светлане» — счастливо завершающей, а в других произведениях — потенциально способной разрешить все балладные перипетии, проясняется установка жанра, в котором резко акцентирована проблема «греха, нарушения общепринятых норм» [10. С. 96].

Насколько стабильна эта категория провиденциального? Насколько, как остроумно выразилась А.И. Журавлева, в традиционной балладе действительно «всё зависит» от «высших сил, которые оказываются чуть ли не втянутыми в диалог-перебранку с героями или, во всяком случае, связаны с ними некими узами житейской морали» [11. С. 97]?

Уже фольклорные памятники демонстрируют непостоянство в выборе персонажа, символически связанного с нормой, судьбой. Измена, отход от должного, собственно и запускают чередование: герой, наделенный ролью хранителя, словно испытывается жанром на преданность своей миссии. И хотя сама позиция, ассоциированная с провиденциальным порядком, остается незыблемой, олицетворяющие ее фигуры варьируются. Так. уже известная нам ситуация, в которой мать предупреждает дочь об опасности неверного шага, а ложный жених своекорыстно пользуется неосмотрительностью девушки, в других сюжетах может быть реорганизована изменениями функций действующих лиц: образ родительницы, естественно связанной со стариной и говорящей как бы от ее имени, может компрометироваться. Слушатель песни и ее современный читатель наблюдают за тем, как, например, в балладе «Муж губит жену по клевете матери» последняя интригует против жены героя («Пра тваю жану я ўсё расскажу. / Пра тваю жану я ўсё расскажу: / Ужо твая жана разгулялася» [12. С. 210]), подстрекая его к убийству, которое казак по возвращении немедля совершает: «Даежжае да двара – выходя жана, / Ён не даў жане словечка сказать. / Ён на даў жане словечка сказать – / Выняў войстраю меч, зняў галоўку с плеч» [12. С. 211]. Однако сразу после этого герой понимает, что его супруга стала жертвой наговора, настоящая виновница – мать, а жена, напротив, хранила мужу верность и не расточала его добро: «А ўзайшоў данец да й на двор на свой – / Ясныя сакалы с палёту летять! / Ясныя сакалы с палёту летять, / А ўвыйшоў данец ў стойленьку наву. / А ўвыйшоў данец ў стойленьку наву – / Вараныя лошади пазастойлися!» [Там же. С. 211].

Наконец, цепь чередований, в которой жертвами обмана делаются сначала невеста, потом муж, а ролью соблазнителя-подстрекателя наделяются, соответственно, «жених», а затем мать — «лютая змея», приводит к сюжету, в котором страдает и изгоняется сама мать. Таковым в составе цитированной публикации полесских песен становится сюжет «Сын прогнал мать из дома». Любопытно отметить, что и в данном случае провиденциальная справедливость восстанавливается, так как вслед за изгнанием ни в чем не повинной матери беды одна за другой приходят в дом ее сына: «Ай, вярнись дамой, мая мамачка, / Ай, ў маём дварэ нищасця ж стала. / А ў маём дварэ нищасця ж стала. / А ў маём дварэ нищасця ж стала. / Млада й жана дитя прыспала, / Вараны кони на стойне ўпали. / Вараны кони на стойне ўпали, / Уси каровачки, ўси захрамели» [12. С. 215].

Отдавая себе отчет в значительности исторического «скачка», но стремясь в ходе сопоставлений к решению главной теоретической задачи, обратим внимание на «Людмилу» Жуковского - образец жанра, сформировавший национальный канон литературной баллады. Наряду с тем, что уже не раз было сказано об этом великом произведении, в частности о стилевом расхождении речи Людмилы, исполненной просторечий, с репликами матери, близкими «к афористике церковного характера» [13. C. 8], отметим, что тема Провидения раскрывается здесь в ритмических и лексических созвучиях текста. Четырехкратное повторение в разных сочетаниях лексем «Творец», «венец», «конец» и «мертвец», закрепленное стабильным их размещением в конце строфы (в трех случаях), причем два раза – в коммуникативно сильных позициях (первая реплика матери, вводящая ее голос, и завершающие балладу слова, «провытые» «страшным хором» «толпы усопших»), заставляет разных героев произведения говорить в унисон. Их голоса нанизываются на одну нить, а одинаковость зарифмованных повторов (ср. давнюю мысль Ю.М. Лотмана о важности «семантического восприятия рифмы», соединяющей слова «в конструктивную пару» [14. С. 99]) лишь подчеркивает внеположное каждому из героев существование единой и всесильной истины, о которой нет нужды говорить по отдельности, поэтому в известном смысле хором становятся все эти реплики, а последний случай, когда восставшие призраки цитируют «Царя Всевышнего», является каденцией этого самого за себя говорящего композиционного приема. Итак:

Мать:

«Что с тобой, моя Людмила? — Мать со страхом возопила. — О, спокой тебя Teopeu!» —

Людмила:

«Милый друг, всему конец... <...>

Где святое Провиденье? Нет, немилостив *Творец*: Все прости; всему *конец*».

Автор:

Что же, что в очах Людмилы?.. Ах, невеста, где твой милый? Где венчальный твой *венец*? Дом твой – гроб; жених – *мертвец*.

Хор усопших:

«Смертных ропот безрассуден; Царь Всевышний правосуден; Твой услышал стон *Творец*; Час твой бил, настал *конец*».

[15. C. 10, 15, 16]

Таким образом, как в стадиально архаических балладных формах устного творчества, так и во вполне индивидуализированном, насыщенном персональной лирической рефлексией классическом наследии Жуковского выражается позиция недискутируемой целостности, широкого (хотя и не всегда заметного) фона, оттеняющего взаимодействие героев в конфликте. Целенаправленность диалогов проясняется именно «при свете» этого ценностного «маяка».

Иное дело — метаморфозы жанра, пришедшиеся на советское время, а особенно — на его излет. Ярким примером нам представляется посвященная Отечественной войне 1941—1945 гг. «Баллада о догматике» Б. Слуцкого. Для удобства дальнейшего анализа приведем текст произведения целиком.

– Немецкий пролетарий не должон! – Майор Петров, немецким войском битый, ошеломлен, сбит с толку, поражен неправильным развитием событий.

Гоним вдоль родины, как желтый лист, гоним вдоль осени, под пулеметным свистом майор кричал, что рурский металлист не враг, а друг уральским металлистам.

Но рурский пролетарий сало жрал, а также яйки, млеко, масло, и что-то в нем, по-видимому, погасло, он знать не знал про классы и Урал.

 По Ленину не так идти должно! – Но войско перед немцем отходило, раскручивалось страшное кино, по Ленину пока не выходило.

По Ленину, по всем его томам, по тридцати томам его собрания. Хоть Ленин – ум и всем пример умам и разобрался в том, что было ранее. Когда же изменились времена и мы – наперли весело и споро, майор Петров решил: теперь война пойдет по Ленину и по майору.

Всё это было в марте, и снежок выдерживал свободно полоз санный. Майор Петров, словно Иван Сусанин, свершил диалектический прыжок.

Он на санях сам-друг легко догнал колонну отступающих баварцев. Он думал объяснить им, дать сигнал, он думал их уговорить сдаваться.

Язык противника не знал совсем майор Петров, хоть много раз пытался. Но слово «класс» – оно понятно всем, и слово «Маркс», и слово «пролетарий».

Когда с него снимали сапоги, не спрашивая соцпроисхождения, когда без спешки и без снисхождения ему прикладом вышибли мозги,

в сознании угаснувшем его, несчастного догматика Петрова, не отразилось ровно ничего. И если бы воскрес он – начал снова

[16. T. 2. C. 158–159].

Впервые «Баллада...» была опубликована в 1989 г. Современным исследователем и издателем самого авторитетного сегодня Собрания сочинений Слуцкого этот очевидно неподцензурный текст ретроспективно включен в книгу стихов «Современные истории» (1969). Точная хронологическая привязка, с учетом стремления поэта избегать датировок [17. С. 9; 18. С. 340], проблематична, однако общий пафос критического пересмотра советской догмы, осложненный болезненным автобиографическим подтекстом (майор Слуцкий, замначальника армейского политотдела, оператор «мощной громкоговорящей установки», МГУ, отвечал на фронте за идеологическую обработку солдат противника, т.е., как и «майор Петров», воздействовал на врага словом 1), дают все основания для отнесения «Баллады...» к первым постоттепельным временам.

Другим контекстом произведения, задающим ему мощную – вплоть до Достоевского и Гегеля – смысловую ретроспективу, являются мемуары

¹ Об автобиографизме «Баллады...» см.: [18. С. 120–121].

поэта «Записки о войне», созданные во второй половине сороковых и долго ходившие по рукам в виде самиздатовского апокрифа. Лейтмотивом военных воспоминаний является столкновение и сложное взаимодействие двух видов патриотизма: органицистского традиционализма и своего рода рационалистического культурного «имперства». Первый реабилитировал этническое чувство, второй обосновывал идеологическое превосходство Красной Армии, несущей новую государственность народам Восточной Европы.

Распространение получили две формы приверженности сущему: одна – попроще – встречалась у инородцев и других людей чисто советской выделки. Она заключалась в том, что сущее было слишком разумным, чтобы стерли его немцы в четыре месяца от июня до ноября. Эта приверженность не колебалась от поражения, ибо знала она, что государственный корабль наш щелист, но знала также, что слишком надежными, плотницкими гвоздями заколачивали его тесины. Вторую форму приверженности назовем традиционной. Она исходила из страниц исторических учебников, из недоверия к крепости нашествователей, из веры в пружинные качества своего народа. Имена Донского, Минина, Пожарского – для инородцев западно чуждые, сошедшие с темных досок обрусительских икон, – здесь наливались красками и кровью [19. С. 17].

Примечательно, что прошедший всю войну Слуцкий направляет свою память мемуариста почти исключительно на восточноевропейские кампании 1944—1945 гг. — с присущим этому периоду войны дипломатическим компромиссом, который советская администрация была обязана достигать со многими местными контрагентами: от партизан до остатков белоэмигрантских движений, от местных «потешных» монархических династий до стремившихся сдаться союзникам немецких нацистов. Говоря словами баллады, внимание в «Записках о войне» сосредоточено на том, как сражаться «политично», «по Ленину и по майору». Вторая, шовинистическая, сторона Второй мировой с ее резней еврейского населения и ответным возмездием, когда в какой-то момент «армия учуяла немца» [19. С. 99], не солдата-врага, а именно «немца», к которому эта армия пришла «домой», подана как цепь бесстрастно фиксируемых, но чуждых сознанию мемуариста происшествий.

Отметим, что слово «баллада» в лексике военных мемуаров выступает индикатором внезапного слома в изначально прогнозируемой ситуации, которая перерастает в конфликт и в итоге — полный пересмотр статусов, изначально присущих обеим сторонам противостояния. Потому вполне органичны часто присоединяемые к слову «баллада» указатели на ее «скоростной» характер и «обостренный» «темп», чреватые мгновенным изменением статус-кво, превращением симметрии в асимметрию, а предсказуемости в непредсказуемость. Ср. такой эпизод:

Летом 1945 года произошло два случая, иллюстрирующих отношения между победившей и побежденной армиями. По улице гуляет румынский полковник с дамой. Мимо, не приветствуя, проходит сержант. Полковник наотмашь дважды бьет сержанта по щекам. На все это глазеет праздная

126 К.В. Анисимов

нарядная румынская толпа, фланирующая по улице ради прохладного вечера. Далее темп баллады обостряется. Сержант срывает автомат, и полковник падает, разрезанный надвое очередью. Сержанта сволокли в трибунал, где он получил, кажется, десять лет реального срока — так военюристы называют отсидку в тюрьме, противопоставляя ей «параллельные штрафные роты». Все открыто выражали ему свое сочувствие. Наш солдат резко различает драку — явление обоюдное, и рукоприкладство, мордобой, который всегда предполагает бесправие того, кого бьют. За рукоприкладство бросали за борт офицеров в 1918 г. Во все периоды этой войны наши солдаты реагировали на рукоприкладство болезненнее, чем на другие ущемления. Борьба с ним велась довольно эффективно [19. С. 40].

Изучение русской баллады XX в. требует не только типологического учета влиятельности автора «Людмилы» и «Светланы», с классическими произведениями которого современный текст может быть связан незримыми нитями «памяти жанра» (отчасти такое сопоставление было предпринято выше), но также, чтобы в максимальной степени избежать неточностей, – конкретизации непосредственного эстетического восприятия автором XX столетия наследия и судьбы Жуковского, создателя национальной разновидности жанра. Тексты Слуцкого предоставляют исследователю такую возможность: в автометаописательном слое его поэтики образ русского романтика укоренен весьма прочно. Программным характером наделены стихотворения «Черные брови» [16. Т. 2. С. 355] и очевидно задуманное как своеобразный ответ предшественнику «Сельское кладбище (Элегия)» [16. Т. 2. С. 324]. О последнем краткий, но весьма убедительный разговор в ретроспективе Жуковского см. в недавней книге В.И. Козлова [20. С. 65–66].

Ядро «жуковского текста» Слуцкого наглядно просматривается в первом из названных сочинений. Содержащее в самом неглубоком своем подтексте очевидный выпад против «пятого пункта» советских анкет, оно укрупняет проблему, соединяя в художественной структуре Жуковского со Степаном Разиным, полукровок, детей «пленных турчанок». Не говоря уже о том, что упоминание о детях турчанок инвертирует старый сюжет фольклорных баллад о русском полоне у татар и турок, стихотворение, хоть балладой и не являющееся, помещает в свой художественный фокус характерно балладные темы социального слома, самоутверждения личности, статус которой балансирует на зыбкой границе «законного» и «незаконного». Звучащий остропублицистически голос лирического героя, не понаслышке знающего, что такое «черные брови», «Ближний Восток, / что и мягок, и гневен, и добр, и жесток...», а также «колыбельные песни» «не российского <...> распева», громко напоминает об изначально присущем большой русской истории безразличии к этничности, о том, что в «Питере» и на «Волге» «...не спрашивали, как звалась твоя мать. / Зато спрашивали, что ты можешь слагать, / проверяли, как ты можешь рубить, / и решали, что делать с тобой и как быть».

Примечательна пара героев, на первый взгляд представляющих собой сочетание несочетаемого, характерологический контрапункт. Однако в нем

есть логика: сравнивая Жуковского с Разиным, Слуцкий задает вертикальную (социум) и горизонтальную (география) координаты национальной истории. Придворный столичный поэт, изысканный певец «русской нежности» – и жестокий предводитель начавшегося на периферии кровавого народного восстания: сопоставление элитарной верхушки с клокочущими казачьими низами дополняется антитезой Запада и Востока, метонимически выраженных «Питером» и «Волгой», которые замыкают меж собой карту исторической России, создавая ее интегральный образ.

Вообще в высшей степени показательно стремление Слуцкого лирически рефлексировать конфликт национального и идеологического, ключевую историческую интригу русского ХХ в. и главную тему «Баллады о догматике», намеренно заходя в сферу притяжения Жуковского. Еще одной вариацией этих смыслов является стихотворение «Сельское кладбище (Элегия)» [16. Т. 2. С. 324], герой которого созерцает могилы жертв «раскола» «мировоззрения страны», погибших в годы, когда «спорили звезда и крест» (идеологическое и национальное возвышены здесь до конфликта безбожия с христианством).

Частные аллюзии, обращенные к Жуковскому, по-видимому, могут быть отысканы во множестве. Так, по соседству с «Сельским кладбищем» расположен характерный для поэта «стихотворный очерк» «По рассказу Л. Волынского» [Там же. С. 321]. Центральная сцена — знакомство героя, генерала Петрова, с шедеврами Дрезденской галереи, в первую очередь, конечно, с «Сикстинской Мадонной» Рафаэля, завораживающей советского офицера, — отсылает к общеизвестному сюжету из жизнестроительного мифа Жуковского. Наконец, в стихотворении «Музыка будущего» неоднозначный образ грядущего, когда казнь «будет производиться инструментами / не менее музыкальными, чем музыкальные инструменты. / И все будут знать, / что такое смерть. / Это — глухота» [Там же. Т. 3. С. 133], одним из своих источников с высокой степенью вероятности может иметь нашумевшую в свое время статью Жуковского «О смертной казни» (1849—1850).

Приведенные здесь факты обосновывают системность интереса Слуцкого к разным граням творчества русского романтика, репутация которого, однако, основывалась прежде всего на его классических балладах. Внимание к ним со стороны поэта XX в. обусловлено не только художественным обаянием жанра как такового, но обнаруживает бесспорные историколитературные (вослед Жуковскому) корреляции.

Намеченные контексты позволят более доказательно говорить о специфике поэтической организации главного в рамках данной статьи произведения — «Баллады о догматике». Вначале отметим, насколько частотны в ее стиле индикаторы коммуникативной активности главного героя. Его диалог с самим собой открывает сюжет: «Немецкий пролетарий не должон!». Затем этот диалог превращается в разговор с какими-то, вероятнее всего, сочувствующими майору Петрову виртуальными собеседниками: «...гоним вдоль осени, под пулеметным свистом / майор кричал, что рурский металлист / не враг, а друг уральским металлистам». Наконец энергия общи-

тельности направляется героем на его антагонистов, язык которых, впрочем, «не знал совсем / майор Петров, хоть много раз пытался». Несмотря на это, «Он думал объяснить им, дать сигнал, / он думал их уговорить сдаваться». Соперник, однако, в коммуникативном отношении является глухонемым: «...он знать не знал про классы и Урал».

Взаимодействие диалоговых инстанций позволяет разглядеть здесь жанрово обязательный археосюжет русской баллады. Читатель наблюдает знакомую ему драматургию с тремя обязательными участниками:

- 1. Силой, символизирующей справедливый порядок, провиденциальное должное, которому в версии Жуковского соответствовал образ матери, предостерегавшей Людмилу от горделивого своеволия. Такой силой в балладе Слуцкого является «материнское» для советского догматика учение Маркса Ленина о единственно справедливой классовой логике истории. Желаемое подчинение этой силе способно, на взгляд героя, вернуть миру его до-балладный идиллический порядок (идиллия и баллада с точки зрения исторической поэтики предстают взаимодействующими полярностями), когда, по библейскому правилу, «волк и ягненок будут пастись вместе, и лев, как вол, будет есть солому». Это чаемое возвращение в доисторию выражено в крике героя о том, «что рурский металлист / не враг, а друг уральским металлистам».
- 2. Силой вторжения, за которой в русской балладе после Жуковского навсегда закрепился ассоциативный шлейф «мертвого жениха»¹.
 - 3. Героем-жертвой, увлекаемым ложным женихом в могилу.

Разумеется, эта триада субверсивна, обманчива и формирует самый поверхностный слой эстетической идентификации текста, сигнализирующий реципиенту о том, что перед ним, собственно, баллада. Фундаментальной проблемой созданного Слуцким произведения, конструктивной особенностью, позволяющей увидеть трансформацию жанра в XX в., а также особенности ментальности поэта, является наличие в архитектонике стихотворного рассказа о майоре Петрове не *одного*, а *двух* «провиденциализмов», диалогически взаимонаправленных. Раскрыть смысловую полноту их взаимодействия, если таковое имеется, или установить причины сбоя в общении поможет конкретизация сюжетных ролей героев.

Читательская инерция восприятия «правильной» баллады заключается в приписывании майору Петрову роли несчастной Людмилы, загипнотизированной, а затем погубленной инфернальным «женихом». Действительно, несомненная для русской культуры ассоциативная рама дьявольщины и чертовщины, в которой портретировался германский нацизм, позволяет воспринять «рурцев» и «баварцев» «Баллады о догматике» как типичных посланцев того света, забирающих с собой душу доверившегося им герояпростака. Однако в данном случае — при таком внедренном в рецептивную поэтику текста алгоритме его наивного прочтения — назаполненной оказы-

¹ Предыстория военного архетипа «жениха»-завоевателя, приходящего к городу-«деве», реконструирована В.Н. Топоровым [21. С. 126–127].

вается позиция бунта, который обязан был совершить Петров против заветов своей символической «матери». Но против Ленина с Марксом Петров отнюдь не бунтует, против них, согласно поэтической логике коммуникативно и ценностно «раздвоенной» баллады Слуцкого, восстают именно немцы, решившие сражаться не по Марксу, которого они должны были знать лучше Петрова — хотя бы потому, что он «их», «свой», а на основании неведомого никому (ввиду его отрицания рациональной картиной мира) первобытного закона войны. Оттого и предметный ряд, в который вписаны немцы, — это не идеологемы книжного происхождения (среда обитания Петрова, чья фамилия заставляет читателя заглянуть за ее ономастическую затёртость, обыденность и потому как бы «безымянность» и увидеть в далекой ретроспективе образ русского царя-западника, реформатора и рационалиста), а брутальные «млеко», «яйки», «масло», «сало», «приклад», «сапоги» и «мозги».

При такой реорганизации ролей странный отсвет «мертвого жениха» переходит на самого Петрова. Отметим, что надежнейший балладный индикатор – потенцированный статус восставшего из гроба покойника – подчеркнут именно в образе майора: «И если бы воскрес он – начал снова». Подобно мертвецу, преследующему невесту, Петров устремляется к своей цели в момент хронотопического слома в сюжете – когда вторжение исчерпалось, покатилось вспять и в «нашествователя» (слово из военных воспоминаний Слуцкого) превратился сам майор («Когда же изменились времена / и мы – наперли весело и споро...»). Его деяния описываются как миссия жениха: на быстро несущейся лошади (типовое балладное клише) он намерен «догнать», «уговорить» и пленить своих жертв.

Он на санях сам-друг легко догнал колонну отступающих баварцев. Он думал объяснить им, дать сигнал, он думал их уговорить сдаваться.

Мотив встречи агентивного субъекта балладного сюжета («жениха») с его менее активными (отступающими, обороняющимися) визави требует специального комментария. С одной стороны, восходя к классическим балладам, эта сюжетная ситуация предопределяет роковой, гибельный для второй стороны исход встречи. С другой – Слуцкий делает обманный ход, сообщая своему герою функцию спасения, а не уничтожения. При этом сюжетная инверсия, когда отступающие немцы убивают Петрова, способна совсем запутать читателя и затруднить атрибуцию мотива как балладного.

Нет сомнения, что в ретроспективе творчества Слуцкого этот фрагмент «Баллады о догматике» отсылает к стихотворению «Бесплатная снежная баба» [16. Т. 1. С. 386], основанному на реальном факте военной биографии поэта. Здесь герой, видящий некормленых, беспомощных итальянцев, пленных, набитых в эшелон и вынужденных ценой своих «золотых колец» вымаливать у начальства «ведро воды» на теплушку, вкатывает им в вагон ком снега, который пленные немедленно «разобрали по куску». Сюжет

«Бесплатной снежной бабы» приближен к балладе прилагательным «скоростной», как мы помним, часто используемым Слуцким для характеристики жанра («Вагон перевозил военнопленных, / Плененных на Дону и на Донце, / Некормленых, непоеных военных, / Мечтающих о *скоростном* конце»). Ср. широко известную формулу «Скоростных баллад лихой набор» из автоописательного стихотворения «О книге "Память"» [Там же. Т. 2. С. 14]. Характерно, что здесь уточнены «место» и «время действия» баллад: «была война».

Однако, как и во всех предыдущих случаях, важным представляется осмыслить те сверхличностные силы, которые, по правилам жанра, стоят за героями. В «Бесплатной снежной бабе» поэт лишь во вторую очередь информирует своего читателя об очередном эксцессе великой войны. Обрамляющим смыслом стихотворения выступает встреча русского, образованного «...чтением Толстого / И Чехова...», с «римлянами», чьи благодарные «взоры черные» потом долго мешали ему «засыпать». А риторический итог стихотворного рассказа помещен в начало:

Я заслужил признательность Италии, Ее народа и ее истории, Ее литературы с языком. Я снегу дал. Бесплатно. Целый ком.

Вероятным здесь видится и скрытый «рождественский», праздничный, универсально обновляющий подтекст сюжета. Понятно, что никакую «правильную» новогоднюю «снежную бабу» герой стихотворения и советский офицер Слуцкий не лепил. Он скатал для итальянцев бесформенный ком — наверняка грязной липкой снежной массы. Но реальность «переписана» поэтом в терминах художественности¹, и страшная прифронтовая сцена, именно *при*фронтовая, т.е. исключающая красоту самопожертвования на передовой, зато позволяющая видеть бытовое одичание всех ее участников, становится встречей двух великих культур, чудом обновления и взаимного прощения.

Не то и не так в «Балладе о догматике». При сохранении поэтом фабульной канвы по типу «пленить – значит спасти» «провиденциальная» сила, руководящая Петровым, – это совсем не Чехов с Толстым, метонимии русской культуры, ее самые узнаваемые именно западным читателем творцы. А это ложная, ослепляющая догма марксизма. Характерно, что в соответствующей сцене, если ее сравнивать с аналогичной в «Бесплатной снежной бабе», пленитель и потенциальные пленные принципиально не понимают друг друга: «Язык противника не знал совсем / майор Петров, хоть много раз пытался». Едва ли в сюжете об итальянцах советскому офицеру потребовалось бы знание итальянского языка, «признательность»

¹ Любопытно также, что сюжет представляет спонтанную и обратную реализацию афоризма «зимой снега не выпросишь».

со стороны которого, как ему кажется, он «заслужил». И потому точно так же, как по воле истории было обречено вторжение в Россию «рурских металлистов», обречен был и майор Петров, безуспешно кричавший им слова «Маркс» и «пролетарий». Желание Петрова «пленить как спасти» оказывается факультативным на фоне более существенного признака героя — притязания выражать истину, выражая при этом ложь 1.

Странное двоение протагониста (отметим также сравнение Петрова с Иваном Сусаниным – историческим героем, подвиг которого был обманчивым наложением друг на друга двух модусов: указания пути / окончательного запутывания) приводит в конечном счете к проблематизации образа автора, который единственный раз показал себя в роевом «мы», ассоциированном со всей наступающей армией («Когда же изменились времена / и мы – наперли...»). В принципиально расколотом мире, поделенном на догму и зверство, автор, поэтическая траектория которого, по мысли исследователя, застревает «в повороте социальной позиции от правоверности к отчуждению» [23. С. 47], сохраняя трагическую связь с каждым из полюсов (при всём самоочевидном зле нацистов автор не может не признать, что воюют они правильнее Петрова), тем не менее не совпадает ни с одним из них.

Как представляется, с этим обстоятельством связано и полное отсутствие всякого урока, извлекаемого из сообщенной читателю истории. Автор убежден, что угасшее сознание героя пусто, в нем «не отразилось ровно ничего», а если Петров воскреснет, его ожидает дурная бесконечность повтора. Отсутствие динамики в образе персонажа само по себе свидетельствует в пользу его природной сопричастности миру мертвецов: в этом пункте он кардинально отличается от трагически своевольных, т.е. бунтующих против догмы, героев произведений, образующих типологическую сердцевину жанра.

В завершение этой работы постараемся на конкретном примере художественного языка Слуцкого показать, как предопределенное общим кризисом советского нарратива квазидиалогическое расщепление некогда це-

¹ Здесь, в частности, проявляется отличие героя Слуцкого от безымянных персонажей знаменитых, а для советской баллады – формообразующих, сочинений Н. Тихонова 1922 г. «Баллада о гвоздях» и «Баллада о синем пакете». Петров, вне всякого сомнения, субъектен, активен, его догматизм сочетает начетническую рассудочность с самозабвенной искренностью, он совсем не напоминает тяжкий фатализм героев Тихонова. Потому-то Петрова трудно счесть символом «бездумного подчинения» [22. С. 680], он сам стремится подчинять. Герои Тихонова выполняют *приказ* – как личности они исключительно функциональны (отсюда и страшное уподобление людей гвоздям). Приказ как таковой расположен вне их кругозора. Напротив, Маркс с Лениным никаких приказов Петрову не отдают, но они формируют его идеологическую субъектность, которая, в свою очередь, мотивирует свободное и в значительной степени иррациональное поведение героя. Неудивительно, что в тихоновских балладах диалог избыточен: в репликах тавтологически обсуждаются события фабулы. Балладу Слуцкого, в которой разговоры о «Марксе» и «пролетариях» образуют едва ли не самостоятельный сюжет, без диалога невозможно себе представить.

лостной картины мира, носителями которой была группа поэтов первого советского поколения, воспринималось и иллюстрировалось одним из них позднее, в 60–70-е гг.

Создатель «Баллады о догматике» оставил своим читателям два стихотворения (со сложным примыканием к ним еще и третьего – см. ниже), циклически соединенных в семантическом поле концепта «порядок», обладавшего в советское время особенно мощной смысловой гравитацией. Это стихотворения «Большой порядок» и «Июнь был зноен...», отделенные друг от друга в современном собрании сочинений несколькими страницами и созданные, судя по всему, почти одновременно (даты первопубликаций далеко разнесены во времени. Первая – 1963 г., вторая – перестроечный 1989-й).

Большой порядок

Двадцать лет я жил всухомятку – в общежитиях и на войне – и привык к большому порядку. Он понравился даже мне.

Я привык, что храп соседа надо выслушать и пережить, что мечту о жизни оседлой надо на полужизнь отложить.

Что в бараке и что в окопе, несмотря на шум и на чад, хорошо, приятно, толково? То, что это люди звучат.

То, что рядом едят и дышат, руки под головы кладуг, то, что слово твоё услышат, руку помощи подадут.

Трудно было всем. Помогали все – всем. От зари до зари. И в один котелок макали твердокаменные сухари.

Вместе, заодно, всем миром, скопом всем, колхозом всем. Потому-то моральным жиром обрастать не могу совсем.

[16. T. 2. C. 37]

Июнь был зноен. Январь был зябок. Бетон был прочен. Песок был зыбок. Порядок был. Большой порядок.

С угра вставали на работу. Потом «Веселые ребята» в кино смотрели. Был порядок.

Он был в породах и парадах, и в органах, и в аппаратах, в пародиях – и то порядок.

Над кем не надо – не смеялись, кого положено – боялись. Порядок был – большой порядок.

Порядок поротых и гнутых, в часах, секундах и минутах, в годах – везде большой порядок.

Он длился б век и вечность длился, но некий человек свалился, и весь порядок – развалился.

[16. T. 2. C. 47]

В первом стихотворении Слуцкий разворачивает концепт «большой порядок» в сторону идиллии. Всех признаков этого хронотопа, охарактеризованного Бахтиным (связь героя с местом — родной землей, своего рода не-

подвижность; ограниченность жизни циклом ее воспроизводства - от еды до любви и рождения; единство с природой [24. С. 374–375]), увидеть здесь, конечно, нельзя, но такой дотошности от читателя поэт и не требует. Идиллические архетипы сосредоточены Слуцким в едином главном фокусе: совместности действия всех («Вместе, заодно, всем миром...»), каковая позволяет ликвидировать эгоистическое самососредоточение лирического героя («Потому-то моральным жиром / обрастать не могу совсем»). А уже из этой общей с эпосом установки следуют и более точные идиллические конкретизации: кочевая жизнь на фронте, т.е., по идее, совсем не идиллическая, понимается как вечное соседство с живыми («Что в бараке и что в окопе, / несмотря на шум и на чад, / хорошо, приятно, толково? / То, что это люди звучат»). Эта близость «физична», телесна («Я привык, что храп соседа / надо выслушать и пережить»), она, в частности, предполагает совместность сна и трапезы («То, что рядом едят и дышат, / руки под головы кладут»; «И в один котелок макали / твердокаменные сухари»), а забота в слегка трансформированном виде отсылает к идиллическому окружению объекта защиты руками («руку помощи подадут» [Ср.: 2. С. 129]).

Во втором стихотворении жанровая перспектива резко меняется, вследствие чего тот же самый концепт «большой порядок» решительно переосмысливается. «Порядок» как образ в данном случае словно «вспоминает» о своей давней укорененности в сатирической традиции. Акцент на этом многозначительном для русской политической культуры слове сделал в 1859 г. М.Е. Салтыков-Щедрин, складывавший в то время мозаику мотивов будущей «Истории одного города»:

Пришли, сударь, три брата: первый-то брат — капитан-исправник, второй-то брат — стряпчий, а третий брат, маленькой да востренькой, — сам мусье окружной! <...> Ну-с, сударь мой, пришли, значит, три брата, а как земля наша велика и обильна, то и выходит, что им втроем управиться в этом изобилии стало совсем неспособно. И пошли у них братцы меньшие, примерно хоть ты или я: чем больше порядка, тем больше братцев, и до того, сударь, дошло, что, кроме порядка, ничего у хозяевто и не осталось. Где было жито — там порядок, где худоба всякая была — там порядок, где даже рощицы росли — и там завелся порядок. И стало, сударь мой, хозяевам куда как радостно: земля, говорит, наша хоть и не изобильна, да порядок в ней есть... резон! [25. С. 11–12].

(«Гегемониев», из цикла «Невинные рассказы»)

Действительно, в стихотворении «Июнь был зноен...» соблюдены главные признаки сатиры [См.: 26. С. 58–61] – от метапоэтических следов смеховой культуры на уровне лексики («Веселые ребята», «В пародиях – и то порядок», «Над кем не надо – не смеялись») до развенчания самозваного «героя» («...некий человек свалился, и весь порядок – развалился») и самоотрицания субъекта лирической рефлексии, печально сознающего свою (и, вероятно, также – общую, всех) неспособность бросить вызов сталинскому культу: глагольные формы «вставали», «смотрели», «не смеялись»,

«боялись», несмотря на совпадение форм 1, 2 и 3-го лица, явно подразумевают не внеположного, «судящего» автора, но автора вовлеченного, пишущего не о «них», а о «нас» (*мы смотрели, *мы боялись).

И тем не менее скрытый рационализм сатиры, присущая ей подспудная надежда на исправление мира не позволяют закончить анализ квазидиалога о *порядке* у Слуцкого примером сатирического стихотворения. К счастью, разрабатываемое поэтом семантическое поле предоставляет возможность увидеть подлинный финал интересующей нас цепи текстов в виде еще одного неподцензурного сочинения – «Порядок» (первопубликация – опятьтаки 1989 г.):

Порядок

А Блока выселили перед смертью. Шло уплотнение, и Блока уплотнили. Он книги продавал и перелистывал, и складывал, и перевязывал. Огромную, давно неремонтированную и неметеную квартиру жизни он перед смертью вымыл, вымел, вымерял, налаживал и обревизовал.

Я помню стол внезапно умершего поэта Николая Заболоцкого. Порядок был на письменном столе. Всё черновое было уничтожено. Всё беловое было упорядочено, перепечатано и вычитано. И черный, торжественный, парадный костюм, заказанный заранее, поспел в тот день. Растерянный портной со свертком в дрогнувших руках смотрел на важного, спокойного поэта Николая Алексеевича, в порядке, в чистой глаженой пижаме лежащего на вымытом полу. Порядок!

[16. T. 2. C. 214]

Создав здесь, в отличие от двух предыдущих примеров, сплав нескольких сюжетно-жанровых традиций (элегия на смерть, одический мотив итогового завещания-«памятника себе», неявная инвектива «на смерть поэта»), Слуцкий, оканчивая стихотворение выносной строкой «Порядок!», дает возможность трактовать свое произведение как минимум двояко. Эта двойственность выражается и в графическом оформлении текста, в котором начальное слово заглавия повторено в концовке, где точно так же про-

тивопоставлено основному тексту, став его своеобразным заголовком. Реагируя на введенную восклицательным знаком разговорную интонацию («Как дела? – Порядок!» – пример из словаря Ожегова [27. С. 566]), читатель вправе увидеть главный смысл стихотворения в спокойном восхищении перед героями, мужественно и сосредоточенно подводяшими итоги своей жизни. Состоятельность этой трактовки поддерживается общей серьезностью тона и характеристик, обращенных к Блоку и Заболоцкому («квартиру жизни / он перед смертью вымыл», «важный», «спокойный»), а также той связующей нитью, которая идет от разговорного «Порядок!» к итоговой, философски отстраненной «упорядоченности» («Всё беловое было упорядочено», «Порядок... на письменном столе», «в порядке... лежащего на вымытом полу»), в свою очередь отсылающей к наивысшей, мифопоэтической миссии поэта, борющегося «с хаосом» и укрепляющего «космическую организацию, ее закон» [28. С. 327].

Между тем этот базовый смысл не одинок, он диалогически соединен со сценками, по своей событийно-художественной природе комическими, причем первая, с Блоком в главной роли, явственно ориентирует читателя на смеховые сюжеты Булгакова и Зощенко, воспроизводивших абсурд советского квартирного быта. Начало текста ex abrupto - «А Блока выселили...», – подразумевающее повторность одной и той же судьбы по модели «*А Гумилева...», «*А Мандельштама...» и т.д., подводит к читателю еще одного скрытого за третьим лицом глагола «выселили» героя, на которого поэтом направлена инвектива. Это ощущаемое присутствие сюжетно не конкретизированного персонажа также сигнализирует о порядке особого рода – том, по логике которого и «шло уплотнение». Высокая одическая тема последнего итога, предсмертного поэтического завещания с точки зрения этого порядка (как, вероятно, сам Заболоцкий – в глазах «растерянного портного», принесшего костюм, а увидевшего своего клиента в пижаме на полу) резко понижается, а внедрение этих сценок в текст начинает приближать его установку к иронии: заметим, что своей хаотичностью, нелепостью, непредсказуемостью они контрастируют с образами «обревизованной квартиры», прибранного стола и сложенных в порядке беловиков.

Ирония, справедливо отмечает Γ. Ройтман, приходит в мир поэта вместе с двумя темами – сталинского культа и еврейской этничности [17. С. 89], запускающими нужный приему (как ранее – сатире) механизм самоотрицания [26. С. 76], а также задающими ту двойственность, «напряжение между "да" и "нет", серьезным и смеховым» [29. С. 215], без которых ирония невозможна в принципе. Неразрывно, поколенчески связанный с героической эпохой советского проекта, при этом остро чувствуя свои этнокультурные корни, поэт оказывался в своеобразной психологической ловушке, не имея возможности ни отрешиться от обоих состояний, ни бесконфликтно отождествить себя с тем и другим.

Комические сцены из жизни «уплотняемого» Блока и готовящегося надеть строгий костюм, но падающего замертво в глаженой пижаме Заболоцкого, своей энергетикой направлены именно на лирического героя: по-

эт, пишущий о другом поэте, не может не примерять его участь на себя. Невозможно, однако, представить, что субъект элегического воспоминания («Я помню...») или автор скорбного обвинения, намеком брошенного уничтожившей поэтов-мучеников системе, желал бы державинско-пушкинского памятника себе в виде конфискованной квартиры, прибранного пустого кабинета или глаженой пижамы. Идея социального порядка, пройдя путь от идиллической советской всеобщности к сатирическому развенчанию этой всеобщности, исчерпывается в эстетическом локусе безысходной иронии жизни поэта в СССР.

Подведем итог и вернемся к «Балладе о догматике». Пример с тремя стихотворениями о «порядке» был нам необходим для демонстрации приемов поэтического осмысления Слуцким культурно-исторического феномена («порядок», «догма» — символы времени), подлежащего нескольким, способным, по идее, создать ситуацию диалога, альтернативным прочтениям. Стратегией таковых избирается рассечение одного знакового поля «ножами» противоположных по своим архетипическим первообразам жанров. Ср.: «...Идиллике ирония чужда в принципе» [26. С. 75]. Возможность диалогового взаимодействия при таком подходе ликвидируется; картина мира становится дискретной, а смысловая динамика слагающих ее элементов — разнонаправленной. Применение этого принципа к балладе с исторически присущей ей целенаправленностью сюжета и служебным назначением диалога вносило сумбур как в отношения между героями, так и в их взаимодействие с той «истиной», о трагических попытках подрыва которой баллада обычно сообщала читателю.

Усваивая общие места баллады советской, молодой Слуцкий, не терявший связи с большим литературным прошлым жанра, на первых порах просто сдвигал позицию автора-носителя истины к более симпатичному ему агенту. Неудивительно, что на этом этапе хронотопический локус, условно говоря, Леноры / Людмилы, оказывался объектом революционной атаки, а атакующая сила неизбежно становилась очищенным от инфернальности вариантом «мертвого жениха». Ср. стихотворение «Современная теория баллады (Лекция)».

<...>

В первой трети текста нужно, чтобы Было что взрывать. ЧТО!

За этим ЧТО глядите в оба! Здесь продешевить,

как проиграть.

<...>

Верою, Надеждою, Любовью Это может быть. Лучше же империей любою, – Их балладам правильней дробить.

<...>

За кого голосовать? Ни цареубийц,

ни святотатцев

Не хочу в балладу я совать. Секта? – вздор. Заговор? – не надо! Партия! – она, она одна По железной логике баллады Сокрушать империи должна.

<...>

[16. T. 1. C. 49-50].

Важно, что присутствующие в этом монологическом тексте, жанрово помеченном как «лекция», следы диалога («Секта? – вздор. / Заговор? – не надо!») знаменуют разговор вполне живой, настоящий. Ср. финал: «Закрывайте конспекты и тетради. / Здесь – конец науки о балладе» [Там же. С. 50]. Технически предопределенный монолог лекции (один говорит, остальные слушают) включает в себя диалогизм, так как общаются, взаимодействуют сочувствующие друг другу сознания, субъекты-единомышленники. В пору провозглашенного сверху половинчатого «отказа от догм» ситуация поменялась, став, судя по всему, для поэта невыносимо травматической, тупиковой.

В художественной системе Слуцкого исходный блок «советских» символов и идеологем (та самая виртуальная «истина») подлежал не консервативному сохранению с последующей национализацией (в сторону национал-большевизма), не либеральной лакировке в соответствии с оттепельной идеологемой возвращения к «подлинному» социализму, не постепенному внутреннему преображению за счет расширения их смысловых возможностей под внешней коркой догмы - вплоть до абсурдистского пародирования и оформления своей «вненаходимости» относительно все той же догмы (так называемый «перформативный сдвиг», проанализированный А. Юрчаком [30]), а именно острой проблематизации, логика которой препятствовала как рас-, так и самоотождествлению субъекта с намечаемыми поэтом полюсами. Формами выражения этой ментальности стали, в частности, обманчивая диалогизация балладного сюжета, а также имеющее аналогичную природу создание межжанровых конрапунктов - когда исходный образ-лексема помещался в «поля» заведомо различных жанровых традиций, производивших из него несовместимые друг с другом и лишь внешне схожие омонимы-«клоны».

Литература

- 1. *Магомедова Д.М.* Баллада // Теория литературных жанров / под ред. Н.Д. Тамарченко. М., 2011. С. 125–128.
 - 2. Тюпа В.И. Дискурс // Жанр. М., 2013.
- 3. *Шатин Ю.В.* Мотив и жанр: приход ожившего мертвеца за жертвой: (От «Леноры» Бюргера до «Революцьонной казачки» Пригова) // Литература и фольклорная традиция: сб. науч. тр. : к 70-летию проф. Д.Н. Медриша. Волгоград, 1997. С. 52–63.

- 4. *Балашов Д.М.* «Князь Дмитрий и его невеста Домна»: (К вопросу о происхождении и жанровом своеобразии баллады) // Русский фольклор: материалы и исследования. М.; Л., 1959. Т. 4. С. 80–99.
- 5. *Балашов Д.М.* Из истории русской баллады: («Молодец и королевна», «Худая жена жена верная») // Русский фольклор : материалы и исследования. М. ; Л., 1961. Т. 6. С. 270–286.
- 6. Народные баллады / вступ. ст., подгот. текста и примеч. Д.М. Балашова. М. ; Л., 1963.
- 7. Смирнов Ю.И. Восточно-славянские баллады и близкие им формы: Опыт указателя сюжетов и версий. М., 1988.
- 8. Путилов Б.Н. Русская историческая баллада в ее славянских отношениях // Русский фольклор: материалы и исследования. М.; Л., 1963. Т. 8. С. 102–131.
- 9. *Кукулин И*. От Сваровского к Жуковскому и обратно: О том, как метод исследования конструирует литературный канон // Новое лит. обозрение. 2008. № 89. URL: http://magazines.ru/nlo/2008/89/ku16.html
 - 10. Янушкевич А.С. В мире Жуковского. М., 2006.
- 11. Журавлева А.И. «Песнь о вещем Олеге» и русская романтическая баллада // Журавлева А.И. Кое-что из былого и дум: О русской литературе XIX века. М., 2013. С. 87–97.
- 12. *Марченко Ю.И., Петрова Л.И.* Балладные сюжеты в песенной культуре русско-белорусско-украинского пограничья // Русский фольклор: материалы и исследования. СПб., 1993. Т. 27. С. 205–255.
- 13. Волков Р.М. Русская баллада первой четверти XIX столетия и ее немецкие параллели // Наукові записки Чернівецького державного університету. 1957. Т. 37, вип. 1. С. 3–48.
- 14. Лотман Ю.М. Лекции по структуральной поэтике // Ю.М. Лотман и тартускомосковская семиотическая школа. М., 1994. С. 17–245.
 - 15. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. М., 2008. Т. 3.
- 16. *Слуцкий Б.* Собрание сочинений : в 3 т. / сост., подгот. текста и коммент. Ю. Болдырева. М., 1991.
 - 17. Ройтман Г.Л. Борис Слуцкий: Очерк жизни и творчества. Tenafly, 2003.
- 18. Горелик П., Елисеев Н. По теченью и против теченья...: (Борис Слуцкий: жизнь и творчество). М., 2009.
 - 19. Слуцкий Б.А. Записки о войне // Слуцкий Б.А. О других и о себе. М., 2005. С. 15–162.
- 20. Козлов В.И. Русская элегия неканонического периода: Очерки типологии и истории. М., 2013.
- 21. Топоров В.Н. Заметки по реконструкции тестов // Исследования по структуре текста. М., 1987. С. 99–132.
- 22. Эткинд E. Литературное самоубийство Николая Тихонова // Revue des études slaves. 1999. Т. 71/3. С. 673–680.
- 23. Плеханова И. Игра в императивном сознании: Лирика Бориса Слуцкого в диалоге с временем // Вопросы литературы. 2003. Вып. 1. С. 46–72.
- 24. *Бахтин М.М.* Формы времени и хронотопа в романе: Очерки по исторической поэтике // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. М., 1975. С. 234–407.
 - 25. Салтыков-Щедрин М.Е. Гегемониев // Собр. соч. : в 20 т. М., 1965. Т. 3.
 - 26. Теория литературы: в 2 т. / под ред. Н.Д. Тамарченко. М., 2004. Т. 1.
- 27. Ожегов С.Ю., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. М., 2006.
 - 28. Топоров В.Н. Поэт // Мифы народов мира: в 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 327–328.
- 29. Бройтман С.Н. Ирония // Бройтман С.Н. Поэтика русской классической и неклассической лирики. М., 2008. С. 214–221.
- 30. Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось: Последнее советское поколение. М., 2014.

HISTORICO-POETIC ASPECTS OF A BALLAD DIALOGUE (A CASE STUDY OF BORIS SLUTSKY'S "BALLAD ON A DOGMATIST")

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2018. 55. 119–141. DOI: 10.17223/19986645/55/9

Kirill V. Anisimov, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: kianisimov2009@yandex.ru

Keywords: historical poetics of ballad, V.A. Zhukovsky, dialogue in ballads, ballads by B.A. Slutsky.

By example of one of the significant pieces from Boris Slutsky's oeuvre, the author of the paper considers a characteristic case of the poet's intention to transform the dialogue-role structure, an inherent element of the classical ballad. The interpretation of changes, explanation of their reasons, answering the question whether these changes were occasional or willful required the attraction of representative sources – the paragons of folk and literary ballads. In the latter case, it seemed logical to compare the examined text with exemplary Zhukovsky's variations of Bürger's "Lenore" plot, which, in particular, led the author to a preliminary classification of "Zhukovsky's text" in Slutsky's poetry. The key thesis of the present work, which is primarily devoted to the poetics of a dialogue, is the notion that the mature Slutsky's ballad text experiences a conspicuous deformation within its role-dialogue interaction. The historical poetics of the ballad genre, in which its heroes' personal individualism justifiability is put to test, prompts that the role of Providence, a kind of an extra-personal reason, in whose perspective the reader is able to assess the consistency of personages' ambitions, the true or false character of their life aims, will be a marked position in characters' interplay. Thus, the role triangle often seen in folk ballads (bride or wife – her mother – groom or husband) allows us to observe in different versions of the plot how personages one by one are verified on his or her devotion to good and truth. In Zhukovsky's "Lyudmila", the heroine's mother and the author himself speak with Providence's voice, which is expressed in rhymes arranged similarly from the lexical viewpoint. The ideological context of the second half of the 20th century strongly distorted the role-dialogue interplay in a ballad. On the contrary to the early examples of the Soviet ballad where the power of ideology was perceived as one of Providence's faces, Slutsky's "Ballad on a Dogmatist" shows in its aesthetic focus the story (although factored out from the events of the plot) of the author's parting with dogma. The structural position earlier occupied by Providence or any force associated with it becomes vacant. As a result, the ballad structure is split, dialogue transforms into a quasi-dialogue as the main hero's figure is seen in the dual perspective of the mutually opposed roles: "bride" and "dead fiance". In the conclusion of the paper, the author - in order to show the general turn of Slutsky's poetics to the reconstruction of quasi-dialogue situations – analyses three verses bound by the semantics of the "order" ("Big Order", "July was Sultry . . . ", "The Order"). In the three texts, as it is shown in the work, one and the same initial concept is "transcribed" with the "languages" of different genres, which turns the original semantic core into a set of juxtaposed homonymous clones with only superficial likeness.

References

- 1. Magomedova, D.M. (2011) Ballada [The Ballad]. In: Tamarchenko, N.D. (ed.) *Teoriya literaturnykh zhanrov* [Theory of literary genresf]. Moscow; Akademiya.
 - 2. Tyupa, V.I. (2013) Diskurs. Zhanr [Discourse. Genre]. Moscow: Intrada.
- 3. Shatin, Yu.V. (1997) Motiv i zhanr: prikhod ozhivshego mertvetsa za zhertvoy: (Ot "Lenory" Byurgera do "Revolyuts'onnoy kazachki" Prigova) [The motive and genre: the arrival of the revived dead for the victim: (From Burger's "Lenore" to Prigov's "Revolutionary She-Cossack")]. In: Gol'denberg, A.Kh. (ed.) *Literatura i fol'klornaya traditsiya: sb. nauch. tr.: k 70-letiyu prof. D.N. Medrisha* [Literature and folklore tradition: Articles: to the 70th anniversary of prof. D.N. Medrish]. Volgograd: Volgograd State Pedagogical University.

- 4. Balashov, D.M. (1959) "Knyaz' Dmitriy i yego nevesta Domna": (K voprosu o proiskhozhdenii i zhanrovom svoyeobrazii ballady) ["Prince Dmitry and his bride Domna": (On the origin and genre originality of the ballads)]. In: Skripil', M.O. (ed.) *Russkiy fol'klor: materialy i issledovaniya* [Russian folklore: materials and studies]. Vol. 4. Moscow; Leningrad: USSR AS.
- 5. Balashov, D.M. (1961) Iz istorii russkoy ballady: ("Molodets i korolevna", "Khudaya zhena zhena vernaya") [From the history of the Russian ballad: ("A young man and a princess", "A thin wife a faithful wife")]. In: Skripil', M.O. (ed.) *Russkiy fol'klor: materialy i issledovaniya* [Russian folklore: materials and studies]. Vol. 6. Moscow; Leningrad: USSR AS.
- 6. Balashov, D.M. (ed.) (1963) *Narodnyye ballady* [Folk ballads]. Moscow; Leningrad: Sovetskiy pisatel'.
- 7. Smirnov, Yu.I. (1988) *Vostochno-slavyanskiye ballady i blizkiye im formy: Opyt ukazatelya syuzhetov i versiy* [East Slavic ballads and related forms: The experience of plot and version index]. Moscow: Nauka.
- 8. Putilov, B.N. (1963) Russkaya istoricheskaya ballada v yeye slavyanskikh otnosheniyakh [Russian historical ballad in its Slavic aspects]. In: Skripil', M.O. (ed.) *Russkiy fol'klor: materialy i issledovaniya* [Russian folklore: materials and studies]. Vol. 8. Moscow; Leningrad: USSR AS.
- 9. Kukulin, I. (2008) Ot Svarovskogo k Zhukovskomu i obratno: O tom, kak metod issledovaniya konstruiruyet literaturnyy kanon [From Swarovski to Zhukovsky and back: How a research method constructs a literary canon]. *Novoye lit. obozreniye New Literary Observer*. 89. [Online] Available from: http://magazines.russ.ru/nlo/2008/89/ku16.html.
- 10. Yanushkevich, A.S. (2006) V mire Zhukovskogo [In the world of Zhukovsky]. Moscow: Nauka.
- 11. Zhuravleva, A.I. (2013) *Koye-chto iz bylogo i dum: O russkoy literature XIX veka* [Something from the past and thoughts: On the Russian literature of the 19th century]. Moscow: Moscow State University. pp. 87–97.
- 12. Marchenko, Yu.I. & Petrova, L.I. (1993) Balladnyye syuzhety v pesennoy kul'ture russko-belorussko-ukrainskogo pogranich'ya [Ballad plots in the song culture of the Russian-Belarusian-Ukrainian borderlands]. In: Azbelev, S.N. (ed.) *Russkiy fol'klor: materialy i issle-dovaniya* [Russian folklore: materials and studies]. Vol. 27. St. Petersburg: Nauka.
- 13. Volkov, R.M. (1957) Russkaya ballada pervoy chetverti XIX stoletiya i yeye nemetskiye paralleli [Russian ballad of the first quarter of the 19th century and its German parallels]. *Naukovi zapiski Chernivets'kogo derzhavnogo universitetu.* 37 (1), pp. 3–48.
- 14. Lotman, Yu.M. (1994) Lektsii po struktural'noy poetike [Lectures on structural poetics]. In: Koshelev, A.D. (ed.) *Yu.M. Lotman i tartusko-moskovskaya semioticheskaya shkola* [Yu.M. Lotman and the Tartu-Moscow Semiotic School]. Moscow: Gnoszis.
- 15. Zhukovskiy, V.A. (2008) *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem: v 20 t.* [Complete Works and Letters: in 20 vols]. Vol. 3. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
- 16. Slutskiy, B. (1991) Sobraniye sochineniy: v 3 t. [Collected Works: in 3 vols]. Moscow: Khudozh. lit.
- 17. Roytman, G.L. (2003) *Boris Slutskiy: Ocherk zhizni i tvorchestva* [Boris Slutsky: An essay on life and work]. Tenafly: Hermitage Publishers.
- 18. Gorelik, P. & Eliseyev, N. (2009) *Po techen'yu i protiv techen'ya...: (Boris Slutskiy: zhizn' i tvorchestvo)* [Along the current and against the current: (Boris Slutsky: life and work)]. Moscow: NLO.
- 19. Slutskiy, B.A. (2005) *O drugikh i o sebe* [About others and about myself]. Moscow: Vagrius. pp. 15–162.
- 20. Kozlov, V.I. (2013) Russkaya elegiya nekanonicheskogo perioda: Ocherki tipologii i istorii [Russian elegy of the non-canonical period: Essays on typology and history]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
- 21. Toporov, V.N. (1987) Zametki po rekonstruktsii testov [Notes on the reconstruction of tests]. In: Tsiv'yan, T.V. (ed.) *Issledovaniya po strukture teksta* [Studies on the structure of the text]. Moscow: Nauka.

- 22. Etkind, E. (1999) Literaturnoye samoubiystvo Nikolaya Tikhonova [The literary suicide of Nikolay Tikhonov]. *Revue des études slaves*. 71/3. pp. 673–680.
- 23. Plekhanova, I. (2003) Igra v imperativnom soznanii: Lirika Borisa Slutskogo v dialoge s vremenem [The game in the imperative consciousness: Lyrics of Boris Slutsky in a dialogue with time]. *Voprosy literatury*. 1. pp. 46–72.
- 24. Bakhtin, M.M. (1975) *Voprosy literatury i estetiki: Issledovaniya raznykh let* [Issues of literature and aesthetics: Studies of different years]. Moscow: Khudozh. lit. pp. 234–407.
- 25. Saltykov-Shchedrin, M.E. (1965) *Sobr. soch.:* v 20 t. [Collected Works: in 20 vols]. Vol. 3. Moscow: Khudozh. lit. pp. 7–14.
- 26. Tamarchenko, N.D. (ed.) (2004) *Teoriya literatury: v 2 t.* [Theory of Literature: in 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Akademiya.
- 27. Ozhegov, S.Yu. & Shvedova, N.Yu. (2006) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazheniy* [Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions]. Moscow: Oniks.
- 28. Toporov, V.N. (1982) Poet [Poet]. In: Tokarev, S.A. (ed.) *Mify narodov mira:* v 2 t. [Myths of the peoples of the world: in 2 vols]. Vol. 2. Moscow: Sov. ents.
- 29. Broytman, S.N. (2008) *Poetika russkoy klassicheskoy i neklassicheskoy liriki* [Poetics of Russian classical and non-classical lyrics]. Moscow: RSUH. pp. 214–221.
- 30. Yurchak, A. (2014) *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos': Posledneye sovetskoye pokoleniye* [It was forever, until it was over: The last Soviet generation]. Moscow: NLO.

УДК 821.111(73)

DOI: 10.17223/19986645/55/10

А.В. Григоровская

РЕЦЕПЦИЯ РЕНЕССАНСНОЙ КОНЦЕПЦИИ ЧЕЛОВЕКА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТВОРЧЕСТВЕ АЙН РЭНД

Исследуется влияние философских принципов Ренессанса на произведения Айн Рэнд, которая обращается к рецепции ренессансной концепции личности в трактовке Ф.Ф. Зелинского, трансформируя ее в своих произведениях. Идеальный человек Рэнд представляет собой социальное и природное существо, соединяющее в себе оба начала. Айн Рэнд создает собственную индивидуальную утопию, которой свойственно преодоление дуализма человеческой личности, впервые утверждаемой мыслителями Возрождения.

Ключевые слова: Айн Рэнд, эпоха Возрождения, американская литература, ренессансная концепция личности, индивидуализм.

1. Введение: истоки ренессансного мышления у Айн Рэнд. Одним из важнейших положений философии эпохи Возрождения был антропоцентризм, который зиждился на понимании того, что человек есть Бог (в противовес человеку средневекового понимания, который был рабом божьим, «разумным животным»), а также следующий из антропоцентризма индивидуализм, обожествление человека и культивирование в нем героического начала и прославление его разума. Ренессансный гуманизм — «ревностное изучение всего, что составляет целостность человеческого духа» [1. С. 48] — породил новый идеал человека свободного, сильного, целостного, способного изменить себя и мир. Несмотря на разнообразие философских концепций, порожденных эпохой Возрождения, его ядром всегда оставались именно антропоцентризм и гуманизм.

Мысль о поиске в художественных текстах Айн Рэнд (Алисы Розенбаум), американской писательницы и мыслителя русского происхождения, философских идей эпохи Возрождения обусловлена тем, что созданная ею философия объективизма центральным «догматом» полагает признание ценности человеческого разума, однако не ограничивается механистическими представлениями Просвещения о разуме как отдельной единственной направляющей силе человека. Как отмечает П. Гуревич, философы эпохи Просвещения делали особый акцент «именно на разуме, который будто бы обеспечивает относительную целостность личности, отвращая ее от пороков, страстей и других проявлений эмоций. Это не позволяло мыслителям Просвещения последовательно раскрыть проблему человеческой индивидуальности» [2]. Айн Рэнд развивает индивидуальную утопию, опираясь в своем философском и художественном творчестве на фундаментально значимые для западноевропейской цивилизации ценности величия и свободы человека, расцветом которых был, по мнению, П. Гуревича,

Ренессанс: «В истории европейской мысли не было другой эпохи, которая с подобной силой утверждала бы человеческую личность в ее грандиозности, красоте и величии» [2].

Сама Айн Рэнд недвусмысленно обозначает свое отношение к эпохе Возрождения: «Средние века были эпохой мистицизма, где правила слепая вера и слепое полчинение догмату превосходства веры над разумом. Период Возрождения стал в первую очередь временем возрождения разума, освобождения человеческого мышления, триумфа рациональности над мистицизмом - непродолжительным, неполным, но страстным триумфом, который позволил зародиться науке, индивидуализму и свободе» [3. С. 196]. Называя Ренессанс в статье For The New Intellectual (1961, на русский язык не переводилась) «the rebirth of man's mind» [4. Р. 24], Айн Рэнд полагала этот период человеческой цивилизации важнейшим для дальнейшего прогресса как науки, так и учений о свободе человека. Во введении к своему трактату «Романтический манифест: Философия литературы» (The Romantic Manifesto: A Philosophy of Literature, 1969) Айн Рэнд рассуждает о Возрождении, как о переломной эпохе после Античности и «регресса Средневековья» [5. Р. 9]. Айн Рэнд часто связывают с историей развития либертарианства, на которое также огромное влияние оказали идеи ренессансного гуманизма: «Предыстория либертарианства достигла кульминации в период Ренессанса и протестантской Реформации. Повторное открытие классического учения и гуманизма в эпоху Ренессанса обычно считается приходом современного мира на смену Средневековью. Со всей страстью романиста Айн Рэнд высказалась о Ренессансе как о рационалистической, индивидуалистической и светской разновидности либерализма...» [6].

Говоря об истоках ренессансного мироощущения в творчестве Рэнд, необходимо прежде всего отметить тот факт, что писательница родилась в России и получила образование в Петроградском университете по специальности «социальная педагогика», объединявшей историю, филологию и право (1921–1924), что в значительной степени определило ее дальнейшее становление как философа в США, куда она эмигрировала в 1925 г. Как отмечает американский специалист по наследию Айн Рэнд С.М. Sciabarra. одним из ее преподавателей, вероятно, был русский филолог-классик Ф.Ф. Зелинский [7. Р. 460]. Поскольку сама Айн Рэнд отрицала свою связь с русскими корнями на протяжении всей жизни, в научном сообществе США существует мнение, что она есть «продукт» американского менталитета, однако С.М. Sciabarra доказывает ее связь с русскими культурными традициями (в частности, он отмечает в ее творчестве рецепцию русского ницшеанства в трактовке Зелинского [Ibid. P. 77]). Мы согласны с мнением исследователя и считаем, что отрывать Рэнд от исторических корней значит вступать в противоречие, ведущее к значительным искажениям в понимании ее мировоззрения. Исходя из этого, эстетика Ренессанса в ее творчестве может исследоваться только в контексте опосредованного влияния (не напрямую через тексты конкретных писателей данной эпохи).

 $^{^{1}}$ «Возрождение человеческого разума» (здесь и далее — перевод автора).

Зелинский представителем либерально-западнического является направления и в своих работах идеализировал античную культуру и культуру Ренессанса. Он выступал за обновление России путем «славянского Ренессанса». В двухтомнике «Возрожденцы» (1922) он освещает судьбы людей (Цицерон, Шекспир, Мицкевич и др.), которые «возрождали» в своем творчестве античные идеалы (как и в эпоху Ренессанса). Утверждая взгляд на Ренессанс как эпоху торжествующего индивидуализма, Зелинский отмечает, что ренессансная личность ищет спасения «не в борьбе с интересами массы, а вне ее» [8. С. 34]. Называя Возрождение эпохой пробуждения и освобождения личности, он утверждает ценность этого временного отрезка перед следующим за ним Просвещением: «Эпоха Просвещения, будучи во многом продолжением и развитием эпохи Возрождения, имеет одну особенность, которая ее резко отличает от нее; эта особенность – дух пропаганды. Возрождению этот дух совершенно чужд: человек эпохи Возрождения ищет спасения, как мы видели, не в борьбе с массой и ее интересами, а вне массы, в уединении, или в общении с другими личностями, с которыми его связывает дружба; человек эпохи Просвещения, напротив, обращается к массе. Там человек старается выделиться из массы; здесь личность старается подчинить массу себе...» [Там же. С. 45].

Как мы можем увидеть, Айн Рэнд продолжает именно линию Зелинского в критике Просвещения как эпохи, потерявшей многие ценности ренессансной культуры. В уже упомянутой работе For The New Intellectual она заявляет: «The nineteenth century <...> was the result and the last achievement of the intellectual power released by the Renaissance <...> But they [the Post-Renaissance philosophers – $A.\Gamma.$] were like men living on the energy of the light rays of a distant star, who did not know (it was not their primary task to know) that that star had been extinguished. It had been extinguished by those whose primary task was to sustain it. From the start of the post-Renaissance period, philosophy – released from its bondage as handmaiden of theology – went seeking a new form of servitude, like a frightened slave, broken in spirit, who recoils from the responsibility of freedom» [4. С. 23]. Далее Рэнд критикует рационализм Декарта, отмечая его субъективизм в определении разума как данности, которой должна соответствовать реальность. Отрицая материализм эпохи Просвещения, Рэнд утверждает порочность как рационализма, так и эмпиризма, полагая их в равной степени опасными предшественниками социализма, борьбе с которым она посвятила свою жизнь [9. С. 50-57] (Зелинский также трактует идеи эпохи Просвещения как в значительной сте-

 $^{^1}$ «Девятнадцатый век <...> был результатом и последним достижением интеллектуальной мощи, высвобожденной Ренессансом <...> Но они (постренессансные философы. – $A.\Gamma$.) были, словно люди, живущие энергией лучей света далекой звезды, которые не знают (и это не было для них вещью первостепенной значимости), что эта звезда угасла. Она была погашена теми, чьей главной задачей было поддержание ее света. С началом постренессансного периода философия, освобожденная от рабства служанка богословия, отправилась искать новую форму рабства, подобно испуганному рабу, сломленному духом, который отказывается от ответственности за свободу».

пени этатистские): «Rand's analysis of rationalism and empiricism is not restricted to their post-Renaissance historical incarnations. Rand maintained that both rationalism and empiricism are employed as methods of inquiry by contemporary social scientists. Such modes of investigation must lead inevitably to a fragmentation of knowledge» [7. P. 204].

Другим учителем Айн Рэнд, по мнению С.М. Sciabarra, повлиявшим на ее философский метод, был русский философ-интуитивист Н.О. Лосский, отрицавший рационально-эмпирическую дихотомию. Лосский также преподавал на курсе у Рэнд. Со слов самой Рэнд, изложенных в книге С.М. Sciabarra, он высоко ценил Алису Розенбаум (настоящее имя Рэнд) как способную студентку. Уже в студенческие годы она имела самобытный взгляд на многие философские проблемы. Впоследствии Рэнд, как и ее учитель Лосский, будет рассматривать дихотомию «разум — опыт» как форму субъективизма [Ibid. P. 7], что приведет ее к мысли о трансформации ренессансной концепции человека: «Consciousness, as such, includes moments of perception, volition, focus, reason, abstraction, and conception. For Rand, these are not separate faculties. Each is both a component part of the others and a distinct aspect of a single, integrated totality»² [Ibid. P. 154].

Другим немаловажным фактом, который необходимо учитывать, говоря о рецепции ренессансной концепции человека у Рэнд, является тот факт, что Зелинский был руководителем Союза Третьего Возрождения, существовавшего в Петрограде в начале ХХ в. Своей целью члены Союза, куда входили Н. Бахтин, М. Бахтин, Вяч. Иванов, Л. Пумпянский и др., имели возрождение античной культуры, новый славянский Ренессанс. Огромное влияние на идеи русского Ренессанса оказал Ф. Ницше (в либералистской трактовке Зелинского). «Возрожденцы» утверждали новый тип «творца – художника-теурга, созидающего искусство, которое выходит за пределы эстетического и мыслится как средство преображения действительности» [10]. Этот новый тип человека сближался с «ренессансным» типом homo universalis. Многие символисты воспевали ценности Ренессанса (например, у К. Бальмонта есть ряд стихотворений, посвященных Микеланджело, Леонардо да Винчи, Шекспиру и т.д.).

Конечно, Айн Рэнд могла и не посещать собрания Союза, но не могла не знать о них, будучи студенткой Петроградского университета. Идеи, которые тогда распространялись среди молодежи, что называется, «витали в культурном воздухе» эпохи Серебряного века. Эмигрировав по идеоло-

¹ «Анализ рационализма и эмпиризма, осуществленный Рэнд, не ограничивается их постренессансными историческими воплощениями. Рэнд утверждала, что как рационализм, так и эмпиризм используются в качестве методов исследования современными социальными учеными. Такие методы исследования должны неизбежно привести к фрагментации знаний».

² «Сознание как таковое включает в себя моменты восприятия, воли, внимания, рассудка, абстрагирования и понимания. Для Рэнд это не отдельные способности. Каждый из них является одновременно составной частью других и отдельным аспектом единой, интегрированной совокупности».

гическим соображениям в США, Айн Рэнд стала строить свою авторскую утопию не без участия ренессансных идей в трактовках русских философов начала XX в., впитанных ею в России. Цель нашего исследования — проследить рецепцию ренессансной концепции человека в художественных произведениях писательницы для объяснения феномена восприятия Айн Рэнд в России и за рубежом как автора индивидуальной утопии, в основе которой лежит «преодоление дуалистичности» человеческой личности.

2. Ренессансная концепция личности в произведениях Айн Рэнд

2.1. Человек-индивидуалист. Обратимся к философским размышлениям Айн Рэнд: «"Индивидуализм" утверждает человека единицей ценности социального контекста; это моральное следствие принципа, что каждый человек есть цель и завершение самого себя» [9. С. 440]. Наиболее неприкрыто этот принцип реализован в повести Айн Рэнд «Гимн» (Anthem, 1938), которую А. Вильгоцкий назвал «одной из самых поэтичных од индивидуализму» [11. С. 95]. В этом произведении Айн Рэнд создает манифест индивидуализму как форме не только жизни, но и мышления: «Однако для героя «Гимна» процесс обретения собственного имени становится воистину знаковым явлением, поскольку для него местоимение "я" - вместилище макро- и микрокосмоса идей, значений, потенциальных возможностей, апофеоз свободы, независимости и значимости» [12. С. 182–183]. Важно, что уже в первой своей повести Рэнд утверждает одновременно отделенность человека от природы и включенность в нее через овладение и наслаждение ею: «Я есть. Я думаю. Я хочу. Мои руки. Моя душа. Мое небо. Мой лес. Это моя земля <...> Мои глаза видят, и они дарят миру красоту» [13. С. 99]. В соответствии с ренессансным пониманием всего мира как дома для человека главный герой повести заявляет: «Не знаю, есть ли земля, на которой я стою, сердце вселенной или только пушинка, затерянная в вечности. Не знаю и не думаю об этом» [Там же. С. 100].

Принцип индивидуализма ярко проявляется именно в эпоху Возрождения, когда формируется новая система ценностей и пересматривается положение человека в мире. Индивидуализм понимался как возможность сильного человека утвердить себя в этом мире. Известный швейцарский историк культуры Я. Бурхард так описывал этот процесс: «Основной характерный порок той эпохи одновременно создавал ее величие: этим пороком был крайний индивидуализм... Видя торжество эгоизма вокруг себя. человек был вынужден защитить свои права с помощью своей собственной силы» [14. С. 150]. Нужно отметить, что, несмотря на большую свободу от любой жесткой иерархии, закономерно возникающую в эпоху Возрождения, ренессансное общество «сохраняло средневековый иерархический принцип расположения людей, но не на феодальной основе происхождения и не на чисто религиозной основе» [1. С. 94]. Имеется в виду иерархия на основе изначально присущих человеку талантов и склонностей и наличия либо отсутствия у человека желания их развивать: «Подобное равенство неизбежно подразумевает неравенство и не противоречит ему» [Там же].

Начав процесс освобождения человека от обусловленности его родословной, Возрождение позволило каждому человеку развиваться самостоятельно и независимо, при этом не гарантируя ему полного равенства с другими, ибо истинный индивидуализм подразумевает конкуренцию. Таковы и ключевые герои Айн Рэнд: обвинения в том, что все сильные герои Айн Рэнд получили свое «место под солнцем» не сами, по меньшей мере, неверны. Во-первых, мы имеем в виду Дагни Таггерт, вице-президента железнодорожной компании «Дагни Трансконтинентал» («Атлант расправил плечи», Atlas Shrugged, 1957), которой руководство компанией досталось «по наследству» от отца. А брат Дагни, Джеймс Таггерт, будучи президентом компании, не в состоянии принять ни одного стратегически верного решения. Во-вторых, обратившись к истории главного героя романа «Источник» (Fountainhead, 1943) – Говарда Рорка, увидим, что он вовсе не выходец из богатой семьи, не потомственный архитектор (тогда как у его антагониста в романе, Питера Киттинга, богатая семья и связи в обществе), однако именно он становится известным благодаря своему таланту: «Он сам заработал деньги на учебу в школе и на три года института. С самого детства он работал на стройках простым рабочим» [15. Т. 1. С. 23]. В-третьих, вот как описываются молодые годы «стального короля» Хэнка Риардена: «Ему было тогда четырнадцать лет, шел первый день его работы на железном руднике в Миннесоте. Он пытался научиться преодолевать жгучую боль в груди и стоял, ругая себя, потому что заранее решил заставить себя не устать» [16. Т. 1. С. 41]. Таким образом, иерархичность, созданная в художественном мире Айн Рэнд, имеет своей причиной единственно талант, трудолюбие и целеустремленность человека.

Героиня романа Айн Рэнд «Мы живые» (We the Living, 1936) Кира Аргунова говорит о неравенстве людей в диалоге с большевиком Андреем Тагановым: «Потому что люди не равны в способностях и нельзя обращаться с ними так, будто они равны» [17. С. 86]. Кира имеет в виду неравенство талантов и способностей, которое присуще с рождения каждому, но не неравенство происхождения (здесь мы снова видим влияние Зелинского, который особо подчеркивал изначальное неравенство людей, присущее ренессансной философской мысли [8. С. 45]). Когда Таганов удивленно спрашивает ее, почему же она не борется с большевиками, она отвечает: «Я не хочу сражаться за людей, я не хочу сражаться против людей. Я не хочу слышать о людях. Я хочу, чтобы меня оставили в покое, я хочу жить» [17. С. 86]. В словах Киры – крайний индивидуализм, убеждение, что всякий человек сам ответствен за свою жизнь. Ориентация индивида на свое личное «возвышение» - отличительная черта ренессансного гуманизма: «Гуманисты полагали, что божественной природой каждому человеку в принципе дана возможность возвыситься и стать более или менее исключительным, "героическим" благодаря "доблести". Следовательно, признавалось естественное исходное равенство на пути к превращению в избранных!» [1. С. 92]. Важно, что Зелинский также считает сосредоточенность индивида на самом себе и отстраненность от проблем других людей

отличительной чертой именно ренессансной эстетики (тогда как просветительскому рационализму будет свойственно стремление подчинить массу людей себе [8. С. 45]), и тут рецепция его идей Айн Рэнд очевидна.

Как следствие антропоцентризма, в эпоху Возрождения формируется отношение к человеческой жизни как к высшей ценности. Земная жизнь со всеми ее тревогами, заботами, устремлениями и наслаждениями признается первостепенной по значимости (по сравнению с теоцентрической устремленностью Средневековья в жизнь загробную): «Наряду с оправданием потребностей и страстей земного человеческого существования важнейшее место в новой гуманистической системе нравственных ценностей занимало стремление к земной славе...» [18. С. 29]. Айн Рэнд наиболее ярко формулирует такое отношение к человеческой жизни в романе с говорящим названием «Мы живые»: «Представлять себе рай небесный, но не мечтать о нем, а стремиться к нему, требовать!» [17. С. 115].

Как отмечает В.И. Красиков, в понимании «природы человека Айн Рэнд напоминает великих эгоистов эпохи Возрождения (Пико дела Мирандола, «Речь о достоинстве человека»)...» [19. С. 86]. Помимо итальянца Джованни Пико дела Мирандолы, автора «Речи о достоинстве человека» (*De hominis dignitate*, 1496), величие человека провозглашали такие ренессансные гуманисты, как Джанноццо Манетти («О достоинстве и превосходстве человека», *De dignitate et excellentia hominis*, 1451–1452), Бартоломео Фацио («О превосходстве и исключительности человека», *De excellentia et praestantia hominis*, 1443–1444), Леон Батиста Альберти («О семье», *Opere Volgari*, 1432–1441). Всех этих мыслителей объединяет то, что они воспевают человека как центр мироздания, говорят о целостности человека, ценности его достоинства и разума.

Мирандола в своей «Речи о достоинстве человека» рассуждает: «Ты же, не стесненный никакими пределами, определишь свой образ по своему решению, во власть которого я тебя предоставляю» [20. С. 507]. Практически то же самое – слово в слово – звучит в речи Джона Голта в романе Айн Рэнд «Атлант расправил плечи»: «Каждый волен подниматься так высоко, как хочет или может, но только уровень его мышления определяет ту ступень, на которую он перейдет» [16. Т. 3. С. 418]. Мирандола замечает: «Природа человека рассматривается как итог постоянного процесса становления, самостоятельного, сознательного и ответственного выбора» [20. С. 98]. В романе Айн Рэнд «Источник» идея самосовершенствования человеческой природы заявлена как нельзя более отчетливо. Говард Рорк – это человек-творец, цель жизни которого – совершенствование в своей профессии.

2.2. Человек-архитектор. Тема архитектуры в творчестве Айн Рэнд возникает далеко не случайно и связана с ее представлением о человеке как о существе целостном. Роман «Источник» посвящен судьбе Говарда Рорка, талантливого архитектора, и Айн Рэнд так пишет о своем выборе его профессии: «Я выбрала архитектуру, поскольку в ней сочетаются наука и искусство. Она в огромной мере задействует и инженерное дело, и эсте-

тику» [21. С. 221]. Как отмечает Айн Рэнд, архитектор «создает строение... отражающее его ценностную систему» [22. С. 45]. Именно поэтому главный герой романа «Источник» не соглашается брать заказы, не соответствующие его представлениям об эстетике.

В романе «Источник» прослеживается метафора целостного человека и гармоничного здания: «Здание живое, оно как человек. Его целостность в том, чтобы следовать собственной правде, собственной теме и служить собственной и единственной цели. Человек не берет взаймы свои члены, здание не заимствует части своей сущности» [15. Т. 1. С. 21]. Метафора здания как человека у Айн Рэнд перекликается, например, с описанием флорентийского кафедрального собора, принадлежащего Джаноццо Манетти, который сравнивал его части с частями человеческого тела [1. С. 366]. В эпоху Ренессанса создаются так называемые проекты «идеального города», принадлежащие архитекторам Леону Альберти, Уберто Дечембрио, Леонардо да Винчи и др. «Жизнь людей в таком городе очищена от эмпирического беспорядка и случайностей, возвышена в соответствии со своей идеальной, т.е. подлинной природой» [1. С. 365]. Отношение ренессансных гуманистов к профессии архитектора было особенным, архитектор полагался «главным устроителем человеческой жизни» [Там же. С. 366].

Леон Альберти, итальянский гуманист и архитектор, писал, что «человек по природе construttore, и следовательно, он человек постольку, поскольку в нем есть нечто от архитектора» [Там же. С. 368]. Преклонение перед человеком-строителем в романе Айн Рэнд также достигает небывалых масштабов: «Это была новая земля, их собственная. И у них была еще одна защита – архитектор <...> человек, который сделал это возможным, мысль в голове этого человека, и даже не суть его мысли, не результат, не видение... а система его мышления, закон его функционирования... Он стоял на страже над долиной и над воинами-крестоносцами в ней» [15. Т. 2. С. 143]. Строительство как метафора самосовершенствования человека и выражение типично ренессансного преклонения перед величием человеческого духа достигает своего апогея в эпизоде создания Говардом Рорком Храма Стоддарда. «Рорк воздвиг храм во имя человеческого духа. Он видит в человеке сильное, гордое, чистое, мудрое, бесстрашное существо, способное на подвиг. Во славу именно такого человека он и воздвиг храм. В храме человек должен испытывать душевный подъем...» [Там же. Т. 1. С. 407].

Идеальный город для ренессансных гуманистов должен был служить целям нового человека. Описывая Флоренцию в панегирике «Восхваление города Флоренции» (Laudatio Florentinae urbis, 1403), итальянский гуманист Леонардо Бруни воссоздает картину совершенного макрокосма: «В этом сочинении... Флоренция предстает во всех ее ипостасях как непревзойденный образец совершенства» [23. С. 70]. Роман Айн Рэнд «Мы живые» содержит описание Петрограда постреволюционной эпохи, который она называет «монумент силе человеческого духа» [17. С. 242], имея в виду, конечно, его основателя — Петра Великого. Подчеркивая огромное значение личности в строительстве города, Айн Рэнд отмечает: «Петроград

не был рожден, он был создан. Человеческие руки и воля воздвигли его там, где люди не селились испокон веков» [17. С. 239]. Описание родного города Айн Рэнд — одна из самых поэтичных страниц ее книг. Каждая строчка тут дышит восхищением: «Петроград нетороплив, но и не ленив; он грациозен и размерен, как и приличествует размаху его огромных улиц. Этот город широко и привольно раскинулся среди болот и хвойных чащоб. Его площади напоминают вымощенные гранитом поля, а ширина его улиц не уступает притокам Невы, величайшей из рек, когда-либо рассекавших великие города» [Там же. С. 240]. Город уподобляется самой природе; созданный человеком, он гармонично вписывается в окружающее его пространство.

Описание Петрограда наполнено гордостью за величие человеческого духа, который сотворил эту красоту, однако природа, которую человек покорил, не уступает ему своих прав: «Правый берег, тот, что начинается сразу за крепостью, постепенно отвоевывает у города та самая природа, которую он когда-то вытеснил из своих границ; широкий бесконечный Каменноостровский проспект похож на реку, полную предчувствия моря; каждый шаг по нему — шаг навстречу природе» [Там же. С. 241]. Природа и город сливаются, перетекая друг в друга, знаменуя собой цельность человека как существа социального и природного одновременно (здесь писательница утверждает преодоление еще одной дихотомии, которая была впервые побеждена в эпоху Возрождения).

Как отмечает Баткин, итальянское Возрождение конструировало модель индивида, а не общества [1. С. 370]. На наш взгляд, Айн Рэнд также создает утопию отдельного человека, а не общества. Идея создания «нового человека» была более чем понятна писательнице, причем она воплощает ее с прямолинейностью, тем самым делая возвышенные идеи Возрождения более земными. В ее романах мы встречаем прямые метафоры «выковки» человека, которые присутствуют, например, в портретной характеристике героев: тело Джона Голта, героя романа «Атлант расправил плечи», «обладало твердостью... гладкой четкостью отлива из какого-то потускневшего, плохо обработанного отлива, вроде сплава меди с алюминием» [16. Т. 3. С. 7]. Эти «новые люди» преобразуют мир вокруг себя. Например, Кира Аргунова мечтает возвести в «пустыне», как характеризуется Советская Россия, свое здание: она учится на инженера, собираясь «построить дома из стали и стекла, а из белого алюминия - мост через голубую реку» [17. С. 43]. Идея пересоздания человеческого общества путем изменения философии отдельного человека была близка Айн Рэнд, о чем она прямо заявляла в своих философских работах: «The battle is primarily intellectual (philosophical), not political» [24. С. 97]. Индивидуалистичность ее утопических взглядов, представление о том, что только через трансформацию отдельной личности возможно изменение окружающего пространства, роднит Айн Рэнд с идеями ренессансных гуманистов, которые также предлагали любые изменения начинать с отдельно взятой личности. Человек идеи для Айн Рэнд – пустой звук без деятельности, которую он осуществляет вокруг себя: именно поэтому «новые люди» Айн Рэнд сочетают в себе ренессансный идеал человека одновременно просвещенного и деятельного.

2.3. Человек деятельный. Ренессансные гуманисты воспевали в человеке целеустремленность, трудолюбие, деятельное начало: «Гуманистическая мысль утверждала не просто самоценность человека — речь шла об активном человеке, о творческом характере его труда, о человеке-творце своего земного бытия» [23. С. 157]. Например, Леон Батиста Альберти сформулировал идеал homo faber — человека деятельного. Другой итальянский философ, Джордано Бруно, в своих трудах воспевает человеческую деятельность: «Истинным мерилом нравственности Бруно провозглашает человеческую деятельность: "Прочь от меня всякое безобразие, всякое безделье, неряшливость, ленивая праздность!"» [18. С. 295]. Известно, что Джордано Бруно сам отдал жизнь за свою идею, и его философией были слова: «Зачем мы так много бездельничаем и спим живые, если так долго, долго придется нам бездействовать и спать в смерти?» [25. С. 64].

Айн Рэнд знаменита фразой из романа «Атлант расправил плечи»: «На мой взгляд, существует единственная форма человеческого падения - потеря цели» [16. Т. 1. С. 190]. В эссе «Этика объективизма» (The Objectivist Ethics, 1964) она формулирует понятие «добродетель продуктивности»: «Продуктивный труд – это путь неограниченных достижений человека, требующий от него проявления лучших качеств характера: творческих способностей, целеустремленности, уверенности в себе, готовности бороться с любыми неудачами и преданности цели преобразования земли по образу своих ценностей» [26. С. 31]. Все положительные герои Айн Рэнд имеют жизненную цель, в осуществлении которой часто доходят до крайностей. Если мы обратимся к ее романам, то увидим, что их лучшие герои так или иначе проявляли «героический энтузиазм» (Дж. Бруно) в отстаивании своих идеалов или достижении своей цели. Герой пьесы «Идеал», одного из ранних произведений писательницы, Джонни Дауэс, отдает жизнь за свой идеал, кончая жизнь самоубийством и тем самым спасая Кэй Гонду, которая в пьесе предстает метафорой Истины. Впоследствии писательница нередко обращается к сюжету самопожертвования во имя своего дела или идеи. Л. Пейкофф, в своей редакции ее пьесы «Подумай дважды» (Think twice, 1939) приводит такие слова ее автора: «Думаешь ли ты... что я когда-нибудь отдам главную роль в своей истории кому-нибудь, кто не герой?» [27. C. 226].

Одна из наиболее трагических судеб в творчестве Айн Рэнд, несомненно, принадлежит главной героине ее первого романа «Мы живые», Кире Аргуновой. Девушка настолько поглощена своей целью – покинуть ненавистную ей Советскую Россию, что не останавливается даже перед риском быть убитой на границе, которую она незаконно пересекает. Героиня не боится смерти: «Она понимала, что умирает. Но для нее это больше не имело значения. Она узнала то, что никто из людей не рассказал бы ей» [17. С. 472]. Кира Аргунова, умирая, видит дерево: «Посреди равнины одиноко стояло маленькое деревцо. Хрупкие редкие веточки его не удерживали снега. В напряженном ожидании будущей весны и жизни оно тянулось своими тонкими черными ветками к заре, занимающейся над

необъятной землей» [17. С. 472]. Символ дерева во всех культурах одинаков: «В более широком смысле символизм дерева обозначает единство земного и небесного миров, его постоянное обновление – непрерывность жизненного цикла» [28. С. 142]. Дерево служит умирающей Кире напоминанием о том, что жизнь бесконечна и растворена повсюду в природе: «Непобежденная жизнь существует и будет существовать» [17. С. 472]. Утверждая вечность мира вокруг себя, героиня Айн Рэнд примиряется с собственной смертью: «инфинистическое» понимание природы и человека в ней как творца, преобразовывающего природу, а на пороге смерти находящего утешение в вечности мира, реализует еще одну сторону ренессансной концепции личности и писательницы. Так и неназванный герой романа «Источник», попав в лес, где строился курорт Монаднок-Велли (проект Говарда Рорка), ощущает вечность всего сущего, которая знаменует собой и вечность человека: «Молодой человек начинал верить, что он не умрет, не должен умереть, если земля может так выглядеть. Никак не должен, вель он слышал належду и обещание не в словах, а листьях, стволах деревьев и скалах» [15. Т. 2. С. 137].

Храбрость Киры Аргуновой повторит героиня другого романа Айн Рэнл – Лагни Таггерт («Атлант расправил плечи») в сцене крушения вертолета, за штурвалом которого она находится. Она летит навстречу верной смерти, преследуя самолет, в котором находится человек, работавший над проектом восстановления вечного двигателя. Преодолевая опасность разбиться о скалы, она бесстрашно мчится вниз: «Она думала при этом, что не может бросить бесценное сокровище - мозг Квентина Дэниелса... Она спускалась в центр горного кольца, окружавшего долину. Полет был опасным – слишком мало места для маневра, но Дагни продолжала спускаться, пытаясь одновременно выполнить две задачи: отыскать дно долины и избежать гранитных скал, которые грозили задеть крылья моноплана» [16. Т. 3. С. 421]. В отличие от Киры Аргуновой она не погибает, но попадает в другой мир – Атлантиду, где собрались лучшие представители нового человечества. Джон Голт не случайно основывает свою Атлантиду глубоко в долине, вдали от глаз человеческих, где ожидает, пока мир разрушит себя сам, и только тогда он вернется торжествующим атлантом: в этой отъединенности от массы и нежелании бороться с ней радикальными методами также узнается ренессансное начало в трактовке Зелинского [8. С. 45].

В последнем романе Айн Рэнд также есть потрясающая сцена смерти работника сталелитейного завода «Риарден Стил», Кормилицы, который умирает на руках у хозяина завода. В него стреляют напавшие на завод, чтобы он не смог рассказать Риардену правду о том, что завод разгромили не рабочие, а бандиты из правительства. «Смерть... ничего не значит для химических соединений, но... <... > Но значит для меня... <... > Я хочу жить, мистер Риарден! Господи, как хочу! ...Не потому что умираю... а потому что понял лишь сегодня вечером, что значит быть по-настоящему живым...» [16. Т. 3. С. 334]. В сцене смерти Кормилицы Айн Рэнд утверждает еще раз преодоление дуализма «тело – разум»: Риарден, неся тело,

думал о том, что «то, что он нес, было представлением учителей парня о человеке — набором химических соединений» [16. Т. 3. С. 336]. Отрицая материалистическую парадигму, Рэнд говорит о единстве в человеке природного и социального начал, одновременно рисуя нам образы понастоящему отважных людей, героев, готовых умереть за свои убеждения.

Деятельность человека не просто воспевается, а буквально обожествляется Айн Рэнд. Созидание «нового мира» для героя-творца сродни священнодействию. Так, здание вокзала «Таггерт» напоминает Дагни храм: «Глядя вверх, на высокий потолок, она видела неярко освещенные своды, опиравшиеся на огромные гранитные колонны, и верхние абрисы застекленных тьмой окон. Своды, полные торжественной умиротворенности католического собора, защитным покровом простирались над людской кутерьмой» [Там же. Т. 1. С. 76]. Храм божий размещается в здании железнодорожного вокзала: эта вполне ренессансная мысль для Айн Рэнд служит основанием для того, чтобы подчеркнуть божественность человекатворца и всего того, что он совершает. Далее, говоря о памятнике основателя дороги Натаниэля Таггерта, автор отмечает: «Взгляд, брошенный на него по пути через вестибюль, был единственной известной Дагни разновидностью молитвы» [Там же]. Аналогично Хэнк ассоциирует свой завод с местом для богослужения, когда мать спрашивает его: «И что же такое, этот твой завод – храм что ли?» Он отвечает ей: «А что... пожалуй, да...», удивляясь, «что такая мысль еще не приходила ему в голову» [Там же. С. 265]. Поэтизация человеческого труда у Айн Рэнд – очевидный отклик идей Зелинского о «трудорадостности», который говорит о труде как о божественном даре и религии: «Но замечу это с самого начала, не просто труда, а – прошу разрешить мне это возрожденческое слово – трудорадостности» [29].

Другой эпизод, в котором представлена «трудорадостность», – это побег Дагни Таггерт на лоно природы после того, как она понимает, что больше не может бороться против надвигающейся диктатуры иррациональности: «Солнечный луч коснулся вершин деревьев на склоне холма, и они засеребрились, отражая голубизну неба. Дагни стояла у двери коттеджа, подставив лицо первым ласковым лучам и любуясь бескрайними лесами, простиравшимися у ее ног. Свет, просочившись сквозь ветки, падал на заросли папоротника, которые вновь посылали его вверх яркими фонтанами зеленых лучей. Дагни наслаждалась игрой отражений среди зачарованной дикой природы» [16. Т. 2. С. 321]. Героиня Айн Рэнд, устав от бурь городской жизни, припадает к природному источнику, черпая в ней энергию для дальнейшей борьбы. В этом ей помогает та самая «трудорадостность»: «Работа приносила желанное успокоение... Просто все преображалось, побуждало двигаться дальше, давая целительное чувство умиротворения» [Там же. С. 322]. Сравнивая свою работу с природным циклом, героиня говорит о конечном бессмертии всего сущего: «А работа по восстановлению дороги оживляла ее, она не убивала дни, нет, каждый день включал в себя все предыдущие и обретал бессмертие в каждом последующем. Цикл, думала она, это движение, свойственное физической природе» [16. Т. 2. С. 322].

В другом эпизоде, в романе «Источник», Доминик Франкон в минуту душевных мучений, когда она понимает, что любит Говарда Рорка, но собирается выйти замуж за Гейла Винанда, также обращается к природе: «Сложив руки под головой, она следила за движением листвы на фоне неба. Это занятие целиком поглощало ее и давало полное удовлетворение. Она думала о том, как чудесна зелень. Есть разница между зеленью деревьев и просто зелеными предметами. В растениях заключен свет, это не просто нечто зеленое, это жизненная сила, ставшая видимой» [15. Т. 2. С. 316–317]. Героиня признается в любви к окружающему ее миру: «Земля прекрасна. Она опора для всего...» [Там же. С. 317]. Понимая мир, как «вместилище жизни», она ощущала себя его неотъемлемой частью [Там же. С. 325].

Другой стороной целеустремленности человека у Айн Рэнд оказывается способность наживать материальные ценности. Известно ее отношение к деньгам вообще и к богатству в частности: «But you say that money is made by the strong at the expense of the weak? What strength do you mean? It is not the strength of guns or muscles. Wealth is the product of man's capacity to think» [30. Р. 88]. Один из героев ее пьесы «Подумай дважды» Гастингс заявляет: «Но вот в чем разница: человек, который заявляет, что хочет денег, прав. Он обычно ценит заработанное. Он не убивает ради денег. Ему это не нужно. Но посмотрите на того, кто истошно вопит, что презирает деньги. Посмотрите внимательно на того, кто вопит, что и остальные должны их презирать. В нем есть кое-что гораздо более страшное, чем любовь к деньгам» [31. Р. 197]. Герои Айн Рэнд ценят деньги и умеют их зарабатывать, не считая богатство грехом, если оно заработано своим трудом. Символом Атлантиды – утопической страны, куда она отправила своих «атлантов», недаром становится доллар как утверждение ценности человеческого труда. Именно в эпоху Возрождения вопрос накопления был в значительной степени пересмотрен по сравнению со средневековым представлением о богатстве как о грехе. Поджо Браччолини в трактате «О жадности» (De avarizia, 1428-1429) признает жажду накопительства естественной для человека и, мало того, - полезной для прогресса: «Если каждый будет довольствоваться необходимым... исчезнет весь блеск городов, исчезнут красота и великолепие, не будут сооружаться храмы и портики, прекратят существование все искусства, да и вся наша жизнь и общественный порядок расстроятся» [23. С. 159].

2.4. Человек целостный. Джаноццо Манетти в трактате «О достоинстве и превосходстве человека» рассуждает о духовном и плотском в человеке, закладывая основы реабилитации плотского начала в человеке, которое подавлялось в средневековом мире [32]. Джованни Пико дела Мирандолла

 $^{^1}$ «Но вы говорите, что деньги сделаны сильными за счет слабых? Что за силу вы имеете в виду? Это не сила оружия или мышц. Богатство — это продукт способности человека мыслить».

называет человека «узлом мира», объединяющим материю и дух [20]. Целостность человека — аксиома для Айн Рэнд: «Integrity is the recognition of the fact that you cannot fake your consciousness, just as honesty is the recognition of the fact that you cannot fake existence — that man is an indivisible entity, an integrated unit of two attributes: of matter and consciousness, and that he may permit no breach between body and mind, between action and thought, between his life and his convictions...» [33. P. 128]. Устами Джона Голта она спорит в своем романе «Атлант расправил плечи» с последователями дуализма: «Они делят человека надвое и восстанавливают одну половину против другой. Они учат его: тело и сознание — два врага, встретившихся в смертельном поединке, два антагониста противоположной природы, их требования противоречивы, потребности несовместимы...» [16. Т. 3. С. 373].

Философ И.Я. Грот отмечает, что на протяжении всей доренессансной философии существовали и противостояли друг другу две линии мысли — монистическая и дуалистическая. Монизм — полная власть материи, отрицание духовного; естественным следствием монизма будет уничтожение смысла «всякой нравственной борьбы всякого произвольного самоусовершенствования» [34. С. 93]. Дуализм, представляя тело и дух отдельными друг от друга, «ведет логически к теории фатализма и, вследствие этого самого, к апатии и нравственной инертности» [Там же]. Доктрина, возникающая в эпоху Возрождения, определяется Гротом как «монодуалистическая», иначе — пантеистическая. Высшей формой пантеистического мировоззрения Грот полагает синтетический пантеизм, который примиряет монизм и дуализм (Бог как начало жизни и как личное бесконечное сознание вселенной).

Преодоление дуализма тела и духа, устремление к целостности человека, соответствие мыслей человека его поступкам, из которых закономерно вырастает индивидуализм человеческой личности, — вот те идеалы, которые развивает Айн Рэнд в своих художественных текстах. С.М. Chiabarra [7] признает, они в значительной степени сформировались под влиянием в том числе ренессансного гуманизма, в эпоху которого целостность человеческого духа и материи воплотилась в произведения искусства.

В завязке романа «Атлант расправил плечи» автор описывает дуб, у которого в детстве любил бывать один из героев романа Эдди Уиллерс: «Оно уже простояло здесь не одну сотню лет, и мальчику казалось, что так будет всегда» [16. Т. 1. С. 9]. Олицетворяя для мальчика саму природу, вечную и неизменную, дерево давало ему силу: «Корни дуба впивались в холм, как ухватившая землю пятерня <...> Он чувствовал себя в безопасности возле этого дуба: дерево не могло таить в себе угрозу, оно воплощало величай-

¹ «Целостность – это признание того факта, что вы не можете подделать свое сознание, и также того, что вы не можете подделать существование; что человек есть неделимая сущность, объединенное целое двух свойств – материи и сознания, и он не может допускать разрыва между телом и разумом, между действием и мыслью, между его жизнью и его убеждениями».

ший, с точки зрения мальчика, символ силы» [16. Т. 1. С. 9]. И в то же время дуб стал для мальчика учителем, показав ему, что и отдельные частицы природы смертны: «Но однажды ночью в дом ударила молния. Эдди увидел дерево на следующее утро. Дуб переломился пополам, и он заглянул внутрь ствола... Ствол оказался пустым; сердцевина давным-давно сгнила, внутри остался только мелкий серый прах, который уносило дыхание легкого ветерка. Жизнь ушла, а оставленная ею форма не могла существовать самостоятельно» [Там же]. В этом эпизоде утверждается нераздельность формы и содержания и опровергается дуализм всего сущего в природе: как в человеке душа и тело не могут существовать отдельно одно и от другого, так и дуб, потеряв целостность, прекратил свое существование. Испытав потрясение при столкновении со смертью того, что казалось ему вечным, герой испытал чувство, подобное «невероятному предательству», а причиной этого было наблюдение за тем, что Айн Рэнд называла «дуализм». Утверждая монистичность мира, она во многом продолжает ренессансную концепцию единого и бесконечного мироздания.

В другом эпизоде – встрече Дагни Таггерт и Джона Голта в долине – демонстрируется цельность природы, неразрывно сочетающей в себе мужское и женское начала: «Голт нес ее по узкой извилистой тропе, спускавшейся ко дну долины. На склонах вокруг, неподвижно прямо, в мужественной простоте, будто доведенные до искомой формы скульптуры, стояли высокие темные пирамиды елей – полная противоположность сложному, женственному, многообразному кружеву трепетавших в солнечных лучах березовых листьев» [Там же. Т. 3. С. 11]. Кроме признания гармонии природы, в этом описании можно заметить сравнение деревьев – воплощения природного начала с рукотворными скульптурами, чем подчеркивается связь природы и человека, также свойственная ренессансной эстетике.

О конфликте тела и духа говорит главный герой романа «Атлант расправил плечи» Хэнк Риарден. Рассуждая о своем чувстве к Дагни Таггерт, он признает, что испытывал чувство вины из-за навязанного ему извне дуализма тела и сознания: «Это желание – а ведь и его я проклинал как недостойное – родилось не от взгляда на ее тело, а от осознания того, что прекрасная форма, явленная моим глазам, выражает величие духа» [Там же. Т. 2. С. 272]. Отсутствие целостности Риарден находит и между материальным и духовным в сфере творения нового металла: «Точно так же они прокляли способность моего интеллекта создавать новый металл, прокляли меня за преобразование материи, служившей мне. Я принял их закон и поверил тому, чему они меня учили: духовные ценности – лишь бессильные устремления, от них не ждут действий, способных стать реальностью...» [Там же].

О противоречии между убеждениями и поступками человека, которое также создает отсутствие целостности в человеке, Айн Рэнд говорит в своей ранней пьесе «Идеал» (*Ideal*, 1934), которая может служить примером претекста к ее дальнейшим романам. Сюжет пьесы строится на противоречии между ценностями героев, которые они декларируют на словах, и по-

ступками, которые они в итоге совершают. Образ Кэй Гонды – метафора честности, которую каждый волен принять или предать, демонстрируя, таким образом, целостность либо дуализм собственной личности.

Наиболее наглядно величие целостного человека показано Айн Рэнд в сцене пытки Джона Голта («Атлант расправил плечи»): «Голт лежал, расслабившись, словно не пытался противостоять боли, а покорялся ей, не пытался ослабить ее, а сносил» [16. Т. 3. С. 507]. Здесь Айн Рэнд демонстрирует единство плоти и духа, доходящее до способности духа управлять телом: «Он лежал спокойно, с закрытыми глазами, расслабив руки и слушая, как сердце борется за его жизнь» [Там же]. В образе Джона Голта воплотились все стремления писательницы воссоздать образ идеального человека, который – в первую очередь – целостен: «He will be an integrated man, that is: a thinker who is a man of action. He will know that ideas divorced from consequent action are fraudulent, and that action divorced from ideas is suicidal» [4. Р. 51]. Джон Голт – исключительный герой Айн Рэнд, это не просто демиург, а демиург, превзошедший сам себя. В эпизоде пытки Голта Рэнд фактически воплощает ренессансное распятие Христа: «В Христе (в эпоху Ренессанса. – $A.\Gamma$.) видят прежде всего Воскресшего, сверхчеловечески прекрасного победителя смерти, в телесном отношении атлета. Даже в его смерти и мученичестве просвечивает всепобеждающая энергия» [2]. Именно такая трактовка Христа как приносимого в жертву и одновременно возрождающегося божества была воспринята писателями Серебряного века (в частности, А. Белым в романе «Серебряный голубь»), среди которых происходило становление Рэнд как мыслителя.

Трансформируя концепцию целостного человека, зародившуюся в эпоху Ренессанса, Рэнд обожествляет человека, который представляет собой не просто демиурга, но часть природы вокруг себя, причем иерархически высшую ее часть. Если ренессансные гуманисты, обожествляя человека, полагали, что человек создан Богом, но, будучи подобием божиим, способен сам изменять себя, то Рэнд полагает человека слитым с природой, ею сотворенным и способным менять себя и универсум. В завязке романа «Источник» главный герой Говард Рорк (ренессансные корни которого в своей диссертации отмечает американская исследовательница В.А. Sue Evelyn Coffman [35]) стоит на краю утеса абсолютно нагой (что подчеркнуто акцентирует телесность человека, также являясь элементом ренессансного начала в концепции человека Рэнд) и созерцает простирающуюся перед ним природу: «Всплеск гранита взметнулся к небу и застыл над безмятежной водой. Вода казалась недвижимой, утес – плывущим. В нем чувствовалось оцепенение момента, когда один поток сливается с другим встречным и оба застывают на мгновение, более динамичное, чем само движение» [15. Т. 1. С. 11]. Здесь Рэнд передает величие природы, в кото-

 $^{^{1}}$ «Он будет целостным человеком, то есть мыслителем, являющимся человеком действия. Он будет знать, что идеи, оторванные от последующих действий, являются мошенничеством и что действия, оторванные от идей, являются самоубийством».

рой все гармонично и взаимосвязано (в соответствии с ренессансной эстетикой). Бесконечность мира, которым управляет человек-демиург, передана в следующих строках: «Утес уходил в глубину, ничуть не изменившись. Он начинался и заканчивался в небе. Весь мир, казалось, висел в пространстве, словно покачивающийся в пустоте остров, прикрепленный якорем к ногам человека, стоящего на скале» [15. Т. 1. С. 11]. Айн Рэнд передает гармонию универсума, в котором каждое создание самоценно, гармонично взаимодействует с остальными частями, а на вершине стоит человекобог, который, однако, также часть окружающего его бытия: «Лицо его было словно закон природы — неизменный, неумолимый, не ведающий сомнений» [Там же. С. 12].

Ренессансный гуманизм часто называют «религией разума» за воспевание в человеке рационального начала: «Определение и возвеличивание разума человеческого, хотя и в разной степени и в разном значении, – вот главная руководящая идея новой философии...» [1. С. 290]. Например, Джордано Бруно в своих произведениях высмеивает религию и церковнослужителей, говоря о том, что они забыли о том, что у человека есть разум: «Они не могли, как Адам, сорвать запретный плод с дерева познания или, подобно Прометею, похитить небесный огонь у Юпитера и зажечь им свет разума» [25. С. 485]. Воспевая человека и его цельность, Бруно призывает возвести в культ именно человеческий разум: «Разум, дающий жизнь всему... Это Тимей, дающий формы; Душа, как формальное начало, названная... источником форм; материя, из которой творится и формируется любая вещь – хранилище форм» [Там же].

Цельность человека для Айн Рэнд в конечном итоге заключается в признании человеческого разума высшей ценностью: «Суть Объективизма суммируется в тезисе: "Следуй разуму"» [9. С. 192]. Однако в начале статьи мы уже упомянули о том, что при этом Рэнд отвергает просветительский рационализм, полагая разум неотъемлемым свойством человека, но не деля человека на «существо разумное» и « чувствующее»: «Я отрицаю дихотомию разума и эмоций <...> Такую дихотомию создают иррациональный человек и иррациональная культура» [21. С. 189]. Как отмечает С.М. Сhiabarra, разум для Айн Рэнд воплощает практическую и эпистемологическую деятельность, являясь отражением неразделимого единства ума и тела [7. С. 155]. Таким образом, Рэнд ближе в своем понимании разума к ренессансным гуманистам, нежели к рационалистам эпохи Просвещения.

Айн Рэнд подчеркивала, что в основании философии объективизма лежит понятие о целостном едином сознании: «Мы должны знать, что есть на свете и какова его природа. Но попытки объяснить "источник" всего – вселенной – сопряжены с противоречием. Куда вы помещаете себя, свой разум, когда пытаетесь найти объяснение? Вы, наблюдатель, – сами часть вселенной» [21. С. 178]. В этих словах ключевая концепция Рэнд: человек не существует отдельно от природы, он ее часть, а существование каждой из частей нуждается не в объяснении, а в изучении. Здесь Рэнд очевидно

сближается с мыслителями Ренессанса, осмысляющими человека в единстве с природой.

3. Заключение. В заключение необходимо отметить, что Айн Рэнд возвращается к идеям, лежащим в основе ренессансной культуры, спустя столетия, что в значительной степени определило трансформацию этих идей в качественном смысле. Признавая ренессансный период человечества коротким и непродолжительным, она подчеркивает его качественное значение для человечества. Полагая, что достижения Ренессанса были утеряны уже в эпоху Просвещения, Айн Рэнд реконструирует их в своих текстах как «отголоски» своего личного культурного опыта, полученного ею в течение времени, проведенного в стенах Петроградского университета, где она получила фундаментальное образование.

В ее романах мы находим скорее попытку приблизиться к высоким образцам ренессансной культуры, чем прямое продолжение и развитие ее мыслей, однако этим же занимался и Союз Третьего Возрождения, возглавляемый Зелинским. Ренессансная культура многолика, привлекает к себе ищущих возрождения величия человека в переломные эпохи человечества, и Айн Рэнд не была исключением, конструируя свою личную утопию. Неизменным для таких реконструкций становится возрождение лучших идей Античности (Айн Рэнд известна трепетным отношением к Аристотелю: возрождение античного наследия в ее текстах — тема для отдельного глубокого исследования), признание человека как существа целостного и свободного. Творчески перерабатывая и переосмысляя философские идеи Возрождения, она переносит их на новую «почву» современности.

Ренессансный гуманизм – одна из составляющих индивидуальной утопии Айн Рэнд; не единственная, но важная. Идея человека-индивидуалиста, человека целостного, деятельного, творящего, оказывается в ее творчестве одной из основных философских идей. Воссоздавая в своих романах идеального человека, она конкретизирует идеальную схему ренессансных гуманистов, воплощая ее в образах архитектора, бизнесвумен, изобретателя и т.п. Соотнося современную ей американскую модель человека преуспевающего (self-made man) с базовыми гуманистическими ценностями Возрождения, Айн Рэнд создает более конкретный и «земной» образ «нового человека», творчески совмещая его с идеей единства человека и природы. Эпизоды описаний природы, которые мы анализировали выше, это подтверждают, образуя обрамление вокруг основных сюжетных линий борьбы человека в сложном социальном мире за право быть сильным. Человек в художественном мире Рэнд не отделен от универсума, он постоянно слит с ним, образуя гармоничную часть единого целого, что органично вписывается в концепцию «преодоления дуалистичности» базовую для философии объективизма.

Возвращаясь к проблеме, заявленной в начале статьи, отметим, что за рубежом Айн Рэнд воспринимается как преимущественно американский философ и писатель (исключение составляют работы отдельных американ-

ских исследователей, например В.G. Rosenthal о русском субтексте в романах писательницы [36]), в России же ее тексты были до последнего времени и вовсе неизвестны. Как это часто бывает с «возвращенными» на Родину авторами, их идеи поначалу воспринимаются как чуждые для породившей их же стороны, что и произошло с утопическими идеями Рэнд. Осмысление наследия Рэнд сквозь призму ренессансной эстетики позволяет связать писательницу с ее русскими корнями, вписать ее в контекст не только американского, но и русского культурного достояния. Ренессансная идея самоценности человека в конечном счете не имеет национальности, привлекая своей простотой и цельностью, особенно актуализируясь в наши дни.

Литература

- 1. Баткин Л.М. Итальянское Возрождение: проблемы и люди. М.: РГГУ, 1995. 448 с.
- 2. Гуревич П. Философия человека // Гуманитарные технологии: Аналитический портал. URL: http://gtmarket.ru/laboratory/basis/6074
- 3. Pэнд А. Левые: старые и новые // Рэнд А. Возвращение примитива: Антииндустриальная революция. М., 2016. С. 195–208.
- 4. Rand A. For the New Intellectual // A. Rand. For the New Intellectual. N.Y.: Random House Inc., 1961. P. 7–48.
- 5. Pэн ∂ A. Романтический манифест: Философия литературы. М. : Альпина Паблишер, 2011. 199 с.
- 6. *Боуз Д*. Либертарианство: история, принципы, политика // Liberty News: Новости Свободы. URL: http://www.libertynews.ru/node/325
- 7. Sciabarra C.M. Ayn Rand. The Russian Radical. Pennsylvania: Pennsylvania State University Press, 2013.
- 8. Зелинский $\Phi.\Phi$. Цицерон в истории европейской культуры // Зелинский $\Phi.\Phi$. Возрожденцы: Научно-популярные статьи по всеобщей литературе. СПб., 1922. Вып. 1. С. 20–57.
- 9. $\mbox{\it Пейкофф}$ Л. Объективизм: философия Айн Рэнд. М. : Астрель : Полиграфиздат, 2012. 575 с.
- 10. Сперанская Н. Русская античность // Фридрих Ницше: Для всех и ни для кого (к 100-летию со дня смерти). URL: http://www.nietzsche.ru/look/xxc/estetika/speranskaya/
 - 11. Вильгоикий А. Кто такая Айн Рэнд? М.: АСТ, 2015. 352 с.
- 12. *Шишкина С.Г.* Истоки и трансформации жанра литературной антиутопии в XX веке. Иваново : ИГХТУ, 2009. 230 с.
 - 13. Рэнд А. Гимн. М.: Альпина Паблишерз, 2009. 112 с.
 - 14. Ролло М. Смысл тревоги. М.: Класс, 2001. 384 с.
 - 15. Рэнд А. Источник: в 2 кн. М.: Альпина Паблишерз, 2010. Т. 1. 453 с.; Т. 2. 350 с.
- 16. Pэн ∂ A. Атлант расправил плечи : в 3 ч. М. : Альпина Бизнес Букс, 2009. Т. 1. 436 с.; Т. 2. 424 с.; Т. 3. 538 с.
 - 17. *Рэнд А* Мы живые. М.: Альпина Паблишерз, 2011. 473 с.
- 18. Горфункель А.Х. Философия эпохи Возрождения : учеб. пособие. М. : Высш. шк., 1980. 368 с.
- 19. Красиков В.И. Философы в четырех волнах русской эмиграции в Америке: траектории жизненных судеб // Вестник Кемеровского государственного университета. 2009. № 2. С. 85–91.
- 20. Мирандола П. делла Дж. Речь о достоинстве человека // История эстетики: Памятники мировой эстетической мысли: в 5 т. М., 1962. Т. 1. С. 506–514.
- $21. \ Pэнд$ A. Ответы: Об этике, искусстве, политике и экономике. М. : Альпина Паблишер, $2012.\ 282$ с.

- 22. Рэнд А. Искусство и познание // Рэнд А. Романтический манифест: Философия литературы. М., 2011. С. 44–81.
- 23. *Брагина Л.М.* Итальянский гуманизм эпохи Возрождения: Идеалы и практика культуры. М. : Изд-во МГУ, 2002. 384 с.
- 24. Rand A. What Can One Do? // Rand A. Philosophy: Who Needs It. N.Y.: Signet. P. 97–104.
 - 25. Бруно Дж. Изгнание торжествующего зверя. М.: Алгоритм, 2014. 680 с.
 - 26. *Рэнд А.* Этика объективизма // Добродетель эгоизма. М., 2015. С. 13–42.
- 27. $\ \ \,$ Лейкофф $\ \ \,$ Л. Подумай дважды: предисловие редактора // Рэнд А. Подумай дважды. М. : Астрель, 2012. С. 112–115.
- 28. Кирло Х. Словарь символов: 1000 статей о важнейших понятиях религии, литературы, архитектуры, истории. М.: Центрполиграф, 2007. 525 с.
- 29. Зелинский Ф.Ф. Освящение труда // Культура и искусство: Онлайн журнал. URL: http://www.cult-and-art.net/society/67211-f f zelinskij osvjawenie truda
- 30. Rand A. The Meaning of Money // Rand A. For the New Intellectual. N.Y.: Random House Inc., 1961. P. 70–74.
 - 31. Рэнд А. Подумай дважды // Рэнд А. Подумай дважды. М., 2012. С. 116–226.
- 32. Манетти Дж. О достоинстве и превосходстве человека // Итальянский гуманизм эпохи Возрождения / под ред. С.М. Стама. Саратов, 1988. Ч. 2. С. 8–40.
- 33. Rand A. «This Is John Galt Speaking» // Rand A. For the New Intellectual. N.Y., 1961. P. 94–159.
- 34. *Грот Н.Я.* Джордано Бруно и пантеизм // Сочинения : в 4 т. Мелитополь, 2013. Т. 1. С. 69–157.
- 35. Sue Evelyn Coffman B.A. Howard Roark as Hero: Thesis For The Degree of Master of Arts. Denton, Texas, 1965. 134 p.
- 36. Rosenthal B.G. The Russian Subtext of «Atlas Shrugged» and «The Fountainhead» // The Journal of Ayn Rand Studies. 2004. No. 1. Vol. 6. P. 195–225.

THE RECEPTION OF THE RENAISSANCE CONCEPTION OF MAN IN AYN RAND'S LITERARY WORKS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2018. 55. 142–163. DOI: 10.17223/19986645/55/10

Anastasiya V. Grigorovskaya, Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: a.v.grigorovskaya@utmn.ru

Keywords: Ayn Rand, Renaissance, American literature, Renaissance conception of man, individualism.

The aim of the paper is the detection of the reception of the Renaissance conception of man in Ayn Rand's fiction. This aim is determined by the fact that Rand's fiction contains features of many philosophical directions, yet it is the "monoduality" (J. Groth) of the Renaissance that correlates with Objectivism expressed in Rand's texts. Rand's "overcoming of duality" (C. Chiabarra) is similar to the Renaissance ideals. Renaissance ideas in Rand's texts are received through the influence of the ideas of T.S. Zieliński and of the thinkers of the Union of the Third Renaissance.

In her texts, Rand rethinks human wholeness, a value of Renaissance humanism. She uses the theme of architecture for this purpose. In *The Fountainhead*, she presents an image of an architect (Howard Roark) who is close to the Renaissance ideals. The idea of humankind recreation via changing one separate human was close to Rand, and it unites her with Renaissance humanists. The idea of transformation of a person captured by Giovanni Pico della Mirandola (*Oration on the Dignity of Man*) and by Giordano Bruno (*The Expulsion of the Triumphant Beast*) turned into the idea of creation of a new human in Rand's texts. Bruno's heroic enthusiasm (extreme dedication in goal achievement, readiness to die for the idea) is demonstrated by such characters of her novels as Kira Argunova (*We the Living*), Dagny Tag-

gart and Wet Nurse (*Atlas Shrugged*). The ability to accumulate material values arises from man's extreme dedication. This ability became sinless in the Renaissance, and Rand also supports it.

The conflict between human body and soul, the contradiction between human's believes and his acts presented in the situations of Rand's novels create the non-wholeness in man (it was primarily stated by the Renaissance philosophers G. Manetti, G. Pico della Mirandola, etc.). "The religion of mind" as an attempt to overcome the duality of human consciousness preached by Renaissance philosophers becomes a cornerstone in Rand's philosophy of Objectivism. At the same time, Rand overcomes the "natural – social" dichotomy in her texts. The unity of man with the surrounding world is reconstructed in episodes of nature descriptions. Nature is understood in an infinistic way, and man is the creator in it.

In conclusion, it is necessary to notice that Rand is not a direct successor of the Renaissance ideas, but she rethinks them ingeniously by recreating images of great characters in her novels. The Renaissance was a short period of human individuality's blossom which she received through Russian culture. Receiving the post-Renaissance aesthetics as destructive, she returns to the Renaissance conception of man, and rethinks it in her texts.

References

- 1. Batkin, L.M. (1995) *Ital'yanskoye Vozrozhdeniye: problemy i lyudi* [Italian Renaissance: problems and people]. Moscow: RSUH.
- 2. Gurevich, P. (2012) *Filosofiya cheloveka* [Philosophy of Man]. [Online] Available from: http://gtmarket.ru/laboratory/basis/6074.
- 3. Rand, A. (2016) *Vozvrashcheniye primitiva: Antiindustrial'naya revolyutsiya* [The Return of the Primitive: The Anti-Industrial Revolution]. Translated from English. Moscow: Al'pina Pablisher. pp. 195–208.
 - 4. Rand, A. (1961) Rand, A. (1961) For the New Intellectual. N.Y.: Random House. pp. 7–48.
- 5. Rand, A. (2011) *Romanticheskiy manifest: Filosofiya literatury* [The Romantic Manifesto: A Philosophy of Literature]. Translated from English. Moscow: Al'pina Pablisher.
- 6. Bowes, D. (n.d.) *Libertarianstvo: istoriya, printsipy, politika* [Libertarianism: history, principles, policy]. Translated from English. [Online] Available from: http://www.libertynews.ru/node/325.
- 7. Sciabarra, C.M. (2013) *Ayn Rand. The Russian Radical*. Pennsylvania: Pennsylvania State University Press.
 - 8. Zieliński, T.S. (1922) Vozrozhdentsy [Renaissance people]. Is. 1. Petrograd. pp. 20–57.
- 9. Peikoff, L. (2012) *Ob''yektivizm: filosofiya Ayn Rend* [Objectivism: Ayn Rand's philosophy]. Translated from English. Moscow: Astrel': Poligrafizdat.
- 10. Speranskaya, N. (2016) *Russkaya antichnost'* [Russian Antiquity]. [Online] Available from: http://www.nietzsche.ru/look/xxc/estetika/speranskaya/.
 - 11. Vil'gotskiy, A. (2015) Kto takaya Ayn Rend? [Who is Ayn Rand?]. Moscow: AST.
- 12. Shishkina, S.G. (2009) *Istoki i transformatsii zhanra literaturnoy antiutopii v XX veke* [The origins and transformations of the literary dystopia genre in the 20th century]. Ivanovo: IGKHTU.
- 13. Rand, A. (2009) Gimn [Anthem]. Translated from English. Moscow: Al'pina Pablisher.
- 14. Rollo, M. (2001) *Smysl trevogi* [The meaning of anxiety]. Translated from English. Moscow: Klass.
- 15. Rand, A. (2010) *Istochnik:* v 2 kn. [La Source Vive: in 2 books]. Translated from English. Moscow: Al'pina Pablisher.
- 16. Rand, A. (2009) *Atlant raspravil plechi: v 3 ch.* [Atlas Shrugged: in 3 parts]. Translated from English. Moscow: Al'pina Biznes Buks.
- 17. Rand, A (2011) My zhivyye [We the Living]. Translated from English.Moscow: Al'pina Pablisher.

- 18. Gorfunkel, A.Kh. (1980) Filosofiya epokhi Vozrozhdeniya [Philosophy of the Renaissance]. Moscow: Vyssh. Shk.
- 19. Krasikov, V.I. (2009) Filosofy v chetyrekh volnakh russkoy emigratsii v Amerike: trayektorii zhiznennykh sudeb [Philosophers in the four waves of Russian emigration in America: life trajectories of life]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta Bulletin of Kemerovo State University.* 2. pp. 85–91.
- 20. Mirandola, P. della G. (1962) Rech' o dostoinstve cheloveka [Oration on the Dignity of Man]. In: Ovsyannikov, M.F. et al. (eds) *Istoriya estetiki: Pamyatniki mirovoy esteticheskoy mysli: v 5 t.* [History of aesthetics: Monuments of world aesthetic thought: in 5 vols]. Vol. 1. Moscow: USSR Academy of Arts.
- 21. Rand, A. (2012) *Otvety: Ob etike, iskusstve, politike i ekonomike* [Ayn Rand Answers]. Translated from English. Moscow: Al'pina Pablisher.
- 22. Rand, A. (2011) *Romanticheskiy manifest: Filosofiya literatury* [The Romantic Manifesto: A Philosophy of Literature]. Translated from English. Moscow: Al'pina Pablisher. pp. 44–81.
- 23. Bragina, L.M. (2002) *Ital'yanskiy gumanizm epokhi Vozrozhdeniya: Idealy i praktika kul'tury* [Italian humanism of the Renaissance: The ideals and practice of culture]. Moscow: Moscow State University.
 - 24. Rand, A. (1984) Philosophy: Who Needs It. N.Y.: Signet. pp. 97–104.
- 25. Bruno, G. (2014) *Izgnaniye torzhestvuyushchego zverya* [The Expulsion of the Triumphant Beast]. Translated from Italian. Moscow: Algoritm.
- 26. Rand, A. (2015) *Dobrodetel' egoizma* [The virtue of selfishness]. Moscow: Al'pina Pablisher. pp. 13–42.
- 27. Peykoff, L. (2012) Podumay dvazhdy: predisloviye redaktora [Think Twice: Editor's Foreword]. In: Rand, A. *Podumay dvazhdy* [Think Twice]. Translated from English. Moscow: Astrel'
- 28. Cirlot, J.E. (2007) *Slovar' simvolov: 1000 statey o vazhneyshikh ponyatiyakh religii, literatury, arkhitektury, istorii* [A dictionary of symbols: 1000 articles on the most important concepts of religion, literature, architecture, history]. Translated from English. Moscow: Tsentrpoligraf.
- 29. Zieliński, T.S. (2013) *Osvyashcheniye truda* [The Consecration of Work]. [Online] Available from: http://www.cult-and-art.net/society/67211-f f zelinskij osvjawenie truda.
 - 30. Rand, A. (1961) For the New Intellectual. N.Y.: Random House. pp. 70–74.
 - 31. Rand, A. (2012) Podumay dvazhdy [Think Twice]. Moscow: Astrel'. pp. 116–226.
- 32. Manetti, G. (1988) O dostoinstve i prevoskhodstve cheloveka [On the dignity and superiority of man]. Translated from Italian. In: Stam, S.M. (ed.) *Ital'yanskiy gumanizm epokhi Vozrozhdeniya* [Italian humanism of the Renaissance]. Pt. 2. Saratov: Saratov State University.
 - 33. Rand, A. (1961) For the New Intellectual. N.Y.: Random House. pp. 94–159.
- 34. Grot, N.Ya. (2013) *Sochineniya:* v 4 t. [Works: in 4 vols]. Vol. 1. Melitopol': Izd. dom. Melitopol'skoy gorodskoy tipografii. pp. 69–157.
- 35. Coffman, S.E. (1965) *Howard Roark as Hero*: Thesis For The Degree of Master of Arts. Denton, Texas.
- 36. Rosenthal, B.G. (2004) The Russian Subtext of "Atlas Shrugged" and "The Fountainhead". *The Journal of Ayn Rand Studies*. 6 (1), pp. 195–225.

УДК 821.131.1

DOI: 10.17223/19986645/55/11

М.И. Дмитриева

МЕЖДУ ТРАДИЦИЕЙ И НОВАЦИЯМИ: ОБРАЗ ФЛОРЕНЦИИ В ГОРОДСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ТРЕЧЕНТО

Раасматривается образ Флоренции в трех наиболее значимых с точки зрения формирования основных направлений развития итальянской литературы эпохи Треченто произведениях: «Комедии» Данте Алигьери, «Канцоньере» Франческо Петрарки, «Декамероне» Джованни Боккаччо. С помощью компаративного метода исследования автор анализирует указанные произведения в историческом и социокультурном контексте сложной переходной эпохи Треченто. «Генетическая» связь авторов исследуемых произведений с Флоренцией; влияние предшествующей традиции, а также основных социально-политических идей Треченто (в особенности представлений о «добром» и «дурном» правлении) являются основными идейными составляющими изучаемых образов.

Ключевые слова: Флоренция, образ города, городская литература, эпоха Треченто, Данте, Петрарка, Боккаччо.

Социальное своеобразие городской среды Италии эпохи раннего Возрождения породило многообразие жанров городской литературы: от дидактико-аллегорической поэмы до гуманистической поэзии и прозы. Историки итальянской литературы обычно характеризуют эпоху Треченто как ее «золотой век», «тремя флорентинскими венцами» которого традиционно считаются Данте, Петрарка и Боккаччо [1. С. 75]. «Комедия», «Канцоньере» и «Декамерон», определившие основные направления развития литературы этой эпохи, были созданы великими мастерами Треченто, тесно связанными своими «корнями» с Флоренцией; все произведения написаны на вольгаре - блистательном народном языке, последовательно развиваемом каждым из изучаемых авторов [Там же. С. 76]. Исследование образов Флоренции в этих произведениях поможет ответить на вопрос о том, как представляли себе город его современники [2. С. 308], актуальный и в настоящее время. В этой статье мы акцентируем внимание на идейном «наполнении» изучаемых образов. Какие социально-политические идеи лежали в основе этих образов? Как в них соотносилось «традиционное» средневековое и «новое», характерное для первого века Возрождения? Применяемый в исследовании сопоставительный метод опирается на историко-генетический подход к анализу литературных произведений.

Флоренция эпохи Треченто – один из наиболее развитых в экономическом отношении городов Италии и Европы. Здесь активно развивается мануфактурное производство, прежде всего, в сфере сукноделия, процветают торговля и банковское дело. Власть принадлежит представителям торгово-

ремесленной верхушки, отстранившей от власти грандов — дворянскую аристократию. Эта купеческая олигархия развивает различные формы репрезентации власти, под ее влиянием формируется городская идеология. Внутренняя социально-политическая жизнь республики полна противоречий, которые находит отражение в борьбе: «белых» и «черных» гвельфов — в начале XIV в., «жирного» и «тощего» народа — в его второй половине. Вовне, в политической системе итальянских городов-государств, гвельфская Флоренция отстаивает свою независимость и расширяет территорию государства, постепенно занимая ведущее положение в Тоскане. Эти исторические реалии, безусловно, отражаются на «конструировании» образов Флоренции в трех изучаемых литературных произведениях, но в еще большей степени на этом процессе сказывается специфика социально-политических представлений эпохи Треченто.

Традиционный образ средневекового города, нашедший отражение в литературных текстах и иконографии европейского высокого Средневековья, сформировался в русле христианско-рыцарской традиции и основывался, в основном, на противопоставлении града небесного — Иерусалима его антиподу, граду земному и греховному — Вавилону [2. С. 308]. Основные социально-политические идеи эпохи Треченто были заложены еще в XIII в. в философии Фомы Аквинского, который в своем трактате «О правлении государей» [3] дал синтез аристотелевских этических идей и христианского учения о Божественном управлении вселенной. Следуя Аристотелю, он считал главной целью государственной власти сохранение в обществе мира и справедливости, поддержание добродетельного образа жизни подданных и содействие общему благу [Там же. С. 234].

В первый век Возрождения продолжали развиваться идеи о мире и справедливости, как исходных положениях общего блага, формировались представления о правлении «добром» и «дурном». Идея «общего блага» в качестве основания справедливого правления стала своеобразным «лейтмотивом» итальянской общественно-политической мысли Треченто [4. С. 98]. Сам характер управления определялся в связи с отношением правителей к общему благу: «добрый» правитель действует на основе добродетелей, в соответствии с его идеалами, «дурной» правитель, чья власть основана на пороках и грехах, его попирает. Эти социально-политические идеи, выразившие сложный переходный характер мировоззрения этого времени, нашли отражение в иконографии: в конце 30-х гг. XIV в. в сиенском Палаццо Пубблико появились знаменитые фрески Амброджио Лоренцетти: образы «Доброго и дурного правления и их последствий [5. С. 89-90]. Система представлений, оказавшая воздействие на их программное содержание, отобразилась в текстах городских хроник Сиены эпохи Треченто [Там же. С. 90-91]. Хронисты рассматривали политическое устройство итальянских городов в категориях «доброго» и «дурного», при этом речь шла, как о республиканской, так и о синьориальной формах правления [4. С. 111]. Характеризуя политическую ситуацию в родном городе, они буквально «описывали» изображенные на фресках образы мира,

согласия, справедливости, а также войны, раздора и жестокости, сопоставляя современные им правительства с «добрым» или «дурным» правлением [6. С. 12–13]. Подобный подход к представлениям о родном городе и его властях, стремление к формированию образа «идеального» города характерны и для флорентинских хронистов первой половины XIV в. Дино Компаньи [7. С. 44–46] и Джованни Виллани [8. Р. 11–12, 82].

«Комедию» («Соттевна») [9], позже названную Божественной, Данте Алигьери (1265–1321) написал приблизительно в 1307–1321 гг. Поэма занимает исключительное место в литературе XIV в., ее принято рассматривать в качестве своеобразной энциклопедии представлений предшествующей эпохи. По мнению исследователей, она являет собой «...законченный художественный синтез основных литературных, философских, нравственных и политических тенденций всего европейского Средневековья...» [1. С. 77]. Рассмотрим на примере анализа образа Флоренции, как в поэме Данте отражаются традиционные «средневековые» представления о городе, а также новые, порожденные эпохой Треченто.

В поэме Данте «рисует» образ города, для него это прежде всего родная республика. Описания Флоренции, беседы о ней с соотечественниками на пути его странствий, встречаются в тексте «Комедии» несколько раз: в описаниях Ада, Чистилища и Рая. Впервые описание Флоренции появляется в Песне шестой Ада (третий круг), где Данте встречает своего соотечественника, некоего Чакко, страдавшего при жизни грехом чревоугодия. Чакко – личность, «...не оставившая следа ни в большой истории, ни в биографии Данте; единственная его отличительная черта – то, что он флорентинец, первый из тридцати трех уроженцев Флоренции, встреченных Данте в царстве мертвых» [Там же. С. 356]. Беседуя с ним, Данте выражает ему сочувствие и спрашивает о судьбе родного города¹:

Я молвил: «Чакко, слезы грудь мне жмут Тоской о бедствии твоем загробном. Но я прошу: скажи, к чему придут

Враждующие в городе усобном; И кто в нем праведен; и чем раздор Зажжен в народе этом многозлобном?

И он ответил: «После долгих ссор Прольется кровь и власть лесным доставит, А их врагам – изгнанье и позор» [12. С. 34].

¹ В своей работе мы опирались на тексты изданий анализируемых произведений на языке оригинала (см. список литературы: [9–11]), однако, учитывая то, что в статье дается смысловой анализ текстов произведений, а также для удобства русскоязычного читателя, здесь и далее приводятся цитаты в переводах на русский язык (см. список литературы: [12–14]).

Так, устами Чакко, Данте пересказывает события собственной жизни и истории Флоренции 1300—1304 гг., связанные с противоборством двух «политических» группировок: «черных» гвельфов — сторонников Римской курии во главе с семьей Донати, и «белых» гвельфов, возглавляемых семьей Черки, которых называли «лесными», выступавших за свободу Флоренции от притязаний римского папы Бонифация VIII. В данном фрагменте, помимо отражения политической биографии самого Данте — члена партии «белых» гвельфов, изгнанного из Флоренции в 1302 г. и вынужденного с этих пор и в течение почти двух десятилетий скитаться по городам Италии, присутствует характеристика Флоренции времен противостояния «черных» и «белых» гвельфов. Как следует из описания, Флоренция в этот период является городом вражды, раздора и кровопролития, т.е. городом «дурного» правления.

Надежды Данте и других «белых», отправившихся в Пизу и другие гибеллинские коммуны Тосканы, на помощь Генриха VII Люксембурга, вступившего в Италию в 1312 г., не оправдались: во время организации похода против Флоренции (1313 г.) император умер. В это время Данте пишет трактат «О монархии» [15], в котором прославляет идеальную форму политического устройства, каковой считает универсальную империю: «Светская монархия, называемая обычно империей, есть единственная власть...» [Там же. С. 306]. Он доказывал, что власть императора происходит непосредственно от Бога и соответствует идеалам общего блага, поскольку «...цель всякого общества есть общее благо его членов...» [Там же. С. 327]. Универсальная империя или монархия в этом произведении, выступает своего рода идеалом «доброго» правления.

В «Божественной комедии» образы «доброго» и «дурного» правления воплощены в описаниях города. Своеобразным эталоном «дурного» правления в этом произведении является адский город Дит, в который Данте и Вергилий попадают после прохождения первых пяти кругов Ада (Верхнего Ада), населенных «несдержанными» грешниками. В Песне восьмой Ада (шестой круг) описано, как на лодке Данте и Вергилий подплывают к Нижнему Аду, расположенному за стенами огненного города, где караются самые тяжкие грехи: обман, насилие, предательство:

«Мой сын, – сказал учитель достохвальный, – Вот город Дит. И в нем заключены Безрадостные люди, сонм печальный».

И я: «Учитель, вот из-за стены Встают его мечети, багровея, Как будто на огне раскалены».

«То вечный пламень, за оградой вея, — Сказал он, — башни красит багрецом; Так Нижний Ад тебе открылся, рдея» [12. С. 43].

В приведенном выше отрывке важна, прежде всего, трактовка города как вместилища самых страшных грехов и пороков — традиционная и характерная для церковной историографии предшествующего периода. Кроме того, здесь «нарисован» урбанистический образ города, в котором городское пространство отделено от пустынного берега стенами, опоясанными рвами, внутри виднеются башни, вход в город преграждают ворота — все это типичные атрибуты средневекового города. Так осмысляется в эту эпоху городское пространство.

Очередное описание Флоренции встречается в Песне шестнадцатой Ада, в которой о Флоренции Данте просит рассказать еще один встреченный им соотечественник — Джакомо Рустикуччи, попавший, подобно другим богатым и знаменитым флорентинцам, в круг содомитов. Флоренция в этом описании вновь предстает как город несчастья и позора:

«Скажи: любовь к добру и к честным нравам Еще живет ли в городе у нас Иль разбрелась давно по всем заставам?

Гульельмо Борсиере, здесь как раз Теперь казнимый, – вон он там, в пустыне, – Принес с собой нерадостный рассказ».

«Ты предалась беспутству и гордыне Пришельцев и наживу обласкав, Флоренция, тоскующая ныне!» [12. С. 82].

Упоминаемый в этом фрагменте Гульельмо Борсиере позже станет персонажем 8-й новеллы первого дня «Декамерона» («Decameron») Боккаччо [10], в которой говорится, что он зарабатывал деньги замирением враждующих семейств знати, устройством свадеб и «увеселением удрученных сердец добропорядочными рассказами» [13. С. 93–95]. В «Комедии» же он, вместе с другими известными флорентинскими гражданами, находится в круге богохульников и содомитов. В этот же круг (Песнь пятнадцатая Ада) Данте помещает своего учителя – Брунетто Латини [12. С.76–79].

В Песне двадцать шестой Ада, Данте подводит печальный итог своим встречам с согражданами:

«Гордись, Фьоренца, долей величавой! Ты над землей и морем бьешь крылом, И самый Ад твоей наполнен славой!

Я пять таких в собранье воровском Нашел сограждан, что могу стыдиться; Да и тебе не много чести в том» [12. С. 130].

Итак, граждане Флоренции, «населяющие» круги Ада, дополняют образ Флоренции в этой части поэмы. Все приведенные выше описания, помещенные Данте в рассказ о странствиях по кругам Ада, характеризуют Флоренцию как город «дурного» правления. Из этих описаний складывается образ Флоренции как города раздоров и вражды, жители которого, утратив честь и достоинство, погрязли в грехах.

Образ Флоренции в песнях Чистилища и Рая сильно отличается от приведенных выше описаний Ада: в них отчетливее выражается дуализм, характерный для общественно-политической мысли этого времени; проводится мысль о том, что Флоренция может быть, как «добрым», так и «дурным» городом в зависимости от того, порочны или добродетельны ее граждане и власти. Так, в Песне шестой Чистилища, самые известные строки, посвященные Флоренции, наполнены глубоким патриотическим чувством и вместе с тем предельно ироничны:

«Флоренция моя, тебя все это Касаться не должно, ты – вдалеке, В твоем народе каждый – муж совета!

У многих правда – в сердце, в тайнике, Но необдуманно стрельнуть – боятся; А у твоих она на языке.

Иные общим делом тяготятся; А твой народ, участливый к нему, Кричит незваный: «Я согласен взяться!»

Ликуй же ныне, ибо есть чему: Ты мирна, ты разумна, ты богата! А что я прав, то видно по всему.

И Спарта и Афины, где когда-то Гражданской правды занялась заря, Перед тобою – малые ребята:

Тончайшие уставы мастеря, Ты в октябре примеришь их, бывало, И сносишь к середине ноября...» [12. С. 208].

В этом фрагменте, проникнутом глубоким сарказмом, поэт называет родину «мирной, разумной и богатой», наделяя ее признаками «доброго» правления, среди которых следует особо отметить богатство — одно из важнейших условий процветания города, его «доброго» состояния. Благодаря миру, справедливости и разумному управлению, город богатеет и процветает, а его «доброе» правительство является залогом процветания. Данте сравнивает Флоренцию со Спартой и Афинами, что свидетельствует

в пользу ее демократического, республиканского устройства, но тут же говорит и о бесконечных гражданских распрях, частой смене законов и властей и неоправданных политических преобразованиях в родном городе, вновь показывая, что речь идет все-таки о городе «дурного» правления. Весьма красноречиво в этом плане и сравнение республики с больной дамой [12. С. 208]. Подобное противопоставление «доброго» правления «дурному» находит отражение и в Песне пятнадцатой Рая, в описании старинной Флоренции. Образ «доброго» города возникает в рассказе о Флоренции былых времен, в которой господствовала простота нравов, отсутствовала погоня за деньгами и порожденные ею роскошь и распутство:

Флоренция, меж древних стен, бессменно Ей подающих время терц и нон, Жила спокойно, скромно и смиренно.

Не знала ни цепочек, ни корон, Ни юбок с вышивкой, и поясочки Не затмевали тех, кто обряжен [Там же. С. 422].

Этот город «доброго» правления отличается от современной автору Флоренции, где господствуют дурные нравы, привычка выставлять напоказ богатство и использовать его неправедно. В данном случае демонстрируется «оборотная», отрицательная сторона богатства и денег для нравственных устоев городского общества.

Итак, образ Флоренции в изображении Данте — это «дурной» город в песнях Ада, а также «добрый» или «дурной» — в Чистилище и в Раю. В этих частях поэмы противопоставлены ее «славное» прошлое и «дурное» настоящее; «старое» и «новое», грехи и добродетели. Флоренция «прежних времен» предстает в качестве города добродетелей, идеального города. В создании этого образа большую роль сыграли философская традиция прошлого столетия, а вместе с тем новые черты, характерные для городской жизни и представлений эпохи Треченто. Во-первых, это наличие не только христианских, но и светских добродетелей в характеристике города «доброго» правления, в частности мира и разума — в качестве основы его правильной жизни; во-вторых, представление о богатстве как основе жизни города; в-третьих, новое ощущение времени, которое в этот период перестает быть церковным и становится городским.

Франческо Петрарка (1304–1374) так же, как и Данте, был флорентинцем по происхождению, но изгнанником «по рождению»: он родился в Ареццо, позже, в 1312 г., вместе с родителями перебрался в Авиньон, где в это время находилась резиденция пап¹. Во Франции прошла его юность: учеба в университете Монпелье, начало творческой жизни. После окончания Болонского университета Петрарка переселился в Авиньон, где принял

¹ Авиньонское пленение пап (1309–1378 гг.).

сан и, пользуясь покровительством семьи Колонна, приобрел несколько синекур и возможность безбедного существования [16. Р. 31–51]. В Авиньоне в 1327 г. он впервые встретил свою музу — Лауру, любовь к которой вдохновила первого гуманиста на создание его самого знаменитого произведения — стихотворного сборника «Канцоньере» («Canzoniere») [11]. Труды Петрарки над «Канцоньере» продолжались почти три десятилетия: первая редакция относится к 1342–1347 гг., последняя — к 1374 г. [17. Р. 361–368].

В сборнике есть несколько произведений, посвященных городам, с которыми оказалась связанной жизнь первого гуманиста: Авиньону, Риму и Флоренции. Анализируя образы этих городов, можно заметить, «традиционный» дуализм в трактовке их образов, характерный и для Петрарки. В изображении первого гуманиста папская резиденция Авиньон предстает «дурным» городом, Вавилоном:

CXIV

Покинув нечестивый Вавилон, Рассадник зла, приют недоброй славы, Где процветают мерзостные нравы, Где я до срока был бы обречен... [14. С. 65].

В начале 30-х гг. XIV в. Петрарка переехал из Авиньона в Воклюз, где жил в уединении, посвящая себя творчеству. В 1337 г. он впервые посетил Рим [16. Р. 52], а в 1341 г. среди других городов (Париж, Неаполь) местом своей коронации лавровым венком поэта избрал Вечный город [Там же. Р. 103]. Петрарка мечтал о возрождении былого величия древнего Рима и активно поддерживал в своих письмах «народного трибуна» Кола ди Риенцо, боровшегося за установление в Риме республики (1347 г.). Ожидания первого гуманиста не оправдались: папа Климент VI, опасаясь полной потери власти над Римом, объявил Кола еретиком и узурпатором прав церкви, попытка установления коммуны провалилась.

Петрарка резко осуждает пороки граждан Рима, сравнивает его с адом, сетует об утрате Вечным городом своего высокого предназначения. Рим в интерпретации великого поэта и мыслителя предстает еще более «дурным» городом, чем Авиньон:

CXXXVIII

Источник скорби, бешенства обитель, Храм ереси, в недавнем прошлом – Рим, Ты Вавилоном сделался вторым, Где обречен слезам несчастный житель... [14. С. 67–68].

После утверждения на папском престоле Иннокентия VI (1352–1362 гг.), Петрарка окончательно покинул Францию и переехал в Италию (1353 г.), где и провел последние годы жизни. Он отказался от предложения возглавить кафедру во Флоренции, предпочтя ей жизнь в Милане (1353–1361 гг.) [16. Р. 399–508], затем – в Венеции и Падуе [Там же. Р. 509–658].

Небольшой сонет, вошедший в «Канцоньере», в котором упомянута Флоренция, не посвящен непосредственно этому городу. Обычно исследователи комментируют его, как рассуждение о поэтическом творчестве. В этом сонете, наполненном иносказаниями, Петрарка противопоставляет латинскую поэзию («достойные плоды») – итальянским стихам («сорная трава») [14. С. 71]. Вместе с тем, Флоренция – город, который поэт, как он сам пишет, хотел бы прославить:

CLXVI

Когда бы я остался в том краю, Где вещий дар открылся Аполлону, Я, может, ныне, как Катулл – Верону, Прославил бы Флоренцию мою [Там же].

В начале 40-х гг. XIV в. в жизни Флоренции наступила «черная полоса»: бесславное правление городом родственника французских и неаполитанских королей – Готье де Бриенна, герцога Афинского (1342–1343 гг.), впрочем, вскоре изгнанного в ходе народного восстания; банкротство флорентийских банков Перуцци (1343 г.) и Барди (1345 г.), приведшее финансы республики в критическое состояние, но в то же время способствовавшее демократизации власти; наконец, приход в 1348 г. Черной смерти – печально известной эпидемии чумы, сократившей население города. Тем не менее Флоренция смогла восстановить свою экономику, отстоять независимость от внешних и внутренних врагов и, значительно расширив границы, подчинить своему влиянию другие города в Тоскане.

В «Канцоньере» Флоренция представлена позитивно, это – «добрый» и славный город, образ которого сильно контрастирует с «дурными» городами: Авиньоном и Римом. Образ Флоренции в этом произведении Петрарки довольно отвлеченный, но в то же время наполненный глубоким патриотическим чувством.

Младший современник, друг и поклонник Петрарки Джованни Боккаччо (1313–1375) родился в Париже, но детство провел на родине отца – во Флоренции, затем жил и учился в Неаполе. Здесь бурно проходила его юность, началось увлечение писательским делом и появились первые литературные труды. Сборник новелл «Декамерон» [10], самое известное и зрелое произведение Боккаччо, был написан около 1352–1354 гг., т.е. вскоре после Черной смерти 1348 г. и по возвращении Боккаччо во Флоренцию. «Декамерон», подобно «Канцоньере» Петрарки, посвящен проблеме добродетельной жизни, понимаемой уже в гуманистическом плане [18. Р. 120]. В этом произведении образ Флоренции дуалистичен: «добрая» прежняя Флоренция до прихода Черной смерти противостоит Флоренции настоящей: зачумленной и «дурной». В прологе первого дня, рассказывая о приходе чумы, Боккаччо рисует образ Флоренции этого времени:

«Итак, скажу, что со времени благотворного вочеловечения Сына Божия минуло 1348 лет, когда славную Флоренцию, прекраснейший изо

всех итальянских городов, постигла смертоносная чума...» [13. С. 43] и «...между мартом по июлем, – частью от силы чумного недуга, частью потому, что вследствие страха, обуявшего здоровых, уход за больными был дурной и их нужды не удовлетворялись, – в стенах Флоренции умерло, как полагают, около ста тысяч человек, тогда как до этой смертности, вероятно, и не предполагали, что в городе было столько жителей. Сколько больших дворцов, прекрасных домов и роскошных помещений, когда-то полных челяди, господ и дам, опустели до последнего служителя включительно! Сколько именитых родов, богатых наследий и славных состояний осталось без законного наследника! Сколько крепких мужчин, красивых женщин, прекрасных юношей, которых не то чтобы кто-нибудь другой, но Гален, Гиппократ и Эскулап признали бы вполне здоровыми, утром обедали с родными, товарищами и друзьями, а вечером ужинали со своими предками на том свете!» [Там же. С. 49–50].

Таким образом, идеальный город для Боккаччо — это «лучшая» и «славная», густонаселенная и богатая Флоренция, застроенная дворцами и красивыми домами, население которой составляют в основном физически совершенные, красивые и богатые люди. Это — некое идеальное общество, которому противостоит «дурное»: Флоренция времен чумы, которая вымерла и обезлюдела, где нет законов и царит произвол, уцелевшие граждане которой из-за страха болезни и смерти утратили сострадание к близким и лишились милосердия [Там же. С. 45—48].

Образ Флоренции в «Декамероне» — это город «доброго» правления, каковым представляется Флоренция до наступления эпидемии, а также город «дурного» правления, которым становится зачумленная Флоренция. Подобно «доброму» городу в поэме Данте, «добрая» Флоренция в новеллах Боккаччо — это Флоренция «прежних» времен. В «Декамероне» появляется и «добрый» город настоящего, который представлен в виде мирного и справедливого общества дам и кавалеров — рассказчиков новелл. Этот «современный» добрый город, который также противопоставлен «дурной» зачумленной Флоренции.

Выявление и сопоставление образов Флоренции в поэме Данте, стихах Петрарки и новеллах Боккаччо показало, что их авторы находились в рамках определенной системы социально-политических представлений, характеризующих итальянскую общественно-политическую мысль эпохи Треченто. Большую роль в этой системе представлений играла традиция. Вместе с тем первый век гуманизма дополнил представления о городе, что, как показывает данное исследование, нашло отражение и в рассматриваемых произведениях. При всех жанровых и стилистических отличиях основное значение в создании авторами этих произведений образов Флоренции сыграла определенная модель представлений об обществе: «добрый» город, основанный на добродетелях, противопоставлен «дурному», основанному на грехах и пороках. При этом как в творении Данте, так и в «Декамероне» Боккаччо Флоренция «настоящего времени» выступает в качестве «дурного» города, а Флоренция «былых времен» представляется городом «доброго» правления.

Литература

- 1. История литературы Италии: в 4 т. Т. 1: Средние века / под ред. М.Л. Андреева, Р.И. Хлодовского. М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2000.
- 2. *Ястребицкая А.Л.* Средневековая культура и город в новой исторической науке. М.: Интерпракс, 1995. 416 с.
- 3. *Фома Аквинский*. О правлении государей // Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе VI–XVII вв. / под ред. В.И. Рутенбурга, И.П. Медведева. Л. : Наука, 1990. С. 217–244.
- 4. Дмитриева М.И. Республика или синьория: Политические идеалы итальянской общественной мысли XIV века // Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени. СПб., 2008. Вып. 7. С. 98–116.
- 5. Дмитриева М.И. Правительство Девяти Синьоров (1287–1355 гг.) в Сиене: образ власти на страницах городских хроник // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение: Вопросы теории и практики. 2015. № 3-1 (53). С. 89–91.
- 6. Дмитриева М.И. Народные правительства и «партии»: образы власти в Сиене XIV в. // Proslogion: Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени. 2017. Вып. 3 (1). С. 7–26.
- 7. *Компаньи Д.* Хроника событий, случившихся в его время / пер. с ит., ст., примеч. М.А. Юсима. М.: Реабилитация, 2015. 304 с.
- 8. *Villani G*. Cronica con le continuazioni di Matteo e Filippo / A cura di G. Aquilecchia. Torino : Einaudi, 1979. XXXIV, 346 p.
- 9. Dante Alighieri. Commedia / A cura di G. Petrocchi : 3 vols. Milano : Mondadori, 1966–1967. 451 p.
 - 10. Boccaccio G. Decameron / A cura di V. Branca. Torino : Utet, 1956. 889 p.
 - 11. Petrarca F. Canzoniere / A cura di G. Contini. Torino : Einaudi, 1964. 447 p.
- 12. *Данте Алигьери*. Божественная комедия / пер. с ит. и коммент. М.А. Лозинского. М.: Интерпракс, 1992. 624 с.
- 13. Боккаччо Дж. Декамерон / пер. с ит. А.Н. Веселовского. СПб. : Азбука-классика, 2004. 800 с.
- 14. Западноевропейский сонет XIII–XVII веков: Поэтическая антология / сост. А.А. Чамеев, Л.: Изд-во ЛГУ, 1988, 496 с.
- 15. *Данте Алигьери*. Монархия / пер. с лат. В.П. Зубова // Данте Алигьери. Малые произведения. М., 1968. С. 305–341.
- 16. *Dotti U.* Vita di Petrarca: Il poeta, lo storico, l'umanista. Milano : Nino Aragno, 2014. 713 p.
- 17. Wilkins E.H. The making of the Canzoniere and other petrarchian studies. Rome: Storia e Letteratura, 1951. 423 p.
- 18. Shepard L. Boccaccio and Petrarca // Approaches to Teaching Petrarch's Canzoniere and the Petrarchan Tradition / ed. by Ch. Kleinhenz, A. Dini. N.Y.: The modern Language Association of America, 2014. P. 120–127.

BETWEEN TRADITION AND INNOVATION: THE IMAGE OF FLORENCE IN THE URBAN LITERATURE OF THE TRECENTO

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2018. 55. 164–176. DOI: 10.17223/19986645/55/11

Marina I. Dmitrieva, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: m.dmitrieva@spbu.ru

Keywords: Florence, image of city-state, urban literature, Trecento, Dante, Petrarch, Boccaccio.

The paper examines the image of Florence in the three key works of Italian literature of the Trecento: The Divine Comedy of Dante, The Canzoniere of Petrarch and The Decameron of Boccaccio. The method of analysis relies on a historical-genetic approach to the analysis of literary works. Semantic analysis of the descriptions of Florence in these works reveals a certain model of descriptions of the city. This model, developed in the classical Middle Ages, is based on the tradition of the opposition of the heavenly city of Jerusalem and its antithesis, the earthly and sinful Babylon. In the fourteenth century, it develops and includes images of the "good" and "bad" government, ideas about peace and justice as the initial positions of the common good. The idea of the common good becomes a kind of a "leitmotif" of the Italian social and political thought of the Trecento. The attitude to the common good distinguishes the "good" governor from the "bad" governor: the "good" governor acts on the basis of virtues, in accordance with the ideals of the common good, the power of the "bad" governor is based on defects, it tramples the common good. The socio-political ideas, expressing the complex transitional nature of the mentality of this era, are reflected in Italian city-state chronicles and in the iconography: in the famous frescoes by Ambrogio Lorenzetti's "The Good and Bad Government and their effects" in the Palazzo Pubblico of Siena. Lorenzetti's "good" governor represents the Republic, and the "bad" governor the Tyranny, but for him and for the authors of the Tuscan Chronicles of the 14th century, each of these forms of government (the Monarchy and the Republic) could be both good and bad. Identification and comparison of the images of Florence in Dante's poem, in Petrarch's verses and in Boccaccio's stories showed that their authors had the same socio-political views.

It becomes apparent that, for all genre and stylistic differences of these works, essential for creating the images of Florence was a particular model of ideas about the city: a "good" city-state founded on the virtues is opposed to a "bad" city-state founded on sins and vices. It is interesting to note that in Dante's and Boccaccio's texts the Florence of the "present" is a "bad" city-state, while the Florence of the "past" is a city of "good" government. The study of the images of Florence in literary works allows to see the ideological content of the image of the city, and, at least in part, to answer the question of how the city was imagined.

References

- 1. Andreyeva, M.L. & Khlodovskogo, K.I. (eds) (2000) *Istoriya literatury Italii:* v 4 t. [Literature History of Italy: in 4 vols]. Vol. 1. Moscow: IWL RAS, Naslediye.
- 2. Yastrebitskaya, A.L. (1995) *Srednevekovaya kul'tura i gorod v novoy istoricheskoy nauke* [Medieval culture and the city in the new historical science]. Moscow: Interpraks.
- 3. Thomas Aquinas. (1990) O pravlenii gosudarey [On the rule of sovereigns]. Translated from Latin. In: Rutenburg, V.I. & Medvedeva, I.P. (eds) *Politicheskiye struktury epokhi feodalizma v Zapadnoy Evrope VI–XVII vv.* [Political structures of the era of feudalism in Western Europe in the 6th–17th centuries]. Leningrad: Nauka.
- 4. Dmitriyeva, M.I. (2008) Respublika ili sin'oriya: Politicheskiye idealy ital'yanskoy obshchestvennoy mysli XIV veka [Republic or Signoria: Political ideals of the Italian social thought of the 14th century]. In: *Problemy sotsial'noy istorii i kul'tury Srednikh vekov i rannego Novogo vremeni* [Studies in Medieval and Early Modern Social History and Culture]. Is. 7. St. Petersburg: St. Petersburg State University. pp. 98–116.
- 5. Dmitriyeva, M.I. (2015) Government of Nine Signori (1287-1355) in Siena: Image of power in the pages of urban chronicles. *Istoricheskiye, filosofskiye, politicheskiye i yuridicheskiye nauki, kul'turologiya i iskusstvovedeniye: Voprosy teorii i praktiki Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art Criticism: Issues of Theory and Practice.* 3-1 (53). pp. 89–91. (In Russian).
- 6. Dmitriyeva, M.I. (2017) People's governments and "parties": images of power in Siena of the 14th century. *Proslogion: Problemy sotsial'noy istorii i kul'tury Srednikh vekov i rannego Novogo vremeni*. 3 (1). pp. 7–26.

- 7. Compani, G. (2015) *Khronika sobytiy, sluchivshikhsya v yego vremya* [A chronicle of events that happened in his time]. Translated from Italian by M.A. Yusim. Moscow: Reabilitatsiva.
- 8. Villani, G. (1979) *Cronica con le continuazioni di Matteo e Filippo* [A chronicle with the continuations of Matteo and Filippo]. Torino: Einaudi.
- 9. Dante Alighieri. (1966–1967) *Commedia* [The Divine Comedy]. In 3 vols. Milan: Mondadori.
 - 10. Boccaccio, G. (1956) Decameron [The Decameron]. Torino: Utet.
 - 11. Petrarch, F. (1964) Canzoniere [The Canzoniere]. Torino: Einaudi.
- 12. Dante Alighieri. (1992) *Bozhestvennaya komediya* [The Divine Comedy]. Translated from Italian by M.A. Lozinskiy. Moscow: Interpraks.
- 13. Boccaccio, G. (2004) *Dekameron* [The Decameron]. Translated from Italian by A.N. Veselovskiy. St. Petersburg: Azbuka-klassika.
- 14. Chameyev, A.A. (ed.) (1988) *Zapadnoyevropeyskiy sonet XIII–XVII vekov: Poeticheskaya antologiya* [The Western European sonnet of the 13th–17th centuries: A poetic anthology]. Leningrad: Leningrad State University.
- 15. Dante Alighieri. (1968) Monarkhiya [Monarchy]. Translated from Latin by V.P. Zubov. In: *Malyye proizvedeniya* [Small works]. Moscow: Nauka.
- 16. Dotti, U. (2014) *Vita di Petrarca: Il poeta, lo storico, l'umanista* [Petrarch's life: The poet, the historian, the humanist]. Milan: Nino Aragno.
- 17. Wilkins, E.H. (1951) The making of the Canzoniere and other petrarchian studies. Rome: Storia e Letteratura.
- 18. Shepard, L. (2014) Boccaccio and Petrarca. In: Kleinhenz, Ch. & Dini, A. (eds) *Approaches to Teaching Petrarch's Canzoniere and the Petrarchan Tradition*. N.Y.: The modern Language Association of America.

УДК 821.161.1

DOI: 10.17223/19986645/55/12

С.С. Жданов

ОБРАЗ НЕМЕЦКОГО МУЗЫКАНТА В НОВЕЛЛАХ В.Ф. ОДОЕВСКОГО

Исследуется проблема маркированных инонациональностью образов немцев-музыкантов в новеллах В.Ф. Одоевского «Последний концерт Бетховена» и «Себастиян Бах». Их рассмотрение с имагологических позиций расширяет возможности литературоведческого анализа и позволяет связать данные образы с традицией изображения героев-немцев в русской литературе, в основе которой лежит представление об «умозрительности» немецкой нации, что дополняет и осложняет романтическую оппозицию «гении — филистеры».

Ключевые слова: *имагология, немецкость, герой-немец, филистер, образ музыканта, романтизм.*

Образы немецких музыкантов (Баха и Бетховена), представленные в новеллах В.Ф. Одоевского «Себастиян Бах» и «Последний квартет Бетховена», не раз становились предметом литературоведческого анализа. Зачастую исследователи рассматривали эти образы с точки зрения репрезентации взглядов автора на проблемы искусства и взаимоотношений гения с его окружением. Так, Е.А. Маймин определяет новеллы В.Ф. Одоевского как «героические и одновременно трагедийные повествования» [1. С. 275], а самих Бетховена и Баха – как авторское представление об «истинных художниках» и «великих людях», которые «в наибольшей степени» отвечают «идеалу В. Одоевского» [Там же. С. 274]. Сходная мысль о «живом образе» «идеального художника-музыканта» встречается у Б. Грановского [2. С. 47]. Ю.Е. Пушкарева выделяет в рассматриваемых произведениях В.Ф. Одоевского целый ряд мотивов, связанных с представлениями о художнике и искусстве: «болезненную невозможность воплотить замысел до конца», «одиночество художника», «конфликт красоты и страсти с этическими и социальными нормами, долгом», а также «проблему гения и безумия» [3. С. 134]. Значительное место теме романтического безумия в своем анализе произведений В.Ф. Одоевского уделяет и М.А. Турьян [4. С. 260-265], о чем подробнее будет сказано ниже.

Однако исследований, в которых бы рассматривался «немецкий» элемент в образах Бетховена и Баха, гораздо меньше. Между тем анализ «национального» кода является весьма продуктивным, поскольку позволяет внести новые нюансы в трактовку данных образов. Об этом свидетельствует, например, исследование М. Шнайдера, указывающего, что «и Бетховен и Бах воплощают типично немецкие, в представлении Одоевского, качества: творческую одаренность, безусловное прилежание, страстное

178 С.С. Жданов

увлечение трудом и граничащую с безумием восприимчивость и смелость мыслей» [5. S. 473]. Более того, по мнению исследователя, В.Ф. Одоевский намеренно меняет «национальность» другого своего персонажа – импровизатора Киприано, прототипом которого стал немец Лангеншварц, выступавший с большим успехом в Петербурге в 1832 г., так как «в отличие от немецких композиторов итальянские «соотечественники» в доме сумасшедших неспособны создавать настоящее искусство» [Ibid. C. 474].

Кроме того, следует упомянуть статью А.В. Жуковской, Н.Н. Мазур и А.М. Пескова о немецких типажах русской беллетристики конца 1820-х – начала 1840-х гг. Так, с точки зрения авторов, «типаж возвышенного поэта (художника, музыканта), одинокого, живущего своим искусством и ради искусства, чуждого прозе быта, отвергнутого миром филистеров и т.п.» «почти полностью» заимствован «из немецкой романтической прозы» и лишь в силу этого является «немецким типажом», так что немецкое происхождение Бетховена (образ Баха исследователи не рассматривают) есть «...в той же мере признак немецкой возвышенной ментальности, в какой – отсылка к немецкой прозе»— произведениям Вакенродера, Новалиса, Гофмана [6. С. 48]. Авторы предпочитают акцентировать немецкость такого персонажа прежде всего как литературное заимствование, т.е. перед нами предстают не немцы-художники глазами русского писателя, но художники глазами русского писателя, перенявшего данные образы у немецких писателей.

С этим утверждением отчасти можно согласиться. В самом деле, создавая образы Бетховена и Баха, В.Ф. Одоевский обращается к гофмановской и вакенродеровской традиции, о чем свидетельствуют и особенности трактовки персонажей, и отдельные сюжетные повороты, и прямая отсылка к Гофману в эпиграфе «Последнего квартета Бетховена», взятом из «Серапионовых братьев». Согласно М. Шнайдеру в «Себастияне Бахе» В.Ф. Одоевского находит отражение целый ряд центральных вакенродеровских идей, в частности «противопоставление гениального и ремесленнического в искусстве» [5. S. 474]. Кроме того, сцена ночного переживания юного Баха в церкви имеет прямые параллели в рассказе Вакенродера «Достопримечательная музыкальная жизнь композитора Иосифа Берглингера» [Ibidem]. Проблему литературного диалога Вакенродера и Одоевского рассматривает и Е.Г. Милюгина, указывая, что «..."язык" диалога во многом задан "отвечающему" "вопрошающим"» [7. С. 39]. Следованием вакенродеровской традиции «Фантазий об искусстве» автор объясняет ту «решительность», «...с которой Одоевский отбрасывает биографические... реалии...» [Там же. С. 44]. Русский писатель трансформирует биографию немецких композиторов, наделяя, например, Бетховена бесконечно преданной ученицей Луизой. Еще больше изменена история жены Баха Магдалины, которой приписывается полуитальянское происхождение, тогда как в реальности вторая жена Баха Анна-Магдалина была «чистейшей немкой»,

¹ Здесь и далее перевод с нем. автора статьи.

² Имеется в виду до конца не осуществленный цикл В.Ф. Одоевского.

дочерью придворного музыканта Вюлькена, и «пережила мужа на 10 лет» [8. С. 58]. Кроме того, Бах Одоевского, согласно Е.Г. Милюгиной, «синтезирует в себе лучшие черты величайших художников» [7. С. 52], восхищавших Вакенродера: Рафаэля, А. Дюрера, Л. да Винчи, Микеланджело. Таким образом, «жизнь» героя, «осененного "религиозным вдохновением", чуждого мятежных страстей, строится по Вакенродеру, по канонам истинных художников...» [Там же]. Однако немецкий музыкант в полемической по отношению к Вакенродеру трактовке Одоевского не обретает гармонии, хотя, казалось бы, следует вакенродеровским «верным путем к блаженству», ведя «...тихую, богобоязненную жизнь... не забывая, что ты всего лишь работник на ниве господней...» [9. С. 121]. Дело в том, что Бах Одоевского, как, впрочем, и его Бетховен, не достигает «всей полноты жизни», которая для русского писателя включает в себя «не только радость в искусстве и творчестве, но и радость простого человеческого бытия» [1. С. 274].

Почему так происходит в новеллах Одоевского? На наш взгляд, дело тут не только в сюжетной схеме, связанной с описанием всякого истинного гения, вынужденного жертвовать частью своей жизни ради служения искусству. Как нам кажется, одно из объяснений, почему Бах Одоевского не достигает «полноты жизни», лежит в особенностях изображения героевнемцев в русской литературе. Подсказку, в частности, содержит упоминаемая выше статья о немецких типажах в русской беллетристике, в выводах которой авторы указывают на умозрительность как главную характеристику персонажей-немцев. Под умозрением здесь понимается «общее расположение духа, мировоззренческая субстанция, врожденное свойство характера», в результате чего «умозрительными» изображаются как филистер, «разметивший свой быт раз навсегда и живущий по ненарушимому плану», так и «возвышенный поэт, отрешенный от "прозаического быта"» [6. С. 51]. Происходит разделение немецкого пространства в русской литературе на два мира. Один – это филистерский локус, «однообразное, неяркое и пошлое, с русской точки зрения, существование добрых немцев и немок» [Там же]. Второй – мир гениев, находящихся в полном разладе с бытом, с жизнью обычных людей. Из-за этого фиксируемого русской литературой «экзистенциального разрыва в немецкой жизни» противоположные образы характеризуются общей односторонностью: «...бюргер погружен в свое хозяйство; поэт живет только поэзией» [Там же. С. 52].

С этих имагологических позиций и будут в рамках данной работы рассматриваться образы немцев-музыкантов в новеллах В.Ф. Одоевского. При этом речь пойдет не о каком-то объективно присущем народу «национальном» характере, а именно об образах Другого, в нашем случае — немцев, в русской литературе. Кроме того, заметим, что представления об «умозрительности» немецкой нации складываются, на наш взгляд, гораздо ранее 20-х гт. XIX столетия. Еще в русских травелогах рубежа XVIII—XIX вв. фиксируются ироничные наблюдения за немецкими филистерами и оторванными от земной реальности немцами «духа». Так, в зарубежных письмах Д.И. Фонвизин пишет об умозрительных лейпцигских ученых, кото-

180 С.С. Жданов

рые, «...вознесясь мысленно на небеса, не смыслят ничего, что делается на земле...» [10. C. 454].

На первый взгляд образы Баха и Бетховена у В.Ф. Одоевского резко отличаются, антитетичны друг другу: «...Бах – торжество мысли, Бетховен – торжество чувства...» [7. С. 58]; в Бахе «нет бетховенской мятежности», в нем «...все – высшая гармония и покой: и дух, и творчество, и личность» [4. С. 261]. Но их роднит устремленность в «самые высокие сферы духовной жизни» [Там же] и тот самый «экзистенциальный разрыв» [6. С. 52], о котором уже в ХХ в. напишет Т. Манн, заметив, что «музыкальность немецкой души» означает ее «самоуглублённость», ведущую к «раздвоению человеческой энергии» на абстрактное и практическое [11. С. 309].

И Бах, и Бетховен отчуждены от обычных людей. Обычные музыканты не понимают новаторства Бетховена, которое кажется им либо «насмешкой над творениями бессмертного» [12. С. 118], либо следствием поразившей гения глухоты, либо проявлением сумасшествия, что осознается самим композитором: «...все эти господа, которые разыгрывают мою музыку, понимают меня? — ничего не бывало! <...> они меня никогда не понимали...» [Там же. С. 119]. Сравните с мотивом восторга в новелле о Бахе — восторга, непонятного филистерам и невыразимого для самого гения: «Кто опишет восторг его?» [Там же. С. 154]; «Напрасно говорил... Себастиян о непостижимом чувстве, которое увлекло его, о своем нетерпении, о своем восторге» [Там же. С. 159]; «Учители отвечали ему условными искусственными правилами, но эти правила не удовлетворяли ума его; то чувство о музыке, которое осталось в его душе после таинственного его видения, было ему понятнее, но словами он сам не мог себе дать в нем отчета» [Там же. С. 160].

Бетховен противопоставляет себя, свой талант иным музыкантам: «низкому ремесленнику», изготавливающему несовершенные инструменты; «несносному фаготисту», заставляющему «переделывать целую симфонию оттого, что его фагот не выделывает пары басовых нот»; «бессмысленным исполнителям» [Там же. С. 121]. Пение живых, несовершенных голосов превращает мир Бетховена в «ад» [Там же]. Сходным образом сердится молодой Бах на Магдалину, «...когда ее несозревший голос перерывался на необходимой ноте аккорда...» [Там же. С. 166]. Даже капельмейстеры, по мнению Бетховена, не понимают музыки, лишь требуя соблюдения «меры» [Там же. С. 119]. Эта умеренность и приверженность к порядку являются признаками типажного немца. То же самое можно сказать о стремлении творить по шаблону и превращать живую музыку в предмет теоретических рассуждений, т.е. об обреченной на провал попытке трансформировать музыкальный код в вербальный. Бетховен противопоставляет себя не только исполнителям, но и музыкальному теоретику Веберу, которого он называет «этот педант Вебер» [Там же. С. 120], «этот бессмысленный Готфрид», вводящий гения в «пустые музыкальные тяжбы», в объяснение необъяснимого: «...почему я в том или другом месте употребил такое и такое соединение мелодий, такое и такое сочетание инструментов... я самому себе этого объяснить не могу» [12. С. 122]. Как видим, и исполнителей, и теоретиков от музыки маркирует один и тот же эпитет «бессмысленный». Сами действия «господ профессоров» с музыкой уподобляются в сниженной метафоре операциям ремесленника с материалом (глаголы «обделать», «обточить»): «...они... выберут тему, обделают ее, продолжат и не преминут потом повторить ее в другом тоне; здесь по заказу прибавят духовые инструменты или странный аккорд, над которым думают, думают, и все это так благоразумно обточат, оближут...» [Там же]. Таким образом, гениальное безумие Бетховена образует антитезу филистерскому теоретизированному бессмыслию, а «душа музыканта» — «выдумкам ремесленников», желающих «обкроить» ее, и «засушенному мозгу теоретика», изобретающему «на досуге» «правила» [Там же]. Еще резче мотив переделывания выражен в новелле «Себастиян Бах», где «переделке» подвергается не только Бах («...он сделался церковным органом, возведенным на степень человека» [Там же. С. 173]), но его жена Магдалина («...она похожа на итальянскую тему, обработанную в немецком вкусе» [Там же. С. 166]).

Противопоставление музыкальных ремесленников и теоретиков, с одной стороны, и одаренных безумцев - с другой, также обнаруживается в повествовании о Бахе. Старший брат Себастияна, взявшийся за его воспитание после смерти родителей, Иоганн Христофор Бах, воплощает в себе теоретического музыканта. В его описании акцентируются черты, связанные с упорядочиванием, следованием правилам. Христофор Бах – приверженец старины, традиций и даже свое искусство уважает, как «почтенную старую женщину», с которой он «вежлив, осторожен и почтителен до чрезвычайности» [Там же. С. 152]. Всякое нововведение как нарушение канона считается старшим Бахом «неуважением к искусству» [Там же]. Его бытие механистично и состоит из повторяющихся действий: «...никогда ни септима, ни нона без приготовления не вырывались из-под его пальцев... Из музыкальных теоретиков он знал лишь Гаффория «Opus musicae disciplinae» и держался этой дисциплины, как воинской; 40 лет он прожил органистом одной и той же церкви; 40 лет каждое воскресенье играл почти один и тот же хорал, 40 лет одну и ту же к нему прелюдию – и только по большим праздникам присоединял к ней в некоторых местах один форшлаг и два триллера, и тогда слушатели говорили между собою: «о! сегодня наш Бах разгорячился!»» [Там же]. Это типажный «умозрительный» немец-теоретик, кругозор которого ограничен: «Неподвижный даже в выборе разговора, он в веселый час обыкновенно говорил только о двух предметах: 1-е, о заданном им каноне с эпиграфом: Sit trium series una <...> и 2-е, о черной обедне (Messa nigra)...» [Там же]. По сути, перед нами возведенный в абсолют типажный герой места, по классификации Ю.М. Лотмана, т.е. герой «пространственной и этической неподвижности», неспособный к изменениям [13. С. 417]. Как всякий герой места, Христофор Бах большое значение придает социальному статусу, иерархии и соблюдению приличий: «Иоганн Христофор Бах был человек важный в своем околодке. Он никогда не забывал, что отец его, Амвросий Бах, был гоф-унд-ратсмузикус в Эйзенахе, а дядя его, также Иоганн Христофор 182 С.С. Жданов

Бах, – гоф-унд-штатс-музикус в Арнштадте и что он сам имеет честь быть органистом ордруфской соборной церкви» [12. С. 152]. Это наследование-повторение характеристик — черта, свойственная немецким героямфилистерам. Сравните, например, со словами немца-кроко-дильщика из рассказа Ф.М. Достоевского «Крокодил»: «Мейн фатер показаль крокодиль, мейн гросфатер показаль крокодиль, мейн зон будет показать крокодиль, и я будет показать крокодиль!» [14. С. 184]. С образами типажных недалеких филистеров образ Христофора роднит также мотив курения трубки, который акцентируется нарочитым ироническим повторением: «выкурил десятую трубку» [12. С. 157]. Отметим также, что в ахронном пространстве важна не новизна повествования, а социальный ритуал рассказывания как поддержания общности, в результате чего герои могут по десять раз искренне смеяться над одной и той же историей: «...в десятый раз рассказывал анекдот про свой канон... в десятый раз все присутствующие принимались смеяться от чистого сердца...» [Там же].

Напыщенность, следующая из сознания выполнения своего долга, также характерная черта типажного немца, занимающегося своей работой «во всем параде»: «...Христофор садился за клавикорд или за органы не иначе, как в чулках и башмаках и в пуклях с кошельком, величественно возлегавшим по плисовому оранжевому кафтану...» [Там же. С. 153]. Развлечения, которые себе позволяет Христофор Бах, также носят отвлеченный характер умственной игры: «...он был известен за чрезвычайного искусника составлять... музыкальные загадки... никто труднее Христофора не выдумывал хода канону; никто не приискивал ему замысловатее эпиграфа» [Там же].

Логика ахронного действия в сочетании с умозрительностью как типажной немецкой характеристикой порождают запланированность жизни следующего поколения в форме повторения жизни предыдущего. Христофор, любящий младшего брата, как сына, стремится сделать из последнего идеального музыканта по собственным представлениям, возведенным в педантичную систему, хвалясь, «...что, следуя своей системе, он через 30 лет сделает своего меньшего брата первым органистом в Германии» [Там же. С. 153–154]. Система эта заключается в доведенном до абсурда музыкальном повторении: «Он написал на нотном листочке прелюдию и заставил Себастияна играть ее по нескольку часов в день... а по истечении двух лет перевернул нотный листок вверх ногами и заставил Себастияна в этом новом виде разыгрывать ту же прелюдию, и также в продолжение двух лет...» [Там же. С. 153]. Всякая фантазия и импровизация рассматриваются старшим Бахом как отклонение от порядка и сурово пресекаются: «...чтоб Себастиян не вздумал портить своего вкуса какой-нибудь фантазией, он никогда не забывал запирать своего клавихорда... По той же причине тщательно скрывал он от Себастияна все произведения новейших музыкантов...» [Там же]. Музыка, состоящая из «диссонансов», подается этим умозрительным немцем в качестве ужасного «беззакония» [12. С. 153]. Одним словом, Христофор Бах напоминает множество типажных немцев, которых мы встречаем в русской литературе и которые отражают

представление русских о немецкости. Сравните, например, с представлениями об умозрительных немцах русской матери Андрея Штольца из более позднего романа И.А. Гончарова «Обломов»: «...так и ломят эти невежи, так и напирают на то, что у них положено, что заберут себе в голову, готовы хоть стену пробить лбом, лишь бы поступить по правилам» [15. С. 161]. Аналогично старшему Баху Штольц-отец, хотя с куда меньшей педантичностью, стремится, чтобы Андрей вышел повторением его самого: он «...взял колею от своего деда и продолжил её, как по линейке, до будущего своего внука...» [Там же. С. 164].

При этом Бах-старший, поддаваясь хаосу музыки, втайне отходит от декларируемой им строгости: «...сам уже не совсем следовал правилам Гаффория; но дабы наиболее утвердить Себастияна в началах чистой гармонии, не давал ему читать никакой другой книги...» [12. С. 153]. Когда его воспитанник начинает нарушать эти правила, миропорядок Христофора Баха разрушается. «Строгий» [Там же. С. 154], «жестокосердный» [Там же. С. 1551 брат сжигает тетрадь Себастияна с запретными нотами, руководствуясь своими представлениями о должном и превратно понимаемой любовью: «Христофор нежно любил своего брата, понимал, как тяжко огорчит он его гениальную душу, отняв у него плод долгой и тяжкой работы, видел его слезы, слышал его стоны, – и все это весело принес в жертву своей системе, своим правилам, своему образу мыслей» [Там же]. Ведь типажный немец в русской литературе – это человек «умозрительной» системы, который ради этой системы жертвует своей и чужой человечностью. Сравните с впечатлениями матери Штольца: «Она в немецком характере не замечала никакой мягкости, деликатности, снисхождения, ничего того... с чем можно обойти какое-нибудь правило, нарушить общий обычай, не подчиниться уставу» [15. С. 161].

Себастиян же нарушает все правила, по которым выстроил его и свою жизнь старший брат. Он нарушает порядок в речах («хуже всех и как будто с досадою» отвечает пастору), одежде (замаранный о стену кафтан, незастегнутая на башмаке пряжка), поведении («...был рассеян, невежлив, толкал своих соседей, не уступал места старикам и не умел никому выговорить...» уважительных «длинных кудрявых фраз» [12. С. 156]) и, наконец, в музыке («попадал беспрестанно в фальшивые квинты» [Там же. С. 157]). Все это для Христофора – знаки беспорядка, разрушающего упорядоченное бытие умозрительного немца: «В понятиях Христофора музыка соединялась со всеми семейными и общественными обязанностями: фальшивая квинта и невежливое слово были для него совершенно одно и то же, и он был твердо уверен, что человек, не наблюдающий всеми принятых обыкновений, невежливый, неопрятно одетый, никогда не может быть хорошим музыкантом...» [12. С. 156–157]. В результате «...в добром Христофоре зародилось грустное сомнение: неужели он ошибся в своей системе – или, лучше сказать, в своем брате - и из Себастияна не выйдет ничего путного?» [Там же. С. 157]. Как видим, здесь действует тот же принцип: не система для человека, а человек для системы. «Умозрительный» немец не 184 С.С. Жданов

может отказаться от своей системы ни ради здравого смысла, ни ради любви к близкому человеку.

Хаотическое начало, которое Христофор приписал брату, разрушает и его собственную жизнь: побег из гостей убеждает воспитателя в огорчительной мысли, «...что Себастиян – человек погибший...», которая в итоге вызывает у старшего брата болезнь, от которой он «вскорости» умирает [Там же. С. 160]. Сходным образом терпит поражение в своем противостоянии с хаосом другой типажный немец – инженер Пекторалис из рассказа Н.С. Лескова «Железная воля». Для Христофора обернувшийся фиаско день конфирмации Себастияна должен был стать днем триумфа немецкого порядка, подразумевающего замыкание очередного символического ахронного цикла поколений: «Христофор Бах пожелал, чтоб это важное происшествие в жизни протестанта случилось при могиле общего отца их, дабы она была, так сказать, свидетелем, что старший брат вполне исполнил родительскую обязанность...» [Там же. С. 156], т.е. по логике данного пространства роль умершего отца принимает на себя старший брат (второй цикл), который, в свою очередь, умирает и его место занимает младший брат (третий цикл), являющийся повторением своего отца и брата. Себастиян своим поступком разрушает эту схему патриархальной идиллии.

Точно так же Гуго Пекторалис терпеливо предвкущает триумф своей железной воли. Для этого он, будучи женат, откладывает первую брачную ночь, пока не соберет нужную сумму денег: «...если бы я не устроился как нужно, я бы и тридцать три года так прожил» [16. С. 39]. Сравните с самоуверенным заявлением Христофора, что он за тридцать лет сделает Себастияна «первым органистом в Германии» [12. С. 154]. В итоге триумф «настоящей» женитьбы Пекторалиса, которая также призвана замкнуть идиллический цикл, оборачивается глубоким разочарованием немецкого героя, поскольку воля жены оказывается не столь железной, как у супруга, после чего карьера последнего идет на спад, и он в конце концов погибает, не в силах отступить от собственной умозрительной системы «железной воли». И хотя «инициация» Себастияна проходит не по тому сценарию, который представлял себе брат, тот умирает, следуя строгой циклической логике как выполнивший свою функцию: недаром повествование о дне «причащения» Баха-младшего к музыке вводит ремарка «незадолго перед кончиною Христофора» [Там же. С. 156], которая будто бы выстраивает исподволь ироническую «причинно-следственную» связь между этими событиями (своего рода post hoc).

Еще одним элементом, объединяющим образы музыкантов-теоретиков из новеллы «Последний концерт Бетховена» и Христофора Баха, является мотив двух восторгов. В первом случае, напомним, Бетховен обвиняет своих противников в рационалистическом «холодном восторге» [Там же. С. 122]. Бах-старший сходным образом уверяет воспитанника, что восторг должен быть умеренным и подчиняться правилам, причем опирается, как и «умозрительные» немцы-ученые, на книжный авторитет: «...восторг должен существовать в музыканте, как о том пишет и Гаффорий, но... для восторга должно выбирать пристойное время <...> всякий восторг, всякая страсть

должна основываться на правилах благоразумия и пристойного поведения <...> увлекаться каким бы то ни было чувством есть дело человека безнравственного и неблаговоспитанного...» [12. С. 160]. Напротив, Бетховен и Бах познают истинный восторг творчества, не подчиняющийся никаким правилам и идущий не от ratio, а от emotio. Антитеза двух восторгов является основополагающей для «Последнего концерта Бетховена»: сначала герой вспоминает о минутах восторга, когда он верит, «...что... превратное состояние искусства продлиться не может; что новыми, свежими формами заменятся обветшалые <...> что исчезнет наконец нелепое различие между музыкою писаною и слышимою», а затем противопоставляет «холодный восторг» собственному чувству, которое обозначает как «художнический восторг» [Там же. С. 122]. Он описывается в пантеистических ощущениях слияния демиурга со своим миром в акте творения: «...целый мир для меня превращается в гармонию, всякое чувство, всякая мысль звучит во мне, все силы природы делаются моими орудиями, кровь моя кипит в жилах, дрожь проходит по телу и волосы на голове шевелятся...» [Там же. С. 123].

Этот восторг испытывает и Себастиян Бах, когда обнаруживает запретную книгу с нотами и начинает ее переписывать по ночам («Кто опишет восторг его <...> Целую ночь провел он в этом занятии <...> беспрестанно увлекаясь юным, пламенным порывом...» [Там же. С. 154]; «...восторг Себастияна длился шесть месяцев <...> каждую ночь, как пламенная дева, приходило к нему знакомое наслаждение; оно не вспыхивало и не гасло, оно тлело тихо, ровным, но сильным огнем, как тлеет металл, очищаясь в плавильном горниле» [Там же. С. 155]), а также во время ночного побега в церковь к органу, когда ему открывается видение гармонического мира, где «все... жило гармоническою жизнию <...> и невидимый голос внятно произносил таинственные слова религии и искусства...» [Там же. С. 159].

Как и в «Последнем концерте Бетховена», в новелле «Себастиян Бах» встречаются образы филистеров-ремесленников, например Банделера, изготовителя органов. Тот ориентирован на практические цели своего ремесла, советуя обучающемуся у него Себастияну «не думать о грезах, а употреблять свое время на изучение органного мастерства», поскольку «...оно может доставить ему безбедное на всю жизнь пропитание» [Там же. С. 161]. Банделер, как и Христофор Бах, нацелен на бездумное копирование старого, следование канону, авторитет предыдущих поколений («отцов») и не принимает новаций: «Новизна и мудрованье в нашем деле, как и во всяком другом, никуда не годятся. Наши отцы... не глупые были люди; они все хорошее придумали, а нам уж ничего выдумывать не оставили...» [Там же. С. 162]. В качестве примера органный мастер приводит изготовителя Клоца, который одновременно и следует канону, и получает прибыль, т.е. воплощает высший житейский смысл существования филистера: «...возьмет скрипку старого мастера Штейнера, снимет с нее мерку, вырежет доску точь-в-точь по ней <...> оттого у него скрипки нарасхват берут <...> – и вот посмотрите, наш сосед какой себе домик выстроил» [12. С. 162]. Сравните с мерилом успеха типажного немца, Штольца-старшего,

186 С.С. Жданов

также оценивающего достижения своего друга Рейнгольда через «одомашненное» пространство: «Мы вместе из Саксонии пришли. У него четырёхэтажный дом» [15. С. 165]. Типажна и дочка Банделера, «кроткая и прекрасная Энхен» [12. С. 157]. Банделер планирует ее брак с Себастияном так же, как распланировал свою жизнь и работу, подчеркивая преимущества дочери в ведении домашних дел. создании уютной семейной идиллии. характерной для типажных добрых немцев. В ранжировании достоинств Энхен скрывается ирония В.Ф. Одоевского: на первом месте – «искусство вести расход и заниматься другим домашним хозяйством», на втором – «набожность», а внешность («миловидность») – на третьем, как наименее важная характеристика для типажной немки, будущей жены [Там же. С. 161]. В целом такая функциональная роль поддержания идиллического немецкого пространства уготована и супруге Баха Магдалене, воспитанной «в простоте старинных немецких нравов» (как и сам Себастиян, до поры до времени полностью подчинявшийся влиянию брата) и не знавшей «...ничего, кроме своего маленького мира: поутру посмотреть за кухней, потом полить цветы в огороде. после обеда уголок возле окошка и пяльцы, в субботу принять белье, в воскресенье к пастору» [Там же. С. 166]. Лишь встреча с роковым итальянцем разрушает «безмятежную эту идиллию» [4. С. 262].

Еще один мотив, который необходимо обсудить в связи с немецкостью образов музыкантов в произведениях В.Ф. Одоевского, - мотив безумия. На первый взгляд этот мотив только поддерживает романтическую дихотомию, когда есть не-безумцы, или филистеры, как представители бытовой рациональности и карикатурного порядка, и есть противостоящие им безумцы - гении-чудаки. Таким безумцем изображается «странный» учитель Баха, органный мастер Альбрехт, от подражания которому добрый немец Банделер предостерегает своих учеников: «...за все хватается: мало ему органов, нет! он хочет делать и органы, и клавихорды, и скрипки, и теорбы; и над всем этим уж мудрит, мудрит <...> время идет, а торговля его никак не подвигается...» [12. С. 161–162]. Правда, эта схема также лишена однозначности и вводит нас в широкий контекст темы безумия в русской литературе XIX в. Как пишет М.А. Турьян, инспирированная в том числе немецкой литературой «волна романтической эпидемии "безумия"» докатывается к 30-м гг. позапрошлого столетия до России, вызывая на этой почве творческое сближение «на максимально короткое расстояние» Одоевского, Пушкина и Гоголя [4. С. 208]. Она усложняется и приводит к сюжетным перекличкам. Так, расчетливый немец Германн превращается в итоге в безумца, доверяясь «не расчёту, а чуду» [17. С. 119]. Да и созданный позднее персонаж, еще один инженер Гуго Пекторалис, совершает в желании утвердить свою «железную волю» немало чудачеств и также доходит до безумия. Безумием маркируется и Магдалина из новеллы В.Ф. Одоевского, которая из идиллической доброй немки вдруг превращается в трагическую героиню и «...близка к безумию оттого, что полностью отдается во власть "инстинктуального чувства"» [4. С. 264]. «"Инстинктуальное" прозрение» Магдалины приходит в противоречие с мироощущением Баха «с его "математическим мышлением"» [4. С. 264], так что музыкант подозревает в безумии свою жену, просящую бросить немецкие фуги и писать итальянские канцонетты. Эту мысль В.Ф. Одоевский теоретически изложит в заметке «Наука инстинкта»: «...человек может дойти до сумасшествия, предаваясь одному инстинктуальному бессознательному чувству...» [18. С. 201]. Безумен также Бетховен, отдавшийся целиком музыке и «источенный, как и И. Берглингер, собственной высокой фантазией» [7. С. 45]. Портретное описание героя — полная противоположность «опрятности» и «приличности» филистеров: «...человек в черном сюртуке, без галстука, с растрепанными волосами», с горящими глазами [12. С. 118]. Он проявляет «буйную радость», хлопает в ладоши, топает ногами [Там же. С. 119]. Бетховен — воплощенное emotio, в его душе «...нет гармонии, ибо он отдался чувствам, страстям» [19. С. 16].

Однако остается вопрос, безумен ли Бах Одоевского? Ряд исследователей отрицают это. Так, согласно М.А. Турьян, «...великий Бах никогда не был в глазах Одоевского... романтическим "безумцем"» [4. С. 260], хотя на него «ложится отсвет» албрехтовского «творческого "безумия"» [Там же. С. 261]. Герою ставится в вину, что он «...чересчур рационалистически выстраивает свою судьбу и творчество...» [7. С. 52], предает свою детскую одержимость музыкой [4. С. 260]. Причем в своей умозрительности Бах парадоксально соотносится с расчетливыми филистерами: «Не имея на первый взгляд ничего общего с меркантильностью и расчетом», рационализм «определяет «жизненный и творческий путь» [7. С. 58] героя, который привык «к мелодическому спокойствию», видит «в каждой ноте» «математическую необходимость» [12. С. 176] и даже итальянскую канцонетту обращает в фугу.

Действительно, образ Баха включает черты, которые отсылают к музыкантам-теоретикам, противопоставленным в художественной системе В.Ф. Одоевского истинным гениям: в семье Бах оказывается «лишь профессор между учениками» [Там же. С. 181], его «однообразные, минорные напевы» вызывают «холод» в современных слушателях [Там же. С. 149] (вспомним «холодный восторг» из новеллы «Последний концерт Бетховена»; в биографиях Бах предстает как «какой-то брюзгливый старик с насмешливою миною, с большим напудренным париком, - с величием директора департамента» [Там же. С. 149–150], что напоминает его старшего брата Христофора. Однако, по В.Ф. Одоевскому, это является не истиной, а лишь искажением восприятия личности «вечно юного» композитора, понять которого способен лишь другой художник «с пламенным сердцем, с возвышенным умом» [Там же. С. 149]. Воплощающему emotio Бетховену его противниками также приписывается черта музыкантов-педантов -«кропотливый педантизм бездарного контрапунктиста» [Там же. С. 118]. Трагедию рационального Баха исследователи видят в «односторонности» [7. С. 53; 8. С. 58], но односторонен и эмоциональный Бетховен, который «...во имя торжества искусства предает забвению земную жизнь и простых смертных» [7. С. 46]. Как нам кажется, сам В.Ф. Одоевский далек от одно188 С.С. Жданов

значных трактовок образа Баха, недаром отмечая сходство состояний «сумасшедшего» и «поэта, всякого гения-изобретателя» [20. С. 264]. Бах остается одержим музыкой на протяжении всей жизни, сочиняя фуги день за днем, подобно тому, как безумный Германн повторяет названия трех роковых карт. Бах безумец, но на особый «немецкий» умозрительный манер: рациональный в средствах, но иррациональный в преследуемой цели.

Итак, анализ «немецкого» кода новелл В.Ф. Одоевского о музыкантах позволяет расширить сферу интерпретации текста и выявить «генетическую» связь образов немецких музыкантов и иных маркированных немецкостью образов с традицией изображения немцев в русской литературе XIX в., в частности представление об «умозрительности» немецкой нации. Это дополняет уже имеющиеся исследования по теме образов художников в творчестве В.Ф. Одоевского, раскрывая систему оппозиций «гении – филистеры», «безумие – рациональность», «разум – чувство».

Литература

- 1. *Маймин Е.А.* Владимир Одоевский и его роман «Русские ночи» // Одоевский В.Ф. Русские ночи. Л., 1975. С. 247–276.
 - 2. Грановский Б. Записки о Вл. Одоевском // Сов. музыка. 1952. № 9. С. 44–50.
- 3. *Пушкарева Ю.Е.* Итальянская живопись в творчестве В. Ф. Одоевского: образ Мадонны // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2017. Вып. 7 (184). С. 134–139.
- Турьян М.А. Странная моя судьба: О жизни В.Ф. Одоевского. М.: Книга, 1991.
 399 с.
- 5. Schneider M. Ein russischer Faust und ein russischer Hoffman Vladimir Odoevskij // Deutsche und Deutschland aus russischen Sicht. Bd. 3: 19. Jahrhundert: Von der Jahrhundertwende bis zu den Reformen Alexanders II. München: Wilhelm Fink Verlag, 1998. S. 463–485.
- 6. Жуковская А.В., Мазур Н.Н., Песков А.М. Немецкие типажи русской беллетристики (конец 1820-х начало 1840-х гг.) // Новое литературное обозрение. 1998. № 34. С. 37–54.
- 7. *Милюгина Е.Г.* В.Ф. Одоевский и Вакенродер // В.-Г. Вакенродер и русская литература первой трети XIX века. Тверь, 1995. С. 37-58.
 - 8. Ступель А.М. В.Ф. Одоевский. 1804–1869. Л.: Музыка, 1985. 94 с.
 - 9. Вакенродер В.-Г. Фантазии об искусстве. М.: Искусство, 1977. 263 с.
 - 10. Фонвизин Д.И. Собрание сочинений: в 2 т. М.; Л.: Худож. лит., 1959. Т. 2. 742 с.
 - 11. Манн Т. Собрание сочинений: в 10 т. М.: Худож. лит., 1961. Т. 10. 696 с.
 - 12. Одоевский В. Ф. Сочинения: в 2 т. М.: Худож. лит., 1981. Т. 1. 365 с.
- 13. *Лотман Ю.М.* Проблема художественного пространства в прозе Гоголя // Лотман Ю.М. Избр. ст. : в 3 т. Таллин, 1992. Т. 1. С. 413–447.
 - 14. *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений : в 30 т. Л. : Наука, 1973. Т. 5. 406 с.
 - 15. Гончаров И.А. Собрание сочинений: в 6 т. М.: Правда, 1972. Т. 4. 526 с.
 - 16. Лесков Н.С. Собрание сочинений: в 11 т. М.: Худож. лит., 1957. Т. 6. 686 с.
- 17. Шмид В. «Пиковая дама» как метатекстуальная новелла // Шмид В. Проза как поэзия: Пушкин. Достоевский. Чехов. Авангард. СПб., 1998. С. 103–144.
 - 18. Одоевский В.Ф. Русские ночи. Л.: Наука, 1975. 320 с.
- 19. Пашаева Т.Н. Художник и искусство в книге В.Ф. Одоевского «Русские ночи» // Вестник Дагестанского государственного университета. Сер. 2: Гуманит. науки. 2005. № 6. С. 14-20.

 $20.\ \it{Odoeвский}\ \it{B.\Phi.}$ Кто сумасшедшие? // Семиотика безумия : сб. статей / сост. Н. Букс. Париж ; Москва, $2005.\ C.\ 257–266.$

THE IMAGE OF A GERMAN MUSICIAN IN STORIES BY VLADIMIR ODOYEV-SKY

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2018. 55. 177–190. DOI: 10.17223/19986645/55/12

Sergey S. Zhdanov, Siberian State University of Geosystems and Technologies (Novosibirsk, Russian Federation), Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: fstud2008@yandex.ru

Keywords: imagology, Germanness, German character, philistine, image of musician, Romanticism.

The paper describes images of German musicians created by the famous Russian writer Vladimir Odoyevsky in his stories "Beethoven's Last Concert" and "Sebastian Bach" from the viewpoint of literary imagology. These images are associated with the conceptualization of Germanness in Russian culture in two ways. On the one hand, the image of an artist in Russian literature is notably inspired by knowing the German tradition. The author emphasizes the influence of images created by W.H. Wackenroder, Novalis and E.Th.A. Hoffmann on the images of musicians in Odoyevsky's stories. The special focus of the paper is on the literary 'dialogue' between Wackenroder and the Russian writer on the basis of representing artists in their works. On the other hand, it is worth noting that the generalized Russian conceptualization of the German nation had influence on Odoyevsky's images. What is meant here is the conception of 'speculativeness' of Germans living strictly according to a plan or an idée fixe. In the frame of literary works, it means dividing the space of German characters into the world of philistines destined for a recurrence of the same actions, emotions and words, and the world of geniuses who only think about their art. It also corresponds to the conception of the Romantic bi-worldness.

There is a similar dichotomy in the stories by Odoyevsky. The world of musical philistines is represented both by generalized personages (musical instruments manufacturers, instrumentalists, vocalists, music scholars-theorists) and by characters that are described relatively in detail, for example, Sebastian Bach's elder brother Christoph Bach, the organ builder Bandeler with his daughter Annchen. Some of these characters (Christoph Bach, music theorist and composer Gottfried Weber) have their prototypes in reality, but in general 'real' images undergo an essential transformation in the space of the stories. The typical features of 'musical' philistines are traditionalism, pedantry, rationality and pragmatism as well as rigorism verging on cruelty. Their world is hierarchically structured and achronic.

The world of musical geniuses is a world of music, and their lives are dedicated to serving it. Thus, Odoyevsky associates the image of music with the motif of obsession. Sebastian Bach is obsessed with his fugues. In the image of Beethoven, the borderland between genius and insanity is blurred. The motif of 'musical' obsession is also typical for the images of Bach's wife Magdalina and her father, organ builder Albrecht. These characters show passion for novelty, changes. Conversely, the image of Bach is ambivalent. The motives of recurrence and rationalism unite it with the philistine world, which is expressed by the motif of human soul 'remaking' in the text. The world of philistine Germans is described as antagonistic to geniuses, and it tries to make the latter follow the crowd.

References

1. Maymin, E.A. (1975) Vladimir Odoyevskiy i yego roman "Russkiye nochi" [Vladimir Odoyevsky and his novel "Russian Nights"]. In: Odoyevsky, V.F. *Russkiye nochi* [Russian Nights]. Leningrad: Nauka.

190 С.С. Жданов

- 2. Granovskiy, B. (1952) Zapiski o Vl. Odoyevskom [Notes on V. Odoyevsky]. *Sov. muzyka*. 9. pp. 44–50.
- 3. Pushkareva, Yu.E. (2017) Italian painting in the creativity of V.F. Odoevsky: The image of Madonna. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta Tomsk State Pedagogical University Bulletin.* 7 (184). pp. 134–139. (In Russian). DOI: 10.23951/1609-624X-2017-7-134-139
- 4. Tur'yan, M.A. (1991) *Strannaya moya sud'ba: O zhizni V.F. Odoyevskogo* [My strange fate: On the life of V.F. Odoyevsky]. Moscow: Kniga.
- 5. Schneider, M. (1998) Ein russischer Faust und ein russischer Hoffman Vladimir Odoevskij [A Russian Faust and a Russian Hoffman Vladimir Odoyevsky]. In: *Deutsche und Deutschland aus russischen Sicht* [Germans and Germany from a Russian point of view]. Vol. 3. Munich: Wilhelm Fink Verlag.
- 6. Zhukovskaya, A.V., Mazur, N.N. & Peskov, A.M. (1998) Nemetskiye tipazhi russkoy belletristiki (konets 1820-kh nachalo 1840-kh gg.) [German characters of Russian fiction (late 1820s early 1840s)]. *Novoye literaturnoye obozreniye New Literary Observer*. 34. pp. 37–54.
- 7. Milyugina, E.G. (1995) V.F. Odoyevskiy i Vakenroder [V.F. Odoevsky and Wackenroder]. In: Kartashova, I.V. (ed.) *V.-G. Vakenroder i russkaya literatura pervoy treti XIX veka* [W.-H. Wackenroder and Russian literature of the first third of the nineteenth century]. Tver: Tver State University.
 - 8. Stupel, A.M. (1985) V.F. Odoyevsky. 1804–1869. Leningrad: Muzyka. (In Russian).
- 9. Wackenroder, W.H. (1977) Fantazii ob iskusstve [Fantasies about art]. Translated from German. Moscow: Iskusstvo.
- 10. Fonvizin, D.I. (1959) *Sobraniye sochineniy: v 2 t.* [Collected Works: in 2 vols]. Vol. 2. Moscow; Leningrad: Khudozh, lit.
- 11. Mann, T. (1961) *Sobraniye sochineniy: v 10 t.* [Collected Works: in 10 vols]. Translated from German. Vol. 10. Moscow: Khudozh. lit.
- 12. Odoyevsky, V.F. (1981) *Sochineniya: v 2 t.* [Works: in 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Khudozh. lit.
- 13. Lotman, Yu.M. (1992) *Izbr. st.: v 3 t.* [Selected articles: in 3 vols]. Vol. 1. Tallin: Aleksandra. pp. 413–447.
- 14. Dostoyevskiy, F.M. (1973) *Polnoye sobraniye sochineniy: v 30 t.* [Complete Works: in 30 vols]. Vol. 5. Leningrad: Nauka.
- 15. Goncharov, I.A. (1972) Sobraniye sochineniy: v 6 t. [Collected Works]. Vol. 4. Moscow: Pravda.
- 16. Leskov, N.S. (1957) *Sobraniye sochineniy: v 11 t.* [Collected Works: in 11 vols]. Vol. 6. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
- 17. Shmid, V. (1998) *Proza kak poeziya: Pushkin. Dostoyevskiy. Chekhov. Avangard* [Prose as poetry: Pushkin. Dostoevsky. Chekhov. Avant-garde]. St. Petersburg: INAPRESS. pp. 103–144.
 - 18. Odoyevsky, V.F. (1975) Russkiye nochi [Russian Nights]. Leningrad: Nauka.
- 19. Pashayeva, T.N. (2005) Khudozhnik i iskusstvo v knige V.F. Odoyevskogo "Russkiye nochi" [The artist and art in V.F. Odoyevsky's "Russian Nights"]. *Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2: Gumanit. nauki.* 6. pp. 14–20.
- 20. Odoyevsky, V.F. (2005) Kto sumasshedshiye? [Who is crazy?]. In: Buks, N. (ed.) *Semiotika bezumiya* [Semiotics of madness]. Paris; Moscow: Evropa.

УДК 821.161.1

DOI: 10.17223/19986645/55/13

С.А. Кибальник

К РАЗГАДКЕ ОДНОЙ ПИСАТЕЛЬСКОЙ ДИФФАМАЦИИ: ПОЧЕМУ Н.Н. СТРАХОВ ОКЛЕВЕТАЛ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО?¹

Статья построена на сопоставлении рабочих тетрадей Достоевского и романа «Братья Карамазовы» с его восприятием личности Николая Страхова. Исправленный текст отзыва о Страхове в рабочей тетради Достоевского, как показано в статье, почти буквально повторен в «Братьях Карамазовых» применительно к Ракитину. Сам же образ Ракитина представляет собой своего рода криптографический памфлет против Страхова. Таким образом, скорее всего Страхов «узнал себя» в Ракитине, и именно это сподвигло его на клевету.

Ключевые слова: диффамация, криптографический, автобиографизм, памфлет, писатель, «Братья Карамазовы», рабочие тетради.

Как известно, в письме к Л.Н. Толстому от 28 ноября 1883 г. Н.Н. Страхов оклеветал Ф.М. Достоевского, отождествив его с некоторыми его героями и обвинив писателя в их грехах, в том числе и в педофилии. Этой клевете поверили многие философы и писатели XX в. – от Льва Шестова до Виктора Ерофеева. В самом положительном смысле она то и дело воспроизводится и сегодня, причем на сайтах весьма почтенных СМИ (см.: [1]).

При этом, как правило, ссылаются на то, что свидетельство принадлежит другу Достоевского критику и философу Николаю Страхову, у которого, якобы, не было никаких оснований клеветать на него [2, 3]. Между тем в действительности в последние годы жизни Достоевский со Страховым не общался, повод для того, чтобы оклеветать писателя, появился сразу после журнальной публикации им романа «Бесы» (1871–1872) [4. С. 75–109], а серьезный соблазн оклеветать его возник у Страхова позднее. Однако обо всем по порядку.

«Что сей сон значит?» Статья Страхова и роман Достоевского «Братья Карамазовы»

Статье Страхова «Наблюдения (Посвящ<ается> Ф.М. Д<остоевско>му)», в которой идет речь о разногласиях между ним и Достоевским, обнаружившихся во время их совместного пребывания во Флоренции в 1862 г., предпослан эпиграф: «Можешь ли ты рассказать мне сон, кото-

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-10034), ИРЛИ РАН.

рый я видел, и сказать, **что он значит**?» [5. С. 560]¹. Эпиграф этот получает развитие в самой статье, причем в разговоре на важнейшую тему, которая отразилась в «Записках из подполья» [6. С. 109–114]. Это спор о том, сколько будет дважды два, и связан он с чрезмерным рационализмом Страхова.

В конце статьи Страхов снова возвращается к образу, использованному в эпиграфе: «...они могут утверждать даже и то, что дважды два — не четыре <...> они, как некогда восточные цари, могут грезить все, что им угодно, а я, как их придворные волхвы, под страхом казни, обязан понимать все, что им ни пригрезится, да, пожалуй, еще находить в их снах смысл высокий и пророческий. Остается разве только одно, — чтобы вы возложили на меня обязанность не только понимать, но и отгадывать их сны, как этого требовал от своих волхвов тот древний царь, который однажды забыл свой сон и помнил только, что ему было страшно» [5. С. 561].

А теперь обратим внимание на то, что при первом появлении Михаила Ракитина в «Братьях Карамазовых» его разговор с Алешей после коленопреклонения старца Зосимы перед Дмитрием также начинается с этой реплики:

- Скажи ты мне, Алексей, одно: **что сей сон значит?** Я вот что хотел спросить.
 - Какой сон?
- А вот земной-то поклон твоему братцу Дмитрию Федоровичу. Да еще как лбом-то стукнулся! <...>
 - Не знаю, Миша, что значит.
- Так я и знал, что он тебе это не объяснит. Мудреного тут, конечно, нет ничего, одни бы, кажись, всегдашние благоглупости. Но фокус был проделан нарочно. Вот теперь и заговорят все святоши в городе и по губернии разнесут: «Что, дескать, сей сон означает?» По-моему, старик действительно прозорлив: уголовщину пронюхал. Смердит у вас.
 - Какую уголовщину?

Ракитину видимо хотелось что-то высказать.

- В вашей семейке она будет, эта уголовщина [7. Т. 14. C. 72-73].

Когда Алеша оспорит утверждение Ракитина о том, что Иван хочет жениться на Катерине Ивановне из-за денег, тот снова повторит свою формулу относительно «сна»: «Это еще что за сон? Ах вы... дворяне!» [Там же. С. 76].

Мотив значения «сна» в тексте романа Достоевского содержит, повидимому, скрытые отсылки к наброску посвященной ему статьи Страхова «Наблюдения». Правда, последнее верно только в том случае, если этот набросок был известен Достоевскому, но, поскольку он обращен именно к нему и речь в нем идет о старом споре с ним, то это более чем вероятно.

Скрытые отсылки к этому наброску в «Братьях Карамазовых» должны были прямо дать понять посвященному читателю – к каковым, безусловно,

 $^{^{1}}$ Здесь и далее выделено полужирным мною. – *С.К.*

относился Страхов — что прототипом Ракитина является он сам. Так что если остальные читатели могли лишь догадываться о том, что в Ракитине воплощены некоторые черты Страхова, то у самого Страхова, которому и была адресована эта своего рода криптограмма Достоевского, не оставалось в этом ни малейших сомнений.

Чтобы решить, подтверждается ли все это характеристиками и поведением Ракитина в романе, сопоставим их с тем, как представлял себе Достоевский личность Страхова в период создания этого образа.

«Отречение» Страхова от Достоевского

Большинство исследователей полагает, что отношения между Достоевским и Страховым были испорчены в середине 1870-х гг. и до смерти Достоевского так окончательно и не восстановились.

Считалось, что ссора была вызвана тем, что свой новый роман «Подросток» Достоевский отдал в «Отечественные записки» Некрасова. Однако после этого общение продолжилось, причем после появления конца первой части романа в февральском номере «Отечественных записок» Страхов в письме от 21 марта 1875 г. наговорил Достоевскому кучу комплиментов по поводу его нового романа.

Это письмо, по мнению А.С. Долинина, свидетельствует о том, что «недоразумения, возникшие между ними в связи с "Подростком" <...> стали менее острыми» [8. С. 280]. Так что, по всей видимости, были какието другие, обстоятельства, заставившие позднее Страхова сделать в письме к Толстому от 11 марта 1879 г. следующее признание: «Я Тургенева и Достоевского, простите меня, не считаю людьми...» [9. Т. 2. С. 502].

Мы вправе предположить, что Достоевский в это время платил Страхову той же или почти той же монетой. Во всяком случае, как писал сам Страхов в своих «Воспоминаниях...», «непобедимая мнительность иногда заставляла его (Достоевского. – C.K.) смотреть и на меня, как на человека, имеющего к нему что-то враждебное, недостаточно к нему расположенного, и это очень огорчало меня» [10. С. 317–318]. Сообщая Толстому о смерти Достоевского, Страхов упомянул о «глупых размолвках» и о том, что они «не ладили все последнее время» [9. Т. 2. С. 591].

В бумагах Страхова сохранилась запись «Для себя»: «Во все время, когда я писал воспоминания о Достоевском, я чувствовал приступы того отвращения, которое он часто возбуждал во мне и при жизни и по смерти; я должен был прогонять от себя это **отвращение**, побеждать его более добрыми чувствами, памятью его достоинств и той цели, для которой пишу» [5. С. 564].

Никак не проявив этого своего «отвращения» в самих «Воспоминаниях...» (еще бы! А.Г. Достоевская, издававшая сборник, в который они вошли, просто не стала бы их печатать!), Страхов все же счел нужным как-то его выразить. И ему показалось, что наиболее подходящий для этого способ — написать об этом своему многолетнему корреспонденту Л.Н. Тол-

стому. Послав ему только что вышедшие из печати свои «Воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском», он решает «исповедаться» Толстому, признавшись в том, что ранее формулировал «для себя»: «Все время писания я был в борьбе, я боролся с подымавшимся во мне **отвращением**, старался подавить в себе это дурное чувство» [9. Т. 2. С. 652].

И далее в этом письме к Толстому от 28 ноября 1883 г. следует текст, который В.А. Туниманов справедливо называет «актом не освобождения, а, пожалуй, отречения» [12. С. 269] Страхова от Достоевского:

Он был зол, завистлив, **развратен**, и он всю жизнь провел в таких волнениях, которые делали его жалким и делали бы смешным, если бы он не был при этом так зол и так умен. <...> Его **тянуло к пакостям**, и он хвалился ими. Висковатов стал мне рассказывать, как он похвалялся, что соблудил в бане с маленькой девочкой, которую привела ему гувернантка. Заметьте, что, **при животном сладострастии**, у него не было никакого вкуса, никакого чувства женской красоты и прелести. Это видно в его романах. Лица, наиболее на него похожие, — это герой Записок из подполья, Свидригайлов в *Прест*<уплении> и Нак<азании> и Ставрогин в Бесах; одну сцену из Ставрогина (растление и пр.) Катков не хотел печатать, но Д[остоевский] здесь ее читал многим [9. Т. 2. С. 652].

Столь резкий и, как было неоднократно показано [12–14], несправедливый отзыв Страхова о Достоевском обыкновенно предположительно объясняют тем, что после его смерти критик познакомился с одним не менее резким отзывом о нем самого писателя, содержавшимся в рабочей тетради Достоевского 1876–1877 гг., которую, возможно, вместе с другими тетрадями давала ему вдова писателя для работы над его «Воспоминаниями…» [15. С. 44–45]. Однако никаких доказательств того, что у Страхова эта тетрадь действительно была и что он эту запись (между прочим, чрезвычайно неразборчивую) читал, нет¹.

Что касается самой записи Достоевского [7. Т. 24. С. 239–240], то она также вызывает удивление своей резкостью. Туниманов связывал ее с критической аллюзией на Страхова в черновых записях к выпуску «Дневника писателя» за июль – август 1876 г., который в статье «Женский вопрос» неосторожно высказал свое предпочтение английской женщине перед русской [7. Т. 23. С. 88–89]. Исследователь и сам не видел в ней достаточного основания для подобной резкости [11. С. 271]². Почему гнев Достоевского выразился в столь резкой форме, так и остается неясным.

¹ «Косвенное доказательство» этого можно видеть в письме Страхова к А.Г. Достоевской от 21 октября 1883 г.: «...будете печатать *из Записной книжки*, то необходимо мне взглянуть, – только взглянуть. Я после Вам объясню» [16. С. 68].

² В.Н. Захаров предположил, что причиной для резкого отзыва Достоевского послужили обнародованные еще ранее космополитические высказывания Страхова в его корреспонденциях 1875 г. «Из Рима»: «Презрительно, свысока сказано о народе: "Мы не знаем, для чего они так берегут себя; для нас непонятно то таинственное будущее, из-за которого они так мало дорожат своими головами; но ведь это уж наша печаль, а

Текстуальные переклички

Особенно резкие слова Достоевского о Страхове в этом черновом наброске лишь сравнительно недавно были прочитаны правильно. «...Несмотря на свой строго-нравственный вид, втайне сладострастен и за какую-нибудь жирную грубо-сладострастную пакость готов предать всех и все, и гражданск<ий> долг, которого не ощущает, и родину, до которой ему все равно, и идеал, которого у него не бывает...» — писал Достоевский о Страхове, скорее всего в 1876 г.²

По-видимому, именно поэтому до настоящего времени никто не обратил внимания на серьезную перекличку черновой записи Достоевского о Страхове с отзывом о Достоевском самого Страхова в письме к Толстому: «При животном сладострастии», «его тянуло к пакостям, и он хвалился ими»³. Данная перекличка укрепляет предположение о том, что с его стороны это был «своеобразный "ответ" Достоевскому». Однако был ли это ответ Страхова именно на черновую запись Достоевского о нем или на что-то другое, только на нее или на что-то еще, мы увидим ниже.

Возникает также вопрос о том, имеют ли Достоевский и Страхов в виду одно и то же или речь у них, при всем сходстве словоупотребления, идет о несколько различных вещах. Очевидно, что Страхов имеет в виду плотские грехи и даже педофилию, о которой он прямо пишет: «Его тянуло к пакостям, и он хвалился ими. Висковатов стал мне рассказывать, как он похвалялся, что соблудил в бане с маленькой девочкой...» [9. Т. 2. С. 652].

У Достоевского же речь идет скорее о любви к сплетням и способности к клевете: «...за какую-нибудь жирную грубо-сладострастную **пакость** готов продать всех». Эти слова наводят на предположение о том, что Страхов участвовал в распространении клеветнических слухов об автобиографичности главы «Бесов» «У Тихона», содержавшую признание Ставрогина в совращении девочки, которые появились после отказа журнала «Русский вестник» напечатать эту главу, и о том, что Достоевский в какой-то момент узнал об этом⁴.

не их". Именно эти туристические заметки дали Достоевскому повод заподозрить Страхова в готовности предать родину» [16. С. 67]. Впрочем, выраженные в этих заметках космополитические наклонности Страхова всего лишь предваряют будущее предпочтение им английской женщины русской в статье «Женский вопрос». Между тем, например, Туниманов отвергал эти наклонности в качестве возможной основной причины резкого отзыва Достоевского о Страхове.

¹ РГАЛИ. Ф. 212. Оп. 1. № 16. С. 266. Текст этой записи приводится по Полному собранию сочинений [7. Т. 24. С. 240] с исправлением в нем неточностей [17. С. 50].

² Запись расположена среди заметок к «Дневнику писателя» за 1876 г. (между материалами, относящимися к июлю-августу и к сентябрю) [7. Т. 24. С. 234–239].

³ Впрочем, Л.М. Розенблюм и ранее ощущала, что кое-что в черновом отзыве о Страхове в рабочей тетради Достоевского «напоминает слова Страхова о Достоевском в печально-памятном письме его к Толстому» [15. С. 43].

⁴ Предположение о том, что «Достоевскому удалось узнать <...> что в разговорах о "грязи" принимал участие и Страхов», уже высказывалось [15. С. 44].

Это предположение тем более вероятно, что, например, о распространении Страховым клеветнических слухов о Тургеневе Достоевскому было хорошо известно. Сообщая Достоевскому в письме от 4 мая 1871 г. о нежелании Тургенева встречаться с ним после резкого отзыва Страхова о Тургеневе в печати, критик сам тут же повторял досужие домыслы о писателе: «Какая позорная трусость! Какое отсутствие всякой веры! Я слышал потом, что он ужасно подличал перед молодыми людьми, заискивал у молодого поколения» [8. С. 273].

И как впоследствии Толстому он будет писать о «выходках» Достоевского, «которые он делал **совершенно по-бабьи**», в этом письме к самому Достоевскому он приводит свой весьма сходный отзыв о Тургеневе, отказавшемся, по словам Я.П. Полонского, встречаться со Страховым: «Я хотел Вас позвать, и говорил Тургеневу, сказал, что Вы о нем пишете. Но он – представьте – слышать не хотел, уверял, что никто еще не оскорблял его так, как Вы, что Вы назвали его злоязычной бабой и пр., что Вы говорили не о его таланте, а о нем, как о человеке. Наотрез отказался Вас видеть» [Там же].

То, что Страхов был склонен к передаче сплетен и «скандальных "анекдотов", нередко из весьма недостоверных источников», было известно Толстому и многим другим корреспондентам Страхова [11. С. 251, 278]. Впоследствии Страхов в сходных выражениях отзывался в письме к В.В. Розанову о К.Н. Леонтьеве – как об «одном из отвратительных явлений», человеке, у которого «самые высокие предметы вдруг подчиняются самым низменным стремлениям, развратной жажде наслаждения и услаждения себя» [18. С. 324–325].

Ракитин и Страхов

А теперь давайте вспомним, в чем в первую очередь Ракитин обвиняет не только Дмитрия, но и все семейство Карамазовых – в сладострастии:

Пусть он и честный человек, Митенька-то (он глуп, но честен); но он — **сладострастник**. Вот его определение и вся внутренняя суть. Это отец ему передал свое **подлое сладострастие**. Ведь я только на тебя, Алеша, дивлюсь: как это ты девственник? Ведь и ты Карамазов! Ведь в вашем семействе **сладострастие** до воспаления доведено. Ну вот эти три сладострастника друг за другом теперь и следят... с ножами за сапогом. Состукнулись трое лбами, а ты, пожалуй, четвертый.

- Ты про эту женщину ошибаешься. Дмитрий ее... презирает, как-то вздрагивая, проговорил Алеша.
- Грушеньку-то? Нет, брат, не презирает. Уж когда невесту свою въявь на нее променял, то не презирает. Тут... тут, брат, нечто, чего ты теперь не поймешь. Тут влюбится человек в какую-нибудь красоту, в тело женское, или даже только в часть одну тела женского (это сладострастник может понять), то и отдаст за нее собственных детей, продаст отца и мать, Россию и отечество; будучи честен, пойдет и украдет; будучи кроток заре-

жет, будучи верен – изменит. Певец женских ножек, Пушкин, ножки в стихах воспевал; другие не воспевают, а смотреть на ножки не могут без судорог. Но ведь не одни ножки... Тут, брат, презрение не помогает, хотя бы он и презирал Грушеньку. И презирает, да оторваться не может.

- Я это понимаю, вдруг брякнул Алеша.
- Быдто? И впрямь, стало быть, ты это понимаешь, коли так с первого слова брякнул, что понимаешь, с злорадством проговорил Ракитии. Ты это нечаянно брякнул, это вырвалось. Тем драгоценнее признание: стало быть, тебе уж знакомая тема, об этом уж думал, о сладострастье-то. Ах ты, девственник! Ты, Алешка, тихоня, ты святой, я согласен, но ты тихоня, и черт знает о чем ты уж не думал, черт знает что тебе уж известно! Девственник, а уж такую глубину прошел, я тебя давно наблюдаю. Ты сам Карамазов, ты Карамазов вполне стало быть, значит же что-нибудь порода и подбор. По отцу сладострастник, по матери юродивый. Чего дрожишь? Аль правду говорю? Знаешь что: Грушенька просила меня: "Приведи ты его (тебя то есть), я с него ряску стащу". Да ведь как просила-то: приведи да приведи! Подумал только: чем ты это ей так любопытен? Знаешь, необычайная и она женщина тоже!
- Кланяйся, скажи, что не приду, криво усмехнулся Алеша. Договаривай, Михаил, о чем зачал, я тебе потом мою мысль скажу.
- Чего тут договаривать, всё ясно. Всё это, брат, старая музыка. Если уж **и ты сладострастника в себе заключаешь**, то что же брат твой Иван, единоутробный? Ведь и он Карамазов. В этом **весь ваш карамазовский вопрос заключается: сладострастники**, стяжатели и юродивые! [7. Т. 14. С. 74—75].

Обратим внимание на то, что слова Ракитина: «Тут влюбится человек в какую-нибудь красоту, в тело женское, или даже только в часть одну тела женского (это сладострастник может понять), то и отдаст за нее собственных детей, продаст отца и мать, Россию и отечество» — практически парафраза черновой записи Достоевского о Страхове: «...за какуюнибудь жирную грубо-сладострастную пакость готов продать всех и все, и гражданский долг, которого не ощущает, и родину, до которой ему все равно, и идеал, которого у него не бывает...».

Так что, был ли Страхов знаком с черновой записью о себе в рабочей тетради Достоевского, не так уж важно. Ведь в трансформированном виде она была воспроизведена в «Братьях Карамазовых», а Страхову было очевидно, что в образе Ракитина выведен в первую очередь он сам.

Текстуально отзыв Страхова о Достоевском в письме к Толстому, на перый взгляд чуть ближе к черновой записи в рабочей тетради 1876 г., чем к приведенным словам Ракитина. Впрочем, в тексте романа есть фрагменты, которые содержат и другие мотивы этой черновой записи. Так, например, Дмитрий Карамазов видит Ракитина именно таким: «И такая у него скверная сладострастная слюна на губах...»; «Человек с сладострастной слюной на губах, а губы-то жирные, красные» [Там же. Т. 15. С. 29, 321].

Немного позднее Ракитин на самом деле приведет Алешу к Грушеньке, которая, однако, откажется от своего былого намерения соблазнить его ¹, но зато не скроет, что Ракитин привел его не просто так, а поскольку она обещала ему заплатить за это 25 рублей. Сам же он признается, что сделал это еще и в надежде «увидеть "позор праведного" и вероятное "падение" Алеши "из святых во грешники"» [7. Т. 14. С. 310].

Гипертрофированное самолюбие Страхова в характеристике, данной ему в рабочей тетради 1876—1877 гг., Достоевский отчасти объяснял его семинарским происхождением:

Главное в этом славолюбии играют роль не столько литератора, сочинителя трех-четырех скучненьких брошюрок и целого ряда обиняковых критик по поводу, напечатанных где-то и когда-то, но и два казенные места. Смешно, но истина. Чистейшая семинарская черта. Происхождение никуда не спрячешь. Никакого гражданского чувства и долга, никакого негодования к какой-нибудь гадости, а напротив, он и сам делает гадости; несмотря на свой строго нравственный вид, втайне сладострастен <...> Я еще больше потом поговорю об этих литературных типах наших, их надо обличать и обнаруживать неустанно [Там же. Т. 24. С. 240].

Что касается намерения «больше потом» поговорить «об этих литературных типах наших», то чуть ниже в той же рабочей тетради Достоевский сделал запись, озаглавленную им «Семинарист»: «Семинарист», сын попа, составляющего status in statu, а теперь уж и отщепенца от общества, а казалось бы, надо напротив. <...> Сын его, семинарист (светский), от попа оторвался, а к другим сословиям не пристал, несмотря на все желание. Он образован, но в своем университете (в Духовной академии). По образованию проеден самолюбием и естественною ненавистью к другим сословиям, которые хотел бы раздробить за то, что они не похожи на него. В жизни гражданской он многого внутренне, жизненно не понимает, потому что в жизни этой ни он, ни гнездо его не участвовали, оттого и жизнь гражданскую вообще понимает криво, лишь умственно, а главное отвлеченно» [Там же. С. 241].

Как отметил Туниманов, «очерк о семинаристе, как типе, не будет осуществлен, но и бесследно не исчезнет: пригодится при создании образа Ракитина в "Братьях Карамазовых"» [11. С. 273]. Действительно, этот образ в полной мере предопределен его происхождением.

Писатель наделяет Ракитина как раз отмеченной в рабочей тетради «естественною ненавистью к другим сословиям»:

Завидя теперь входящего Алешу, он (Ракитин. — C.K.) особенно нахмурил брови и отвел глаза в сторону, как бы весь занятый застегиванием своего большого теплого с меховым воротником пальто. Потом тотчас же принялся искать свой зонтик.

¹ В черновых набросках было прямое указание на то, что и с самого начала дело обстояло не совсем так: «*Грушенька*: «А я-то тебя развратить хотела. Вот он (Ракитин) всё хотел, меня подговаривал» [7. Т. 15. С. 261].

- Своего бы не забыть чего, пробормотал он, единственно чтобы чтонибудь сказать.
- **Ты чужого-то чего не забудь!** сострил Митя и тотчас же сам расхо-хотался своей остроте. Ракитин мигом вспылил.
- **Ты это своим Карамазовым рекомендуй, крепостничье ваше отродье**, а не Ракитину! крикнул он вдруг, так и затрясшись от злости [7. Т. 15. С. 27].

Остается только удивляться, как исследователи не заметили в Ракитине многих других черт Страхова. Впрочем, обыкновенно это происходит оттого, что в криптографическом памфлете воплощается не реальная личность, а ее восприятие писателем в период его создания; между тем об этом восприятии исследователи не всегда имеют полное представление.

Образ Ракитина — это именно жесточайший и в то же время достаточно прозрачный для хорошо знавших Страхова людей (а в особенности для самого Страхова) памфлет против него. Вдобавок при более детальном сравнении героя с его прототипом мы увидим, что в образе Ракитина к отличительным чертам и деталям биографии Страхова примешиваются особенности личности некоторых других литераторов.

Разбираемая нами выше глава романа озаглавлена «Семинаристкарьерист» [Там же. Т. 14. С. 71], и в ней Иван Карамазов напророчил Ракитину такое будущее:

Изволил выразить мысль, что если я-де не соглашусь на карьеру архимандрита в весьма недалеком будущем и не решусь постричься, то непременно уеду в Петербург и примкну к толстому журналу, непременно к отделению критики, буду писать лет десяток и в конце концов переведу журнал на себя. Затем буду опять его издавать и непременно в либеральном и атеистическом направлении, с социалистическим оттенком, с маленьким даже лоском социализма, но держа ухо востро, то есть, в сущности, держа нашим и вашим и отводя глаза дуракам. Конец карьеры моей, по толкованию твоего братца, в том, что оттенок социализма не помешает мне откладывать на текущий счет подписные денежки и пускать их при случае в оборот, под руководством какого-нибудь жидишки, до тех пор, пока не выстрою капитальный дом в Петербурге, с тем чтобы перевесть в него и редакцию, а в остальные этажи напустить жильцов... [Там же. С. 77].

Некоторые конкретные детали из этого пророчества в применении к Страхову пробуксовывают. Зато они нарочито отсылают – по всей видимости, для того, чтобы хоть сколько-нибудь затушевать памфлетный характер этого образа – к другим литераторам 1 .

¹ Отмечалось полемическое переосмысление Достоевским в биографии Ракитина ряда деталей биографии Г.З. Елисеева и Г.Е. Благосветлова − между прочим, тоже семинаристов [19. С. 306−311; 7. Т. 15. С. 539, 597], М.В. Родевича, [20. С. 574−575], А.А. Краевского [7. Т. 15. С. 539]. В корреспонденциях Ракитина замечены элементы пародии на «сенсационные известия и обличительные штампы в корреспонденциях

Однако все остальные детали, вплоть до объяснения личности «семинарским» происхождением (к каковому объяснению был склонен и сам Страхов)¹, полностью соответствуют его биографии и облику. Так, например, следующая деталь в самопрезентации Ракитина: «...если я-де не соглашусь на карьеру архимандрита в весьма недалеком будущем и не решусь постричься...» — соотносится с тем, что Страхов и в самом деле раздумывал о духовной карьере, но так и не решился постричься в монахи. Его родной дядя и воспитатель, заменивший ему отца, ректор Костромской семинарии архимандрит Нафанаил всячески этого добивался, не только когда Страхов учился в духовной семинарии в Костроме, но и позднее, в Петербурге, где в студенческий период племянника стал архиеерем [23. С. 100].

В параллель к характеристике Ракитина: «держа нашим и вашим и отводя глаза дуракам» – приведем следующие отзывы о Страхове. По словам В.В. Розанова, Страхов «повсюду цитирует других, говорит свою мысль чужими словами...» [18. С. 70]². «Пантеист ли он, деист ли, исповедует ли он положительную религию, материалист ли он, идеалист ли он, либерал ли он, консерватор ли он, — недоумевал в рецензии на одну из книг Страхова В. Модестов, — одним словом, кто г. Страхов в области философии и политики, для меня оставалось и до сих пор остается непонятным» [25. С. 2]. «О себе самом Страхов никогда не говорил, — вспоминал о нем Б.В. Никольский, — даже местоимение "я" проскальзывало у него в разговоре, как и в сочинениях, только в виде исключения» [26. С. 6]. «Мыслителем тонким, вдумчивым, но в высшей степени осторожным в раскрытии своих глубочайших убеждений» называл Страхова Ф.К. Андреев [27. С. 289].

По характеристике современного исследователя, «зыбкость, расплывчатость взглядов Страхова в этих его высказываниях, закрытость, неуловимость его личности действительно поразительны» [23. С. 87]. Да ведь и сам Страхов сознавал: «Конечно, главный мой недостаток — отсутствие самостоятельности...» [9. Т. 1. С. 432].

газет и журналов либерального направления 1860–1870-х годов» [7. Т. 15. С. 587; см. об этом: 21. С. 33–34], а его стихи «вызваны пародией Д.Д. Минаева на стихотворение Пушкина» [7. Т. 15. С. 589].

¹ В письме Толстому от 25 мая 1881 г., коротко пересказывая историю многолетней борьбы с нигилизмом, Страхов критически упоминает «семинарский дух»: «Петербургский люд с его складом ума и сердца и семинарский дух, подаривший нам Чернышевского, Антоновича, Добролюбова, Благосветлова, Елисеева и пр. – главных проповедников нигилизма, – все это я близко знаю, видел их развитие, следил за литературным движением, сам пускался на эту арену и пр. Тридцать шесть лет я ищу в этих людях, в этом обществе, в этом движении мыслей и литературы – ищу настоящей мысли, настоящего чувства, настоящего дела – и не нахожу, и мое отвращение все усиливается, и меня берет скорбь и ужас, когда вижу, что в эти тридцать шесть лет только это растет...» [9. Т. 2. С. 606]. См. также опубликованную в «Эпохе» (1864. Июнь) статью Страхова «Что такое семинаристы?» [22. С. 432–433].

² И.Л. Волгин проницательно заметил, что между Ракитиным и Страховым «есть момент тайного родства. Это – небескорыстие. И для Страхова и для Ракитина идеология – лишь средство...» [24. С. 232].

Многие из пороков, которыми Достоевский наделил Ракитина, Страхов впоследствии приписал самому писателю. Так, например, он утверждал, что Достоевский был «зол, завистлив». Между тем Достоевский в «Братьях Карамазовых» не только прямо называет Ракитина завистником, но и изображает его сплетником, всюду имеющим своих информантов и не гнушающимся мелкими прегрешениями против совести:

Всё это пронюхал Ракитин, не утерпев и нарочно заглянув на игуменскую кухню, с которою тоже имел свои связи. Он везде имел связи и везде добывал языка. Сердце он имел весьма беспокойное и завистливое. <...> Алешу, который был к нему очень привязан, мучило то, что его друг Ракитин бесчестен и решительно не сознает того сам, напротив, зная про себя, что он не украдет денег со стола, окончательно считал себя человеком высшей честности. <...> О последнем обстоятельстве Алеша узнал, и уж конечно совсем случайно, от своего друга Ракитина, которому решительно всё в их городишке было известно... [7. Т. 14. С. 79, 93].

Характер отношений Алеши и Ракитина здесь весьма смахивает на позднейшее восприятие Достоевским его собственных отношений со Страховым.

Дмитрий Карамазов в романе пророчествует:

Не пьянствую я, а лишь «лакомствую», как говорит твой свинья Ракитин, который будет **статским советником** и всё будет говорить «лакомствую» [Там же. С. 96].

Ко времени работы над «Братьями Карамазовыми» Страхов был статским советником (а к концу жизни дослужился и до действительного статского) [28. С. 301].

Когда старец Зосима умирает, Ракитин немедленно занимает место в ските не просто для наблюдения, а еще и вдобавок «по особливому поручению госпожи Хохлаковой», которая считала его «за самого благочестивого и верующего молодого человека — до того он умел со всеми обойтись и каждому представиться сообразно с желанием того, если только усматривал в сем малейшую для себя выгоду» [7. Т. 14. С. 296].

Из второго тома романа мы узнаем, что Ракитин долгое время посещал госпожу Хохлакову, рассчитывая на ней жениться и взять полтораста тысяч приданого, но когда она предпочла ему чиновника Перхотина, ославил ее в статье, напечатанной в петербургской газете «Слухи». При этом он изобразил дело таким образом, как будто бы она давала три тысячи рублей Дмитрию перед убийством, но тот пренебрег ее «сорокалетними прелестями» [Там же. Т. 15. С. 15].

Когда Алеша рассказывает Дмитрию, как Ракитин отомстил госпоже Хохлаковой, выясняется, что тот успел ославить и многих других:

Это он, он! – подтвердил Митя нахмурившись, – это он! Эти корреспонденции... я ведь знаю... то есть сколько низостей было уже написано, про Грушу, например!.. И про ту тоже, про Катю... [Там же. С. 30].

Аналогичным образом сам Достоевский мог припомнить, как Страхов оклеветал не только его самого, но и Тургенева и, по-видимому, не только их двоих.

Таким образом, почти все, в чем Ракитин обвинял Карамазовых («сладострастники, стяжатели»), оказывается в реальности верно по отношению к нему самому. Очевидно, зная за Страховым склонность к приписыванию другим своих собственных пороков, Достоевский как будто бы предвидел, что впоследствии он поступит так по отношению к нему самому.

Ракитин и Клод Бернар

Когда Дмитрий Карамазов попадает в острог, Ракитин начинает усиленно посещать его. Отвечая на вопрос Алеши о его отношениях с ним, Дмитрий говорит:

С Михаилом-то подружился? Нет, не то чтоб. Да и чего, свинья! Считает, что я... подлец. Шугки тоже не понимают – вот что в них главное. Никогда не поймут шугки. Да и сухо у них в душе, плоско и сухо, точно как я тогда к острогу подъезжал и на острожные стены смотрел. Но умный человек, умный [7. Т. 15. С. 27].

В это время, не без влияния Ракитина, Дмитрия начинают беспокоить какие-то новые идеи. Что это за идеи, вскоре выясняется в разговоре Дмитрия с Алешей:

- Какой там был Карл Бернар?
- Карл Бернар? удивился опять Алеша.
- Нет, не Карл, постой, соврал: **Клод Бернар**. Это что такое? Химия, что ли?
- Это, должно быть, ученый один, ответил Алеша, только, признаюсь тебе, и о нем много не сумею сказать. Слышал только, ученый, а какой, не знаю.
- Ну и черт его дери, и я не знаю, обругался Митя. Подлец какойнибудь, всего вероятнее, да и все подлецы. А Ракитин пролезет, Ракитин в щелку пролезет, тоже Бернар. Ух, Бернары! Много их расплодилось!
 - Да что с тобою? настойчиво спросил Алеша.
- Хочет он обо мне, об моем деле статью написать, и тем в литературе свою роль начать, с тем и ходит, сам объяснял. С направлением что-то хочет: "дескать, нельзя было ему не убить, заеден средой", и проч., объяснял мне. С оттенком социализма, говорит, будет. Ну и черт его дери, с оттенком так с оттенком, мне всё равно. Брата Ивана не любит, ненавидит, тебя тоже не жалует. Ну, а я его не гоню, потому что человек умный. Возносится очень, однако. Я ему сейчас вот говорил: «Карамазовы не подлецы, а философы, потому что все настоящие русские люди философы, а ты хоть и учился, а не философ, ты смерд» [Там же. С. 28].

Как известно, Клод Бернар был сторонником позитивизма. В романе Чернышевского «Что делать?» сказано, что он «отзывался с уважением о

работах Кирсанова, когда Кирсанов еще только оканчивал курс» [29. С. 146]. В 1866 г. в России в переводе Страхова вышла книга Бернара «Введение в изучение экспериментальной медицины». В предисловии к этой книге Страхов писал: «Явления находятся между собой в причинной связи. Клод Бернар употребляет для этой связи новый термин; именно, по его выражению, каждое явление имеет свой детерминизм, т. е. необходимо определяется своими условиями. Обыкновенно это выражают так: при известных условиях необходимо совершается известное явление. Этот принцип Клод Бернар называет абсолютным, признаваемым нашим умом а priогі, независимо от всякого опыта» [30. С. І–ІІІ].

Принцип «детерминизма» отчасти соответствует учению о «среде», которое Бернар развивал и в других своих сочинениях. Как показал Б.Г. Реизов, это учение не только прямо опровергалось в романе, но и вызывало у Достоевского неприятие связанного с ним французского натурализма: «Дмитрий Карамазов остро ощущает в себе чувство нравственной ответственности и свободы, о котором писал Достоевский в 70-е годы. Он уже начал свое искупление, и Ракитин, а вслед за ним прокурор и защитник, объясняющие социальными, сословными и наследственными причинами его поведение и нравственную природу, вызывают у него негодование. Он обнаруживает в их рассуждениях ход мысли, характерный для Клода Бернара и еще более открытый и очевидный у Золя. Против детерминизма Митя восстает всеми силами своей "свободной" души» [31. С. 154].

Впрочем, с подачи Ракитина Дмитрий Карамазов усваивает позитивистское представление о том, что восприятие человека детерминировано чисто физиологическими особенностями его организма:

Вообрази себе: это там в нервах, в голове, то есть там в мозгу эти нервы (ну черт их возьми!)... есть такие этакие хвостики, у нервов этих хвостики, ну, и как только они там задрожат... то есть видишь, я посмотрю на чтонибудь глазами, вот так, и они задрожат, хвостики-то... а как задрожат, то и является образ, и не сейчас является, а там какое-то мгновение, секунда такая пройдет, и является такой будто бы момент, то есть не момент, – черт его дери момент, – а образ, то есть предмет али происшествие, ну там черт дери – вот почему я и созерцаю, а потом мыслю... потому что хвостики, а вовсе не потому, что у меня душа и что я там какой-то образ и подобие, всё это глупости. <...> Великолепна, Алеша, эта наука! Новый человек пойдет, это-то я понимаю... [7. Т. 15. С. 28].

О природе зрения, которая связана с тем, что «на задней стороне глаз, на сетчатой оболочке, образуется при этом уменьшенное изображение видимых предметов», Страхов рассуждал, в частности, в статье «Главная черта мышления» [32. С. 193].

Еще в статье, вошедшей в переведенный на русский язык сборник статей «Общий вывод положительного метода», который в «Преступлении и наказании» упоминает Лебезятников (см.: [7. Т. 6. С. 307]), Клод Бернар доказывал, что живые существа также подчиняются действию принципа

детерминизма: «Многие медики и натуралисты, пользуясь этими различными аргументами, доказывали невозможность применения опытного метода к изучению живых существ. <...> Я постараюсь доказать, что все явление как в живых, так и в неодушевленных телах подвержены безусловному и неизбежному детермини и и и и и и у. Наука о жизни может иметь только те же методы и основания, какие сущестуют и в науке о неодушевленных телах, и нет надобности делать какое бы то ни было различие между принципом наук физиологических и наук физико-химических» [33. С. 30–31].

Дмитрий Карамазов все же хорошо сознает уязвимость этой теории:

А не любит бога Ракитин, ух не любит! Это у них самое больное место у всех! Но скрывают. Лгут. Представляются. «Что же, будешь это проводить в отделении критики?» — спрашиваю. «Ну, явно-то не дадут», — говорит, смеется. «Только как же, спрашиваю, после того человек-то? Без бога-то и без будущей жизни? Ведь это, стало быть, теперь всё позволено, всё можно делать?» «А ты и не знал?» — говорит. Смеется. «Умному, говорит, человеку всё можно, умный человек умеет раков ловить, ну а вот ты, говорит, и убил и влопался и в тюрьме гниешь!» [7. Т. 15. С. 28, 29].

Как уже отмечалось выше, взгляды самого Страхова на самом деле далеко не столь однозначны. В данном случае Достоевский отчасти стилизует своего героя также не столько под Страхова, сколько под критиков социалистической орентации, опять-таки воспринятых в пародийнопамфлетном ключе. Впрочем, отдельные моменты подобного мировосприятия были присущи и Страхову. Так, издатель «Санкт-Петербургских ведомостей» Э.Э. Ухтомский, не раз бывавший у Страхова, находил его не только религиозным скептиком, но даже и «вольтерьянцем» [34. С. 398].

Писатель наделяет Ракитина раскольниковской наклонностью оправдывать злодеяние возможностью «гражданскую пользу потом принести»:

Вот он как ходил-то ко мне, тогда и сочинил эти стишонки. «В первый раз, говорит, руки мараю, стихи пишу, для обольщения значит, для полезного дела. Забрав капитал у дурищи, гражданскую пользу потом принести могу». У них ведь всякой мерзости гражданское оправдание есть! [7. Т. 15. С. 29].

Другая его черта — фейербаховское убеждение в том, что идея Бога создана самим человечеством на ранних стадиях его развития и что в современном мире место Бога должно заступить само человечество:

Человечество само в себе силу найдет, чтобы жить для добродетели, даже и не веря в бессмертие души! В любви к свободе, к равенству, братству найдет... [7. Т. 14. С. 76]; А меня бог мучит. Одно только это и мучит. А что, как его нет? Что, если прав Ракитин, что это идея искусственная в человечестве? Тогда, если его нет, то человек шеф земли, мироздания. Великолепно! Только как он будет добродетелен без бога-то? Вопрос! Я всё про это. Ибо кого же он будет тогда любить, человек-то? Кому благодарен-то будет, кому гимн-то воспоет? Ракитин смеется. Ракитин говорит,

что можно любить человечество и без бога. Ну это сморчок сопливый может только так утверждать, а я понять не могу [7. Т. 15. С. 32].

В своих произведениях Достоевский не раз – в том числе и в «Братьях Карамазовых», устами старца Зосимы – показал, что любовь к дальнему чревата нелюбовью к ближнему. Как формулировал он эту мысль в статье «Голословные утверждения», «те же, которые, отняв у человека веру в его бессмертие, хотят заменить эту веру, в смысле высшей цели жизни, "любовью к человечеству", те, говорю я, подымают руки на самих же себя; ибо вместо любви к человечеству насаждают в сердце потерявшего веру лишь зародыш ненависти к человечеству» [Там же. Т. 24. С. 49].

Именно эта диалектика постепенно выявляется в романе и применительно к Ракитину (см.: [35. С. 377–380]):

Да за что мне любить-то вас? – не скрывая уже злобы, огрызнулся Ракитин. Двадцатипятирублевую кредитку он сунул в карман, и пред Алешей ему было решительно стыдно. Он рассчитывал получить плату после, так чтобы тот и не узнал, а теперь от стыда озлился. <...>

- Любят за что-нибудь, а вы что мне сделали оба?
- А ты ни за что люби, вот как Алеша любит [7. Т. 14. С. 319–320].

То, что декларируемая любовь к человечеству без идеи Бога легко может стать всего лишь прикрытием для откровенного эгоизма, интуитивно чувствует Дмитрий Карамазов:

Легко жить Ракитину: «Ты, – говорит он мне сегодня, – о расширении гражданских прав человека хлопочи лучше али хоть о том, чтобы цена на говядину не возвысилась; этим проще и ближе человечеству любовь окажешь, чем философиями». Я ему на это и отмочил: «А ты, говорю, без бога-то, сам еще на говядину цену набъешь, коль под руку попадет, и наколотишь рубль на копейку». Рассердился [Там же. Т. 15. С. 32].

Само противостояние в романе Алеши Ракитину, очевидно, восходит к флорентийскому расхождению между Достоевским и Страховым по вопросу о природе человека. Недаром к убежденности Страхова в том, что человек «гнусен до последней степени» [5. С. 562], которое тот сформулировал в обращенной к Достоевскому статье «Наблюдения», исследователи небезосновательно возводят и страховское письмо к Толстому [36]. В вариантах к роману Ракитин делает космополитические декларации, напоминающие страховские ремарки 1870-х гг.: «Русский народ не добр, потому что не цивилизован» [7. Т. 15. С. 256]¹.

Как известно, «судя по черновым наброскам, автор предполагал сделать Ракитина побратимом Алеши и придать их спорам более резко выражен-

¹ Впрочем, и в основном тексте романа Ракитин подбивает Колю Красоткина бежать в Америку, но Коля полагает, что «**бежать в Америку из отечества – низость**, хуже низости – глупость» [7. Т. 15. С. 501].

ный идеологический характер». Причем Ракитин в них, ссылаясь на Бокля, отстаивал бы идеи уничтожения религии, а если, как говорит Алеша, «народ не позволит», то «истребить народ, сократить его, молчать его заставить. Потому что европейское просвещение выше народа...». «Аргументы Ракитина — апелляция к Боклю, призыв "истребить народ", — отметила Е.И. Кийко, — уже вызвали в свое время возражения Достоевского в публицистических статьях 1860-х годов, "Записках из подполья" (1864), "Крокодиле" (1865)» [7. Т. 15. С. 430]. Так что, создавая образ Ракитина, Достоевский первоначально намеревался, по-видимому, вернуться к своим старым спорам, в том числе и со Страховым.

Разгадка этой известной литературной диффамации облегчается тем, что клеветник оставил в своем навете на Достоевского явные словесные следы собственной обиды на него. Изобретательности Страхову хватило только на то, чтобы стрелки, направленные на него Достоевским, перевести на самого писателя. Теми же самыми словами, которыми Достоевский клеймил Страхова как сплетника, испытывающего сладострастие от возведения плотских грехов на других, сам Страхов попытался обличить мнимое плотское сладострастие (вплоть до педофилии) самого Достоевского. При этом он сам тут же простодушно упоминает факт, послуживший основным поводом к возникновению этой клеветы: чтение Достоевским в писательских компаниях отвергнутой «Русским вестником» главы «У Тихона» [18. С. 45].

Однако правда Достоевского еще при жизни Страхова взяла верх. Уже на следующий год после попытки своей диффамации Достоевского Страхов сам писал о себе собственными словами автора «Братьев Карамазовых»: «Покаюсь Вам, бесценный Лев Николаевич, я поддавался новым гадостям, которые открылись у меня в душе...» [9. Т. 2. С. 665]¹. Последние годы жизни, как показывает его переписка, он страдал от своего рода распада личности. Достоевский же еще в «Дневнике писателя» за апрель июнь 1876 г. – возможно, не без влияния слухов, распространяемых о нем его мнимыми друзьями – то и дело размышлял о «знамени чести» литератора². И, по-видимому, собираясь продолжить этот разговор, записал в рабочей тетради 1876—1877 гг., в которой ниже появится его отзыв о Страхове: «О том, что литературе (в [нашем веке] наше время) надо высоко держать знамя чести. Представьте себе, что бы было, если б Лев Толстой, Гончаров оказались бы бесчестными? Какой соблазн, какой цинизм и как многие бы соблазнились. Скажут: "если уж эти, то…" и т.д.» [37. С. 544–545].

¹ Страхов не раз использовал в письмах к Толстому эту, возможно, непроизвольно заимствованную им у Достоевского характеристику: «...на меня все еще иногда нападает страх, что Вы меня, **гадкого**, как-нибудь разлюбите»; «Но истинно противны другие минуты, когда я вижу тяжелоое оскорбление в самом невинном слове и звуке и когда сам навожу на себя чувства **гадкие**...» «...вы пожалели обо мне, когда я попробовал открыть Вам **гадости**, которые у меня на душе» [9. Т. 1. С. 467; Т. 2. С. 542, 548].

² Аналогичным образом Достоевский в этой тетради опровергает голословное обвинение В.Г. Авсеенко в том, что будто бы «"Русский вестник" поправлял» его «грязь» [17. С. 45].

Литература

- 1. *Невзоров* о Ф.М. Достоевском, черносотенце и педофиле. URL: http://uborshizzza.livejournal.com/2405673.html (дата обращения: 26.03.2018).
- 2. *Невзоров А*. Антрекот Михайлович Достоевский. URL: http://echo.msk.ru/doc/1927004-echo.html?=top (дата обращения: 26.03.2018).
- 3. *Невзоров А.* Мертвые мальчики как старинная духовная «скрепа». URL: http://www.mk.ru/politics/2013/02/25/817538-mertvyie-malchiki-kak-starinnaya-duhovnaya-skrepa.html (дата обращения: 26.03.2018).
- 4. Захаров В.Н. Проблемы изучения Достоевского. Петрозаводск : Петрозавод. гос. ун-т, 1978.
- 5. *Н.Н. Страхов* о Достоевском / публ. и коммент. Л.Р. Ланского // Литературное наследство. Т. 86: Ф.М. Достоевский. Новые материалы и исследования. М., 1973. С. 560–564.
- 6. Захаров В.Н. Сколько будет дважды два, или Неочевидность очевидного в поэтике Достоевского // Вопросы философии. 2011. № 4. С. 109–114.
 - 7. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
- 8. *Письма* Н.Н. Страхова Ф.М. Достоевскому / публ. А.С. Долинина // Шестидесятые годы: Материалы по истории литературы и общественному движению. М. ; Л., 1940.
- 9. Л.Н. Толстой и Н.Н. Страхов. Полное собрание переписки: в 2 т. / ред. А. Донсков; сост. Л.Д. Громова, Т.Г. Никифорова. Москва: Гос. музей. Л.Н. Толстого; Оttawa: Группа славянских исследований при Оттавском университете, 2003. Т. 1. С. 1–487; Т. 2. С. 488–1080.
- 10. Страхов Н.Н. Воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском // Биография, письма и заметки из записной книжки Ф.М. Достоевского. СПб., 1883.
- 11. Туниманов В.А. Достоевский, Страхов, Толстой: (Лабиринт сцеплений) // Туниманов В.А. Лабиринт сцеплений: избр. ст. СПб., 2013.
- 12. Андрианова И.С. «Клеветы Страхова», или Протест вдовы и племянника Достоевского. URL: unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1449057614.pdf
- 13. *Свинцов Н*. Достоевский и отношения между полами // Новый мир. 1999. № 5. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1999/5/svincov1.html (дата обращения: 26.03.2018).
- 14. Оборин Л. Как вы думаете, был ли Достоевский педофилом? (письмо Н. Страхова Л. Толстому). URL: https://thequestion.ru/questions/78362/kak-vy-dumaete-byl-lidostoevskii-pedofilom-pismo-n-strakhova-l-tolstomu
 - 15. Розенблюм Л.М. Творческие дневники Достоевского. М.: Наука, 1981.
- 16. *Захаров В.Н.* Полемические заметки Достоевского о Н.Н. Страхове // Русская литература. 2017. № 4. С. 61–69.
- 17. *Тарасова Н.А.* «Дневник писателя» Ф.М. Достоевского (1876–1877). Критика текста. М.: Квадрига, 2011.
- 18. Розанов В.В. Литературные изгнанники: Н.Н. Страхов. К.Н. Леонтьев // Собр. соч. М., 2001.
- 19. Борщевский C. Щедрин и Достоевский: История их идейной борьбы. М. : ГИХЛ, 1956.
 - 20. *Достоевский Ф.М.* Письма. М. ; Л. : Госиздат, 1928. Т. I.
- 21. Дороватовская-Любимова В.С. Достоевский и шестидесятники («Искра», «Современник», Чернышевский) // Достоевский. М., 1928. С. 15–17.
- 22. Страхов Н.Н. Из истории литературного нигилизма. 1861–1865: Письма Н. Косицы. Заметки Летописца и пр. СПб., 1890.
- 23. Фатеев В.В. Религиозные воззрения Н.Н. Страхова // Н.Н. Страхов в диалогах с современниками: Философия как культура понимания. СПб., 2010. С. 86–115.
 - 24. Волгин И.Л. Последний год Достоевского. 4-е изд. М.: АСТ, Зебра Е, 2010.

- 25. *Модестов В*. <Рец.:> Борьба с Западом // Новости и Биржевая газета. 1887. 20 окт. С. 2.
- 26. Никольский Б.В. Николай Николаевич Страхов: Критико-биографический очерк. СПб., 1896.
- 27. *Андреев Ф.К.* О сочинении студента Матвеевича Виктора на тему: Религиознофилософские взгляды Н.Н. Страхова // Богословский вестник. 1916. Июнь. Разд. «Журналы собраний». С. 1–12.
- 28. $\overline{\textit{Becb}}$ Петербург на 1896 год, адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. СПб., 1896.
- 29. Чернышевский Н.Г. Что делать?: Из рассказов о новых людях: роман // Полн. собр. соч. : в 15 т. М., 1939. Т. 11.
- 30. Бернар К. Введение в изучение опытной медицины / пер. Н. Страхова. СПб. ; М., 1866.
 - 31. Реизов Б.Г. Из истории европейских литератур. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1970.
- 32. Страхов Н.Н. Главная черта мышления // Н.Н. Страхов в диалогах с современниками. СПб. : Алетейя, 2010. С. 191–207.
- 33. Бернар К. Прогресс в физиологических науках // Р. Вирхов, Клод-Бернар, Молешотт, Пидерит, Вагнер. Общий вывод положительного метода / пер. под ред. Н. Неклюдова. СПб., 1866.
- 34. *Лукьянов С.М.* Запись бесед с Э.Э. Ухтомским // Российский архив. М., 1992. Вып. 2–3. С. 398.
- 35. $\mathit{Кибальник}$ С. A . Проблемы интертекстуальной поэтики Достоевского. СПб. : Петрополис, 2013.
- 36. Кошечко А.Н. Достоевский и Страхов: опыт экзистенциальной коммуникации // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 4. С. 1–9. URL: http://www.science-education.ru/118-14365 (дата обращения: 20.08.2014).
- 37. Неизданный Достоевский: Записные книжки и тетради 1860–1881 гг. М.: Наука, 1971. (Литературное наследство. Т. 83).

SOLVING THE RIDDLE OF A WRITER'S DEFAMATION: WHY DID NIKOLAY STRAKHOV SLANDER FYODOR DOSTOEVSKY?

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2018. 55, 191–211, DOI: 10.17223/19986645/55/13

Sergei A. Kibalnik, Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences; Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: s.kibalnik@spbu.ru

Keywords: defamation, cryptographic, autobiographic character, pamphlet, writer, pedophilia, *The Brothers Karamazov*, notebooks.

As it is well-known, Nikolay Strakhov slandered Fyodor Dostoevsky in his letter to Leo Tolstoy dated 28 November 1883; he identified him with some of his characters and blamed him for their sins pedophilia included. Many philosophers and writers of the 20th century from Leo Shestov to Viktor Yerofeyev believed this slander. It is quite often reproduced now, even on web sites of some highly respected media.

The paper contains an explanation why this slander emerged. This explanation is based on several factors. These are a story of Dostoevsky and Strakhov's relations, the counter-position of Dostoevsky's notebooks with his perception of Strakhov's personality and convictions, and the most recent ideas about cryptographic characters in the Russian classical novel.

Contrary to the widespread opinion, by the time of Strakhov's unfair accusations of Dostoevsky contained in his letter to Tolstoy, there were enough motifs for them. The two writers stopped correspondence and talking to each other in 1875, and in 1876 Dostoevsky put a very negative characteristic of Strakhov in his notebook.

The only reasonable explanation of this is a hypothesis that Dostoevsky found out about Strakhov's participation in spreading rumors about the autobiographical character of the chapter in Dostoevsky's *The Possessed* where Stavrogin confessed the elder Tikhon his having seduced a little girl, and Strakhov somehow saw this negative characteristic in Dostoevsky's notebook. Afterwards, this characteristic was almost literally reproduced in Dostoevsky's *The Brothers Karamazov* as Rakitin's portrayal, and the whole character of Rakitin turned out to be a kind of a cryptographic pamphlet against Strakhov as a womanizer, jasper, career-man and slanderer.

Most likely, Strakhov "recognized himself" in Rakitin and later, perhaps, found a proof to his guess having received an access to Dostoevsky's notebook. With the same words that Dostoevsky used to blame Strakhov as a slanderer orgasming from slandering other people, Strakhov, in his letter to Tolstoy, made an attempt to blame Dostoevsky for his voluptuousness (pedophilia including). He also mentioned in this letter a fact that was the main reason for the emergence of this slander: Dostoevsky's reading of the chapter "At Tikhon's", which was rejected by the *Russkiy Vestnik* editorial board, in some writers' circle.

Thus, most likely Strakhov "recognized himself" in Rakitin, and this provoked him to slander Dostoevsky. It is also quite possible that later, having received an access to Dostoevsky's notebooks, Strakhov found a proof to this in one of them.

References

- 1. UBORSHIZZZA. (2013) *Nevzorov o F.M. Dostoyevskom, chernosotentse i pedofile* [Nevzorov about F.M. Dostoevsky, a Black Hundred member and a pedophile]. [Online] Available from: http://uborshizzza.livejournal.com/2405673.html. (Accessed: 26.03.2018).
- 2. Nevzorov, A. (2017) *Antrekot Mikhaylovich Dostoyevskiy* [Entrecote M. Dostoevsky]. [Online] Available from: http://echo.msk.ru/doc/1927004-echo.html?=top. (Accessed: 26.03.2018).
- 3. Nevzorov, A. (2013) *Mertvyye mal'chiki kak starinnaya dukhovnaya "skrepa"* [Dead boys as an old spiritual "clamp"]. [Online] Available from: http://www.mk.ru/politics/2013/02/25/817538-mertvyie-malchiki-kak-starinnaya-duhovnaya-skrepa.html. (Accessed: 26.03.2018).
- 4. Zakharov, V.N. (1978) *Problemy izucheniya Dostoyevskogo* [Problems of Dostoevsky studies]. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University.
- 5. Lanskoy, L.R. (1973) N.N. Strakhov o Dostoyevskom [N.N. Strakhov on Dostoevsky]. In: Zil'bershteyn, I.S. & Rozenblyum, L.M. (eds) *Literaturnoye nasledstvo* [Literary heritage]. Vol. 86. Moscow: Nauka.
- 6. Zakharov, V.N. (2011) Skol'ko budet dvazhdy dva, ili Neochevidnost' ochevidnogo v poetike Dostoyevskogo [What is be two plus two, or The invisibility of the obvious in Dostoevsky's poetics]. *Voprosy filosofii*. 4. pp. 109–114.
- 7. Dostoyevskiy, F.M. (1972–1990) *Polnoye sobraniye sochineniy: v 30 t.* [Complete Works: in 30 vols]. Leningrad: Nauka.
- 8. Dolinin, A.S. (1940) Pis'ma N.N. Strakhova F.M. Dostoyevskomu [Letters from N.N. Strakhov to F.M. Dostoevsky]. In: Piksanov, N.K. & Tsekhnovitser, O.V. (eds) *Shestidesyatyye gody. Materialy po istorii literatury i obshchestvennomu dvizheniyu* [he Sixties. Materials on the history of literature and social movement]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
- 9. Donskov, A. (ed.) (2003) L.N. Tolstoy i N.N. Strakhov. Polnoye sobraniye perepiski: v 2 t. [L.N. Tolstoy and N.N. Strakhov. A complete collection of correspondence: in 2 vols]. Moscow: Gos. muzey L.N. Tolstogo; Ottawa: Group of Slavic Studies at the University of Ottawa
- 10. Strakhov, N.N. (1883) Vospominaniya o Fedore Mikhayloviche Dostoyevskom [Memories of Fyodor Dostoevsky]. In: *Biografiya, pis'ma i zametki iz zapisnoy knizhki F.M. Dostoyevskogo* [Biography, letters and notes from the notebook of F.M. Dostoevsky]. St. Petersburg: Tip. A.S. Suvorina.

- 11. Tunimanov, V.A. (2013) Dostoyevskiy, Strakhov, Tolstoy: (Labirint stsepleniy) [Dostoevsky, Strakhov, Tolstoy: (Labyrinth of Clutches)]. In: Gus'kov, S.N. (ed.) *Labirint stsepleniy: izbr. st.* [Labyrinth of clutches: Selected articles]. St. Petersburg: Pushkinskiy dom.
- 12. Andrianova, I.S. (2015) "Klevety Strakhova", ili Protest vdovy i plemyannika Dostoyevskogo ["Strakhov's slander", or The protest of Dostoevsky's widow and his nephew]. [Online] Available from: unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1449057614.pdf. DOI: 10.15393/j10.art.2015.2485
- 13. Svintsov, N. (1999) Dostoyevskiy i otnosheniya mezhdu polami [Dostoevsky and relations between the sexes]. *Novyy mir.* 5. [Online] Available from: http://magazines.rus.ru/novyi mi/1999/5/svincov1.html. (Accessed: 26.03.2018).
- 14. Oborin, L. (2016) *Kak vy dumayete, byl li Dostoyevskiy pedofilom? (pis'mo N. Strakhova L. Tolstomu)* [Do you think Dostoevsky was a pedophile? (A letter from N. Strakhov to L. Tolstoy)]. [Online] Available from: https://thequestion.ru/questions/78362/kak-vy-dumaete-byl-li-dostoevskii-pedofilom-pismo-n-strakhova-l-tolstomu.
- 15. Rozenblyum, L.M. (1981) *Tvorcheskiye dnevniki Dostoyevskogo* [Creative diaries of Dostoevsky]. Moscow: Nauka.
- 16. Zakharov, V.N. (2017) Polemicheskiye zametki Dostoyevskogo o N.N. Strakhove [Dostoevsky's polemical notes about N.N. Strakhov]. *Russkaya literatura*. 4. pp. 61–69.
- 17. Tarasova, N.A. (2011) "Dnevnik pisatelya" F.M. Dostoyevskogo (1876–1877). Kriti-ka teksta ["A Writer's Diary" by F.M. Dostoevsky (1876–1877). Criticism of the text]. Moscow: Kvadriga.
 - 18. Rozanov, V.V. (2001) Sobr. soch. [Collected Works]. Vol. 13. Moscow: Respublika.
- 19. Borshchevskiy, S. (1956) *Shchedrin i Dostoyevskiy. Istoriya ikh ideynoy bor'by* [Shchedrin and Dostoevsky. The history of their ideological struggle]. Moscow: GIKHL.
 - 20. Dostoyevskiy, F.M. (1928) Pis'ma [Letters]. Vol. 1. Moscow; Leningrad: Gosizdat.
- 21. Dorovatovskaya-Lyubimova, V.S. (1928) Dostoyevskiy i shestidesyatniki ("Iskra", "Sovremennik", Chernyshevskiy) [Dostoevsky and the Sixtiers (Iskra, Sovremennik, Chernyshevsky)]. In: *Dostoyevskiy* [Dostoevsky]. Moscow: GAKhN.
- 22. Strakhov, N.N. (1890) *Iz istorii literaturnogo nigilizma. 1861–1865: Pis'ma N. Kositsy. Zametki Letopistsa i pr.* [From the history of literary nihilism. 1861–1865: Letters from N. Kositsa. Notes of the Chronicler and others]. St. Petersburg: tip. brat'yev Panteleyevykh.
- 23. Fateyev, V.V. (2010) Religioznyye vozzreniya N.N. Strakhova [Religious views of N.N. Strakhov]. In: Klimova, S.M. (ed.) *N.N. Strakhov v dialogakh s sovremennikami: Filosofiya kak kul'tura ponimaniya* [N.N. Strakhov in dialogue with his contemporaries: Philosophy as a culture of understanding]. St. Petersburg: Aleteyya.
- 24. Volgin, I.L. (2010) *Posledniy god Dostoyevskogo* [The last year of Dostoevsky]. 4th ed. Moscow: AST, Zebra E.
- 25. Modestov, V. (1887) <Rets.:> Bor'ba s Zapadom [<Review>: Fighting the West]. *Novosti i Birzhevaya gazeta.* 20 October. pp. 2.
- 26. Nikol'skiy, B.V. (1896) *Nikolay Nikolayevich Strakhov: Kritiko-biograficheskiy ocherk* [Nikolay Strakhov: A critical biographical essay]. St. Petersburg: [s.n.].
- 27. Andreyev, F.K. (1916) O sochinenii studenta Matveyevicha Viktora na temu: Religiozno-filosofskiye vzglyady N.N. Strakhova [On the composition of student Victor Matveyevich on the topic: Religious and philosophical views of N.N. Strakhov]. *Bogoslovskiy vestnik*. June. pp. 1–12.
- 28. Suvorin. (1896) Ves' Peterburg na 1896 god, adresnaya i spravochnaya kniga g. S.-Peterburga [All Petersburg for 1896, address and reference book of St. Petersburg]. St. Petersburg: izd. A.S. Suvorina.
- 29. Chernyshevskiy, N.G. (1939) *Poln. sobr. soch.: v 15 t.* [Complete Works: in 15 vols]. Vol. 11. Moscow: Goslitizdat.
- 30. Bernard, C. (1866) *Vvedeniye v izucheniye opytnoy meditsiny* [Introduction to the study of experimental medicine] Translated from French by N. Strakhov. St. Petersburg; Moscow: [s.n.].

- 31. Reizov, B.G. (1970) *Iz istorii yevropeyskikh literatur* [From the history of European literatures]. Leningrad: Leningrad State University.
- 32. Strakhov, N.N. (2010) Glavnaya cherta myshleniya [The main feature of thinking]. In: Klimova, S.M. (ed.) *N.N. Strakhov v dialogakh s sovremennikami: Filosofiya kak kul'tura ponimaniya* [N.N. Strakhov in dialogue with his contemporaries: Philosophy as a culture of understanding]. St. Petersburg: Aleteyya.
- 33. Bernard, C. et al. (1866) *Obshchiy vyvod polozhitel 'nogo metoda* [The general conclusion on the positive method]. Translated from French. St. Petersburg: [s.n.].
- 34. Luk'yanov, S.M. (1992) Zapis' besed s E.E. Ukhtomskim [Recording conversations with E.E. Ukhtomsky]. *Rossiyskiy arkhiv*. 2–3.
- 35. Kibal'nik, S.A. (2013) *Problemy intertekstual'noy poetiki Dostoyevskogo* [Problems of intertextual poetics of Dostoevsky]. St. Petersburg: Petropolis.
- 36. Koshechko, A.N. (2014) Dostoevsky and Strakhov: experience of existential communication. *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya Modern Problems of Science and Education.* 4. pp. 1–9. (In Russian). [Online] Available from: http://www.scienceeducation.ru/118-14365. (Accessed: 20.08.2014).
- 37. Zil'bershteyn, I.S. & Rozenblyum, L.M. (eds) (1971) Neizdannyy Dostoyevskiy. Zapisnyye knizhki i tetradi 1860–1881 gg. [Unpublished Dostoevsky. Notebooks and workbooks of 1860–1881]. In: *Literaturnoye nasledstvo* [Literary heritage]. Vol. 83. Moscow: Nauka.

УДК 82.02

DOI: 10.17223/19986645/55/14

Л.Г. Кихней, О.Р. Темиршина

«ВСЕ МЫ БРАЖНИКИ ЗДЕСЬ...» РЕСТОРАННЫЙ ТЕКСТ В ПОЭЗИИ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

Анализируется ресторанный текст в поэзии Серебряного века. Выявляется его инвариантный пространственный тип, который, базируясь на одних и тех же опорных семантических пунктах, по-разному реализуется в символистской и акмеистической смысловых парадигмах. Показано, что разные сценарии развертывания общего сюжета в символизме и акмеизме соотнесены с особенностями метафорики, топики и поэтического нарратива ресторанного текста.

Ключевые слова: ресторанный текст, акмеизм, символизм, символ, метафора, пространство, метаморфоза.

Понятие ресторанный текст требует своего теоретического обоснования и определения. Термин текст используется в статье в культурносемиотическом ключе: текст понимается как сложный «знаковый комплекс», «культурный сверхтекст», который на эмпирическом уровне включает ряд конкретных литературных произведений, объединённых общей топикой, а на теоретическом уровне предполагает, что отдельные тексты встраиваются в более абстрактную структуру, обладающую семантической связностью и целостностью.

Понятие *текст* в значении *сверхтекст* соотносится в первую очередь с работами В.Н. Топорова, который в целом цикле статей концептуализировал Петербургский текст русской литературы. Примечательно, что сам В.Н. Топоров при описании феномена Петербургского текста настаивал на принципиальном разграничении темы Петербурга и «текста Петербурга». Это методологическое уточнение применительно к нашей работе имеет исключительную значимость, ибо ставит вопрос о терминологическом статусе обнаруженного ресторанного комплекса. И в самом деле: действительно ли ресторанная семантика формирует некий *синтетический текст*, обладающий своей внутренней организацией, или же она реализуется лишь в тематике?

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо определить структурные особенности таких сверхтекстов. Думается, что Петербургский текст, выявленный Топоровым, является образцом, по которому реконструировались и другие урбанистические тексты (см., например: [1–3]). Именно поэтому его строевые элементы будут типологически значимы для иных знаковых комплексов.

Такие культурные сверхтексты обладают двумя уровнями организации: эмпирическим и сверхэмпирическим. На *уровне эмпирическом* знаковый комплекс такого рода может быть определен «указанием круга основных

текстов русской литературы, связанных с ним...» [4. С. 659]. При этом единичные тексты выступают как «субстратные» по отношению к сверхтексту [Там же. С. 666] и фактически являются материалом для его реконструкции.

Сверхэмпирический уровень предполагает, что эти знаковые комплексы обладают семантической связностью и целостностью. Семантическую связность им обеспечивает, во-первых, общий словарь мотивов и образов; во-вторых, синтагматическое выстраивание этих мотивно-образных единиц в определённые сюжетно-нарративные структуры. Ср.: «единство Петербургского текста не в последнюю очередь обеспечивается и «локально»-петербургским словарем... Этот словарь задает языковую и предметно-качественную парадигму Петербургского текста, поступая в распоряжение синтаксиса, словарные элементы заполняют имеющиеся схемы развертывания синтаксических структур, что уже выводит к нарративным и пред-мотивным построениям» [Там же. С. 663].

Целостность же сверхтекста обусловливается его привязкой к общему пространству, которое репрезентируется в каждом отдельном произведении. Пространство играет важнейшую роль в организации смысловой целостности текста, ибо оно рассматривается как семантический инвариант, встраивающий отдельные произведения с общей топикой в единую сверхтекстовую структуру [5. С. 419].

Как правило, это инвариантное пространство оказывается бинарно организованным. И эта бинарность, с одной стороны, является порождающим фактором для сюжетов, возникающих в рамках таких текстов, а с другой стороны, эта внутренняя антитетичность пробуждает мифологическую составляющую, «дремлющую» в этих текстах (примечательно, что сам Топоров, включает Петербургский текст в более общую парадигму мифопоэтических текстов, описывающих «сверхуплотненную реальность» [4. С. 663]).

Мифологическая основа, обнаруживаемая в таких сверхтекстах, позволяет считать их «кроссжанровыми образованиями», единство которых обеспечивается «более фундаментальными с точки зрения структуры текста категориями». Так, внутреннее единство и самотождественность синтетического текста обусловливаются его вариантно-инвариантной структурой (в нем выделяется инвариантное «ядро, которое представляет собой некую совокупность вариантов, сводящимся в принципе к единому источнику...» [Там же. С. 662]).

И наконец, еще одним непременным атрибутом такого синтетического текста является аксиологическая составляющая, которая закономерно вытекает из его мифопоэтической природы и соотносится с авторским отношением к описываемому пространству.

Таким образом, основными параметрами таких культурных сверхтекстов являются: 1) наличие ряда произведений, связанных общей топикой; 2) общий семантический «фонд» образов и мотивов (парадигматический уровень организации); 3) сходные нарративные структуры, которые комбинируют мотивно-образные единицы (синтагматический уровень организации); 4) привязка в бинарно организованному пространству, которое со-

держит в себе мифопоэтические смыслы; 5) модальные элементы, обусловленные авторской аксиологией. Постараемся показать, что все эти структурные компоненты присутствуют в ресторанной семиосфере поэзии Серебряного века.

Эмпирический «каркас» ресторанного текста в лирике модернизма образуют стихотворения И. Анненского («Трактир жизни»), А. Блока («Незнакомка», «В ресторане», «Ты смотришь в очи ясным зорям...»), Вяч. Иванова («Бог в лупанарии»), А. Ахматовой («Все мы бражники здесь, блудницы...»), О. Мандельштама («Золотой», «Сегодня ночью, не солгу...»), Н. Гумилева («У цыган»), С. Есенина («Снова пьют здесь, дерутся и плачут...», «Грубым дается радость...», «Да! Теперь решено. Без возврата...»).

Сверхэмпирический уровень организации, являющийся предметом исследования работы, включает: 1) бинарное пространство, выстроенное как пространство ритуала и соотнесённое с предметными реалиями трактира или ресторана; 2) словарь мотивов и образов, обнаруживаемый практически во всех «ресторанных» стихотворениях; 3) специфические сюжетные ситуации, связанные с пространством ресторана; 4) модальные элементы, обусловленные авторским отношением к ресторанной семиосфере.

Эти компоненты могут по-разному варьироваться в тех или иных дискурсивных практиках, но одновременное наличие и системная связь между ними позволяют говорить о феномене $pecmopahhozo\ mekcma^l$.

Истоки «питейной», «кабацкой» темы, очевидно, следует искать в фольклорной и литературной традиции (вспомним, к примеру, ее воплощение в древнерусской «Повести о Горе и Злосчастии», романах Достоевского, в стихах Ап. Григорьева, в городском и цыганском романсе и пр.). Но в дискурсе модернизма — в творчестве А. Блока, А. Белого, Вяч. Иванова, А. Ахматовой, Н. Гумилева, О. Мандельштама, С. Есенина актуализация ресторанной темы связана также и с реанимацией дионисийского мифокомплекса, являясь отражением «пряной» атмосферы Серебряного века с его артистическими кабаре, «цыганщиной» и стилем богемной жизни как источника творческого вдохновения.

Базовой категорией, обусловливающей целостность ресторанного текста и его самотождественность, является категория пространства; именно пространство задает основные семантические связи элементов этого текста и оказывается своеобразной «матрицей», в рамках которой кабацкие мотивы и образы встраиваются в определённую структуру.

Эта пространственная структура является бинарной. Ресторанный текст позиционируется как мир «здешний», но с ним коррелирует некое запредельное пространство, от которого ресторанный текст отталкивается и ко-

¹ От текста ресторана следует отграничить родственные мотивы и темы. Так, ресторанный текст не сводится к мотиву вина, но включает его в качестве одного из своих компонентов. От *ресторанного текста* следует также отличать пересекающийся с ним, но не когерентный ему мотивный комплекс *пира*, с его семантической вариацией *пира* во время чумы, также не обойденный вниманием современных исследователей [6. С. 134–143; 7. С. 236–260].

торое символизирует. Таким образом, первой частью оппозиции становится посюсторонний трактирный локус, вторая часть соотнесена с пространством инобытия, которое в каждом из текстов воплощается в соответствии с онтологической моделью мира поэта, нередко обусловленной миромоделирующими установками течения, к которому он принадлежит.

Исходной пространственной точкой развертывания сюжета становится локус кабака-ресторана. Этот локус, присутствуя во всех анализируемых текстах, связывается с негативной авторской модальностью. Каковы его характерные черты?

Ресторанно-кабацкое пространство в первую очередь характеризуется семантическим комплексом *имеративности*, которая реализуется в мотивах повтора, дурной бесконечности, бессмысленности. В «Трактире жизни» Анненского с этим семантическим комплексом связывается мотив механистичности, выражаемой в четырёхкратном повторении указательного местоимения (ср.: «те же фикусы», «те же лакеи», «тот же гам, тот же чад» [8. С. 66]).

В «Незнакомке» Блока подобный эффект создается трехкратным повтором определительного местоимения «каждый» (ср.: «И каждый вечер, за шлагбаумами...»; «И каждый вечер друг единственный / В моем стакане отражен...»; «И каждый вечер, в час назначенный...» [9. Т. 2. С. 185–186]).

Итеративность ресторанного бытия у Есенина («Снова пьют здесь, дерутся и плачут...») и Мандельштама («Сегодня ночью не солгу...») обозначается наречиями «снова» и «вновь» соответственно, где также очевидна семантика «повтора» (ср. у Мандельштама «У изголовья вновь и вновь / Цыганка вскидывает бровь» [10. С. 156]).

Итеративность, присущая ресторанному локусу, вполне закономерно соотносится с мотивом *скуки*, которая есть и в «Трактире жизни» Анненского (своего рода *матрицы* ресторанного текста Серебряного века («В сердце – скуки перегар» [8. С. 66]), и в блоковской «Незнакомке» («Над скукой загородных дач» [9. Т. 2. С. 185]), и мандельштамовском стихотворении «Сегодня ночью, не солгу...» («Хоть даром, скука разливает...» [10. С. 156]), и в известной лирической новелле Ахматовой («Все мы бражники здесь, блудницы, / Как невесело вместе нам!» [11. С. 48]), и даже в есенинской «Москве кабацкой» («Сыпь, гармоника, скука, скука...» [12. С. 48]).

Итеративность как характерное свойство кабацкого локуса оценивается однозначно отрицательно во всех текстах. Однако такие компоненты ресторанного текста, как вино (мотив опьянения), образ женщины, тип движения героя, являются модально амбивалентными и могут интерпретироваться диаметрально противоположным образом, что приводит к формированию разных типов лирического сюжета.

Мы полагаем, что *тип лирического сюжета системно зависит от способа концептуализации пространства инобытия*. Механизм формирования сюжета видится следующим образом: способ концептуализации инобытия определяет тип границы между локусом кабака и иным пространством, а тип границы, в свою очередь, обусловливает сам лирический сюжет.

Так, если иное пространство, находящееся за пределами ресторана, концептуализируется как пространство смерти, соположенное с исходным, то между двумя локусами нет четко выраженной границы: она либо отсутствует, либо является градиентной. Такой тип пространства возникает в стихотворении Анненского, он связывается с итеративным сюжетом повтора, возврата или выхода в смерть.

И напротив, если иное пространство понимается как пространство сверхжизни, то между итеративным пространством и инобытием пролегает четкая граница, которую нужно преодолеть. Такое пространство возникает в стихотворении Блока «Незнакомка», оно обусловливает инициальный сюжет перехода.

Эти аксиологически противоположные сюжеты развертываются тем не менее в рамках одного пространственного типа и базируются на одних и тех же опорных семантических пунктах, которые, однако, оцениваются поразному.

Так, у Анненского исходное пространство ресторана, связанное с мотивами мертвенности и безжизненности, равнозначно внешнему пространству, которое соотнесено с мотивами холода и смерти. Таким образом, бинарная разделенность пространства здесь оказывается иллюзией, граница, призванная разделять два локуса, теряет свою физическую выраженность и становится градиентной (недаром в качестве границы выступает образ холодных сеней, которые в строгом смысле сложно назвать непроницаемой границей – это, скорее, некая нейтральная территория).

Концептуализация иного пространства как пространства смерти обусловливает интерпретацию мотива вина. Вино здесь связывается с итеративным комплексом и мотивом одурманивания, оно не выполняет никакой ритуально-переходной функции (переходить некуда).

В стихотворении Анненского присутствует и непременный атрибут ресторанного текста — мотив «падшей женственности», репрезентируемый античной скульптурой. Психея, призванная олицетворять жизнь души, явлена в неодушевленном образе статуи (ср.: «Вкруг белеющей Психеи / Те же фикусы торчат» [8. С. 66]), чья «безжизненность» подчеркивается обрамлением «торчащих» фикусов, снижающих и опошляющих изначально высокий образ.

Именно поэтому в тексте нет образов, отражающих динамику жизни: выход из мертвенного пространства оказывается иллюзией, ибо он становится последним шагом к смерти:

А в сенях, поди, не жарко: Там, поднявши воротник, У плывущего огарка Счеты сводит гробовщик.

[Там же]

Совершенно иная ситуация возникает в стихотворении Блока: «другое» пространство интерпретируется как истинная реальность. Такая концептуализация меняет ключевые семантические точки ресторанного текста: вино

становится проводником в *иное*, а таинственное женское начало осмысляется как его репрезентация; соответственно, модель движения становится позитивной, путь интерпретируется как инициальный переход.

Глубинная родственность и одновременно разность «Трактира жизни» Анненского и «Незнакомки» Блока обнаруживается в соотнесенности этих стихотворений с мотивом женственности, который здесь можно трактовать в перспективе архетипической психологии. Так, образ женщины в обоих случаях связан с психейным комплексом: у Анненского Психея появляется эксплицитно, в образе мертвой статуи, у Блока же незнакомка, живительным образом действующая на героя, соотносится с *его душой* имплицитно (герой обнаруживает ее, заглядывая в себя – «Иль это только снится мне?» [9. Т. 2. С. 186]).

В этом смысле ресторанный текст Анненского и Блока является метафорической конструкцией, которая призвана объективировать *душевную* драму главного героя, вывести ее вовне, эксплицируя на подходящую в культуре структуру (в данном случае на ресторанный сценарий). Внутренняя психологическая драма овеществляется, застывая в этой форме, что приводит, между прочим, и к трансформации самой формы, которая по принципу обратной связи начинает соотноситься с мотивом измененного сознания (см. ниже этот мотивный комплекс у Гумилева).

Модели ресторанного текста, представленные у Анненского и Блока, обусловливают его символистскую и акмеистическую интерпретации, которые, в свою очередь, определяют способы реализации ресторанного мотивно-образного комплекса в лирике других поэтов. Думается, что такая укорененность ресторанного текста в лирике модернизма обусловлена тем, что он дает возможность актуализировать символистскую и акмеистическую системы ценностей на конкретном участке культуры, ибо позволяет, с одной стороны, проявиться символистской миромодели с ее отчетливой бинарностью и тенденцией радикального разрыва разных планов бытия, а с другой стороны, ресторанный текст дает возможность акмеистам и тяготеющим к ним поэтам выразить идею «однородной» застылой реальности с ее повтором и дурной бесконечностью.

Ахматовское стихотворение «Все мы бражники здесь, блудницы...», примыкая к ресторанному тексту, реализует его «акмеистическую» ипостась, заданную Анненским. В этом стихотворении присутствует только локус ресторана, соотнесенный с мотивом вина и образом женщины, с которой связано отрицательно оцениваемое любовно-эротическое начало (ср. первую строку стихотворения).

Из локуса ресторана, как и в стихотворении Анненского, нет выхода в иную реальность («навсегда забиты окошки»), что указывает на связь ресторанного пространства с мотивами инфернальности и смерти. Примечательно, что здесь, видимо, реализуется общеакмеистическая стратегия понимания ресторанного комплекса. Обратим внимание на повтор этих мотивов в сильной позиции текста (в финале) в стихотворениях Анненского, Ахматовой, и Гумилёва:

Анненский: У плывущего огарка Счеты сводит гробовщик.

[8. C. 66]

Ахматова: А та, что сейчас танцует, Непременно будет в аду. [11. С. 48]

Гумилев: Что ж, господа, половина шестого? Счет, Асмодей, нам приготовь! [13. C. 334]

Выявленный инфернально-демонический комплекс, связанный с мотивом возмездия, указывает на то, что парадигмально эти тексты строятся на общей семантической основе.

Кабацкий текст в поэзии Есенина реализует акмеистический вариант ресторанного текста. Это вовсе не означает прямой ориентации Есенина на акмеистов, скорее всего, речь должна идти о некоем общем источнике, к которому восходят кабацкие стихотворения Есенина и акмеистов. Возможно, что таким источником является фольклорный прототип кабацкого текста, к которому довольно близко располагается акмеистический ресторанный комплекс. В русской культурной традиции трактир не предполагал выхода в иное позитивно маркируемое пространство, он связывался с инфернальными смыслами и выносился за черту человеческого поселения. Известный исследователь истории кабачества на Руси И.Г. Прыжов пишет: «Опившиеся в кабаках или убитые там считались уже нечистыми, их не погребали, а зарывали в лесу <...>. Кабак делался мало-помалу местом страшным и скверным» [14. С. 172].

Эта общность культурной традиции приводит к тому, что в стихотворениях Есенина обнаруживается ряд примет, характерных и для акмеистического ресторанного дискурса. Так, в стихотворении «Грубым дается радость...» (<1923>) присутствуют узнаваемые мотивы и образы, которые берут свое начало еще в произведении Анненского. Инфернальный статус кабака подчёркивается обращением к его посетителям: «Что ж вы ругаетесь, дьяволы?» [12. Т. 2. С. 276].

В другом «кабацком тексте» Есенина — «Да! Теперь решено. Без возврата...» снова можно найти инфернальную тематику, которая имплицитно реализуется через игру с фразеологическим и прямым смыслами устойчивого словосочетания: «А когда ночью светит месяц, / Когда светит... черт знает как! / Я иду, головою свесясь, / Переулком в знакомый кабак» [Там же. Т. 1. С. 172]. В финале этого стихотворения закономерно звучит мотив безысходности: «Я такой же, как вы, пропащий, / Мне теперь не уйти назад» [Там же. С. 173]. Заострим внимание на невозможности покинуть

гиблое место: по сути, перед нами тот же мотив смерти и конечной расплаты за кабацкие бесчинства, что у Анненского и Ахматовой.

Несколько иную модель ресторанного текста дает Мандельштам в «Золотом». С одной стороны, в этом стихотворении обнаруживаются устойчивые семы ресторанного текста в его акмеистическом варианте (вино и опьянение, оцениваемые негативно; семантика инфернальности), но с другой стороны, в «Золотом» меняется модель движения героя: герой приходит извне (в то время как у Анненского и Ахматовой подчеркивалась привязка героя к ресторанному локусу).

Фактически в стихотворении Мандельштама возникает тип движения, противоположный блоковскому: герой «Незнакомки» из ресторана как посюстороннего пространства прорывается в иную реальность, а мандельштамовский персонаж, напротив, из посюсторонней реальности спускается в инфернальное пространство ресторана. Примечательно, что этот тип движения возникает и в «Сегодня ночью не солгу...», что указывает на внутреннее родство двух мандельштамовских текстов, которые в рамках ресторанного комплекса могут прочитываться как актуализации одной темы. На семантическую соотнесенность этих текстов также указывает общий для них мотив всякого «сброда» (в «Золотом» – чиновники, японцы, «теоретики чужой казны»; в «Сегодня ночью, не солгу» – цыганка и чернецы) и появление темы метаморфозы, которая будет рассмотрена ниже.

Движение из позитивно маркируемого места в локус, связанный с негативными коннотациями, оказывается устойчивым для акмеистического ресторанного текста. Возможно, что с этим типом движения генетически соотносится «движение вспять», которое может прямо или метафорически пониматься как спуск. См. у Мандельштама: «Я спустился в маленький подвал» [10. С. 81]; примечательно, что у Ахматовой ресторанный топос также соотносится с подвальной семантикой, которая, правда, мотивирована исторически (кабаре «Бродячая Собака» располагалось в подвале).

Возможно, что именно этот пространственный компонент первично обусловливает акмеистическую модель мира. Так, общеакмеистическая установка на культуру прошлого в рамках пространственного кода может метафорически прочитываться как движение назад. Таким образом, движение вспять, являясь общим знаменателем многих акмеистических идей, вполне закономерно встраивается и в акмеистический ресторанный текст.

Вариант такого регрессивного движения в ресторанном контексте появляется в стихотворении Гумилева «У цыган». Здесь этот сюжет интерпретируется метафорически и реализуется в мотиве трансформации персонажа в (тотемное?) животное. Это регрессивное движение также является важным компонентом поэтической семантики Гумилёва, оно может появляться и без ресторанной символики (ср. мотивы прапамяти, поиска некой истинной «первичной» реальности, которая оказывается в прошлом в таких стихотворениях, как «Стокгольм» и «Прапамять»).

Думается, что акмеистический вариант ресторанного текста частично реализуется и в стихотворении Есенина «Снова пьют здесь, дерутся и пла-

чут...», где также возникает мотив обратного движения, с той лишь поправкой, что он интерпретируется не как движение в пространстве, а как движение во времени. Здесь возникает образ некой утопии, которая осталась в прошлом. Примечательно, что этот образ реализуется дважды: у героя, который, видимо, вспоминает свою юность («Май мой синий! Июнь голубой!» [12. Т. 1. С. 174]) и у ресторанного сброда («Проклинают свои неудачи, / Вспоминают московскую Русь» [Там же]). К слову, мотив прошлого появляется и в стихотворении Мандельштама «Сегодня ночью, не солгу», где он также подспудно связан с темой невозвратимости прошлого: «Того, что было, не вернешь» [10. С. 156].

Таким образом, при всем внешнем несходстве текстов Есенина, Мандельштама, Гумилева и Ахматовой они, видимо, базируются на одном глубинном семантическом типе, что подтверждается общей семантикой, реализованной в кабацких текстах.

Важнейшая особенность ресторанного текста заключается в том, что он соотнесен с темой метаморфозы героя / героини, которая в соответствующих стихотворениях может включаться в комплекс инициальных мотивов, исторически связанных с обрядами перехода.

Структура подобных ритуалов бинарна: переход понимается как символическое умирание и возрождение-трансформация. Этот факт объясняет причину появления такого рода инициальной мотивики в ресторанном тексте. Вопервых, пространство ресторана также отчетливо бинарно; во-вторых, ресторанный комплекс неотчуждаемо связан с семантикой еды и ритуального опъянения, которая, как указывает О. Фрейденберг, является важной частью инициального сюжета умирания – воскресения [15. С. 50–67].

Бинарность инициальных ритуалов по-разному отражается в акмеистической и символистской моделях ресторанного текста, что связывается с разными способами концептуализации иного пространства. В акмеистических текстах акцентируется первый этап любого переходного ритуала — умирание героя и невозможность позитивного выхода за пределы ресторана; в символистских текстах, напротив, развертывается конечный этап трансформации героя, соотнесенный с его условным воскрешением и проникновением в иную реальность.

Так, в «Незнакомке» Блока возникает сюжет типичной инициальной трансформации героя, который с помощью вина провидит в иную реальность. Примечательно, что здесь не возникает темы умирания-смерти, которая обычна в таких случаях. Герой как бы начинает со второй части обряда, осуществляя переход в область иного.

Особенно отчетливо мифологическая семантика rite de passage проявляется в стихотворении Вяч. Иванова «Бог в лупанарии», посвященном А. Блоку. Здесь мы видим классические приметы ресторанного комплекса: бинарность пространства, мотив опьянения, эротически окрашенную женственность в ее падшем варианте... Однако ключевым мотивом этого стихотворения, соотносящим его с ресторанной семантикой, оказывается мотив положительной метаморфозы, который обусловливает сам лирический сюжет текста.

Положительная метаморфоза заключается в мотиве оживания статуи, который включается в вакхический комплекс, реанимирующий древнее соположение «кровь – вино». Ср.:

> Я видел: мрамор Праксителя Дыханьем Вакховым ожил, И ядом огненного хмеля Налилась сеть бескровных жил.

[16. C. 220]

Примечательно, что это оживание, как и в «Незнакомке» Блока, соотносится с мотивом поэтического ясновидения, которое обретает герой, претерпевший инициальную трансформацию. Ср.: «И, к долу горнее принизив, / За непонятным узывать» [Там же. С. 221].

В акмеистическом дискурсе метаморфоза является «негативной», как правило, она соотносится со смертью, которая часто понимается как опредмечивание, перемещение живого в вещную сферу. В стихотворении Анненского метаморфоза-смерть трактуется как застывание души в камне (см. семантически близкий мотив холода, с которым связывается пространство смерти: «А в сенях, поди, не жарко...» [8. С. 66]) и символически выражается в образе статуи Психеи.

В стихотворении Ахматовой обнаруживается образный коррелят статуи: нарисованные на стенах ресторана цветы и птицы, которые «томятся по облакам». При этом связь эквивалентных оппозиций «мертвое – живое», «подвижное - неподвижное», которые соотносились с образом статуи у Анненского, в тексте Ахматовой просматривается более отчетливо. Так, глагол «томятся», указывает на то, что в ахматовском стихотворении статичное положение цветов и птиц понимается не как статуарность, а как остановка движения (обездвиженность), которая соотносится с мотивом превращения живого в мёртвое 1.

«Путь к смерти» в связке с мотивом метаморфозы возникает и в стихотворении Гумилева «У цыган», где инициальный компонент проявился наиболее ярко. Здесь ресторанная семантика реанимирует древнейший комплекс тотемного, разрываемого на части, животного, в которое превращается главный герой. Эту архаичную связь – ритуальной еды и тотемного животного [15. С. 50-67] - как будто бы вытягивает само пространство ресторана, который здесь в прямом смысле оказывается аналогом храма (правда, языческого).

Тема негативной метаморфозы возникает и в стихотворении Мандельштама «Сегодня ночью, не солгу...», которая, как и у Гумилева, связана с мотивом еды (ср: «И вместо хлеба – еж брюхатый» [10. С. 156]). Обратим внимание на то, что у Мандельштама речь идет о хлебе, который традици-

¹ Однако тема метаморфозы вне связи с ресторанным комплексом в лирике Ахматовой, равно как и в лирике других акмеистов, может обретать и положительные коннотации, об этом см.: [17. С. 132–136].

онно трактуется как ритуальная еда (образы чернецов в стихотворении «поддерживают» эту семантику) и часто оказывается субститутом тотемного животного (пара «хлеб – животное» реализуется в мотиве трансформации хлеба в «брюхатого ежа»), что соотносит стихотворение Мандельштама с текстом Гумилева.

В ракурсе такого рода соположений совершенно иными смыслами наполняется обыгрывание пары «храм – ресторан» в других контекстах. Это сопоставление, видимо не случайно с завидной регулярностью появляется в самых разных текстах (ср. у Блока: «Здесь ресторан, как храмы, светел, / И храм открыт, как ресторан...» [9. Т. 2. С. 204]). Думается, что оно, являясь своеобразным остатком древней семантики, указывает на первичную родственность понятия сакрального и еды. Возможно, что семантика «священной кухни» оказывается основой ресторанного комплекса, а сам ресторанный текст являет собой ее очередную историческую метаморфозу.

Метаморфоза — это историческое прошлое метафоры. Поэтому тексты, где наиболее выражен мотив метаморфозы, в сильной степени метафоричны. Кроме того, ресторанный текст в силу своей бинарной структуры сам по себе обладает сильным метафорообразующим потенциалом. Его бинарная организация и обусловливает главный механизм метафоропорожения, который зиждется на «смешении» разных типов пространств, предопределяя тип метафорических отношений между областью-донором и областью-целью.

В анализируемых текстах между этими областями существуют два типа семантических отношений: синтагматические и парадигматические. Примечательно, что разделение этих типов, видимо, не зависит от способа концептуализации иного пространства, поэтому они прямо не соотнесены с акмеистической и символистской моделями мира.

Парадигматический механизм образования метафоры предполагает, что область-источник метафоры («ресторан») развертывается в тексте и *им- плицитно* отсылает к области-цели («бессмысленная жизнь, заканчивающаяся смертью»). Область-цель представлена в тексте минимальным количеством элементов, что обусловливает ее неочевидность.

Характерным примером может служить «Трактир жизни» Анненского. Заглавие текста формирует ключевую его метафору (трактир = жизнь), однако второй план этой метафоры, область-цель, в самом тексте дан лишь штрихами-намеками (через образы «нагих костей» и статуи Психеи). Примерно ту же ситуацию наблюдаем у Ахматовой, где соположение ресторанной семантики и жизни происходит по аллегорическому принципу: в тексте развертывается один план, а второй план остается принципиально за текстом, актуализируясь с помощью нескольких текстовых маркеров в сознании реципиента.

Принципиально по-иному устроены метафоры у Блока, Мандельштама и Гумилева. Смешение разных типов пространств здесь происходит непосредственно *в тексте*, что обусловливает его соотнесенность с синтагматическими механизмами текстопорождения. Наиболее характерный пример такого синтагматического смешения находим у Гумилева, где возни-

кает образ гротескного тела, одновременно совмещающего в себе черты животной и человеческой телесности. Это синтагматическое совмещение разных признаков прекрасно демонстрирует работу поэтической функции языка, которая, как писал Якобсон, предполагает проекцию семантических признаков с оси селекции на ось комбинации [18. С. 204].

Однако конфликт разных планов бытия возникает не только на уровне семантики, но и на уровне поэтического нарратива, где происходит ряд нарушений узуальных коммуникативных норм, обусловленных этим синтагматическим смешением. Так, в стихотворении возникает амбивалентная дейктическая референция, обусловленная столкновением разнородных планов бытия, соотнесенных с разными точками зрения 1. Ядром дейксиса в языке являются местоимения, которые фиксируют положение говорящего относительно некоторой коммуникативной и пространственной оси. Именно поэтому нарушения дейктической функции сопровождаются немотивированными переходами от безличного повествования в первой строфе («Толстый, качался он, как в дурмане») к повествующему, воспринимающему и осознающему себя «Я» во второй и третьей строфах («...И сразу / Сладостно так заныла кровь моя, / Так убедительно поверил я рассказу / Про иные, родные мне края...» [13. С. 333]), и к отстраненному «Он» в четвертой и пятой строфах и т.д. Эти трансформации приводят к невозможности идентифицировать говорящего и определить тот локус, к которому он привязан.

В ресторанных стихотворениях Блока такого рода синтагматические метафоры, как и в гумилевском стихотворении, также обусловливаются одновременной реализацией в тексте двух разных семантических планов (в этом смысле Гумилёв с точки зрения поэтической техники гораздо ближе к Блоку, чем к Анненскому и Ахматовой). В результате такого смешения в «Незнакомке» возникают практически сюрреалистические метафоры, которые, также маркируя телесные метаморфозы, базируются на совмещении пространства тела с пространством мира:

И странной близостью закованный, Смотрю за темную вуаль, И вижу берег очарованный И очарованную даль.

И перья страуса склоненные В моем качаются мозгу, И очи синие бездонные Цветут на дальнем берегу. [9. Т. 2. С. 186]

Однако не все блоковские метафоры, обнаруживаемые в ресторанных текстах, построены по принципу синтагматического смешения. Так, в стихотворении «В ресторане» идея тождественности разных планов бытия

¹ О некоторых механизмах нарушения поэтического дейксиса в соотнесении с моделируемым образом пространства см.: [19. С. 200–202].

реализуется не на уровне синтагматики, а на уровне парадигматики. Ключевой в тексте является обратимая метафора: «черная роза» в «бокале золотого, как небо, аи» – зеркальное отражение <черных силуэтов> фонарей на фоне «желтой зари» [9. Т. 3. С. 25]; общей (метафорообразующей) семой является свето-цветовая символика золотого / желтого.

Итак, устойчивость ресторанного комплекса в топике Серебряного века, видимо, обусловлена его архетипической подоплекой, связанной с семантикой священной еды (питья), составляющей часть ритуала. Однако этот мифосемантический комплекс, как показал наш анализ, по-разному интерпретируется акмеистами и символистами.

Так, в модернистской поэзии формируются два «полюса» интерпретации ресторанного текста, связанные с именами Анненского и Блока. Их ресторанные стихотворения являются парадигмоформирующими, ибо задают два измерения интерпретации знакового комплекса ресторана: акмеистическую и символистскую. Эти стихотворения, во-первых, содержат все ключевые мотивы ресторанной семиосферы; во-вторых, предлагают ее оценку, связанную либо с символистской, либо с акмеистической моделями мира.

Примечательно, что и символисты и акмеисты отталкиваются от *одного исходного набора мотивов и образов ресторанного текста*. Однако диаметрально противоположные ценностные интерпретации этой семиотической данности приводят к появлению различных лирических нарративов, соотнесенных с разными сюжетами и моделями движения лирического героя.

Так, символисты сохраняют изначальный мифологический смысл ресторанного комплекса и обращаются к лирическим сюжетам переходаинициации – именно поэтому ресторанная семиосфера в их поэзии *симвопизируется*, а герой совершает прорыв в сферу сакрального, что маркируется восходящим движением. Акмеисты (и примкнувший к ним Есенин), напротив, профанируют древнюю семантику ритуала, поэтому знаки, обретающие провиденциальный смысл у символистов (вино, женское начало, бинарное пространство), в акмеистической поэзии оказываются симулякрами, указывающими на пустотность и итеративность жизни, что в конечном счете обусловливает появление в соответствующих стихотворениях мотивов скуки и сюжета, связанного с регрессивним движением.

В конечном варианте эти типы движения, в соответствии со своей архетипической семантикой, могут пониматься как движение к гибели (акмеизм) и движение к сверхреальности (символизм). Косвенно об этом свидетельствует трансформация образов человеческой телесности в рамках ресторанного топоса: так у Анненского и Ахматовой обнаруживается мотив негативной метаморфозы, связанный с мотивом «застывания жизни», ее статуарности, в то время как у Вяч. Иванова возникает мотив положительной метаморфозы, соотнесенный с вакхическим образом оживающей статуи.

Несколько по-иному человеческая телесность представлена в стихотворении Гумилева «У цыган». Здесь сюжет регресса связывается не с противопоставлением тела и статуи, а с взаимообратимостью образов человека и

зверя, что, впрочем, не отменяет для Гумилева модели «гибельного» движения, соотнесенного с ресторанным пространством.

Выявленные закономерности развёртывания ресторанного комплекса в символистской и акмеистической поэзии свидетельствуют о том, что ресторанный текст в модернизме обладает ключевыми для любого текста параметрами: связностью и целостностью. При этом связность ресторанного текста обусловлена общим набором мотивов, которые складываются в определённые повторяющиеся сюжетные отрезки, а целостность обусловливается самой категорией пространства. Регулярные семантические соответствия, формирующие внутреннюю самотождественность ресторанного текста, обусловливают возможность его включения в ряд семиотических систем, которые, можно назвать «текстами пространства».

Литература

- 1. Меднис Н.Е. Сверхтексты в русской литературе. Новосибирск : НГПУ. 170 с.
- 2. Московский текст в русской литературе // Лотмановский сборник. М. : ОГИ: РГГУ, 1997. С. 483–836.
- 3. *Лымкина О.И*. Типология топосных сверхтекстов в русской языковой картине мира // Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского, 2010. № 4 (2). С. 607—610.
 - 4. Топоров В.Н. Петербургский текст. М.: Наука, 2009. 820 с.
 - 5. Николаева Т.М. От звука к тексту. М.: Языки русской культуры, 2000. 680 с.
- 6. *Масомедова Д.М.* Мотив пира в поэзии О. Мандельштама // Мотив вина в литературе: материалы науч. конф., 27–31 октября 2001 г. Тверь, 2001. С. 134–143.
- 7. Кихней Л.Г. «Пир со смертью» А. Пушкина, Вяч. Иванова и О. Мандельштама (семантические и ритмико-метрические переклички) // Кихней Л.Г. Под знаком акме-изма: избр. ст. М., 2017. С. 236–260.
 - 8. Анненский Ин. Стихотворения и трагедии. Л.: Сов. писатель, 1990. 669 с.
- 9. *Блок А.* Собрание сочинений: в 8 т. Т. 2–3: Стихотворения и поэмы. 1904–1908. М.; Л.: ГИХЛ, 1960. Т. 2. 472 с.; Т. 3. 714 с.
- 10. *Мандельштам О.* Сочинения : в 2 т. Т. 1: Стихотворения. Переводы. М. : Худож. лит., 1990. 622 с.
 - 11. Ахматова А. Сочинения: в 2 т. М.: Правда, 1990. Т. 1. 448 с.
 - 12. *Есенин С.* Собрание сочинений : в 3 т. М. : Правда, 1977.
 - 13. Гумилев Н. Стихотворения и поэмы. Л.: Сов. писатель, 1988. 632 с.
- 14. Прыжов И.Г. История нищенства, кликушества и кабачества на Руси. М. : Терра, 1997. 240 с.
 - 15. Фрейденберг О. Поэтика сюжета и жанра. М.: Лабиринт, 1997. 448 с.
 - 16. Иванов Вяч. Стихотворения и поэмы. Л.: Сов. писатель, 1978. 558 с.
- 17. Кихней Л.Г., Меркель Е.В. Аксиология повседневных вещей в поэтике акмеизма // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2015. № 1 (33). С. 129–138.
- 18. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М., 1975. С. 193–230.
- 19. *Темиришна О.Р.* Поэтическая типология лирики Летова и Маяковского: от модели мира к языку // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 49. С. 188–208.

"VSE MY BRAZHNIKI ZDES'...". THE RESTAURANT TEXT IN THE SILVER AGE POETRY

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2018. 55. 212–227. DOI: 10.17223/19986645/55/14

Lyubov G. Kikhney, Olesya R. Temirshina, Gribodedov Institute of International Law and Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: lgkihney@yandex.ru / olesja@temirshina.ru

Keywords: restaurant text, Acmeism, Symbolism, symbol, metaphor, space, metamorphosis.

The aim of the work is to describe the restaurant text in the poetry of the Silver Age, to reveal its invariant semantic basis, and to determine the different forms of the embodiment of this model. The material of the paper is poetic texts, where the restaurant semantic complex appears (poems by I. Annensky, A. Akhmatova, N. Gumilyov, O. Mandelstam, S. Yesenin, Vyach. Ivanov, A. Blok). The paper focuses on semiotic mechanisms that ensure the integrity and coherence of the restaurant text. The main method is structural-typological analysis.

In the theoretical part of the work, the authors, referring to the works of V.N. Toporov, justify the concept of the spatial text as a complex of motives and images. It is shown that this text includes such structures as a binary space built as a ritual space; the general "fund" of motives and images; specific plot situations; modal elements.

In the practical part of the work, the authors of the paper prove that the restaurant text, found in the poetry of the Silver Age, can be attributed to such semantic unities. Structural features of this text are the restaurant locus elements, the system of characters, plot situations related to drunkenness, modal elements caused by the author's attitude to the restaurant semi-osphere.

The main hypothesis of the paper is an assumption that the restaurant text in Modernism has key parameters for any text: coherence and integrity. The coherence of the restaurant text is conditioned by the common set of motifs, which become certain repetitive plot lines; and its integrity is determined by the category of space, which provides the restaurant text with invariant self-identity.

The research has shown that the functioning of the restaurant text depends on the way of the restaurant space conceptualization, which is conditioned by the worldview system of a poetic school. Thus, in Symbolism, "another space" associated with the locus of the restaurant is understood as a space of the spirit, which determines the basic Symbolist plot of the initial transition. In Acmeism, on the contrary, "another space" is conceptualized as a space of death, which leads to an iterative repetition and return plot. These types of plots, in turn, determine the themes of positive and negative metamorphosis (in Acmeist and Symbolist discourses, respectively).

Inclusion of metamorphosis in the motive complex of restaurant symbolics makes it possible to reveal the deep archetypal basis of the latter, and to show that the core of the restaurant complex in Symbolism and Acmeism is the semantics of the "sacred kitchen", and the restaurant text itself is its next historical incarnation.

References

- 1. Mednis, N.E. (2003) *Sverkhteksty v russkoy literature* [Supertexts in Russian literature]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University.
- 2. (1997) Moskovskiy tekst v russkoy literature [Moscow text in Russian literature]. In: Permyakov, E.V. (ed.) *Lotmanovskiy sbornik* [Lotman's Collection]. Moscow: OGI: RSUH. pp. 483–836.
- 3. Lytkina, O.I. (2010) The typology of topos supertexts in the Russian language picture of the world. *Vestnik Nizhegorodskogo un-ta im. N.I. Lobachevskogo Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod.* 4 (2). pp. 607–610. (In Russian).
 - 4. Toporov, V.N. (2009) *Peterburgskiv tekst* [Petersburg text]. Moscow: Nauka.

- 5. Nikolayeva, T.M. (2000) *Ot zvuka k tekstu* [From sound to text]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
- 6. Magomedova, D.M. (2001) [The feast motif in the poetry of O. Mandelstam] *Motiv vina v literature* [The motive of wine in literature]. Proceedings of the Conference. 27–31 October 2001. Tver: Tver State University. pp. 134–143. (In Russian).
- 7. Kikhney, L.G. (2017) *Pod znakom akmeizma: izbr. st.* [Under the sign of Acmeism: Selected works]. Moscow: Azbukovnik. pp. 236–260.
- 8. Annenskiy, In. (1990) *Stikhotvoreniya i tragedii* [Poems and tragedies]. Leningrad: Sov. pisatel'.
- 9. Blok, A. (1960) Sobraniye sochineniy: v 8 t. [Collected Works]. Vols 2–3. Moscow; Leningrad: GIKHL.
- 10. Mandel'shtam, O. (1990) *Sochineniya: v 2 t.* [Works: in 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Khudozh. lit.
 - 11. Akhmatova, A. (1990) Sochineniya: v 2 t. [Works: in 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Pravda.
- 12. Yesenin, S. (1977) Sobraniye sochineniy: v 3 t. [Collected Works: in 3 vols]. Moscow Prayda
- 13. Gumilev, N. (1988) *Stikhotvoreniya i poemy* [Verses and poems]. Leningrad: Sov. pisatel'.
- 14. Pryzhov, I.G. (1997) *Istoriya nishchenstva, klikushestva i kabachestva na Rusi* [The history of begging, hand-wringing and taverns proliferation in Russia]. Moscow: Terra.
- 15. Freydenberg, O. (1997) *Poetika syuzheta i zhanra* [Poetics of plot and genre]. Moscow: Labirint.
- 16. Ivanov, V. (1978) *Stikhotvoreniya i poemy* [Verses and poems]. Leningrad: Sov. pisatel'.
- 17. Kikhney, L.G. & Merkel, E.V. (2015) Axiology of everyday things in the poetics of Acmeism. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya Tomsk State University Journal of Philology.* 1 (33). pp. 129–138. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/33/10
- 18. Jakobson, R. (1975) Lingvistika i poetika [Linguistics and poetics]. In: Basin, E.Ya. & Polyakov, M.Ya. (eds) *Strukturalizm: "za" i "protiv"* [Structuralism: "for" and "against"]. Moscow: Progress.
- 19. Temirshina, O.R. (2017) Poetic typology of Letov's and Mayakovsky's lyrics: from world model to language. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya Tomsk State University Journal of Philology.* 49. pp. 188–208. (In Russian). DOI: 10.17223/1998645/49/12

УДК 82.01/.09

DOI: 10.17223/19986645/55/15

А.Б. Стрельникова, А.В. Сысоева

«ЕЕ ВЫСОЧЕСТВО» Г. БАНГА И «КОРОЛЕВА ОРТРУДА» Ф. СОЛОГУБА: ПЕРЕВОД КАК ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МАТЕРИАЛ*

Исследование посвящено анализу перевода Ф. Сологубом новеллы Г. Банга «Ее Высочество» в аспекте его возможного влияния на оригинальный роман «Королева Ортруда». Зафиксированы сходства в художественном мировоззрении датского и русского писателей. Выявлены художественные аналогии в романе Ф. Сологуба и русскоязычном переводе новеллы Г. Банга. Сделан вывод о функции художественного перевода в творчестве русского писателя.

Ключевые слова: *Сологуб, Банг, декаданс, художественный перевод, творческий диалог.*

Ощущение fin de siècle на рубеже XIX–XX вв. обусловливало активные поиски смыслов и форм в разных культурах, и литература Серебряного века оказалась крайне восприимчива к творчеству зарубежных писателей и поэтов. Формы такого культурного диалога многообразны: прямые реминисценции и аллюзии, критические статьи и отзывы, художественные переводы, театральные постановки и т.д.

В переводах и критике творчество северных авторов проникало в русскую литературу уже в XVIII—XIX вв. [1] и приобретало особую популярность в начале XX в. Возросший интерес к творчеству скандинавских авторов в этот период исследователи связывают с общим «бумом» северных литератур в Европе [2. С. 3]. Доля датской переводной литературы была относительно скромной, однако факты несомненного интереса к литературе Дании и разнообразие переводимого материала уже зафиксированы исследователями [Там же]. В 1910-е гг. публикуются сборники произведений скандинавских авторов — «Северные сборники» и «Фиорды», достаточно широко представлявшие русскоязычной аудитории творчество шведских, норвежских и датских писателей, в числе последних — Г. Банг, Й. Йенсен, К. Михаэлис, Х. Понтоппидан, О. Рунг и др.

Первые отклики на творчество Г. Банга появились в русской литературе и критике в 1904 г., когда произведения автора уже завоевали популярность в Европе. В сборник «Рассказы для чтения в наших скорых поездах» был включен перевод рассказа «Сон в летнюю ночь» [3], тогда же вышел отзыв А. Маделунга «Микаэль», посвященный одноименному роману Банга [4]; в 1907 г. в «Северных сборниках» опубликованы «Четыре беса» (в

^{*} Исследование подготовлено при поддержке проекта РНФ № 14-18-01970 «Создание международного научно-информационного портала "Документальное наследие русской литературы: источники и исследования"».

более поздней редакции — «Четыре дьявола»), произведение, ставшее своеобразной «визитной карточкой» Г. Банга в России, а также «Ее Высочество». Обе новеллы были представлены в переводе Ф. Сологуба [5].

В творческом наследии Ф. Сологуба доля художественных переводов достаточно велика – переводом он занимался на протяжении всей своей литературной деятельности. Многие произведения печатались в периодике или выходили отдельными изданиями, часть работ так и не была опубликована. В основном Ф. Сологуб переводил с французского и немецкого языков, и переводы в первую очередь были для русского писателя своеобразной школой. Он мог перевести только одно, заинтересовавшее его чем-то, стихотворение (например, в случае с Леконт де Лиллем) или, наоборот, переводить тексты один за другим («Стихотворения в прозе» Бодлера). Однако доминирование личных творческих пристрастий в выборе текстов не исключало сотрудничества с издательствами. Именно благодаря этому Ф. Сологуб выполнил переводы вышеназванных новелл «Четыре беса» и «Ее Высочество» Г. Банга, повести «Канлид, или Оптимизм» Вольтера, «Озорных сказок» О. де Бальзака. романов «Сильна как смерть» Г. де Мопассана и «Дважды любимая» А. де Ренье, пьес «Разбитый кувшин», «Кетхен из Гейльбронна, или Испытание огнем» Г. фон Клейста, стихотворений О. Уайльда и Т. Шевченко, армянских и еврейских поэтов, немецких экспрессионистов. Некоторые из «заказных» работ, несмотря на разные и временами прямо противоположные оценки современников, оказались настолько удачными, что на протяжении уже целого столетия публикуются как отдельно, так и в составах многочисленных сборников и собраний – Вольтера, А. Рембо, А. де Ренье и О. Уайльда.

В библиографии переводов Ф. Сологуба [6. С. 633] зафиксировано три произведения Г. Банга – новеллы «Ее высочество» («Hendes *Højhed*»), «Четыре беса» / «Четыре дьявола» («Defire Diævle»), «Шарло Дюпон» («Charlot Dupont», перевод не издан). К подстрочнику последней новеллы, хранящемуся в архиве Ф. Сологуба в Пушкинском Доме, был приложен вырванный из книги фрагмент с текстом произведения на немецком языке [7]. Информация на сигнатуре («Bang, Exzentrische Novellen») и сверка с изданными к 1907 г. книгами Г. Банга позволили установить источник: «Exzentrische Novellen von Herman Bang» (Berlin: S. Fischer, 1905). В этот же сборник входили обе переведенные Ф. Сологубом новеллы. Велика вероятность того, что переводы новелл «Ее Высочество» и «Четыре беса» имели тот же самый источник, что косвенно подтверждает не только факт наличия всех трех новелл в сборнике, но и то, что между появлением немецкого издания и переводом прошло два года, срок, достаточный для возникновения идеи работы, составления подстрочника, подготовки перевода и издания его. Позже, в 1911 г., в Москве вышел весь сборник, переведенный Н. Эфросом [8]. Каждая новелла сборника могла заинтересовать Сологуба. Они объединены повествованием о пустой и бесцельной жизни; одна из новелл заканчивается самоубийством, в другой речь идет о любви-ненависти; эти темы затрагивал и русский писатель в своих произведениях. Наиболее вероятно, что основанием выбора конкретных текстов для перевода служило не их содержание, а объем. Самое крупное произведение сборника — новелла «Ее Высочество», далее следует «Четыре беса», третья по объему — «Шарло Дюпон». Оставшиеся новеллы значительно уступают по размеру перечисленным (четвертая по величине, «Fratelli Bedini», меньше «Шарло Дюпон» в полтора раза).

Несмотря на то, что в литературном наследии Ф. Сологуба нет критических заметок о творчестве Г. Банга или же каких-либо прямых указаний на созвучность его метода, можно говорить о некоторых параллелях в художественном мировоззрении датского и русского писателей. Во-первых, творчество Ф. Сологуба и Г. Банга традиционно рассматривают в контексте декадентского направления с соответствующим комплексом эстетических и поэтических характеристик. Во-вторых, следует указать на специфическое отношение к писательской автобиографии, схожее у Ф. Сологуба и Г. Банга. Так, в предисловии к изданию переводов своих произведений на русском языке Г. Банг писал: «Книгоиздательство "Шиповник", удостоившее меня чести приобщения к русской литературе, выразило желание, чтобы я приложил к первому переводу мою автобиографию. К сожалению, я не могу исполнить этой просьбы. Ибо что может выразить автобиография? Смог ли когда-нибудь хоть один из десяти тысяч передать в автобиографии более, нежели чисто внешние события своей жизни? <...> О нет, так называемые автобиографии имеют слишком мало цены в моих глазах» [9. С. 141– 142]. Известно также и отношение к составлению биографий Ф. Сологуба, выраженное им в интервью А.А. Измайлову: «...указание внешних вех жизни я считаю слишком мало уясняющим жизнь человека» [10. С. 6].

Наконец, оба автора настаивали на прочтении художественного текста вне исторического и социального контекста. Художественный текст существует вне времени и в определенном смысле вне жизни автора. Банг считал, что «никакая реклама в мире не в состоянии придать жизнь книге, которая умерла; а живая книга, хотя бы вокруг нее и не было треска рекламы, идет себе своей собственной тихой дорогой, переходя из рук в руки и время от времени проникая в чье-нибудь родное сердце...» [9. С. 141]. Писатель отмечал существенную роль читателя в жизни и бытовании текста, высказывая особое уважение к читателю русскому, воспитанному на произведениях Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова [Там же. С. 145]. В свою очередь, Ф. Сологуб в статье «Демоны поэтов» подчеркивал роль читательского сознания в созидании смысла художественного текста, очень поэтично и очень современно не только в контексте XX, но и XXI в.: «Вот было для тебя творчество иного поэта океаном, переплеснувшим переплеск вольных волн через черную черту берегов. Ты прошел над океаном, шагами измерил ты неизмеримую ширину его, вершками исчислил ты его глубину, - но не стыдись восторженных похвал: не ты ли был солнием, отразившим свой лик в океане?» (курсив наш. – A.C., A.C.) [11. C. 321–333]. Заметим также, что впервые статья Сологуба была опубликована в 1907 г. – в том же году, что и переводы новелл Г. Банга. Это указывает на сформированность концепции читательского восприятия уже в период работы над переводами.

Как уже упоминалось, одним из самых узнаваемых и востребованных произведений Г. Банга в России стала новелла «Четыре дьявола». Она переиздавалась несколько раз, легла в основу пьесы Вс. Мейерхольда «Короли воздуха и Дама из ложи» (1909), по ее мотивам написан рассказ Тэффи «Страшный прыжок» (1910), а также снят кинофильм [2. С. 68–77]. Возможно, такой повышенный интерес к «Четырем дьяволам» послужил причиной того, что публика и рецензенты обошли вниманием новеллу «Ее Высочество», лишенную динамичного действия и внешних эффектов. Бесспорно, в аспекте изучения творческого диалога между Ф. Сологубом и Г. Бангом данное произведение заслуживает особого внимания.

В фокусе новеллы «Ее Высочество» – духовное одиночество и внутренние переживания главной героини, принцессы Марии-Каролины. Лейтмотивы новеллы «Ее Высочество», печаль и душевное одиночество принцессы, проходят красной нитью сквозь вторую часть романа-трилогии Ф. Сологуба «Королева Ортруда». Традиции конца XIX в. и тема женской эмансипации (звучащей в том числе и в русскоязычных переводах [12]) уже подготовили почву для появления образа одинокой женщины, облеченной властью, при этом прослеживается одновременно новизна образа для русской литературы и проекция на новеллу Г. Банга.

Первые упоминания об Ортруде появились в романе «Капли крови» (первая часть трилогии «Навьи чары», переименованная в 1914 г. в «Творимую легенду»), вышедшем в альманахе «Шиповник» в 1908 г., подробно судьба королевы была описана в романе «Королева Ортруда» (увидел свет в том же альманахе в 1909 г.), т.е. перевод предшествовал созданию собственного текста и мог на него повлиять.

Внешне принцесса Мария-Каролина и Ортруда разительно отличаются. Мария-Каролина «лишена всякой привлекательности» [13. С. 246], «плачевно неграциозна» [Там же. С. 245], «локти остры, как два шила» [Там же. С. 244], она «имела привычку сидеть с открытым ртом» [Там же]. Ортруда же, напротив, «молодая, прекрасная, очаровательная женщина» [14. С. 4]. Судьбы принцессы и королевы тоже складывались по-разному: Мария-Каролина была одинока, Ортруда замужем. При этом стоит отметить и сходство героинь. Принцесса влюбилась безответно в актера, а королева была нелюбима мужем, постоянные измены которого ее ранили. Обе несчастливы в любви.

Обе героини тонко чувствуют искусство. Мария-Каролина писала акварелью, сочувственно отзывалась о стихах королевы Елисаветы, читала Шиллера, сопереживала героям театральных постановок, рассматривала картины с изображением предков и понимала, замечая отсутствие чувства в лицах, что писал не художник-творец. Королева Ортруда «любила искусство и сама хорошо рисовала и писала красками» [Там же. С. 7], была мечтательна, погружалась в мифы и легенды своего народа, некоторые ее действия (например, выход из тайного хода в сопровождении пажа) породили новый миф о белой фее лазурного грота.

Отношения и королевы и принцессы с матерью были сложными. Мария-Каролина, хотя и росла в семье, «мало знала свою мать» [13. С. 247].

Ее высочество герцогиня определяла направления образования и воспитания принцессы (по той же траектории, как воспитывалась и она сама) — танцы, хождение с линейкой для осанки («ее высочество герцогиня сама в детстве по четыре часа в день ходила с линейкой» [13. С. 237], живопись акварелью («все гостиные в резиденции имели уток на воде», написанных герцогиней) [Там же]. В действительности же герцогиня была безучастна в жизни маленькой принцессы — она раздражалась неловкостью и угловатостью Марии-Каролины (ее высочество вскрикивала, вскакивала, «была вне себя» [Там же. С. 236]), затем уходила заниматься своими акварелями (всегда одно и то же «нечто белое среди обилия голубого» [Там же] и обедать («ее высочество герцогиня кушала что-нибудь правильное каждые два часа» [Там же]).

Не было душевной близости и между королевой Ортрудой и «жестокой по природе» [14. С. 289] королевой Кларой, ее матерью: «Ортруда тяготилась тем лицемерным, сдержанным тоном, который господствовал в доме королевы Клары» [Там же. С. 96]. Когда королева Клара узнала о том, что Ортруда собирается развестись с Танкредом, в первую очередь ее взволновала возможная потеря в деньгах, вложенных в компанию ее зятя, принца Танкреда; измены принца и душевная боль дочери не брались в расчет. При этом Сологуб создал несомненно более сложный образ, чем Банг. Ортруда говорила о матери: «О, я знаю, что мама любит меня очень. Это в ней уживается, — пристрастие ко всему этому ее антуражу и нежная любовь ко мне» [Там же. С. 46]. Действительно, Клара одна из всех расчетливых представителей двора отправилась с Ортрудой в опасное последнее путешествие на остров с действующим вулканом, осталась с ней до конца, страдала, потому что дочь погибла первой.

Королева и принцесса любовались детьми, общались с простыми людьми. Мария-Каролина не слушала гувернантку и подолгу наблюдала за приютскими детьми. Во взрослом возрасте она с удовольствием общалась с детьми лесничего, и те отвечали ей симпатией, играли с ее шляпой, садились на колени. Ортруда была рада ощущению опасности при встрече с не узнавшими ее контрабандистами, любовалась их силой и красотой; она посетила школу, мягко и просто общалась с молодой учительницей Альдонсой, хотя и недовольна была, что ее узнали. Переодевания помогали ей сменить роль, временно избавиться от ответственности и публичности власти, быть более искренней, давали возможность эксперимента. Сологуб ввел мотив переодевания, которое позволяло избежать отторжения средой. К воле, находившейся вне стен дворца и условностей, тянулись обе героини, пытаясь преодолеть границы, предопределенные их титулом при рождении. Мария-Каролина, за которой всю жизнь наблюдали и подавляли ее самостоятельность, не нашла выход в переодевании и перевоплощении, обнаруженный королевой Ортрудой. Она попробовала (не только по своей воле, поскольку еще не обладала властью) иной путь: пожаловала детям площадку для игр в герцогском саду. О подобной детской площадке мечтал Филиппо Меччио, революционер Соединенных Островов, персонаж романа «Королева Ортруда» – он хотел, чтобы рухнули стены королевского сада и в нем играли дети. Создание общего пространства с детьми не помогло Марии-Каролине. Из череды повторяющихся событий ее детства автором выделен один случай, когда она попыталась включиться в игру детей на этой площадке, но дети испугались и не приняли ее.

Примечательно, что в описании приютских детей Банг указал на обнаженные ноги: «...видны были из-под юбок их (девочек из приюта. — A.C., A.C.) круглые розовые ножки» [13. С. 240]. Эта деталь является одним из характерных мотивов в творчестве Сологуба. В оригинальном тексте русский писатель пошел дальше: Королева Ортруда временами ходит босая, более того, она открыла школу, в которой все учащиеся должны быть полностью обнаженными.

Обе героини относятся к старинному увядающему роду. Мария-Каролина рассматривала портреты предков и видела «торжественные мины на пустых лицах», «натянутые и безжизненные» фигуры [Там же. С. 225]. Ортруда пророчески заявила, разглядывая портрет убитого в детстве предка: «...древний род наш истощается. Может быть, я в нем последняя» [14. С. 62].

Место действия обоих произведений – таинственный старинный замок, окруженный прекрасными пейзажами. Принц Танкред, муж королевы Ортруды, говорил о ее замке: «Эти бесконечные коридоры под низкими сводами, эти узкие винтовые лестницы, неожиданные тайники, извилистые переходы то вверх, то вниз, эти окна в слишком толстых стенах, то чрезмерно узкие, то непомерно высоко пробитые, круглые, как совиные очи, эти балконы и выступы башен над морскою бездною, в полу которых скользкие плиты, кажется, раздвигались когда-то, чтобы сбросить в волны окровавленное тело, – все это, по-моему, слишком романтично для нашего расчетливого, практического и элегантного века» [Там же. С. 59]. Мария-Каролина сама провела экскурсию по герцогскому замку группе артистов и показала одному из них, переводящемуся в Дрезден Иосифу Кайму, реликвии, - чернильницу Наполеона и скипетр Марии Стюарт. Тогда же состоялся единственный разговор наедине ее высочества и артиста, в которого она влюбилась благодаря его искусству и необычному грубому голосу, «почти зверскому» [13. С. 265]. Во время представлений он звучал бешенством, его персонажи зачастую были «мятежниками» [Там же. С. 284]. Беседа человека с голосом мятежника и принцессы отсылает к неопубликованному рассказу Сологуба «Бунтовщик и королева», выделенному из ранней редакции трилогии «Творимая легенда», в которую входит рассматриваемый роман «Королева Ортруда» [15. Л. 826-844]. То, что Сологуб собирался придать этому эпизоду форму отдельного художественного текста, говорит о значимости беседы королевы и революционера в структуре трилогии.

Оба произведения объединяют также упоминания о казнях женщин у власти. Ортруда, думая об изменах мужа, вспоминала о королеве Джиневре. Несмотря на то, что наказанием за двойное убийство неверного мужа и его любовницы не была избрана смерть, в государстве праздновали день

памяти королевы, а Ортруда, сравнивая себя с Джиневрой, представляла собственное гильотинирование. Мария-Каролина обращалась к образам двух казненных предшественниц, Марии Стюарт и Марии-Антуанетты, картина «Мария-Антуанетта перед отправлением в темницу» висела в замке. Чувства к артисту Кайму, тяжелое бремя судьбы, ненависть к народу — вот что переплеталось с вниманием принцессы к казненным правительницам.

В статье перечислены основные моменты, которые позволяют говорить о типологическом сходстве двух оригинальных образов и о том, что Сологуб, вероятно, использовал некоторые приемы Г. Банга при создании образа королевы Ортруды. Тот факт, что произведение было выбрано из ряда других, творчески созвучных, по формальному признаку объема, а затем нашло отражение в оригинальном творчестве, подчеркивает названную самим писателем особенность творческого метода: «Беру свое везде, где нахожу его» [16. С. 206]. Предположительно одной из функций художественного перевода в контексте собственного творчества Сологуба становилось расширение образного ряда*. Новелла Г. Банга – не единственное произведение, с которым Сологуб вступил в творческий диалог, создавая образ королевы Ортруды[†]. Необходимо отметить и принципиальную разницу героинь Сологуба и Банга. Ортруда активна, выплескивает чувства вовне, первой стремится прояснить конфликты во взаимоотношениях, имеет несколько любовных связей, участвует в решении государственных проблем. Мария-Каролина в целом пассивна. Обычное состояние принцессы – погруженность в себя и воспоминания, чаще всего ее называют «pauvre enfant». Основное чувство, владеющее Марией-Каролиной, - печаль, в то время как Ортруда испытывает намного более широкий спектр эмоциональных состояний. Сологуб, в отличие от Банга, в своем произведении работал с полным набором каналов восприятия информации. В рассказе основной упор сделан на звуки и визуальные образы, в частности на прекрасные голоса артиста и принцессы, контрастирующие с их внешностью. В романе писатель обращал внимание на визуальные образы, звуки, запахи, ощущения при прикосновении.

Таким образом, можно говорить о том, что художественный перевод в практике Ф. Сологуба имел своей целью не только воссоздание оригинального текста на языке принимающей культуры, но и являлся художественным «источником», питающим собственное творчество. При всем том сходства, отмеченные в образах главных героинь Г. Банга и Ф. Сологуба, не означают прямого заимствования: образ королевы Ортруды в целом, несомненно, самостоятельный.

^{*} Об этом же свидетельствует исследование образов пчел, воска и меда в драме «Дар мудрых пчел» с указанием на натурфилософское эссе М. Метерлинка, подробнее см. в статье [17].

 $^{^{\}dagger}$ Подробнее об игре с образом предшественника – колдуньей Ортрудой из оперы Р. Вагнера «Лоэнгрин» см. в статье [18].

Литература

- 1. Шарыпкин Д.М. Скандинавская литература в России. Л.: Наука, 1980.
- 2. Ляпина А.А. Датская литература 1890–1910-х гг. в русской критике Серебряного века: дис. ... канд. филол. наук. М., 2014.
- 3. Банг Γ . Сон в летнюю ночь // Рассказы для чтения в наших скорых поездах. СПб., 1904. С. 1–9.
- 4. *Маделунг A.* Herman Bang. Mikaël. Nordisk Forlag. Köbenhavn-Kristiania. 1904 // Весы. 1904. № 8. С. 57–58.
 - Северные сборники. СПб. : Шиповник, 1907. Кн. 1. С. 146–327.
- 6. Стрельникова А.Б., Филичева В.В. Библиография художественных переводов, выполненных Ф. Сологубом: Неизданные и несобранные поэтические переводы // Федор Сологуб: Разыскания и материалы. М., 2016.
 - 7. *Банг* Г. Charlot Dupont // РО ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. № 575.
 - 8. *Банг Г*. Эксцентрические новеллы / пер. Н. Эфроса. М.: В.М. Саблин, 1911. 293 с.
 - 9. Северные Сборники. СПб. : Шиповник, 1907. Кн. 1.
- 10. Аякс <Измайлов А.А.>. У Ф.К. Сологуба // Биржевые ведомости. Вечрний выпуск. 1912. № 13151. 19 сент.
- 11. Сологуб Φ . Демоны поэтов // Критика русского символизма : в 2 т. М., 2002. Т. 1.
- 12. Syskina A.A., Kiselev V.S., Lonoff S., Matveenko I.A., Aizikova I.A. Female Images in "Jane Eyre" and "The Woman in White" in Russian Translations of the 1840-60s // Bronte Studies. 2017. T. 42, № 2. P. 118–129.
 - 13. Банг Г. Ее Высочество // Северные сборники. СПб., 1907. Кн. 1. С. 221–327.
- 14. Сологуб Φ . Творимая легенда: роман. Ч. 2: Королева Ортруда // Собр. соч. : в 20 т. СПб., 1914.
- 15. *Творимая* легенда: Разрозненные экземпляры машинописи, правленной Ф. Сологубом // РО ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. № 160.
- 16. Федор Сологуб и Ан.Н. Чеботаревская. Переписка с А.А. Измайловым / публ. М.М. Павловой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1995 год. СПб., 1999.
- 17. *Стрельникова А.Б.* «Чужое» слово в пьесе «Дар мудрых пчел» Ф. Сологуба // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 379. С. 36–39.
- 18. Сысоева А.В. Ироническое переосмысление образов мировой литературы в романе Федора Сологуба Королева Ортруда (второй части трилогии Творимая легенда) // Русская литература в европейском контексте III: Сб. науч. работ молодых филологов. Варшава, 2010. С. 103–108.

HERMAN BANG'S "HER HIGHNESS" AND FYODOR SOLOGUB'S *QUEEN ORTRUDA*: TARGET TEXT AS A SOURCE FOR CREATIVE WRITING

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2018. 55. 228–237. DOI: 10.17223/19986645/55/15

Anna B. Strelnikova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: annas24@yandex.ru

Anastasia V. Sysoeva, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: sysoevaav@gmail.com **Keywords**: Sologub, Bang, decadence, translation of belles lettres, literary dialogue.

The authors of the present paper have proposed a hypothesis, according to which Fyodor Sologub's translation of Herman Bang's short story "Her Highness" had a particular impact on his original Russian novel *Queen Ortruda*. This hypothesis is based on the facts as follows: Sologub extensively translated belles lettres, and his translations (including those of Bang's short stories) are an essential part of the Russian artist's oeuvre; the publications of the trans-

lation and the original works appeared in chronological order; the loneliness of the heroine girt with authority became one of the main themes in both the Danish short story and the Russian novel. The present paper verifies the validity of the hypothesis described above.

The works of art belonging to different national literatures and cultures were studied via the comparative historical method. The historiographic analysis was used to deal with the archive materials. The texts investigated in the course of the research include the last intravitam edition of Sologub's novel *Queen Ortruda*, the novel drafts, Russian translations of the short stories by Bang; Sologub's draft translation of Bang's "Charlot Dupont". It is noteworthy that it was the investigation of "Charlot Dupont" translation that allowed identifying the edition used for translation of the short story "Her Highness".

The comparative analysis of fiction and journalistic texts written by the Russian and Danish authors revealed the similarities in their artistic worldviews. Both writers supposed the autobiography to be of no value and insisted that fiction should be read with no regard to historical and social context. The art of both writers is conventionally considered to be of the decadent origin, which implies a range of mutual characteristics.

With the Danish short story and the Russian novel compared, the similarities in the texts have been revealed. Firstly, there is correspondence in the images of the heroines: they keenly appreciate the art, belong to the ancient and then deteriorating clan, suffer from an unhappy love, have complicated relations with mothers, admire children, are interested in communication with common people, aspire to freedom beyond the castle walls and conventionalities. The other similarities pointed out in the present paper are as follows: the playground in the garden of Princess Marie Caroline reminds the dream of Filippo Mechchio, the character of *Queen Ortruda*, whose wish is to see children playing in the garden of the queen's castle; the talk between Marie Caroline and the artist is related to the unpublished short story by Sologub "The Rebel and the Queen" distinguished in the early version of the novel; the setting in both texts is a mysterious old castle surrounded by beautiful nature, etc.

The conducted survey confirms the proposed hypothesis and indicates that translation was a kind of a "nutriment" for Sologub's original writings.

References

- 1. Sharypkin, D.M. (1980) *Skandinavskaya literatura v Rossii* [Scandinavian literature in Russia]. Leningrad: Nauka.
- 2. Lyapina, A.A. (2014) *Datskaya literatura 1890–1910-kh gg. v russkoy kritike Serebry-anogo veka* [Danish literature of the 1890s–1910s in Russian criticism of the Silver Age]. Philology Cand. Dis. Moscow.
- 3. Bang, G. (1904) Son v letnyuyu noch' [Midsummer Night's Dream]. In: *Rasskazy dlya chteniya v nashikh skorykh poyezdakh* [Stories for reading in our fast trains]. St. Petersburg: Is.n.l.
- 4. Madelung, A. (1904) Herman Bang. Mikaol. Nordisk Forlag. Köbenhavn-Kristiania. 1904. *Vesy.* 8. pp. 57–58. (In Norwegian).
- 5. Shipovnik. (1907) *Severnyye sborniki* [Northern collections]. Book 1. St. Petersburg: Shipovnik, pp. 146–327.
- 6. Strel'nikova, A.B. & Filicheva, V.V. (2016) Bibliografiya khudozhestvennykh perevodov, vypolnennykh F. Sologubom: Neizdannyye i nesobrannyye poeticheskiye perevody [Bibliography of literary translations by F. Sologub: Unpublished and uncollected poetic translations]. In: Pavlova, M.M. (ed.) *Fedor Sologub: Razyskaniya i materialy* [Fyodor Sologub: Searches and materials]. Moscow: NLO.
- 7. Manuscript Department, Institute of Russian Literature. Fund 289. List 1. No. 575. Bang, H. *Charlot Dupont*.
- 8. Bang, H. (1911) *Ekstsentricheskiye novelly* [Eccentric stories]. Translated from German by N. Efros. Moscow: V.M. Sablin.

- 9. Shipovnik. (1907) Severnyye sborniki [Northern collections]. Book 1. St. Petersburg: Shipovnik.
- 10. Ayaks <Izmaylov, A.A.>. (1912) U F.K. Sologuba [At F.K. Sologub's]. *Birzhevyye vedomosti. Vechrniy vypusk.* 13151. 19 September.
- 11. Sologub, F. (2002) Demony poetov [Demons of Poets]. In: Bogomolov, N.A. (ed.) *Kritika russkogo simvolizma: v 2 t.* [Criticism of Russian Symbolism: in 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Olimp.
- 12. Syskina, A.A. et al. (2017) Female Images in "Jane Eyre" and "The Woman in White" in Russian Translations of the 1840-60s. *Bronte Studies*. 42 (2). pp. 118–129. DOI: 10.1080/14748932.2017.1280939
- 13. Bang, H. (1907) Eye Vysochestvo [Her Highness]. In: Shipovnik. *Severnyye sborniki* [Northern collections]. Book 1. St. Petersburg: Shipovnik. pp. 221–327.
- 14. Sologub, F. (1914) Tvorimaya legenda: roman. Ch. 2: Koroleva Ortruda [The created legend: a novel. Part 2: Queen Ortruda]. In: *Sobr. soch.: v 20 t.* [Collected Works: in 20 vols]. St. Petersburg: Sirin.
- 15. Manuscript Department, Institute of Russian Literature. Fund 289. List 1. No. 160. *Tvorimaya legenda: Razroznennyye ekzemplyary mashinopisi, pravlennoy F. Sologubom* [The Created Legend: Scattered typewritten copies corrected by F. Sologub].
- 16. Sologub, F. & Chebotarevskaya, A.N. (1999) Perepiska s A.A. Izmaylovym [Correspondence with A.A. Izmailov]. In: *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 1995 god* [Yearbook of the Manuscript Department of the Pushkin House, 1995]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin.
- 17. Strel'nikova, A.B. (2014) On wisdom background in The Gift of the Wise Bees by F. Sologub. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta Tomsk State University Journal*. 379. pp. 36–39. (In Russian).
- 18. Sysoyeva, A.V. (2010) [The ironic rethinking of the images of world literature in Fyodor Sologub's "Queen Ortruda" (Part 2 of the trilogy "The Created Legend")]. *Russkaya literatura v yevropeyskom kontekste* [Russian literature in a European context]. Proceedings of the III International Conference. Warsaw: [s.n.]. pp. 103–108. (In Russian).

РЕЦЕНЗИИ

УДК 271.2+070.1

DOI: 10.17223/19986645/55/16

ПРАВОСЛАВНАЯ КУЛЬТУРА В СЛАВЯНСКОМ МИРЕ: ОПЫТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ¹

Fontes Slavia Orthodoxa I

Православие в славянском мире: история, культура, язык

> Научная редакция Елены Потехиной, Александра Кравецкого

> > Olsztyn 2014

Рецензия на книги:

Православие в славянском мире: история, культура, язык: коллективная монография / науч. ред. Е. Потехина, А. Кравецкий. — Olsztyn: Centrum Badań Europy Wschodniej Uniwersytetu Warmińsko-mazurskiego w olsztynie, 2014. — 247 с.

Православная культура вчера и сегодня: коллективная монография / науч. ред. Е. Потехина, А. Кравецкий. — Olsztyn: Centrum Badań Europy Wschodniej Uniwersytetu Warmińsko-mazurskiego w olsztynie, 2015. — 379 с.

Проект «Fontes Slavia Orthodoxa», реализованный Центром исследований Восточной Европы Варминско-Мазурского университета в Ольштыне (Польша) совместно с Центром по изучению церковнославянского языка Института русского языка им. В.В. Виноградова Российской академии наук, ставит целью публикацию материалов, посвященных истории и культуре православия в славянских странах, внутриконфессиональной и межконфессиональной полемике, истории и современному состоянию церковнославянского языка. Монографии адресованы историкам, религиоведам, культурологам, филологам, лингвистам, а также всем интересующимся православной историей и культурой. Безусловное преимущество обеих монографий— в широком понимании явления православной культуры и многообразии представленных ее граней: особенностей богослужебных текстов, иконописи и пения, искусства книжной миниатюры; биографий личностей, внесших вклад в развитие православной культуры; проблем постоянного сосуществования и соперничества традиций и инноваций.

¹ Материал подготовлен при поддержке Программы повышения конкурентоспособности Томского государственного университета.

Fontes Slavia Orthodoxa II

Православная культура вчера и сегодня

Научная редакция Елены Потехиной и Александра Кравецкого

Olsztyn 2015

Исследованиями «Православие в сламире: история, вянском культура, язык» и «Православная культура вчера и сегодня» открывается издание новой серии коллективных монографий «Fontes Slavia Orthodoxa», орга-**Пентром** исследований низованное Восточной Европы Варминско-Мазурского университета в Ольштыне (Польша) совместно с Центром по изучению церковнославянского языка Института русского им. В.В. Виноградова Российской академии наук. Данный исследовательский проект ставит целью публикашию материалов, посвященных истории и культуре православия в славянских странах, внутриконфессиональной и межконфессиональной по-

лемике, истории и современному состоянию церковнославянского языка, поэтике и стилистике религиозных текстов. Монографии адресованы историкам, религиоведам, культурологам, филологам, лингвистам, а также всем интересующимся православной историей и культурой.

Несмотря на внимание и интерес к понятию «православная культура», в научном сообществе отсутствует единство в его трактовке. В современных исследованиях подчеркивается, что изучать православную культуру — значит искать закономерности разнообразных изменяющихся форм общественного сознания и общественной культурной деятельности членов православной церкви [1]. При этом церковно-этический подход уделяет больше внимания аксиологической стороне православия, его ценностной и нравственной основе, а конфессиональный или религиоведческий подход опирается на некий взгляд извне, претендующий на объективное рассмотрение положения православия и православной культуры в мире [2. С. 75]. Результативен подход к исследованию православной культуры, основанный на анализе причин сохранения или утраты религиозной традиции, ресурсов ее воспроизведения; механизмов, благодаря действию которых конфессиональная система получает прочность [3, 4].

Обратимся к образу православной культуры, представленному в названных монографиях историками, филологами, искусствоведами из России, Польши, Литвы, Венгрии, Сербии, Эстонии.

В первом разделе монографии «Православие в славянском мире: история, культура, язык» (2014) содержатся исследования церковнославянских литургических текстов. О различных способах этимологизации имени св. Георгия в славянских переводных гимнографических сочинениях пишет *Е.М. Верещагина. О.В. Светлова* на примере акафиста Пресвятой Богоро-

дице анализирует явление калькирования — переводческого решения, существенно обогатившего лексический состав и стилистику церковнославянского и русского литературного языка. Нередко составители служб новомученикам испытывают затруднения при передаче реалий XX столетия — гражданской войны, гонений на церковь, репрессий против духовенства. Как сделать так, чтобы с эстетической точки зрения богослужебные строфы на «новейшем церковнославянском языке» не уступали высокой богослужебной поэзии? Как ввести в текст молитвы слова «политбюро», «трибунал», «раскулачивание», «коллективизация», «начальник лагеря»? Статья О.И. Хайловой содержит ценные практические рекомендации и словарь для составления служб новомученикам, разработанные в Православном Свято-Тихоновском гуманитарном университете.

Значимо, что в монографии рассматриваются история и культура не только официального православия, но также старообрядчества и единоверия, без которых образ православного мира был бы неполон. Археографическим находкам посвящены главы второго раздела монографии: «Лицевые Апокалипсисы из собрания Уральского федерального университета: обзор рукописей» Н.В. Ануфриевой, «Структура и содержание святцев староверов федосеевского согласия» А.А. Камаловой, «Азбуки в книжных собраниях мазурских старообрядцев» И. Ожеховской, «Видения печорского старообрядца С.А. Носова как памятник народной религиознодидактической литературы» М.В. Мелихова. Е.А. Потехина исследует источники, используемые автором старообрядческого трактата конца XIX в. «Вечная правда» Аввакумом Анисимовичем Комиссаровым, признанным в Спасовом согласии начетчиком. Следует отметить, что старообрядческая литература представляет большой источниковедческий и археографический интерес, поскольку содержит самые различные сведения по истории и догматике многочисленных старообрядческих согласий.

В исследовании *А.С. Палкина* представлен анализ развития единоверия во второй половине XIX в. – в очень непростой период, когда постепенный отход от жесткого преследования староверов поставил под угрозу существование и без того непрочного религиозного направления. Официальную церковь единоверие не устраивало, поскольку не обеспечивало существенный рост ее паствы за счет присоединения старообрядцев, сами же староверы видели в единоверии некую ловушку.

Исследование *П.И. Мангилева* направлено на анализ полемики о браках в поморских и федосеевских общинах старообрядцев Южного Урала и Зауралья — одной из самых острых и спорных для беспоповских согласий темы. *Ю.В. Клюкина-Боровик* освещает сохранившиеся и в наше время традиции паломничества уральских староверов к могилам почитаемых скитников на Веселых горах. *С.А. Белобородов* восполняет пробелы в ранней истории уральской беглопоповщины, опираясь на новые данные, позволяющие говорить, что предложенная старообрядческими историографами в XIX в. схема передачи старейшинства не столь проста и однозначна.

Малоизученным страницам истории конфессиональных учебных заведений посвящено исследование *Р.А. Майорова*, который пишет о Московском старообрядческом институте. Открывшийся в 1912 г., в «золотой век» старообрядчества, институт призван был «готовить нужных старообрядчеству деятелей, главным образом для провинции» [5. С. 127]. Концепция института предполагала, что ученики не только получат хорошее образование, но и приобретут практические навыки в ремеслах и сельском хозяйстве. Современное Московское старообрядческое духовное училище, как отмечает автор, старается использовать опыт этого института.

В третьем разделе монографии *К. Кончаревич* и *Р. Левушкина* рассматривают эволюцию взглядов на вопрос о богослужебном языке в Сербской православной церкви, исторические и социолингвистические проблемы, связанные с его выбором и формированием. Четвертый раздел посвящен персоналиям. В первом томе публикуется биографическая информация о старообрядческом издателе, художнике, гравере Луке Арефьевиче Гребневе (1867—1932) и приводится расшифровка записи интервью *И.В. Починской* с его внучкой — Агнией Фоминичной Гребневой. В ее детских воспоминаниях запечатлелись тяжелейшие испытания, выпавшие в советское время на долю нескольких поколений россиян, — арест, раскулачивание, ссылки.

Вторая монография — «Православная культура вчера и сегодня» (2015) — открывается главой, написанной польским историком *А. Мироновичем*, который опровергает клише, что население Великого княжества Литовского и Речи Посполитой XIII—XVIII вв. по вероисповеданию было исключительно католическим и с православием почти незнакомым: русские зодчие и художники работали над созданием храмов, часовен, дворцов; почитались православные святые и чудотворные иконы. Многочисленные издания кириллических книг демонстрируют, что их заказчиками являлись православные магнаты и монастыри. Историк делает вывод, что Речь Посполитая представляла многоконфессиональное государство, а православие на ее землях было не только постоянным элементом религиозной структуры государства, но, в некоторых его регионах — даже доминирующим вероисповеданием [6. С. 35].

Две другие главы первого раздела посвящены культуре Великого Новгорода. Г.С. Баранкова характеризует содержащиеся в «Слове о кресте» из Новгородских кормчих народные крещенские обряды и суеверия, а также запреты и предписания, которыми духовенство на них отвечало. Жизнестойкость суеверий подтверждает тот факт, что первые упоминания о них датируются 1282 г., а последние — XVI—XVII вв. Тема народной материальной культуры продолжена Д.А. Петровой, которая анализирует упоминания об употребляемой в пищу рыбе и продуктах из нее в Новгородских берестяных грамотах XII—XV вв. История национальной кухни начинается с момента письменной записи рецептов, для русской кулинарии таким временем можно считать начало XVI в., поэтому любые сведения о более раннем периоде чрезвычайно ценны.

Во втором разделе монографии раскрываются вопросы становления орфографических норм и принципов употребления разных букв и приста-

вок в церковнославянском и русском языках (C.M. Кусмауль и M.Э. Давыденкова). В третьем разделе исследуются проблемы сосуществования традиций и современных тенденций в гимнографических текстах и акафистах ($\Phi.Б.$ Людоговский и M.E. Плякин). На примере созданных в XX–XXI вв. акафистов M.E. Плякин выявляет, что авторов, пишущих на церковнославянском языке, — единицы, а русский язык все больше проникает в текстовый массив православных богослужебных книг. Будет ли этот процесс развиваться дальше — покажет время.

Четвертый раздел знакомит нас с историей и книжной культурой старообрядчества. А. Вонсевской, И. Ожеховской, Е.А. Потехиной изучены вопросы публикации и описания, а также интерпретации содержания польских старообрядческих книжных памятников: Синодика, найденного в 2006 г. в здании бывшего старообрядческого монастыря в деревне Войново; рукописи «Чин исповеданию» и сборника «О браках», хранящегося в Музее земли Пишской. Екатеринбургской исследовательницей Н.В. Ануфриевой поднята важная проблема научного подхода к популяризации художественного оформления книжных памятников, большинство из которых в настоящее время «спрятаны» на полках книгохранилищ. Назрела необходимость создавать иллюстрированные каталоги, включающие детальное описание миниатюр и орнаментов, исторический обзор и иконографический анализ каждого памятника. Автор приводит разработанную Лабораторией археографических исследований Уральского федерального университета схему описания рукописей, включающую подробную характеристику художественного оформления.

Идеологическое обоснование института наставничества среди уральских староверов-беглопоповцев, особенности его формирования и функционирования представлены С.А. Белобородовым. Исследование томских историков Е.Е. Думчак, Е.А. Ким, А.О. Буркун позволяет скорректировать некоторые стереотипы в отношении жизни сибирской деревни конца XIX — начала XX в. История почти двухвекового существования монастыря староверовстранников в томско-чулымской тайге дает основания говорить о том, что роль староверов в жизни сибирской деревни была более значительна, чем это принято считать, справедливо даже говорить о «неофициальном управлении странническими монахами и мирянами» жизнью деревни [6. С. 239]. Скит и деревня были взаимно необходимы друг другу. Деревня давала старообрядческому монастырю экономическую основу, а монастырь деревне — чувство принадлежности к христианскому миру (из-за малонаселенности Томской губернии и территориальной удаленности населенных пунктов православные храмы были далеко не везде).

Следующие две главы посвящены старообрядческому искусству — иконописи и богослужебному пению, средневековые традиции которых именно староверы сохранили и донесли до наших дней. А.А. Михеева приводит анализ аудиозаписей современного знаменного пения вятских староверов и обращает внимание на то, что, несмотря на трансформации и нововведения, предназначение его остается неизменным — углубление религиозного

чувства и усиление молитвы поющего (а не слушающего!), консолидация общины, поддержка групповой идентичности. М.-Л. Паавер и Г. Поташенко воссоздают подробную биографию основателя Вильнюсской школы иконописи Ивана Ипатьевича Михайлова (1893—1993), чье творчество брало корни в традициях старообрядческого иконописного искусства Литвы и Беларуси второй половины XVII—XIX в. Искусствоведческий анализ опирается на введенные авторами в оборот источники — инвентарные книги, описи памятников истории и культуры, материалы экспедиций и интервью с учениками и родственниками мастера.

В разделе «Личности» опубликованы воспоминания об Эстер Ойтози (1935–2006), известной венгерской исследовательнице старопечатных кириллических книг, а также материалы о священнике Иоанне Стефановиче Белюстине (1819–1890) – публицисте, за весьма откровенные высказывания о тяжелом материальном и социальном положении духовенства заслужившем прозвище «духовный Щедрин».

Безусловное преимущество обеих монографий – в широком понимании явления православной культуры и многообразии ее раскрытых граней: особенностей богослужебных текстов, иконописи и пения, искусства книжной миниатюры; биографий личностей, внесших вклад в развитие православной культуры; проблем постоянного сосуществования и соперничества традиций и инноваций. В то же время не совсем понятен выбор анализируемых в монографиях сюжетов, в предисловии же, излагая концепцию исследования, редакторы не останавливаются на этом вопросе.

Следует отметить, что авторам монографий наиболее полно и структурированно удалось охарактеризовать историю и культуру старообрядчества. Известно, что жестоко преследуемые за свои убеждения староверы убегали в отдаленные места Урала и Сибири, а также переселялись за пределы России — на территорию Речи Посполитой, Литвы, Эстонии. И если российские исследователи из разных регионов уже давно объединили свои усилия по изучению старообрядчества, то присоединение к ним ученых из Восточной Европы и Прибалтики чрезвычайно значимо. Поэтому представленные работы заслуживают внимание читателей как самостоятельный международный исследовательский проект по изучению старообрядчества.

Староверы не просто переселялись на новые земли, они создавали особую культурную общность, центром которой была книжность. Библиотеки старообрядческих монастырей и скитов становились крупными хранилищами старопечатных книг и рукописей; фундаментом старообрядческой идеологии являлось знание и цитирование подлинных памятников древнерусской книжности. Следовательно, совершенно справедливо в центре внимания авторов монографий оказалась книжная культура староверов – полемические трактаты, святцы, церковно-учительная литература, художественное оформление книжных памятников. Отталкиваясь от анализа старообрядческой книжности, исследователи переходят к изучению механизмов сохранения общин, традиций духовного образования, иконописи, богослужебного пения.

Представить целостную картину истории и культуры официального православия в данных монографиях получилось в меньшей степени удачно. Пока освещены только вопросы взаимовлияния традиций и современных тенденций в гимнографических текстах и акафистах, проблемы становления орфографических норм в церковнославянских литургических текстах, отдельные аспекты народной культуры. Но присутствие русского православия в мире – гораздо более сложная и разносторонняя тема. После 1917 г. на волне формирования новой русской диаспоры произошла встреча западного мира с православием как живой религиозной и богословской традицией. Оказавшись после революции за рубежом, некоторые из русских церковных историков и богословов становились сотрудниками европейских университетов; создавались центры изучения православной истории и культуры в Париже, Софии, Белграде. Таким образом, сфера для совместных исследований православия в международном контексте очень широка – это деятельность духовных учебных заведений, церковная историческая наука, религиозная философия, иконописные школы, издательская деятельность православной церкви и многое другое. Поэтому у инициированного монографиями исследования есть большие перспективы.

Остается подчеркнуть востребованность, новизну, актуальность изложенного материала, порекомендовать книги к прочтению и согласиться с мнением авторов, что издание этой серии призвано содействовать интенсификации междисциплинарных исследований в области истории, культуры, философских и догматических традиций православия и христианства в целом.

Литература

- 1. *Озмитель Е.Е.* Православная культура и подходы к ее изучению // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1 : Регионоведение : философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2010. № 2. С. 154–158.
- 2. *Митасова С.А.* Православная культура: понятие и морфология в дискурсе интерпретативной культурологии // Дискуссия. 2011. № 9 (17). С. 75–79.
- 3. Дутчак Е.Е. Православный ландшафт таежной Сибири: концепция исследования / Е.Е. Дутчак, А.В. Васильев, Е.А. Ким, Т.В. Полежаева // Сибирские исторические исследования. 2013. № 1. С. 79–90.
- 4. *Dutchak E.E.* Orthodox Tradition in the Soviet Time : Factors of Continuity // Былые годы. 2014. № 34 (4). С. 686–691.
- 5. *Православие* в славянском мире: история, культура, язык: коллективная монография / науч. ред. Е. Потехина, А. Кравецкий. Olsztyn: Centrum Badań Europy Wschodniej Uniwersytetu Warmińsko-mazurskiego w olsztynie, 2014. 247 с.
- 6. *Православная* культура вчера и сегодня: коллективная монография / науч. ред. Е. Потехина, А. Кравецкий. Olsztyn: Centrum Badań Europy Wschodniej Uniwersytetu Warmińsko-mazurskiego w olsztynie, 2015. 379 с.

ORTHODOX CULTURE IN THE SLAVIC WORLD: AN EXPERIENCE OF AN INTER-DISCIPLINARY RESEARCH. BOOK REVIEW: POTEKHINA, E. & KRAVETSKIY, A. (EDS) (2014) PRAVOSLAVIE V SLAVYANSKOM MIRE: ISTORIYA, KUL'TURA, YAZYK [ORTHODOXY IN THE SLAVIC WORLD: HISTORY, CULTURE, LANGUAGE] OLSZTYN: CENTRUM BADAŃ EUROPY WSCHODNIEJ UNIWERSYTETU WARMIŃSKO-MAZURSKIEGO W OLSZTYNIE; POTEKHINA, E. & KRAVETSKIY, A. (EDS) (2015) PRAVOSLAVNAYA KUL'TURA VCHERA I SEGODNYA [ORTHODOX CULTURE YESTERDAY AND TODAY] OLSZTYN: CENTRUM BADAŃ EUROPY WSCHODNIEJ UNIWERSYTETU WARMIŃSKO-MAZURSKIEGO W OLSZTYNIE

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2018. 55. 238–245. DOI: 10.17223/19986645/55/16

Kristina A. Kuzoro, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation), Siberian State Medical University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: clio-2002@mail.ru

The project "Fontes Slavia Orthodoxa", organized by the Eastern European Research Centre at the University of Warmia and Mazury in Olsztyn, Poland, together with the Centre for the Study of the Church Slavonic Language of the Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, aims to publish materials on the history and culture of Orthodoxy in the Slavic countries, intra- and inter-confessional polemics, history and the contemporary state of the Church Slavonic language. The monographs are addressed to historians, religious scholars, cultural studies researchers, philologists, linguists, as well as to those interested in Orthodox history and culture. An absolute advantage of both monographs is a broad understanding of the phenomenon of Orthodox culture and the variety of its facets presented: features of liturgical texts, iconography and singing, the art of book miniatures; biographies of individuals who contributed to the development of Orthodox culture; problems of constant coexistence and rivalry of traditions and innovations. Significantly, the studies show the history and culture of not only the official Orthodoxy, but also the Old Believers and Edinoverie, without which the image of the Orthodox world would not be complete. The relevance, novelty and topicality of the presented material is emphasised. The books are recommended for reading. The opinion of the authors that the publication of this series is intended to promote the intensification of interdisciplinary research in the field of history, culture, philosophical and dogmatic traditions of Orthodoxy and Christianity in general is shared.

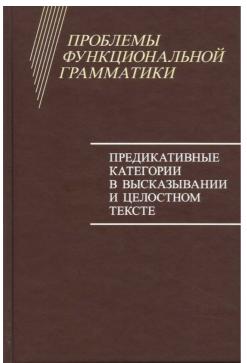
References

- 1. Ozmitel, E.E. (2010) Pravoslavnaya kul'tura i podkhody k yeye izucheniyu [Orthodox culture and approaches to its study]. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Regionovedeniye: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya.* 2. pp. 154–158.
- 2. Mitasova, S.A. (2011) Orthodox culture: Definition and morphology in the discourse of interpretive culture science. *Diskussiva Discussion*. 9 (17), pp. 75–79. (In Russian).
- 3. Dutchak, E.E. et al. (2013) Orthodox Landscape of the Siberian Taiga Region: the Concept of Research. *Sibirskiye istoricheskiye issledovaniya Siberian Historical Research*. 1. pp. 79–90. (In Russian).
- 4. Dutchak, E.E. (2014) Orthodox Tradition in the Soviet Time: Factors of Continuity. *Bylyye gody.* 34 (4). pp. 686–691.
- 5. Potekhina, E. & Kravetskiy, A. (eds) (2014) *Pravoslaviye v slavyanskom mire: istoriya, kul'tura, yazyk* [Orthodoxy in the Slavic World: History, Culture, Language] Olsztyn: Centrum Badań Europy Wschodniej Uniwersytetu Warmińsko-mazurskiego w olsztynie.
- 6. Potekhina, E. & Kravetskiy, A. (eds) (2015) *Pravoslavnaya kul'tura vchera i segodnya* [Orthodox Culture Yesterday and Today] Olsztyn: Centrum Badań Europy Wschodniej Uniwersytetu Warmińsko-mazurskiego w olsztynie.

УДК 271.2+070.1

DOI: 10.17223/19986645/55/17

ПРЕДИКАТИВНЫЕ КАТЕГОРИИ В ФУНКЦИОНАЛЬНОМ АСПЕКТЕ: ПОТЕНЦИАЛ И РЕАЛИЗАЦИЯ

Рецензия на книгу: Проблемы функциональной грамматики: Предикативные категории в высказывании и целостном тексте / отв. ред. А.В. Бондарко, В.В. Казаковская. – М.: Издательский Дом ЯСК, 2017. – 440 с.

Эта книга – шестая в серии «Проблемы функциональной грамматики» выходит в свет после ухода из жизни автора теоретической концепции и главы петербургской научной школы функциональной грамматики членакорреспондента РАН Александра Владимировича Бондарко, успевшего написагь введение к тому и в значительной степени осуществить редактирование его основных разделов. Как и предшествующие тома данной серии, эта коллективная монография содержит ряд глав, посвященных фамматическому описанию русского языка в синхронии и диахронии, однако не ограничива-

ется этим материалом: в книге рассматриваются данные самодийских, палеоазиатских, тунгусо-маньчжурских и романских языков. Основное внимание авторов сосредоточено на речевых реализациях предикативных категорий, их дискурсивных и текстовых функциях. В третьей части тома исследуются онтогенетические аспекты обсуждаемой проблематики. Книга подготовлена в отделе теории грамматики Института лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург) и предназначена для ишрокого круга лингвистов, преподавателей русского и иностранных языков, типологов и психолингвистов. В написании книги участвовали лингвисты из Москвы, Новгорода, Ольденбурга и Санкт-Петербурга.

Рецензируемая монография является продолжением широко известных в лингвистике серий «Теория функциональной грамматики» и «Проблемы функциональной грамматики», которые посвящены решению общих и частных проблем современного функционализма и воплощают основные идеи петербургской школы функциональной грамматики А.В. Бондарко.

В большинстве работ выявляются особенности поведения языковых единиц в речи, в текстах, в разных условиях функционирования. Цельность и фундаментальность этого тома задана выбранной и решаемой проблематикой: характеристикой предикативных категорий, что, с одной стороны, ограничивает и конкретизирует круг обсуждаемых вопросов, а с другой — задает высокий теоретический уровень работы. Эти категории являются центральными, определяющими многое в понимании самого феномена языка, его соотнесенности с речью, текстом и требуют глубины раскрытия, нового, современного взгляда на проблемы, издавна волнующие лингвистов.

В книге реализуются основные принципы, характеризующие современную лингвистическую парадигму, одной из основных составляющих которой Е.С. Кубрякова [1] считала функционализм. К таким основным чертам относятся: широкая лингвистическая база, включающая не только европейские языки, но и языки малочисленных народов, и детскую речь, что позволяет учитывать большой объем фактов естественных языков [2], стремление к выявлению / объяснению правил употребления (экспланаторности). Такое объяснение базируется на возможностях взаимодействия разноуровневых компонентов, служащих для выражения анализируемой семантики. Объединение в работе над общей темой грамматистов разных школ, разных позиций выводит обсуждаемую проблематику на новый уровень, демонстрируя широту и многогранность современных функциональных исследований, разных традиций в описании материала, его структурировании, различии в терминосистемах. Особое внимание во всех работах уделяется межуровневым связям в высказывании, промежуточным моментам в классификации, совмещению и пересечению различных семантических сфер. фактам семантической вариативности, свойственных современному функционализму [3]. В главах, анализирующих предикативные категории, авторы с необходимостью освещают дейктические, референциальные и анафорические функции, так или иначе проявляющиеся в языке, высказывании и текстах разных типов, их перегруппировку в конкретных условиях речи, а также языковую «технику», связанную с этими категориями. Центральным «узлом», который не всегда эксплицируется в главах, но по умолчанию постоянно присутствует в рассуждениях авторов, становится соотношение потенциала предикативных грамматических категорий, комплекса системно-языковых значений и вариантов, реализуемых в речи благодаря взаимодействию с экстра- и интралингвистической средой. Для предикативных категорий несомненную важность представляет антропоцентризм, говорящий, который использует, продуцирует, осваивает правила и отступления от них, запреты и аномальные высказывания.

В информативном и неформально написанном предисловии раскрывается общий замысел коллективной монографии, обосновывается ее место в системе работ, связанных с предыдущими трудами этих серий, подчеркивается неоценимый вклад основателя и главы петербургской школы функциональной грамматики А.В. Бондарко, явившегося идейным вдохновителем тома, дается краткая характеристика каждой главы.

Теоретическим введением в проблематику тома служит раздел, написанный А.В. Бондарко, для которого этот труд стал последним. В этом разделе органично соединены три аспекта, коррелирующих с заявленной темой. Во-первых, дается фундированный обзор основных положений функциональной грамматики, предыдущих коллективных монографий и исследований лингвистов, работающих в русле данного направления, которые послужили основой для рассмотрения новой проблематики, раскрываемой в настоящем исследовании. Во-вторых, представлено теоретическое обоснование современного понимания предикативных категорий и предикативности, а также роли самого предиката с комплексом его грамматических свойств по отношению к высказыванию и тексту. И наконец, особую ценность представляет замечательный анализ форм и категорий, воплощающих идею времени, - одной из основных предикативных категорий, функционирующих в тексте и обладающих в этой системе значительной спецификой. В этой части раздела А.В. Бондарко предложил новое осмысление ранее выделенной им категории временного порядка, являющейся собственно текстовой категорией, которая существует только на уровне текста, ее отличия от близких явлений, реализующихся и в языке, и в речевых произведениях. В главе исследуются специфические функции и выразительные возможности будущего сопоставительного и настоящего исторического в текстовом пространстве в их отношениях с перцептивностью, которая может быть представлена и как непосредственное восприятие, и как условно-текстовое явление, связанное с разными наблюдателями, взаимодействующими в произведении и служащими для выявления его интерпретационного характера. Сочетание всех этих аспектов служит отправной точкой для последующих работ, объединяя их в общий исследовательский кластер.

Монография условно разделена на три части: «Предикативные категории в высказывании», «Предикативные категории в целостном тексте» и «Онтогенез высказывания и целостного текста», однако каждая глава так или иначе касается и системы языка, и высказывания, и текста, что обусловлено самим феноменом описываемых категорий, различие связано, скорее, с удельным весом рассматриваемого аспекта. В композиционном плане наиболее компактным представляется последняя часть, объединенная и материалом, и аспектом исследования.

В первой части монографии анализируется по сути комплекс традиционно выделяемых предикативных категорий, хотя в центре внимания каждой главы в большинстве случаев находится одна из них — модальности (И.М. Кобозева и Д.П. Попова, Е.Е. Корди), времени (И.В. Недялков) или лица (Ю.П. Князев).

Открывается эта часть главой, написанной *М.Я. Дымарским* «Протодейксис, предикация и состав предикативных категорий высказывания», в которой ставятся теоретические проблемы соотношения и разграничения смежных понятий предикативности, коммуникативности, предикативных отношений, предикации, предикативных категорий. В центре внимания

автора находится высказывание, которое, по его мысли, существует и на «допредикативном» уровне, и тем не менее может включать предикативные отношения. Для доказательства своей концепции М.Я. Дымарский привлекает широкий круг литературы по историко-генетическим проблемам языка, психологические и психолингвистические работы, связанные с порождением речи. данные по детской речи, работы классиков языкознания и современные грамматические работы. Убелительно обосновано понятие коммуникативности, которое опирается на протодейксис и интенции говорящего. Опора на понятие протодейксиса, базирующееся на нейрофизиологическом механизме и осуществляющееся «минуя активное сознание», позволяет сделать важный шаг в разграничении коммуникативности и предикативности. Предикативность рассматривается автором как свойство, которое объединяет высказывание и предложение, включает сложную систему ориентации и по отношению к дейктическому центру, и по отношению к действительности. Для такого типа ориентации используются грамматические механизмы, которые выступают в качестве основы предикативности, соединяющей как модальные, так и диктальные аспекты высказывания-предложения. Глава вызывает неподдельный интерес, заставляет еще раз задуматься над сложной проблематикой предикативности и предикативных категорий, многоаспектностью и синкретичностью рассматриваемых явлений.

Тесную взаимосвязь лица с другими предикативными категориями прослеживает *Ю.П. Князев* (глава «Второе лицо индикатива в плане повествования и в плане речи»). Лицо, по его мнению, и в диалогическом и в нарративном режимах интерпретации непосредственно ориентировано на дейктический центр: либо реальный, непосредственный, либо опосредованный, фиктивный. Интересным и продуктивным представляется выбранный автором ход анализа: от жесткого ограничения формами второго лица индикатива с его системно-языковым значением - к изучению возможных семантических преобразований этой формы в зависимости от взаимодействия со средой, внешней и внутренней (о типах среды см. [4]). Сознательный отказ от предпочтительных для форм 2-го лица вопросительных и побудительных речевых актов, обращение к нетипичным для них актам утверждения позволяют охарактеризовать новые аспекты в, казалось бы, изученном материале. В центре внимания Ю.П. Князева адресатные и обобщенно-личные употребления, которые модифицируются и по-своему взаимодействуют с временными и модальными планами в каждом интерпретационном режиме, сохраняя общность сем и в то же время демонстрируя их перегруппировку, которая обеспечивает разнообразные интенции говорящего. Так, в речевом режиме адресатные употребления служат для сообщения о забытом, неправильно понятом; «риторические утверждения» используются для обоснования выводов, оценок, просьб, интерпретации действий адресата, выражают различного вида «индикативные побуждения», в том числе предостережения; обобщенно-личные употребления, встречающиеся в том же режиме, передают отрицание возможных дей-

ствий, даже в утвердительных предложениях (ср.: *Ты позовешь, от тебя дождешься, как же, — нахмурился Максим*). В нарративном режиме Ю.П. Князев также останавливается на адресатном и обобщенно-личном употреблении, делая отчетливее их сопоставление с речевым. Такой подход позволяет увидеть взаимозависимость категорий модальности и времени в достижении авторских интенций, а различие в режимах интерпретации подчеркивает роль системно-языкового потенциала в речевой реализации близких значений.

Е.Е. Корди («Коммуникативная целеустановка высказывания и категория наклонения: на материале французского языка») убедительно обосновывает ведущую роль коммуникативной целеустановки (изучаемой обычно в разделе синтаксиса) в выборе того или иного наклонения (в семантическом и формальном отношении). При конкретизации передаваемых модальных смыслов, по мнению автора, необходимо учитывать «не только морфологическую форму, но и синтактику, поскольку многие глагольные формы во французском языке омонимичны». Е.Е. Корди рассматривает группы «нарративных» предложений (повествовательных и вопросительных, объединенных интенцией передачи и запроса информации) и «волитивных» (императивных и оптативных, связанных с воздействием) и связывает их употребление с референтностью / нереферентностью ситуаций, учитывает роль компрессии в образовании оптатива, отмечая, что распределение «форм наклонений по модальным значениям не является абсолютным, однако отличается высокой степенью вероятности» (с. 91). Анализируется сходство и отличие в реализации модальных значений индикатива и косвенных наклонений в речевом и историческом планах. Хотелось бы боольшей аргументации в выборе для речевого плана современного романа Э. Шмитта «Оскар и розовая дама», а для исторического – романа Р. Роллана «Жан-Кристоф».

В главе «К семантическому объяснению выбора наклонения в изъяснительных придаточных при предикатах пропозициональной установки» **И.М. Кобозева** и **Д.П. Попова** анализируют эти предложения в аспекте предсказуемости выбора наклонения в придаточной части, зависящей от ряда факторов. Исследование проводилось в рамках концепции динамической семантики, которая во многом пересекается с проблематикой функциональной грамматики петербургской школы, с теорией категориальных ситуаций, проявляется и в учете взаимодействия лексических и грамматических средств выражения семантических функций в высказывании, и в стремлении к объяснению языковых фактов. Теоретически значимым и обладающим прогностической силой представляется анализ целостных конструкций с выявлением роли каждого их компонента, что ведет к пониманию синтеза смысла. Удачным представляется построение многозвенной цепочки, каждое звено которой может иметь либо одно продолжение, либо разветвление, причем в работе объясняются запреты на сочетаемость, а также предпочтения определенного выбора. В эту цепочку включаются: 1) группы глаголов пропозициональной установки (восприятия, путативы,

дезиративы, разные по семантике глаголы, характеризующиеся фактитивностью); 2) для каждой группы устанавливаются возможные типы придаточных, выявляемые (вслед за Д.Ф. Фаркашем) по двум варьирующимся признакам — наличию / отсутствию ассертивности и определенности; 3) вводящие придаточные изъяснительные союзы *что, как, чтобы;* 4) формы индикатива или сослагательного наклонения в придаточном. Специально рассматривается взаимодействие характеристик наклонения с утверждением или отрицанием в главной части сложноподчиненного предложения. Обсуждаются причины запрета / разрешения употребления сослагательного наклонения при возможном сочетании с союзами *что /как* предикатов восприятия (*Иван видел, как / что / чтобы Маша курила*), варианты (не)сочетаемости с путативами и фактитивными предикатами и предпочтение сослагательного наклонения (субъюнктива) с дезиративами (*Отец хочет, *как / *что / чтобы дочери работали*).

В главе И.В. Недялкова представлено системное описание видовременных форм в эвенкийском языке, построенное по принципу от формы – к семантике. Автор представляет расширенную парадигму форм, включая в нее не только синтетические, но и аналитические формы. Характеристика значения производится на основе фольклорных текстов, в которых содержатся устойчивые формулы, способствующие созданию моделей речевого употребления. Особую ценность представляет таблица, содержащая данные по частотности употребления тех или иных видовременных форм в основных значениях в диалоге и повествовании. Эта таблица дает представление о том, какие значения видо-временных форм выполняют текстообразующую функцию (например, небудущее на -ра со значением прошедшего), какие – типичны для диалога (прошедшее на -ча в аористическом значении, настоящее на $-\partial spa$ и будущее на $-\partial s$), а какие практически не встречаются в повествовании (все формы будущего) и нетипичны для диалога (прошедшее-3 со значением узуальности, редко употребляется прошедшее-2 со значением итеративности, настоящее узуальное). Таким образом, для диалога не характерны формы со значением повторяемости. Однако хотелось бы, чтобы был представлен более полный поясняющий комментарий к таблице о процедуре получения таких процентов. Любопытные данные о связи видо-временных форм с аспектуальными классами глагола приводятся не всегда, поэтому возникает вопрос о релевантности выбора этих форм в разных условиях.

Несколько отличается по постановке задачи глава *М.Ю. Пупыниной*, которая посвящена характеристике конструкций, выражающих ситуацию обладания в чукотском языке. В ней основное внимание уделяется особенностям предиката, анализ предикативных категорий служит для подкрепления выводов автора. Так, в связи с такими особенностями чукотского языка, как отсутствие глаголов обладания, возведение второго участника (посессума) в ранг предиката, предикативные категории распределяются между несколькими компонентами конструкции, причем «число и лицо обладателя морфологически выражены в предикате» (с. 112–113), а накло-

нение и время им не передаются. Центром исследования являются две конструкции, регулярно передающие семантику посессивности, но способные употребляться и в непосессивном (или не только в посессивном) значении. При описании поведения форм, не выражающих значения обладания, фиксируется типологически важное совпадение их показателей с перфектом, возможность выражения аспектуальных значений длительности или постоянства. М.Ю. Пупынина в работе с информантами проверяет сочетаемость посессивных предикатов с тестами, а также изучает функционирование предикатов в высказывании и тексте, учитывая факторы ассерции и пресуппозиции, работающие в вопросительных и отрицательных предложениях, при выполнении интродуктивной функции. Все это позволило увидеть специфику каждой конструкции, и специализированной на выражении временного обладания, и имеющей более широкую семантику, предрасположенной к выражению качественности и экзистенциальности. Автор не пренебрегает сложнейшей проблематикой многозначности конструкций, совмещения семантических типов в зависимости и от посессора и от посессума (отчуждаемости / неотчуждаемости), прослеживая типичную связь с отношениями родства, отношений 'часть – целое', с особым акцентом на характеристике частей тела (здесь хорошо бы сослаться на работы [5, 6]).

Переход ко второй части коллективной монографии, названной «Предикативные категории в целостном тексте», осуществляется в главе « Категория лица в грамматике и тексте», написанной *Н.К. Онипенко*. В ней совмещается полный и глубокий анализ языковых и текстовых аспектов категории лица: семантический и грамматический статус в языковой системе, семантический объем, уровни репрезентации, разнообразие выполняемых функций, их зависимость от комплекса факторов. Н.К. Онипенко подчеркивает особое положение категории лица в системе языка, применяя широкий подход к ее трактовке и представляя разнообразие подходов к ее пониманию, указывая на ее принципиальную многоаспектность (семантическую, формальную, функциональную), возможность актуализации того или иного аспекта на разных уровнях языка, а также в речи / тексте при различных способах выражения, обращая особое внимание на случаи имплицитного выражения. Принципиальным для автора является сопряженность категории лица с семантическим разрядом имен существительных, называющих мужчин и женщин (вслед за Г.А. Золотовой), что становится особо значимым при текстовом подходе. Перспективным кажется выделение в общей картине функционирования категории лица характеристики семантических эффектов взаимодействия персональности модусного и диктумного компонентов высказывания и текста, а также особенностей взаимодействия семантики анализируемых единиц при выражении разных модусных категорий (в том числе внешнего наблюдателя и внутреннего перцептора), - это позволяет объяснить некоторые существующие запреты, модификации и пр. Нестандартным, но убедительным представляется взгляд на таксис не только в аспекте особой реализации идеи времени, но и

как на результат взаимодействия всего предикативного комплекса: модальности, времени и лица. Важным кажется то, что автор обращает внимание на изменение и перегруппировку функций, выполняемых формой лица в зависимости от условий их употребления.

Глава *Г.И. Кустовой* «Прилагательное в тексте как редуцированная предикация» задает иной ракурс проблематики раздела. В ней рассматривается способность имени прилагательного – части речи, не обладающей грамматическими категориями предикативности, - их компенсировать, занимая определенные позиции в предложении и тексте. Такая постановка проблемы связана и с вопросами соотношения пропозиции и предикации, и с обсуждением понятий актуализации и дейксиса как ориентационных систем. В работе справедливо указывается на зависимость реализации предикативной функции прилагательного от синтаксических позиций – предикативной, полупредикативной и даже атрибутивной. Г.И. Кустова убедительно доказывает, что эти компенсаторные механизмы обусловлены семантико-коммуникативной характеристикой адъектива: дополнительной семантической нагрузкой (отношениями обусловленности), а также особенностями тема-рематического членения. Дейктические, собственно предикативные категории восполняются благодаря либо глагольной связке, либо взаимодействию с другими элементами высказывания. Автор сосредоточивается на характеристике времени и лица в качестве точек отсчета, по-разному задаваемых в информационном и нарративном режимах. Время представлено в двух взаимообусловленных ипостасях: фиксации наличия / отсутствия временного интервала в семантике прилагательного и ориентации на точку отсчета. В этом плане анализируются такие семантические типы, передаваемые придагательными, как качество / свойство, состояние и поведение. На темпоральную характеристику адъектива влияют также функции идентификации, сужения, уточнения референции и др. Категория лица выступает основной точкой отсчета при описании различных режимов интерпретации, информационного (с одним лицом, выступающим точкой отсчета) и нарративного, способного сочетать несколько персональных позиций: нарратора, наблюдателя, персонажа и др., принципиально меняющих ориентационные параметры. Рассматривая текст как особую систему, автор опирается на описание и рассказ как его подтипы (здесь стоило бы учесть регистры С.Г. Ильенко [7] и Г.А. Золотовой [8], ею вводятся в научный оборот текстовые (хотя и нерядополагаемые) функции прилагательных: интродуктивная, «цитатная», результативно-связующая, интерпретативно-связующая, компрессивная. Новый поворот в представлении общей проблематики позволяет описать и объяснить текстовое поведение прилагательных.

Следующая глава («Дискурсивные употребления инферентива и репортатива в самодийских языках») посвящена категории эвиденциальности, которую либо включают в эпистемическую модальность, либо (как и автор, *А.Ю. Урманчиева*) не считают эвиденциальные категории прототипическими модальными. Близость эвиденциальности к предикативным кате-

гориям вполне оправданна, так как она, безусловно, указывает на определенное соотношение высказывания с действительностью. А.Ю. Урманчиева решает сложную задачу: анализирует поведение разных типов эвиденциальности – инферентива, репортатива, латентива, миратива и др. – в фольклорных самодийских текстах, отмечая их связи и совмещения. Еще одной существенной стороной исследования является последовательное сопоставление анализируемых форм в нганасанском, селькупском, ненецком, энецком языках и в их диалектах. Плодотворным и убедительным представляется текстовый анализ рассматриваемых форм, их функции: интродуктивная, характеристика предыстории, введение нового героя или новой сюжетной линии. Интересно, что в некоторых случаях инферентив становится основной формой повествования в данном фольклорном тексте. Выделяется несколько дискурсивных стратегий рассказчика, который выбирает либо инферентив, либо репортатив. Значимыми являются смена эвиденциального показателя, использование контрастных средств прямой и косвенной засвидетельствованности для достижения эффекта присутствия в кульминационные моменты повествования, для изменения дистанции между рассказчиком и повествованием. В работе показаны разветвленность и активность эвиденциальности в этих языках и ее особая роль в тексте как особом феномене.

Категория временной локализованности / нелокализованности, опосредованно входящая в круг предикативных, рассматривается И.Н. Смирновым («Временная нелокализованность действия и ее выражение в древнерусских текстах»). Сжато и емко изложив основные характеристики анализируемой категории, ее семантических типов, автор сосредоточивается на обосновании зависимости между жанровой «рамкой» текста и функционирующими в нем типами временной нелокализованнности. Демонстрируя связь с жанром текста, автор выбирает «Задонщину» для характеристики простой повторяемости действия, так как в ней представлена «единая, конкретно наблюдаемая автором ситуация» – Куликовская битва (с. 173); «Хожение игумена Даниила» – для узуальности, поскольку в нем совмещается два фактора: описывающее нравы и обычаи путешествие, которое воплощается особой личностью, стремящейся свои наблюдения «пропустить» сквозь призму церковного просветительства, следовать абстрагирующей тенденции высокого стиля (с. 175), а для характеристики вневременности – Изборник Святослава 1076 г., в котором «толкуются богословские истины, поучения» (с. 178). Для каждого типа временной нелокализованнности выделяются свои подтипы: для простой повторяемости – одновременно-последовательное повторение однородного действия и одновременное сосуществование разнородных действий; узуальность представлена ситуациями обычного повторяющегося и типичного, привычного действия. При описании ситуаций вневременности выделяемый подтип качественной характеристики субъекта и отождествления, как отмечает сам автор, несколько отличается от аналогичных подтипов в современном русском языке и поэтому требует дополнительного комментария. Признавая перспек-

тивным исследование ситуаций временной нелокализованности и их подтипов в зависимости от жанров литературы, важность исследования в этом аспекте древнерусских текстов, все же отметим, что представляется не совсем оправданным выбор для иллюстрации основных семантических типов текстов, относящихся к разным временным периодам (1076, 1106/07, конец XIV–XV в.).

Продолжает тему реализации временной локализованности / нелокализованности в древнерусских текстах глава, написанная Е.Г. Сосновцевой. В центре внимания - особенности функционирования предиката, включающего связку бывает и страдательное причастие. Автор устанавливает закономерности употребления связки не только в типичном для современного языка итеративном значении, но и в неитеративном, в том числе длительном значении, в древнерусских текстах, привлекая для сопоставления церковнославянские тексты, а также данные корпуса старорусских текстов. В качестве условий того или иного употребления рассматривается несколько факторов, часть из которых относится к особенностям текста, содержательного фрагмента (торжественный прием, порядок службы и под.), а другая часть определяется с опорой на аспектуальные характеристики ситуации, различного рода показатели повторяемости / узуальности (количество субъектов или объектов, кванторы, иные показатели типизированности ситуации), результативность, наступление / становление ситуации и др. Рассматривая особенности проявления временной локализованности / нелокализованности, Е.Г. Сосновцева обращает внимание на особенности темпоральной характеристики высказывания (использования настоящего неактуального или расширенного, настоящего исторического). Интересно было бы установить, насколько значима вариативность форм времени причастия (изъядено бывает, укрѣпляема бывает), лица и времени связки для выявления типов ситуаций (приводимъ бываемъ, умоленъ бывааше). При описании неитеративного употребления связки лучше говорить о двух тенденциях: отсутствии аспектуальной специализации связки (нейтральном употреблении) и влиянии церковнославянских текстов на закрепление за ней итеративной функции.

Глава «Функции императивных форм дай / давай в высказываниях детей и взрослых», открывающая третью часть коллективной монографии «Онтогенез высказывания и целостного текста» написана М.Д. Воейковой и К.А. Ивановой. В ней исследуется динамика конструкций с формами дай / давай в разных аспектах, что особо ценно для современной лингвистики, так как здесь органично связаны данные онтолингвистики, разговорной речи, языковых корпусов, представляющие полную картину грамматикализации рассматриваемых форм. Представленный анализ показывает движение от синтетической императивной формы предиката к частице, которая выступает как единая аналитическая императивная форма, а затем становится автономной (выполняет самостоятельные модальнопрагматические функции), а не формообразующей. Несколько линий рассуждений, вписанных в общую современную лингвистическую парадигму

с учетом истории вопроса, чрезвычайно информативны и показывают многогранность поставленной задачи. Так, в пределах намеченной темы это аспектуальная семантика всех взаимодействующих элементов: самих форм дай / давай, а также форм основного глагола. Перспективным является анализ совмещенных, неоднозначных конструкций на каждом этапе анализа, который передает «текучее» изменение языкового устройства. В процессах грамматикализации учитываются и синтактико-семантическое изменение, связанное с увеличением количества и качества синтаксических связей (от сильного управления – к сочетанию управления и примыкания), их утрата, а также расширение значения единицы и ее специализация. Большую ценность представляют статистические подсчеты на каждом этапе исследования, придающие ему достоверность. В связи с этим возникает вопрос о гортативном употреблении частицы давай и ее обусловленности определенной ситуацией. По данным авторов, в детской речи чаще, чем во взрослой, отражается ситуация совместного действия. Хорошо бы привести данные о частотности ее «взрослого» употребления в учебной ситуации. Эта глава вносит серьезный вклад не только в онтолингвистику, но и в понимание динамических процессов в системе языка в целом, роли функционального фактора в этой динамике.

Глава, посвященная выражению качественности на ранних этапах онтогенеза (автор – **В.В. Казаковская**), привлекает основательностью в представлении солидной теоретической базы, включающей работы психофизиологов, психолингвистов, онтолингвистов и специалистов-языковедов, детальностью и тщательностью анализа языкового материала, включающего информативные таблицы и графики. В.В. Казаковская устанавливает закономерности появления тех или иных групп прилагательных в период раннего речевого развития ребенка в зависимости от его когнитивных потребностей и активности употребления этих слов в речи взрослого. Такой анализ позволяет поставить вопрос о соотношении языковой интерпретации (как отражении наивной картины мира) и физиологических особенностей в детской речи. Выявляемое в статье стремление взрослого направить основные усилия на операцию приписывания предицируемого признака предмету, его вычленение из общего представления, используя для этого различные приемы, способствует освоению языковой системы. Автор справедливо указывает на трудности этого когнитивного процесса, которые могут быть связаны с переходом от номинации актуальной ситуации к номинации ситуации характеризации, обладающей временной нелокализованностью, что не соответствует языковому опыту ребенка, и имеющемуся в значении многих качественных прилагательных перцептивному признаку. В этом плане от прилагательных, имеющих в своем значении перцептивный признак (деталь зеленая, большая и под.), отличаются оценочные прилагательные (вредный, нетерпеливый), и поскольку оценка не характеризуется постоянством, интересно, одинаково ли происходит их усвоение.

Как всегда нестандартно, глубоко, с проникновением в сущность построения детской системы языка / речи / языковой способности характери-

зует С.Н. Пейтлин «прорастание» нормативного текста из свернутого представления. В этом случае проявляется своего рода закольцованность композиции монографии: от коммуникативности, протодейксиса, предика-М.Я. Дымарским, тивности, рассматриваемых И членения, приписывания предицируемого признака, развития текстовой компетенции через усложнение комплекса дейктических, референтных и анафорических параметров в детской речи. Плодотворно двустороннее движение исследовательской мысли: используются инструментарий специалистов по грамматике текста для анализа детской речи и данные онтолингвистики, позволяющие по-новому посмотреть на дискуссионные вопросы о минимальной единице текста, его базовых свойствах, процедурных правилах построения (редуцировании избыточных компонентов, экспликации средств связи между частями, расчленении ситуации на эпизоды и приписывании ролей участникам (ср. эту проблематику у У. Чейфа [9]). С.Н. Цейтлин прослеживает путь от невербального этапа и голофраз до развернутого текста. Важной представляется идея о параллельном освоении разных модулей, некотором опережении освоения большого синтаксиса (сверхфразовых единств) по сравнению с малым (сложного предложения) благодаря операции сворачивания. Ключевым этапом в умении адекватно употреблять предикативные категории является формирование двусловных конструкций: в них осуществляется подготовка к переходу от прототекста к структурированному тексту, «обретению нормативного выражения предикативности, связанной с предикатом как конструктивным центром предложения», соединяющим операцию сопряжения предиката с субъектом и соотнесения с дейктическим центром. Первые высказывания обладают непосредственной связью с ним, характеризуются актуальным эллипсисом, осознанное употребление появляется при отклонении от точки отсчёта, наличии оппозиций: индикативная - побудительная модальность, настоящее – прошедшее / будущее время.

Итак, в рецензируемой коллективной монографии ставятся и успешно решаются как общие, так и более частные (но не менее значимые) проблемы: соотношения коммуникации, предикации и предикативности; примыкания к традиционному комплексу предикативных категорий наклонения, времени и лица во многом их определяющих категорий временной локализованности / нелокализованности и эвиденциальности; уточнения правил выбора форм и значений указанных категорий с опорой на их речевое и текстовое поведение, способности выполнять дополнительные функции, вступать во взаимодействие с другими элементами и категориями, представления о языковом потенциале конкретных единиц. В книге представлена и еще одна сторона предикативности – операция приписывания предицируемого признака предмету / вычленения предиката из целостного образа, условий компенсации и / или распределения необходимых категорий между элементами высказывания в случае их невыраженности в предикате. Универсальность рассматриваемых категорий, которые анализируются на материале русских и древнерусских, французских, а также чу-

котских, эвенкийских, самодийских высказываний и текстов, в речи взрослых и детей, подкрепляются выявлением идиоэтнических компонентов, обусловленных различным их структурированием, различными способами языковой категоризации.

Каждый исследователь, участвовавший в коллективном проекте, сосредоточился на интересующем его фрагменте общей картины, но всю книгу стягивают в единое целое силовые линии, которые задал в своей концепции основатель петербургской школы функциональной грамматики А.В. Бондарко.

Книга предназначена для широкого круга лингвистов, работающих в области не только грамматики, но и системных, функциональносемантических, типологических, онтолингвистических исследований.

Литература

- 1. *Кубрякова Е.С.* Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века // Язык и наука конца 20 века. М., 1995. С. 144–238.
- 2. $\mathit{Кибрик}$ $\mathit{A.A.}$, $\mathit{Плунгян}$ $\mathit{B.A.}$ Функционализм // Фундаментальные направления современной американской лингвистики. М., 1997. С. 142–167.
- 3. Γ ак В. Γ . К типологии функциональных подходов к изучению языка // Γ ак В. Γ . Языковые преобразования. М., 1998. С. 179–189.
- 4. *Бондарко А.В.* Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка. М. : Языки славянской культуры, 2002.
 - 5. Категории бытия и обладания. М.: Наука, 1977.
 - 6. Категория посессивности в славянских и балканских языках. М.: Наука, 1989.
- 7. Ильенко С.Г. Текст как объект лингвистики и основные подходы к его изучению в учебно-методических целях // Ильенко С.Г. Русистика: избр. тр. СПб., 2003. С. 449–467
- 8. Золотова Γ .А. Коммуникативные типы речи // Золотова Γ .А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 2003. С. 348–356.
- 9. Chafe Wallace L. The recall and verbalization of past experience. // Current Issues in Linguistic Theory / ed. by R.W. Cole. Bloomington and London, 1977. P. 215–246.

И.П. Матханова

PREDICATIVE CATEGORIES IN THE FUNCTIONAL ASPECT: POTENTIAL AND VERBALIZATION. BOOK REVIEW: BONDARKO, A.V. & KAZAKOVSKAYA, V.V. (EDS) (2017) PROBLEMY FUNKTSIONAL'NOY GRAMMATIKI. PREDIKATIVNYE KATEGORII V VYSKAZYVANII I TSELOSTNOM TEKSTE [PROBLEMS OF FUNCTIONAL GRAMMAR. PREDICATIVE CATEGORIES IN UTTERANCES AND INTEGRAL TEXTS]. MOSCOW: IZDATEL'SKIY DOM YASK

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2018. 55. 246–259. DOI: 10.17223/19986645/55/17

Irina P. Matkhanova, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: matkhanova@mail.ru

This monograph is the sixth volume of *Problems of Functional Grammar*. It is published shortly after the decease of Alexander Bondarko, the corresponding member of the Russian Academy of Sciences, author of the theory of functional grammar, leader of St. Petersburg Functional Grammar Research Group. He had managed to write and finish the preface to this book and completely read and edit most of the chapters. As it was in the previous volumes,

the book not only describes the Russian grammar (using synchronic and diachronic approaches), but also studies the data from Samoyedic, Paleo-Siberian, Tungusic and Romance languages. The main attention is paid to the representation of predicative categories in speech, their functions in discourse and text. In the third part of the monograph, these problems are examined from the perspective of first language acquisition. The book was edited by the Department of Theory of Grammar at the Institute for Linguistic Studies RAS (Saint Petersburg). It will appeal to all kind of linguists, teachers of Russian and foreign languages, specialists in typology and psycholinguistics. The authors of the chapters are scholars from Moscow, Novgorod, Oldenburg and Saint Petersburg.

References

- 1. Kubryakova, E.S. (1995) Evolyutsiya lingvisticheskikh idey vo vtoroy polovine XX veka [The evolution of linguistic ideas in the second half of the 20th century]. In: Stepanov, Yu.S. (ed.) *Yazyk i nauka kontsa 20 veka* [Language and science of the end of the 20th century]. Moscow: RSUH.
- 2. Kibrik, A.A. & Plungyan, V.A. (1997) Funktsionalizm [Functionalism]. In: Kibrik, A.A., Kobozeva, I.M. & Sekerina, I.A. (eds) *Fundamental'nyye napravleniya sovremennoy amerikanskoy lingvistiki* [Fundamental directions of modern American linguistics]. Moscow: Moscow State University.
- 3. Gak, V.G. (1998) *Yazykovyye preobrazovaniya* [Language transformations]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury. pp. 179–189.
- 4. Bondarko, A.V. (2002) *Teoriya znacheniya v sisteme funktsional'noy grammatiki: Na materiale russkogo yazyka* [The theory of meaning in the system of functional grammar: Based on the Russian language]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
- 5. Yartseva, V.N. (1977) *Kategorii bytiya i obladaniya v yazyke* [Categories of being and possessivity in language]. Moscow: Nauka.
- 6. Ivanov, V.V. (ed.) (1989) *Kategoriya posessivnosti v slavyanskikh i balkanskikh yazy-kakh* [Category of possessivity in the Slavic and Balkan languages]. Moscow: Nauka.
- 7. Il'yenko, S.G. (2003) *Rusistika: izbr. tr.* [Russian Studies: Selected Works]. St. Petersburg: RSPU. pp. 449–467.
- 8. Zolotova, G.A. (2003) *Kommunikativnyye aspekty russkogo sintaksisa* [Communicative aspects of Russian syntax]. Moscow: Nauka. pp. 348–356.
- 9. Shafe Wallace, L. (1977) The recall and verbalization of past experience. In: Cole, R.W. (eds) *Current Issues in Linguistic Theory*. Bloomington and London: Indiana University Press.

УДК 271.2+070.1

DOI: 10.17223/19986645/55/18

Рецензия на книгу: Ностальгия по советскому / отв. ред. 3.И. Резанова. — Томск : Изд-во Том. ун-та, 2011. — 514 с.

В монографии представлены результаты междисциплинарного исследования феномена актуализации ностальгических переживаний советского исторического, соииального, культурного опыта в современной России. Рассматриваются формы и содержание ностальгии по советскому в современном российском социуме, анализируются причины ностальгического поворота в массовых настроениях российских граждан, вопросы конструирования советского прошлого в постсоветскую эпоху и селекция его наследия, переинтерпретаиия его смыслов и иенностей в новых соииальных контекстах, проблемы выделения социально-групповых и индивидуальных типов ностальгической рефлексии советского прошлого.

Для философов, социологов, политологов, культурологов, филологов, социальных работников и работников культуры.

«Ностальгия по советскому» – коллективная монография, в названии которой отразился феномен современного российского общественного сознания – тоска по родине, а родиной выступает советское прошлое, из которого родом поколение настоящее.

Новые условия бытия подвигают к их осмыслению в сравнении с недавним прошлым — далеко не однозначным, сложным, но в то же время светлым, с интенцией оптимистичности и вполне определенной верой в будущее и порождают ностальгию по ушедшему времени, находящую отражение в текстовом пространстве — медийном, художественном, ономастическом, в различных типах дискурсов и дискурсивных практиках.

Рецензируемая книга представляет собой опыт междисциплинарного научного исследования феномена ностальгии по советскому с применением методов современных гуманитарных наук, а потому претендует на выход за пределы его обыденного восприятия, на более глубокий взгляд на него в сопоставлении с аналогичными или возникшими в сходных условиях явлениями и, соответственно, на его если не исчерпывающее, то максимально полное объяснение.

Примечательно, что авторами рецензируемой монографии выступили представители различных научных школ разных университетов, объединение которых произошло под эгидой МИОН и под руководством Б.М. Гаспарова (Harriman Institute, Columbia University) в рамках проекта «Ностальгия по советскому в социокультурном пространстве современной России». Подобное объединение способствовало интеграции знания, полученного методами разных наук и разными методами одной науки, и позволяет соотнести полученные результаты исследования и, в случае близости или совпадения результатов, считать примененные методики и методологии разными способами решения одной задачи, а полученный ответ — достоверным.

Монографию открывает раздел «Ностальгия по советскому в социальных и культурных практиках современности: культурообразующие смыслы эпохи», в котором представлена философская интерпретация феномена ностальгии по советскому прошлому, что весьма целесообразно, поскольку позволяет посмотреть на проблему «с высоты птичьего полета», в контексте общего философского знания, в экзистенциальном ключе (Суханов В.А., с. 17-22) и в аспекте политической философии (Марков Б.В., с. 22-36), после чего вполне логично происходит конкретизация проблематики через исторический экскурс в советское время и решение вопроса отношения к нему по существу исторических и геополитических фактов (Зиновьев В.П., с. 36-42; Хатунцев С.В., с. 24-53). Далее в монографии анализируется спектр многообразных проявлений ностальгии по советскому времени в настоящем. В поисках ответа на вопрос, что есть такое ностальгия современного общества по еще вполне обозримому прошлому, авторы отмечают, что память современного общества – это не столько воспоминание о прошлом, сколько процесс конструирования прошлого (Завершинская Н.А., с. 53-72), который осуществляется в первую очередь через медиасферу - совокупность медийных текстов. Именно они «оказываются тем зеркалом, в котором отражается социальное сознание своими настойчивыми мотивами, случайно обнаруженными настроениями или четко сформулированными убеждениями» (Шмелева Т.В., с. 72-73). В нашем случае ностальгия по советскому - безусловно настойчивый мотив, переросший в культурообразующий смысл, сквозь призму которого воспринимается современность.

Во втором разделе монографии исследуются советские концепты, мифы, идеологемы, их смысловая наполненность и особенности репрезентации в современных текстах.

Политический конструкт «Победа» в контексте феномена ностальгии по советскому рассматривается как символ политической власти (Щербинина Н.Г., с. 83–98), а навязываемый властью смысл современной политической реальности состоит в «сакральной легитимизации власти посредством героической модели» (с. 84). Планом выражения политического конструкта «Победа» является, по мнению авторов, праздник Победы в Великой Отечественной войне, который возвращает мышление коллективной

личности к архетипу Героя и архетипическому действу — параду Победителей перед Вождем-победителем (там же), олицетворенном в Сталине. «Замалчивание или уничижение знаковой роли Сталина лишь способствует стихийной реконструкции и воскрешению «имаго вождя», ведь его имя — первое в смысловом ряду» (с. 88). Можно не согласиться с утверждением авторов о том, что «концепт «Сталин» представляет собой ностальгический образный феномен» и что он «подлинно знаковая, а именно конструктивная фигура, функционально связанная с механизмом коллективного воспоминания и запасом общего политического знания» (с. 89), поскольку это утверждение является отражением социального сознания лишь части общества, преимущественно старшего поколения — современников этого Великого для страны события; для родившихся после войны, после смерти вождя и развенчания его культа безусловно знаковая фигура Сталина вряд ли относится к ностальгическим феноменам.

Весьма любопытным представляется опыт интерпретации ностальгических настроений современного общества на фоне утраченных иллюзий. возникших в результате так называемого коммунистического воспитания подрастающего поколения на текстах пионерских песен о Родине, которые были непременной частью общественного воспитательного процесса (Щербинин А.И., с. 98–209). Анализируя советские пионерские песни о Родине, А.И. Шербинин показывает аспекты формирования в сознании советского ребенка концепта «РОДИНА», определяющие ее смысл: родина красивая, родная, любимая («Хорошеет с каждым днем», «Нет страны ее родней», «Край родной, навек любимый»), вместе с тем родина требует признания и благодарности («В честь Родины прекрасной свершит он много дел», «Спасибо, Родина, тебе»), Родина имеет политическое значение («За детство светлое – / Спасибо, Партия, Спасибо, Родина, тебе!») и является оплотом социалистического строя и мира во всем мире («Родина строя и мира оплот — / наша Отчизна! Твердой рукой над нами зажжет / Свет коммунизма!») и т.д. Пионеры в песнях клянутся в любви к Родине и демонстрируют готовность к подвигу ради нее («Отдать тебе, Родина, наши сердиа – / Клянемся, клянемся, клянемся!») и даже превозносят ценность героической жертвы («Погиб наш юный барабанщик, / Но песня о нем не умрет»). Такое воспитание способствовало, по мнению А.И. Щербинина, наделению родины смыслом, оказавшимся утраченным в постсоветское время, и эта утрата вызывает ностальгию по времени, в котором понятие «Родина» было наполнено высшим смыслом. Что касается нынешней России, то «у нее не хватает ресурсов приласкать своих граждан и не хватает авторитета потребовать от них жертвы» (с. 109). Признавая правомерность такого взгляда на истоки формирования патриотических чувств в советское время, позволим высказать следующее возражение. Отождествление Родины и партии, которое присутствует в анализируемых автором пионерских песнях о Родине, необязательно способствует наполнению понятия Родины высшим смыслом: Родину любят не за то, что у нее есть Партия. Отождествление Родины и Партии в сознании большинства

советских людей носило формальный характер. Понятие Родины, являясь чрезвычайно актуальным для русской культуры, сохранило свою актуальность и для человека новой формации – советского человека и представляло собой гораздо больше, чем диада «Родина – Партия», а чаще и вовсе не имело отношения к этой диаде. Однако нельзя не согласиться с автором в том, что определенность советской идеологии формировала «устойчивое представление об одной из главных гражданских ценностей, являвшихся неотъемлемой частью жизни советской личности» (с. 99), что, собственно, и порождает у современников ностальгию – тоску по Родине.

Понятие «советский человек», появившееся в советское время, постепенно приобрело мифологическое наполнение, которое подверглось трансформации в постперестроечную эпоху. Содержание этого мифологизированного понятия и особенности его реконструкции анализируются в монографии на основе материалов советских энциклопедических и идеологических источников, с использованием современных лексикографических данных и с привлечением электронного собрания текстов «Нашионального корпуса русского языка» (Резанова З.И., с. 110-126). Анализ лингвистического материала показывает преобразование мифологизированной лексемы в негативную оценочную номинацию «совок» по отношению к одному и тому же денотату. И, как следствие, «мифологичность смыслов, обозначенных именами советский человек / совок, полярность выражаемых оценок позволяют использовать их в условиях противопоставления «своего» прошлого «чужому» настоящему, обнаруживая его как в ушедшей эпохе, так и в реальности наших дней» (с. 125). При этом автор отмечает незначительную долю ностальгии в переосмыслении опыта советской эпохи при обращении к конструкту «советский человек» (с. 124).

Анализ новой лексемы «совок», в значении которой отразилась трансформация идеологизированной мифологемы «советский человек», продолжается на материале текстов, представляющих виртуальное дискурсивное пространство (Мишанкина Н.А., с. 126–138). Виртуальная коммуникация в Интернете «дает участнику коммуникации значительно большую свободу в моделировании и собственного образа, и процесса коммуникации» (с. 127), в том числе и свободу выбора топика, его «ненавязанность» извне. Количество реакций на тему, связанную с ностальгией по советскому, в неофициальной интернет-коммуникации (400 сообщений за 7 дней общения на форумах в Интернете) – показатель ее актуальности для сознания современника. Тема послужила толчком для оценивания событий настоящего момента: и здесь, в текстах интернет-дискурса, с одной стороны, вырисовывается «совковый идиотизм», проявившийся в высказываниях о семье и типах семейного взаимодействия, о быте и домашнем хозяйстве, об уходе за собой, о моде и отношении социума к внешнему облику, о политике, культуре, а с другой стороны, происходит переоценка феномена советского: «можно говорить о категориальной смене модуса осмысления, формально реализующегося в смене номинаций: совковый идиотизм сменяется ностальгией» (с. 133) – ностальгией, основанной на перцептив-

ном опыте (гастрономическом, в частности), на репрезентирующих советское время непритязательных артефактах, на воспоминаниях об устаревших ценностях и т.п. В результате возникает настроение ностальгии по атмосфере своего детства, по ощущению своей «простой бедной» Родины, происходящей из советского прошлого. И закономерно возникает вопрос, вынесенный автором в название подраздела (Родина или совок?), который отражает противоречивость в оценке советского опыта.

В третьем разделе «Ностальгические тексты и дискурсы современности: субъекты и объекты ностальгии» анализируется проявление ностальгических переживаний по советскому прошлому в связи с определенными характеристиками субъекта ностальгии: его возрастом (старшее поколение / младшее поколение (Пикулева Ю.Б., Попкова Н.Н., с. 149–162); социальным положением («политическая и бизнес-элита» / «интеллигенция» / «простые люди») (Романенко А.П., с. 139–149); трудовым и профессиональным опытом (Орлова Н.В., с. 162-174; Купина Н.А., Долинина Т.А., с. 174–192): особенностями мироошушушения, мировосприятия, осмысления своего места и своей роли в потоке жизни, в смене эпох (Лебедева Н.Б., с. 192-214). Ностальгические настроения проявляются у субъектов ностальгии по-разному: в одних исследованиях ностальгически окрашенные тексты являются реакцией на стимул исследователей, но в самих воспоминаниях участников прошедшей советской жизни – в мемуарах «неэлитарного» советского человека – ностальгические настроения выражены неярко: там «нет ни тоски по ушедшему, ни неприятия новых времен, ни зависти к более легкой и счастливой жизни молодежи, нет озлобленности и критицизма. В их мужественной и честной позиции есть приятие жизни и судьбы – как частной, своей, так и жизни в экзистенциональном масштабе, – приятие и осознание ее ценности» (с. 195).

Ностальгические тексты и дискурсы современности в четвертом разделе монографии рассматриваются с точки зрения своего содержания и формы его репрезентации. На диалектном материале на примере так называемого «советского текста», сформированного под влиянием институциональных дискурсов советского периода — политического и официальноделового (бюрократического), это делает И.В. Тубалова (с. 215–231) и приходит к выводу, что «обращение к событиям советского политического прошлого в рассказах-воспоминаниях представителей современной деревни в основном не демонстрирует ностальгических настроений информантов» (с. 229). Ностальгический пафос реализуется в «советском политическом тексте лишь в случае совпадения институциональной оценки события и индивидуально-личностных установок говорящего, например при воспоминании о событиях Великой Отечественной войны (с. 230).

В ином дискурсивном пространстве – в текстах автобиографических интервью горожан старшего поколения – исследует феномен ностальгии по советскому М.Б. Ташлыкова (с. 231–247): в них тема советской эпохи не была центральной, но обнаруживала свое «призрачное присутствие», по метафоричному определению цитируемого ею Энди Батфорда (с. 233).

В результате были сформулированы стереотипные представления, выступающие как основания для ностальгических настроений, и эти стереотипы совпали с теми, которые обозначены в соответственной исторической и социологической литературе (с. 236). Стереотипные представления реализуются через определенные когнитивные стратегии, ведущей из которых является стратегия генерализации, что «порождает совершенно очевидный прагматический эффект: в рассказах информантов возникает фантомный образ утраченного рая, в котором всё было доступно всем и каждому, в котором люди, предметы и времена года соответствовали самым высоким стандартам, а жизнь в целом была стабильна и предсказуема» (с. 244). Автор указывает на возможное неврологическое объяснение этого феномена, ссылаясь на работы специалистов и не преувеличивая важную роль советского прошлого в идентичности своих информантов.

Конструирование мифа о потерянном рае как причине ностальгии по нему осуществляется О.Л. Михалевой и И.А. Клешниным в разделе «Манипулятивный потенциал языковых средств репрезентации ностальгии по советскому» (с. 247–259). Ностальгию по советскому авторы рассматривают как «комплекс устойчивых долговременных психических переживаний экзистенциального характера, связанных с тем или иным аспектом реально или виртуально освоенного советского прошлого» (с. 247). Особенности проявления ностальгии обусловлены типологией субъектов ностальгии и проявляются в ностальгических текстах через совокупность языковых средств как манипулятивный инструмент, с помощью которого в текстах субъектов ностальгии актуализируется миф о потерянном, утраченном навсегда Эдеме, или «золотом веке» (с. 255—256).

Проблему речевой реализации советской тематики на примере устных метатекстовых высказываний горожан старшего возраста решает Е.В. Стародворская (с. 260–265), показывая их «двуслойность»: «говорящий одновременно сообщает информацию и цитирует» (с. 260), при этом «фигуральным автором «чужих слов» является целая эпоха, выразившая себя в огромном количестве текстов» (с. 261), а сами переключения в сферу «чужой речи» являются способом «отмежевания от произносимых слов» и не обязательно связаны с оцениванием. Степень чуждости у говорящих может быть различной: от отказа автора признать официозную конструкцию «своей» до стремления придать своему высказыванию символическую ценность за счет апелляции к образцу речи (с. 265).

Лингвистический раздел завершается ономастической темой, которую поднимает Г.Н. Старикова, анализируя городской ономастикон в ракурсе ностальгии по советскому (с. 266–270). Автор анализирует волны переименований объектов городского пространства и их основные векторы в XX – начале XXI в. и приходит к выводу, что популярные в советское время названия городских объектов вновь оказываются востребованными, и дает этому явлению прагматическое объяснение: «...истинная ностальгия нынешнего общества, пресытившегося заумным и непонятным, по недавно ушедшим временам видится в названиях информативного характера, про-

стых и понятных, что было характерно для советского времени» (с. 270). Кроме того, консервативный подход в наименовании городских объектов является своеобразной скрепой времен, не допускает их окончательного разрыва, если рассматривать это явление в контексте философских воззрений Н.А. Бердяева, которого цитирует автор, находя в его трудах философское обоснование текущих ономастических процессов: «...чувство вечности острее чувствуем мы в нашем обращении к прошлому» (с. 270).

<u>Раздел «Эстетико-художественные практики как формы переживания</u> ностальгии по советскому» поворачивает тему ностальгии по советскому в другую плоскость словесности – современную художественную прозу, публицистику и поэзию.

Интригующие размышления Б.М. Гаспарова (с. 271–279) о закономерности возникновения литературы социалистического реализма в контексте мировой и отечественной культуры начала XX в. представляют собой разгадку ее «харизматической притягательности» и обосновывают предпосылки этой притягательности. Анализируя тип героя социалистического реализма, автор отмечает, что он «находит ключ к разрешению проблемы романтического сознания: как обрести потерянный рай абсолютной гармонии, из которого человека извергла свободная воля» (с. 276). Вечная печальная метафора потерянного рая наконец получает некую позитивную перспективу в литературе социалистического реализма, отнюдь не приукрашивающей действительность: «...напротив, чем мрачнее и болезненнее физическая реальность, окружающая героя, тем в более чистой форме выступает экстатический эффект обретенной внутренней гармонии» (с. 276). А не это ли является основой оптимистичного пафоса советского времени, имевшего разные формы реализации и сулившего «обретение метафизической гармонии, где слово означает мысль, а мысль - слово, где между личностью и коллективом, духовным миром и материальным существованием нет противоречия, а лишь взаимообогащающее единство» (с. 279)?

Однако анализ художественных текстов постмодернистской и реалистичной прозы, публицистики и литературной критики постсоветского времени показывает разную реакцию современных авторов на советское время: от «отсутствующей ностальгии» до разной степени ее проявления в зависимости от жизненного опыта и мировоззренческих установок авторов, от особенностей общекультурной ситуации (Говорухина Ю.А., Каминский П.П., Суханов В.А., с. 279-326). Так, «апелляция к народносмеховой культуре в постмодернистской прозе трансформируется в трагифарс, в разложение концептов, связанных с советским образом жизни» (с. 283–284), реалистическую прозу последнего десятилетия также «мало волнует и ностальгирующий дискурс, и ностальгический персонаж, поскольку в сферу сознания героев и авторов входит не столько советское, сколько постсоветское прошлое как катастрофа» (с. 286) либо в реалистической прозе советский человек и советское прошлое выступают как неизменный объект иронии (с. 290). Авторы приходят к выводу об отсутствии ностальгии по советскому как феномену социального и экзистенциального

существования и предмету исследования в художественном дискурсе конца XX — первого десятилетия XXI в. и называют причины этого явления (с. 293–294).

Весьма любопытным представляется исследование отношения к советскому в публицистических произведениях В. Астафьева, С. Залыгина и В. Распутина, демонстрирующих реальную неоднозначность и противоречивость советского опыта. Субъективные и объективные факторы формируют различные объекты ностальгии: у В. Распутина — это Советский Союз: писатель последовательно выявляет его «конструктивные значения» в сфере государственности, социальных отношений, нравственности и культуры, отвергая при этом авторитарный дискурс (с. 310), у В. Астафьева и С. Залыгина — это эпоха в ее экзистенциальном измерении (с. 313).

Заключительные <u>6-й и 7-й разделы монографии посвящены конструированию и трансляции ностальгии по советскому в медиадискурсах и коммуникативном пространстве Интернета.</u>

Текстовое пространство постсоветских медиадискурсов можно определить как «организованную ностальгию» по советскому прошлому (Говорухина Ю.А., Каминский П.П., Суханов В.А., с. 358–376). СМИ характеризуют как предметные области прошлого, которые вызывают ностальгические переживания, так и различные аспекты ностальгии: фундаментальный, экзистенционально-психологический, институциональный (с. 363). Большое количество медийных рефлексий в отношении советского прошлого положительны, как показывают многочисленные примеры, приведенные авторами. В то же время очевидно, что реставрация семиотики советского постепенно становится частью идеологической политики, а современное российское государство, как констатируют авторы публицистических произведений постсоветского периода, по сути представляет собой кальку с советского государства (с. 374).

Оригинальные выводы в отношении исторических персон России, выступающих объектами ностальгии, сделаны авторами подраздела «Российская история как объект и средство манипулятивной медийной коммуникациия» (Голев Н.Д., Яковлева О.Е., Стяжкина Л.А., с. 376-407). Материалом для анализа послужили дискурсивные практики, реализованные в рамках телевизионного проекта «Имя Россия» (2008), название которого стало «брендом, объединяющим обыденные и научные рефлексии, идеологические и прагматические (маркетинговые) идеи, народные «чаяния» и интересы политической элиты» (с. 376–377). Ностальгия здесь рассматривается как объект и средство манипуляции, при этом «и чувство ностальгии, и языковые формы его репрезентации включаются в маркетинговые отношения, в которых язык предстает как специфический товар» (с. 376), активно эксплуатируемый в рекламной, медийной и политической коммуникации. В результате анализа дискурсивных практик проекта «Имя Россия» были выявлены различные содержательные типы дискурсов и содержательные типы их концептов: националистический, политический, геополитический и связанный с ними ностальгический дискурс, актуальность которого обу-

словлена усилением консервативных и ностальгических настроений в обществе по причине осознания респондентами своей исключительности, превосходства, причастности к чему-то «особенному», «сверхзначимому», великим державе, империи, народу (с. 405). При этом практики ностальгирования и способы их вовлечения в различные манипулятивные дискурсы при общем объекте существенно различаются (с. 406).

Собственной спецификой, формирующей особую картину мира, обладают дискурсивные практики региональной прессы, в которой ярко проявляются следы донорского дискурса — советского — на уровне идеологических штампов, прецедентных феноменов, грамматических показателей, отсылающих к символике советского, о чем пишет Л.И. Ермоленкина (с. 407—419), при этом основным модусом публикаций становится модус высокой положительной оценки, а «семантика перфектности определяет содержательное наполнение большинства информационных событий» (с. 415). Региональная пресса в этом смысле — это своего рода шаг назад — в советское прошлое, и фиксация этого явления представляет собой интерес как факт истории СМИ.

Неотъемлемое от современной жизни интернет-пространство усилило вектор ностальгических настроений. Анализ содержания огромного количества существующих в пространстве Интернета сайтов, посвященных советскому прошлому, осуществленный Ю.А. Говорухиной, П.П. Каминским и В.А. Сухановым, также показывает, что они направлены на формирование положительного образа СССР (с. 438–448). При этом сайты выступают как «ресурсы, предназначенные для хранения воспоминаний о СССР» через размещаемые там фото и видео. По этой причине «советское предстает как особый язык и образ мышления, запечатленный в предметном, вещном как разновидности сохранения советского» (с. 448). Кроме того, интернетпространство дает возможность непосредственной, свободной коммуникации о советском и потому может быть рассмотрено, по мнению авторов, как форма «самоорганизующейся ностальгии».

Интересные наблюдения над непрямым выражением советского в дискурсивных практиках, реализуемых в интернет-коммуникации, а именно в чат-коммуникации, сделаны Ю.А. Эмер и Л.М. Гриценко (с. 460–475). Советские прецедентные тексты как «капитал прошлого» (с. 461) используются коммуникантами в интернет-текстах, отражая ценностные установки интернет-сообщества (с. 463). Отражают ли советские прецедентные тексты в речевой практике чатеров и блогеров ностальгию по советскому? В фокусе исследовательского внимания находились представители постсоветского поколения, а избранные для исследования чаты не являлись тематически закрепленными и не имели постоянного состава участников. Анализ показал, что советские прецедентные тексты активно используются, как правило, в трансформированном виде и ироническом ключе, что позволяет говорить о них как части современной культуры, в которой, с одной стороны, аккумулируются ценностные установки «советского» и «постсоветского» человека, а с другой – конструируется особая модель современ-

ной российской культуры – «псевдоностальгирующая» по советскому (с. 475).

В заключение подчеркнем междисциплинарность осуществленного коллективного исследования как исследования современного типа, характеризующегося комплексным подходом и дающего многостороннее освещение объекта изучения. Необходимо отметить высокий научный уровень представленных в монографии материалов, оригинальные повороты темы, позволяющие почувствовать глубину и полноту научного контекста заявленной проблемы и дающие новую пищу для исследовательских рефлексий в поисках истины.

Монографию «Ностальгия по советскому» можно с полным правом отнести к лучшим образцам научной беллетристики, дающей взыскательному читателю ответы на вопросы о жизни, о времени и о себе в контексте современного гуманитарного знания.

Е.А. Оглезнева

BOOK REVIEW: REZANOVA, Z.I. (ED.) (2011) NOSTAL'GIYA PO SOVETSKOMU [NOSTALGIA FOR THE SOVIET]. TOMSK: TOMSK STATE UNIVERSITY

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2018. 55. 260–269. DOI: 10.17223/19986645/55/18

Elena A. Oglezneva, Tomsk Polytechnic University; Tomsk State University of Architecture and Building (Tomsk, Russian Federation). E-mail: eoglezneva@yandex.ru

The monograph presents the results of an interdisciplinary study of the phenomenon of the actualisation of nostalgic experiences of the Soviet historical, social and cultural experience in modern Russia. It examines the forms and content of nostalgia for the Soviet in modern Russian society, analyses the reasons for the nostalgic turn in massive sentiments of Russian citizens, the design of the Soviet past in the post-Soviet era and the selection of its heritage, the reinterpretation of its meanings and values in new social contexts, the problems of identifying social group and individual types of nostalgic reflection of the Soviet past.

The book is of interest for philosophers, sociologists, political scientists, cultural studies researchers, philologists, social workers and cultural workers.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АНИСИМОВ Кирилл Владиславович — д-р филол. наук, зав. кафедрой журналистики и литературоведения Сибирского федерального университета (г. Красноярск). E-mail: kianisimov2009@yandex.ru

БОГОЯВЛЕНСКАЯ Юлия Валерьевна – канд. филол. наук, доцент кафедры романских языков Уральского государственного педагогического университета (г. Екатеринбург).

E-mail: jvbog@yandex.ru

ВОЛОШИНА Светлана Владимировна — канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка Томского государственного университета.

E-mail: vsv1304@yandex.ru

ГРИГОРОВСКАЯ Анастасия Васильевна — канд. филол. наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Тюменского государственного университета.

E-mail: a.v.grigorovskaya@utmn.ru

ГРИЦЕНКО Любовь Михайловна – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка как иностранного Томского политехнического университета.

E-mail: grluba@rambler.ru

ДЕМИДОВА Татьяна Александровна – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка как иностранного Томского политехнического университета.

E-mail: demidtanya@yandex.ru

ДМИТРИЕВА Марина Игоревна – канд. ист. наук, доцент кафедры истории Средних веков Санкт-Петербургского государственного университета.

E-mail: m.dmitrieva@spbu.ru

ЖДАНОВ Сергей Сергеевич – канд. филол. наук, зав. кафедрой языковой подготовки и межкультурных коммуникаций Сибирского государственного университета геосистем и технологий (г. Новосибирск); докторант кафедры русской и зарубежной литературы Томского государственного университета.

E-mail: fstud2008@yandex.ru

КАРАМАЛАК Ольга Алексеевна – канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Москва).

E-mail: olgakaramalak@yandex.ru

КИБАЛЬНИК Сергей Акимович – д-р филол. наук, вед. науч. сотр. отдела новой русской литературы Института русской литературы Российской академии наук (Санкт-Петербург); профессор кафедры английской филологии и перевода Санкт-Петербургского государственного университета.

Email: kibalnik007@mail.ru

КИХНЕЙ Любовь Геннадьевна – д-р филол. наук, зав. кафедрой истории журналистики и литературы Института международного права и экономики им. А.С. Грибоедова (г. Москва).

E-mail: lgkihney@yandex.ru

КУЗОРО Кристина Александровна – канд. ист. наук, доцент кафедры библиотечноинформационной деятельности Томского государственного университета; доцент кафедры философии с курсами культурологии, биоэтики и отечественной истории Сибирского государственного медицинского университета (г. Томск).

E-mail: clio-2002@mail.ru

ЛЕОНТЬЕВА Татьяна Валерьевна — д-р филол. наук, профессор кафедры русского и иностранных языков Российского государственного профессионально-педагогического университета (г. Екатеринбург).

E-mail: leotany@mail.ru

МАКЕЕВА Елена Николаевна – канд. филол. наук, ст. преподаватель кафедры английского языка для гуманитарных дисциплин Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Москва).

E -mail: elenshurygina@gmail.com

МАТХАНОВА Ирина Петровна — д-р филол. наук, профессор кафедры современного русского языка Новосибирского государственного педагогического университета. E-mail: matkhanova@mail.ru

НАГОРНАЯ Александра Викторовна – д-р филол. наук, профессор департамента иностранных языков Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Москва).

E-mail: alnag@mail.ru

ОГЛЕЗНЕВА Елена Александровна – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка как иностранного Томского политехнического университета; директор института международных связей и интернационализации образования Томского государственного архитектурно-строительного университета.

E-mail: eoglezneva@yandex.ru

ОСОКИНА Светлана Анатольевна – д-р филол. наук, доцент кафедры германского языкознания и иностранных языков Алтайского государственного университета (г. Барнаул).

E-mail: s.a.osokina2@yandex.ru

ПОЖИДАЕВА Елена Валерьевна — канд. филол. наук, доцент кафедры социальногуманитарных дисциплин Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина (г. Москва).

E-mail: elenabelenko@mail.ru

СТРЕЛЬНИКОВА Анна Борисовна – канд. филол. наук, доцент кафедры истории русской литературы XX века Томского государственного университета.

E-mail: annas24@yandex.ru

СЫСОЕВА Анастасия Владимировна – канд. филол. наук, мл. науч. сотр. рукописного отдела Института русской литературы (Пушкинского Дома) Российской академии наук (г. Санкт-Петербург).

E-mail: sysoevaav@gmail.com

ТЕМИРШИНА Олеся Равильевна – д-р филол. наук, профессор кафедры истории журналистики и литературы Института международного права и экономики им. А.С. Грибоедова (г. Москва).

E-mail: olesja@temirshina.ru

ТОЛСТОВА Мария Анатольевна – аспирант кафедры русского языка Томского государственного университета.

E-mail: Tolstova_11@mail.ru

ОТ РЕДАКЦИИ

Научный журнал «Вестник Томского государственного университета. Филология» был выделен в самостоятельное периодическое издание из общенаучного журнала «Вестник Томского государственного университета» в 2007 г.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия (свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-29496 от 27 сентября 2007 г.), ему присвоен международный стандартный номер сериального издания (ISSN 1998-6645).

«Вестник ТГУ. Филология» выходит 6 раз в год и распространяется по подписке, его подписной индекс — 44041 в объединённом каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: http://journals.tsu.ru/philology

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию; рукописи не возвращаются. Публикации в журнале осуществляются на некоммерческой основе.

Ознакомиться с требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала: http://journals.tsu.ru/philology

Редакция не вступает с авторами в переписку по методике написания и оформлению научных статей и не занимается доведением статей до необходимого для публикации уровня.

Редакция может не разделять точку зрения авторов статей. Ответственность за содержание публикуемых материалов несёт автор. При любом использовании материалов ссылка на журнал обязательна.

Адрес редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет, филологический факультет.

Телефон 8(382-2)52-96-67

Ответственный секретарь редакции журнала – Д.А. Катунин.

E-mail: katunin@mail.tsu.ru

Научный журнал

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА. ФИЛОЛОГИЯ

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF PHILOLOGY

2018. № 55

Редактор Т.В. Зелева Редактор-переводчик В.В. Кашпур Оригинал-макет А.И. Лелоюр Дизайн обложки Л.Д. Кривцова

Подписано в печать 26.10.2018 г. Формат $70\times100^{-1}/_{16}$. Печ. л. 34,2; усл. печ. л. 44,5. Цена свободная. Тираж 50 экз. Заказ № 3534.

Дата выхода в свет 7.12.2018 г.

Адрес издателя и редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36 Томский государственный университет

Журнал отпечатан на оборудовании Издательского Дома Томского государственного университета, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 52-98-49 http://publish.tsu.ru; e-mail; rio.tsu@mail.ru